международная
научная
конференция

ПРЯМУХИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

2014

Международная конференция,
посвященная 200-летию
со дня рождения М. А. Бакунина

с. Прямухино 12-13 июля 2014 г.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ТРЕХ СТОЛЕТИЙ

Москва
ФУТУРИС

УДК 30
ББК 94
П 85

Редакторы
С. Г. Корнилов, А. М. Корнилова, П. В. Рябов, И. С. Сидоров, С. И. Сидоров, М. А. Цовма

Диктофонная запись заседаний:
Святослав Сидоров

Дизайн обложки:
Варвара Корнилова

Фотографии конференции:
Дж. Спьяцци, П. И. Талеров, А. М. Корнилова

Иллюстративный материал любезно предоставлен авторами докладов или взят из Интернет-источников.

Верстка:
Екатерина Филатова

П 85 **Человек из трех столетий (Прямухинские чтения — 2014, международная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения М. А. Бакунина) – М.: Типография «Футурис», 2015. – 420 с.**

«Прямухинские чтения» – это конференция, которая с 2001 года каждое лето проводится на родине М. А. Бакунина – в селе Прямухине Тверской области. В конференции принимают участие историки, философы, журналисты, писатели, а также участники современных общественных движений, исповедующих анархические и близкие к ним идеи. Участники Чтений представляют Москву, Петербург, Тверь, Барнаул, Волгоград, Иркутск и другие города России. В последние годы конференция приобрела международный характер.

В 2014 году Чтения были посвящены 200-летию со дня рождения М. А. Бакунина. Вместе с российскими исследователями в конференции приняли участие гости из Бельгии, Бразилии, Израиля, Италии, Польши, США, Франции, Швейцарии, Японии. Доклады сопровождались активным обсуждением и дискуссиями. Кроме того, были получены материалы из Болгарии, Германии, Канады, Сербии и Казахстана.

Сборник содержит стенограмму докладов и дискуссий, а в разделе «Приложения» – материалы, не прозвучавшие на самой конференции.

Сборники прошлых лет доступны в электронном виде на сайте: http://bakunin-fund.hut2.ru/reader.utf.html. Адрес для связи с организаторами Чтений: coord.readings@yandex.ru.

ISBN 978-5-99033-292-8

От редакции

В основу настоящего выпуска «Прямухинских чтений», как и в основу предыдущих выпусков, положена стенограмма заседаний, воспроизведённая по диктофонной записи. Доклады иностранных участников даются в переводе на русский язык.

Реплики участников дискуссии, которых не удалось идентифицировать при прослушивании диктофонных записей заседаний, обозначены в тексте: «С места».

Редакция сохранила разговорный стиль речи, подвергнув выступления участников дискуссий минимальной правке.

Ввиду труднодоступности ряда источников, на которые ссылаются докладчики, и острого дефицита времени, редакторы не имели возможности выверить все ссылки и цитаты. Таким образом, ответственность за точность ссылок и цитат лежит на авторах докладов.

Вопросы и ответы при обсуждении докладов иностранных участников переводил М. А. Цовма.

Диктофонную запись заседаний осуществлял С. И. Сидоров.

Расшифровку диктофонных записей заседаний провел С. Г. Корнилов.

Изобразительный ряд подобран А. М. Корниловой.

Материалы, подготовленные для «Прямухинских чтений», но не озвученные на конференции, включены в раздел «Приложения».

Переводы иноязычных текстов докладов и приложений осуществили: Николай Малинин, Ирина Федотова, Михаил Цовма, Анна Верниковская, Вячеслав Ященко.

Редакция просит будущих докладчиков и авторов присылаемых материалов иметь в виду следующее:

Максимальный объем сборника материалов конференции — 300 страниц. В первую очередь будет публиковаться расшифровка диктофонных записей выступлений докладчиков и дискуссий. Статьи, заменяющие устные выступления, будут публиковаться только в случае отсутствия (по техническим причинам) диктофонной записи выступления. Объем статьи в этом случае не должен превышать объема выступления, соответствующего объявляемому на заседании регламенту Чтений. Оставшееся место в сборнике материалов будет отведено под приложения. Оргкомитет Чтений оставляет за собой право отбирать из представленных материалов те, которые будут опубликованы.

Стенограмма конференции «Прямухинские чтения — 2014»

С. Прямухино, 12–13 июля 2014 г.

Программа заседания 12 июля

Корнилов С. Г.	(Москва)	Вступительное слово
Бакунина Т. А.	(Бельгия)	Кем для меня является Михаил Бакунин?
Рябов П. В.	(Москва)	Михаил Александрович Бакунин и философия XX века
Спьяцци Дж.	(Италия)	Михаил Бакунин и бунтарское образование
Бунчуга Ф.	(Италия)	Бакунин и искусство
Войцехович В. Э., Чендов Б.	(Россия, Болгария)	О философском учении М. А. Бакунина
Танака Х.	(Япония)	Японские анархисты и Бакунин: интерпретации и исторический контекст
Гудвин Дж.	(США)	Беседуя с Бакуниным: вклад Григория Максимова в бакуниноведение
Ланевский А.	(Польша)	Михаил Александрович Бакунин в памяти и сознании современных польских анархистов: попытка анализа
Левандовский А. А.	(Москва)	Первая книга о великом анархисте (А. А. Корнилов. «Семейство Бакуниных»)

Стенограмма заседания 12 июля

Корнилов С. Г. Друзья! Прошу рассаживаться. Мы начинаем. Рад приветствовать вас всех, рад тому, что вы вовремя приехали и пообедали. По-моему, пообедали, как всегда, хорошо… Или лучше? Да?
Все. Да-а-а!
Корнилов С. Г. Я передам ваш восторг Тамаре. Итак, представлюсь. Корнилов Сергей Гаврилович, председатель оргкомитета Прямухинских чтений. Наши Чтения проводятся ежегодно, и это — уже четырнадцатая по счету конференция. Прямухинские чтения — уже вполне раскрученный бренд, уже давно никто не сомневается, что мы в очередной раз состоимся, что будут интересные доклады и обсуждения, а потом непременно будут изданы материалы конференции. Это так. Хотя оргкомитет далеко не все устраивает в нашей работе, и мы всерьез ищем новые подходы, стараемся расширить сферу нашей деятельности. Об этом, может быть, поговорим потом.

Нынешняя конференция особая: она посвящена Михаилу Александровичу Бакунину, которому исполнилось в этом году 200 лет. Ей предшествовало проведение 30 мая, в день рождения Михаила Бакунина, в Москве в музее А. И. Герцена его чествования. По нашему мнению, оно прошло удачно. Очень надеюсь, что и нынешняя юбилейная конференция будет удачной, интересной, живой и творческой.

Нам очень дорого имя Бакунина, и, хотя не все из присутствующих здесь являются анархистами, не все принадлежат к анархистскому движению, но все осознают значение и масштаб его личности, воздают должное его учению об анархии, значимость которого не теряет актуальности со временем. Мы преклоняемся перед его жизнью, полной борьбы, движения, взлетов и поражений, жизнью, отданной людям во имя их действительного освобождения. Мы посвящаем конференцию Михаилу Александровичу Бакунину в год его юбилея. Желаю вам всем успехов.

Теперь позвольте представить участников. Прежде всего, представляю Татьяну Александровну Бакунину, приехавшую на конференцию из Брюсселя. (*Аплодисменты*). Она принадлежит к роду Бакуниных и является внучкой последнего владельца Прямухинской усадьбы Михаила Алексеевича Бакунина. Она выступит перед вами с коротким сообщением личного свойства. Рябов Петр Владимирович, кандидат философских наук, Московский педагогический государ-

ственный университет. Рядом — Дамье Вадим Валерьевич, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Рублев Дмитрий Иванович, кандидат исторических наук, человек, который вырос буквально на наших глазах из аспиранта в одного из авторитетных бакуниноведов. Жан-Кристоф Анго, Франция. (*Аплодисменты*). Далее — Хикару Танака, Япония. (*Аплодисменты*). Джеймс Гудвин, США (*Аплодисменты*). Михаил Гончарок, Израиль. (*Аплодисменты*). Жоао Габриэль и Анна Лара Шлиндвайн, Бразилия. (*Аплодисменты)*.

Дальше — Андрей Анатольевич Левандовский, Московский университет. Он присоединился к нашему кругу в последние годы. Мы очень рады этому приобретению и, надеемся, что эта радость взаимна. (*Аплодисменты*). Джулио Спьяцци, Италия. Интереснейший человек, педагог, воспитывающий трудных детей из разных стран. И в его системе обучения есть «бакунинский след». Об этом он сам расскажет. (*Аплодисменты*). Франко Бунчуга, Италия (*Аплодисменты*). Иван Евдокимович Задорожнюк, доктор философских наук, Москва. Он в прошлом году порадовал нас докладом о вышедшем в Польше двухтомнике Антония Каминьского о жизни и творчестве Михаила Бакунина. (*Аплодисменты*). Доктор философских наук Должиков Вячеслав Александрович, Барнаул. Он выступал на Чтениях 10 лет назад. Мы рады видеть вас вновь на нашей конференции. (*Аплодисменты*). Александр Ланевский, Польша. Наш частый гость и активный участник Чтений. (*Аплодисменты*). Войцехович Вячеслав Эмерикович, доктор философии, Тверь. (*Аплодисменты*). Вячеслав Эмерикович активно участвовал в проведении симпозиума, посвященного 200-летию Бакунина под эгидой Тверского университета. В нем участвовал и доктор философии из Болгарии Борис Чендов и его супруга. Дальше идем. Алла Михайловна Корнилова, член оргкомитета Чтений и моя супруга. Она и моя дочь Варвара отдают много сил организационной, редакторской и дизайнерской работе по выпуску сборников материалов Чтений. В юбилейном году их стараниями сделан значок с портретом Михаила Бакунина и сувенир — чай «Прямухинская гармония». (*Аплодисменты*). Идем дальше. Сафронов Олег Семенович, Воронеж. (*Аплодисменты*). Не помню, вы когда-нибудь были у нас?

Сафронов О. С. Нет. Впервые.

Корнилов С. Г. Мы рады вас приветствовать. Сегодня мы вас пропьем… То есть пропишем… (*Смех*). Милорад Джокович, Сербия. Но я его не вижу и не знаю, где он. Должен быть с нами. Связи с ним

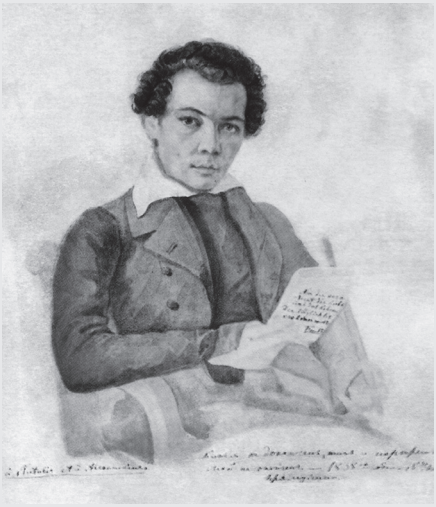
Рисунок известного бразильского карикатуриста Карлоса Латуффа, посвященный 200-летию со дня рождения Михаила Бакунина

пока нет[α]. Дальше идем. Павел Иванович Талеров, Санкт-Петербург, кандидат исторических наук. (*Аплодисменты*). Суворов Валерий Павлович, Тверь, кандидат исторический наук. Талеров и Суворов — это наши постоянные участники. (*Аплодисменты*). Еще один постоянный участник наших Чтений — Ян Львович Прусский из подмосковного Дмитрова. (*Аплодисменты*). Влад Тупикин — ветеран анархистского движения, наш частый гость. (*Аплодисменты*). Утэ Вайнманн — тоже постоянная участница Чтений. (*Аплодисменты*). Игорь Александрович Мангазеев, журналист, Тверь. Один из ветеранов анархистского движения. (*Аплодисменты*). Марина Попова — анархистка, Москва, девушка железных принципов, настоящий борец. (*Аплодисменты*). Сидоров Андрей, Иркутск, кандидат исторических наук, наш человек — выступающий. (*Аплодисменты*). Алексей Бородкин, Москва. (*Аплодисменты*). Он в настоящее время — директор московской библиотеки им. Достоевского. Денис, Москва, историк, вегетарианец, артист. (*Аплодисменты*). Кого я забыл?

Рябов П. В. Коля Малинин.

Корнилов С. Г. Николай Малинин. Прости, дорогой. Человек разносторонних дарований и интересов. Помогал переводить тексты иностранных докладов. Николай в рамках чествования Михаила Александровича Бакунина в мае провел не одну экскурсию «По бакунинским местам Москвы». Насколько я знаю, завтра утром он проведет экскурсию по Прямухинской усадьбе. Он — активный член Прямухинской вольной артели. Спасибо тебе, Коля. Ты чрезвычайно красиво и плодотворно вписался в Прямухино. (*Аплодисменты*). Но еще не прописался… Так, Ирина Федотова — постоянная участ-

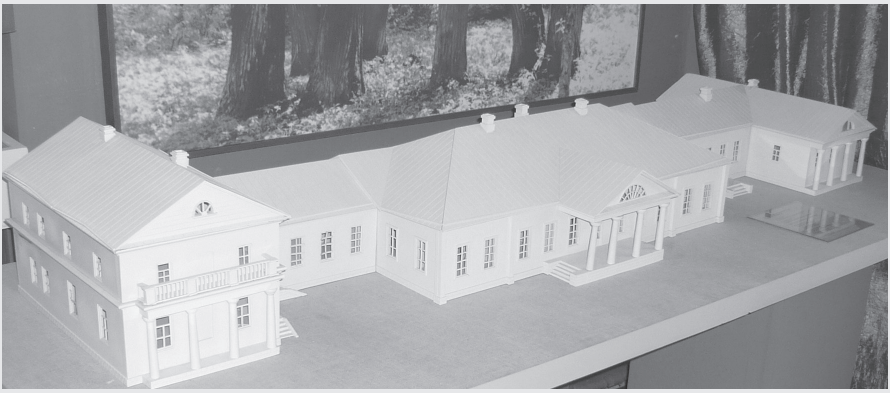
[α] М. Джокович не смог приехать. — *Ред.*

Михаил Бакунин.
С акварельного автопортрета.
1830-е гг.

Троицкая церковь в селе Прямухино Кувшиновского района Тверской области, где находилось родовое поместье Бакуниных

Макет дома Бакуниных в Прямухине. Находится в музее, расположенном в Прямухинской средней школе

ница Чтений и артели. (*Аплодисменты*). Ряд наших старых и новых друзей принимали активное участие в подготовке Чтений и здесь помогают в их проведении. Святослав Сидоров и его отец Игорь Саввич — оба члены оргкомитета Чтений и совершенно незаменимые люди. (*Аплодисменты*). Цовма Михаил Александрович, анархист, журналист, член оргкомитета, живущий постоянно в Париже и очень много сделавший для того, чтобы эти Чтения были представительными, как это и подобает в юбилейном году. (*Аплодисменты*). Все или не все?

Цовма М. А. Кирилл Букетов. Представляет международное рабочее движение. (*Аплодисменты*).

Корнилов С. Г. Спасибо. Передаю слово Михаилу Цовме. Пожалуйста.

Цовма М. А. Всегда доклады на наших Чтениях были на русском. В этом году конференция — международная, часть докладов представлена на иностранных языках, и есть среди участников такие, кто русского не знают. На экране будет транслироваться перевод некоторых текстов, которые мы смогли сделать — с русского на английский и с английского на русский. Можно, пока не начались доклады, пересесть поближе к экрану.

Корнилов С. Г. Спасибо. У меня есть важное объявление. Обычно в хорошую погоду участники Чтений в свободное от конференции время гуляют по парку и купаются в Осуге. В этом году купаться в Осуге, к превеликому сожалению, нельзя: река отравлена сбросом ядовитых отходов Кувшиновской бумажно-картонной фабрикой. Погибла рыба, бобры и водоплавающая птица. Пусть вас не обманет наличие в реке мальков.

Михаил Цовма,
член оргкомитета и ведущий международной конференции

По-видимому, они выживают вблизи родников, которых, слава богу, много. И все-таки не советую испытывать яды на себе. Фабрика продолжает работать, и это означает, что река отравляется и теперь. Заведено дело, идет следствие. Но следствие может длиться, в соответствии с законодательством, неограниченное время. И потому есть «надежда», что виновный не будет найден и не будет, как всегда, наказан.

Напоминаю, решением оргкомитета каждому выступающему предоставляется 25 минут на доклад и его обсуждение. Убедительно прошу придерживаться этого формата строго. А ведущего прошу, со своей стороны, тоже вовремя напоминать о регламенте. Передаю бразды ведения конференции Михаилу Цовме. Пожалуйста.

Цовма М. А. Мы начинаем с тех докладов, которые у нас есть и на русском, и в переводе. Поэтому произошли некоторые изменения в программе. Передаю слово Татьяне Александровне Бакуниной.

Бакунина Т. А.

Кем для меня является Михаил Бакунин?

Бакунина Т. А. Для меня большая честь — начать международную конференцию, посвященную 200-летию Михаила Александровича Бакунина. Эта личность — одна из самых привлекательных и спорных в истории анархизма. Для меня очень трогательно — вновь оказаться здесь, в Прямухине, где был семейный дом и где жил мой отец до 1917 года. Это был не просто дом — это был член семьи. И мой отец с глубокой ностальгией вспоминал о тех годах… Я хочу поблагодарить организаторов за приглашение участвовать в работе этой конференции.

Я не расскажу вам ничего нового о Михаиле Бакунине. То, что я могу вам предложить, это частный взгляд на историю его жизни — история с маленькой буквы.

Я происхожу из рода Бакуниных. Я горжусь этим, но иногда ощущаю это как слишком тяжелый исторический груз.

Мой дедушка был последним владельцем усадьбы Прямухино до своей эмиграции из России. Я живу в Бельгии, где он в свое время поселился, и чувствую себя носительницей ценностей, которые мои родители мне передали, и которые, я надеюсь, близки и анархистам: стремление к справедливости, естественное право всех людей на равенство и уважение, стремление к общему благу и способность к возмущению… В общем, те прогрессивные и гуманистические ценности, которые были характерны для Михаила Бакунина, его братьев и сестер.

История постоянно сопровождает настоящее. Это — то наследие, которое мы несем в себе и от которого не можем отказаться.

В 1907 году мой дедушка, Михаил Алексеевич, унаследовал имение Прямухино. Он жил там до 1917 года, когда семья окончательно покинула дом своих предков.

Эмиграция, была ли она добровольной или вынужденной — это отрыв от корней и трагедия. Чтобы вынести такое испытание, надо было стараться, по возможности, сохранять русскую культуру, отстаивать и развивать свою русскую идентичность. Эмигранты разрывались между интеграцией и верностью родине, и они были склонны к установлению иерархических отношений между собой. Моя бабушка Софья Бакунина не избежала подобного социального давления — она в гораздо большей мере отстаивала свое аристократическое происхождение, чем ее родственник-анархист. Однако было невозможно скрыть родственные узы с таким известным персонажем, как Михаил Бакунин. Когда мои родители поженились, подруги моей матери сказали ей: *«Ты входишь в Историю»*.

Хотя анархист Михаил Бакунин был не очень популярен в моей семье, его брат Павел, наоборот, имел большой авторитет. Его фотография украшала стену нашей квартиры, мне говорили: *«Знаешь, известным был не только анархист Михаил — был еще его брат, Павел, философ и ботаник»*. Часто рассказывали об усадьбе Горная Щель в Крыму. Мой отец часто упоминал это имение: сад, спроектированный Павлом, и шум боев между Красной и Белой армиями в то время, когда семья укрывалась там в первые годы после революции.

Татьяна Бакунина

И все-таки я думаю, что анархизм — не доктрина, а утопия. Это, скорее, цель и идеал, к которым нужно стремиться.

Про Павла говорили так, как если бы видели его совсем недавно. Я должна сказать, что мой дедушка был его любимым племянником.

Мой отец, Александр Михайлович Бакунин, внучатый племянник анархиста, имел репутацию противника националистических и консервативных идей, очень распространенных в русской эмигрантской среде. Я помню, что он часто шутил на эти темы. Однажды во время ужина, на котором присутствовали представители духовенства и местного церковного прихода, он выступил против того, что говорилось за столом. Священник спросил: *«Кто этот человек?»* Когда ему ответили: *«Это Бакунин»*, он воскликнул *«Тогда я понимаю!»* Само это имя было ярлыком, и священник не мог сказать иначе.

Когда моя бабушка слушала Вагнера по радио, она всегда восклицала: *«А, это тот, кто предал Михаила! Это он позволил его арестовать»*. Еще она говорила: *«Чтобы расплатиться с долгами Михаила, пришлось продать часть приданного его сестер»*. Мне также рассказывали, что мой дедушка Михаил Алексеевич унаследовал усадьбу в 1907 году, и вместе с ней к нему перешло обязательство его деда, Александра Александровича, расплатиться по всем долгам, которые анархист Михаил наделал в России и в других странах. Мой дедушка расплатился до конца лишь в 1910 году, за два года до рождения моего отца и за семь лет до великой революции. В то время поместье Прямухино было в сложном положении: усадьба плохо управлялась вдовой Алексея, имела большие долги, а иностранный управляющий оказался *«рубляром»*, как говорят французы, то есть ловкачом, обманщиком. Здания были в очень плохом состоянии — крышу дома нужно было менять, мельница и мануфактура нуждались в ремонте. Дорожное покрытие моста через Осугу было в дырах… Но денег не хватало. Ситуация была настолько критической, что обсуждалась даже продажа имения.

Я думаю, что Михаил Бакунин считался одним из виновников революции, которая вынудила нашу семью уехать. Анархист, выросший в семье аристократов, пренебрегал установленными правилами поведения, традициями и иерархической структурой общества. Поэтому рассказы о нем членов нашей семьи были полны субъективных оценок.

Я постаралась лучше понять, кто был этот известный человек. Сначала я была слишком молода для этого, но со временем, прочитав работы Михаила Бакунина, я сформировала свое очень личное представление о его идеях, которое со временем уточнялось. Его главную

В Локарно (Швейцария) в год 200-летия со дня рождения М.А. Бакунина был открыт памятный знак.

Михаил Бакунин. 1863 г.

Сохранившийся Южный флигель усадьбы Бакуниных

идею я запомнила так: свобода возможна только вне всякой религии и при условии полного равенства.

Борясь с общественным злом, анархист является своеобразной страховкой от абсолютной власти, противовесом, без него власть никогда бы не сомневалась в своих действиях. И все-таки я думаю, что анархизм — не доктрина, а утопия. Это, скорее, цель и идеал, к которым нужно стремиться. И это затрагивает буквально все слои общества. Это образ жизни и философия, которую каждый может практиковать по-своему. Анархизм — это внутреннее убеждение, которое не сводится только к спонтанному бунту. Анархизм эволюционирует и с течением времени меняет свои методы и тактику. При этом он остается верным своим главным принципам.

Современный мир становится все более сложным, а расстояния в нем неуклонно сокращаются. Как и все поколения людей, предшествовавшие нам, мы хотим оставить нашим детям лучший, более приспособленный для жизни и более солидарный мир. Гражданское общество — это самые разные действующие лица (неправительственные организации, группы давления, гражданские инициативы), которые отстаивают гражданские права и продвигают свои ценности. Деятельность таких групп определяет соотношение сил в обществе.

Для того чтобы люди почувствовали себя субъектами, им нужно предложить то, что поможет им интегрироваться в общество, поможет выйти из изоляции. Это можно сделать, к примеру, с помощью различных видов обучения — художественного, языкового, творческого. Главное, чтобы люди стали *активными гражданами, обладающими критическим духом,* чтобы они имели возможность преодолеть отчуждение, свойственное потребительскому обществу, и стремились к социальному и культурному прогрессу, а не к меркантильной выгоде. (*Аплодисменты*).

Цовма М. А. Я предоставляю слово Петру Рябову.

Рябов П. В.
Михаил Александрович Бакунин и философия XX века

Рябов П. В. Уважаемые друзья! Тема моего доклада сформулирована очень широко. Её полное раскрытие потребовало бы обширной книги, в которой подробно и систематически была бы реконструирована философия Михаила Бакунина и её многообразное, явное или неявное,

Петр Рябов

Горькая правда заключается в том, что современные анархисты, как правило, очень слабо знают современную философию, а современные философы имеют ещё более слабое и, обычно, искажённое и предвзятое представление об анархической мысли.

влияние на философию XX века или переклички с ней. (Возможно, мне когда-нибудь удастся написать такую книгу).

Разумеется, короткое время, отведённое для доклада, позволяет мне лишь контурно наметить несколько штрихов для подобного исследования и привести несколько ярких примеров, не претендуя ни на полноту охвата, ни, тем более, на подробность анализа. Но, если я хотя бы обозначу направление исследования, сегодняшняя моя цель будет достигнута.

Сначала несколько слов в обоснование самой темы. Горькая правда заключается в том, что современные анархисты, как правило, очень слабо знают современную философию, а современные философы имеют ещё более слабое и, обычно, искажённое и предвзятое представление об анархической мысли. Поэтому, парадоксальным и удивительным образом, многие идеи, высказанные некогда мыслителями-анархистами, сегодня живут и развиваются, не будучи узнанными. Современные мыслители вновь и вновь «изобретают велосипед», не зная, что это уже было сделано лет 150 назад.

Было бы справедливо и плодотворно — не только из исторической добросовестности — начать устранять это недоразумение, наводя мосты между анархической классикой и современной философией. Это, с одной стороны, познакомит академическую философию с анархической традицией (которая десятками нитей безымянно и неявно укоренена в этой философии) и поможет современной философии стать чуть более радикальной, либертарной и осознающей свои истоки и контексты, а, с другой стороны, поможет современным анар-

хистам выйти из узкого сектантского мелкотемья и субкультурного гетто, вспомнить о собственной культурной традиции, и свяжет их с магистральными проблемами духа современного человечества, поможет шире, свободнее и объёмнее смотреть на вещи, обогатит анархическую культуру, теорию и практику.

Традиционно — и среди анархистов, и среди исследователей его жизни и творчества — Михаил Бакунин воспринимается, прежде всего, (а то и исключительно) как великий революционер-практик. В то же время его философское наследие остаётся в тени. Причин тому немало (и помимо очевидно злонамеренной клеветы, возводимой на выдающегося анархиста власть имущими и связанными с ними сервильными официальными учёными). Среди них: 1) принципиально несистематический, незавершённый характер философского творчества Бакунина, изложение им мыслей во фрагментарной и остро полемической форме (что делает их реконструкцию и осмысление нелёгкой, но благодарной задачей), отсутствие даже более или менее полного корпуса сочинений Бакунина; 2) то, что сам мыслитель (некогда бывший первым знатоком гегельянства в России, переживший увлечение философией романтизма, Фихте, марксизма, Фейербаха, позитивизма и Шопенгауэра) считал жизнь и борьбу чем-то несравненно более важным, чем все теоретические рассуждения.

В своём выступлении я укажу на некоторые интересные параллели и переклички между бакунинской мыслью и философией XX века. Мысль Бакунина напоминает огненную лаву, бегущую свободно и рассыпающую искры, или россыпь жемчужин-мыслей, небрежно и поспешно брошенных щедрой рукой. Давайте подберём некоторые из них и присмотримся к ним через призму философии XX века.

Итак…

Пример первый:
«негативная диалектика» Бакунина и Франкфуртской школы

Как известно, Бакунин был — наряду с Бруно Бауэром, Максом Штирнером, Людвигом Фейербахом и Карлом Марксом — одной из ключевых фигур в движении младогегельянцев. И ему принадлежит честь разработки методологии того, что спустя сто лет под названием «негативная диалектика» ляжет в основу философии Франкфуртской школы (давшей плодотворные результаты и оказав-

шей решающее влияние на всю леворадикальную теорию второй половины XX века). За сто лет до Т. Адорно, М. Хоркхаймера и других, Бакунин акцентирует гегелевское понятие «отрицание», кладёт принцип негации, творческого созидающего разрушения, оценки сущего с позиций должного, внесения утопии в «реальность», в основу всей своей анархической философии. Он выдвигает личность и «личное дело» как активное творческое начало в социальной реальности, способное судить и преобразовывать действительность. Заявив эти принципы в своей программной статье «Реакция в Германии», Бакунин остаётся верен им всю жизнь. Достаточно вспомнить его высказывания: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!» и «… слепота составляет основную характерную черту всего положительного, проницательность же свойственна только отрицательному»[1].

Не имея большой склонности к систематической методологической рефлексии, Михаил Бакунин, тем не менее, на практике сделал негативную диалектику аксиологическим и методологическим основанием всех своих построений:

1) Действительность не разумна и не завершена — и оттого должна быть преобразована.

2) Созидание в социальной жизни всегда происходит через отрицание и преодоление данности.

3) Необходим суд над сущим с позиции должного.

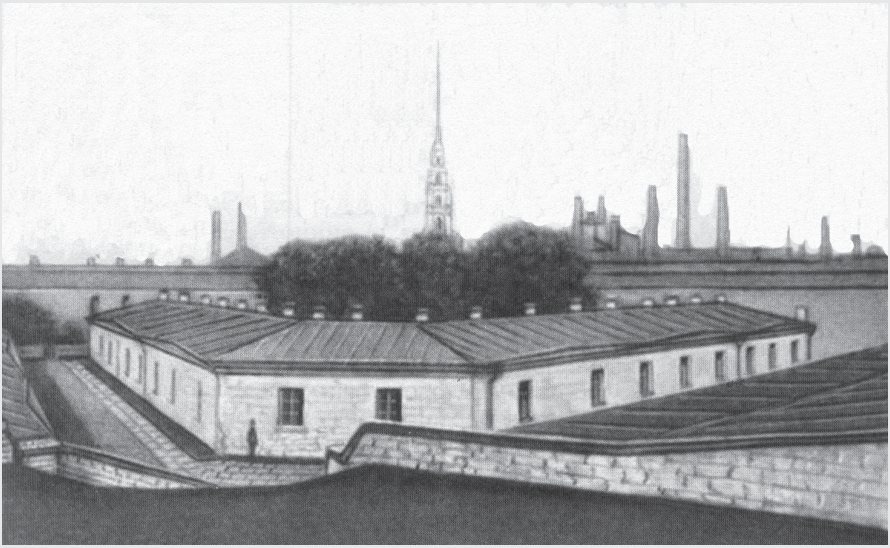
4) Человек не просто продукт среды, природы и общества, но активный деятель и творец своей судьбы и общественных трансформаций.

5) Анархизм есть не столько завершённое учение о светлом будущем, сколько привнесение идеала в жизнь, расчистка завалов и преодоление всех форм отчуждения.

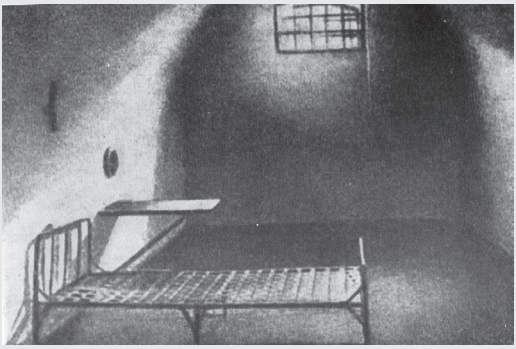
Для всякого, знакомого с трудами Бакунина, очевидно, что именно эти принципы негативной диалектики были исходной «ариадниной нитью» в его мыслях и действиях. Так он перетолковал гегелевскую философию — в духе вечного творчества, адогматизма, разрушения-созидания, незавершённости и необъективированности, противостоящих любому отчуждению, объективации, инерции, самодовольству, оправданию существующего. Этот дух негативной диалектики стал душой бакунинского — и не только — анархизма! Жизнь есть спонтан-

---

[1] *Бакунин М. А.* Реакция в Германии // *Бакунин М. А.* Избранные труды. – М., 2010. – С. 73, 55.

Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Фото середины XIX в.

Одиночная камера Бакунина в Шлиссельбургской крепости

Вид на крепость в Кенигштайне

ный поток, личность никогда не объективируема, свободна и спонтанна, анархизм есть радикальное преодоление всего отчуждённого и застывшего в культуре, обществе и человеке, личность вырастает из природы и общества и, перерастая их, судит, подвергает их творческой либертарной негации — вот негативная диалектика Бакунина в двух словах.

И примерно о том же — спустя век и не ссылаясь на Бакунина — писали корифеи Франкфуртской школы: Герберт Маркузе («К проблеме диалектики», «Разум и революция. Гегель и становление социальной теории»), Теодор Адорно (фундаментальный труд «Негативная диалектика»), Макс Хоркхаймер («Традиционная и критическая теория общества»), Вальтер Беньямин и другие. Они говорили о неразумности и бесчеловечности существующей действительности и взрыве её детерминаций бунтующей и мечтающей личностью, о «ложном сознании», обожествляющем «фактичность» данного, как, будто бы, безальтернативного и неизбежного, о привнесении утопии в реальность, о примате возможного над существующим и примате негации над апологией данного, о необходимости революционного разрыва преемственности в общественной жизни и об акцентировании гегелевской категории отрицания. Они подчёркивали необходимость для социальной мысли — стать аксиологичной, утопической, критической и саморефлексивной. То же, что и у Бакунина, стремление обосновать человеческую свободу, творчество, спонтанность, индетерминизм, право отталкиваться от отвратительного состояния общества и культуры, желание обосновать непредопределённость истории и дать инструментарий либертарной революции — привело великих философов-франкфуртцев к весьма сходным выводам и к сходной интерпретации гегельянства. Только, если Бакунин называл в «Реакции в Германии» «позитивистами» (сторонниками данности, инерции, необходимости) Шеллинга и других подобных мыслителей, то франкфуртские мыслители боролись уже с собственно позитивистской традицией философии и с авторитарным марксизмом.

Приведу для иллюстрации всего лишь несколько фраз из «Замечания о диалектике» Герберта Маркузе: «Сила негативного мышления — движущая сила диалектической мысли, используемая как инструмент анализа мира фактов в терминах его внутренней неадекватности. <…> Диалектическая мысль начинает с переживания несвободы мира. <…> Мысль «соответствует» действительности только в том случае, если она преобразует действительность, познавая её противоречивую структуру. <…> Свобода составляет внутреннюю динамику существования. <…> Таким образом, свобода по своей сущности негативна — существова-

ние есть одновременно и отчуждение, и процесс, посредством которого субъект приходит к самому себе через постижение и преодоление отчуждения. <…> Интерпретация того-что-есть в терминах того-чего-нет, конфронтация данных фактов с тем, что они исключают, — именно это было предметом усилий философии там, где философия была чем-то бóльшим, чем идеологическим оправданием или умственным упражнением. Освобождающая функция отрицания в философском мышлении зависит от признания, что отрицание есть положительный акт»[2].

Те мысли, которые не были подробно разработаны Бакуниным (за исключением ранней статьи «Реакция в Германии», когда он уже встал на путь революции, но ещё питал влечение к философско-методологическим абстракциям), но стали плотью и кровью его анархических сочинений, были — независимо от Бакунина, но с оглядкой на левогегельянский радикализм — подробно продуманы, развиты, отрефлексированы в многочисленных сочинениях франкфуртских философов (движимых сходными импульсами и опирающихся на ту же традицию мысли)[3]. Давно пора подробно исследовать и осмыслить эти параллели и переклички между леворадикальными мыслителями XIX и XX веков.

Замечу, что ещё одной важной чертой негативной диалектики как Бакунина, так и франкфуртцев, является принципиальный отказ от построения тотальных, всеохватных и завершённых систем, акцент на критике, полемике и борьбе, а не на проектировании «Городов Солнца», — вытекающий из принципиальной незавершённости и несовершенства жизни, из понимания либертарной философии как набора освобождающе-критических апофатических практик, трансцендирующих данное и разрывающих связь с его логикой, вносящих в жизнь иное, принципиально трансцендентное и утопическое измерение.

Ещё раз обратимся к статье Бакунина «Реакция в Германии»: «Противоположение и его имманентное развитие составляют один

---

2 *Маркузе Г.* Замечание о диалектике // *Маркузе Г.* Критическая теория общества. Избранные работы по философии и социальной критике. – М., 2011. – С. 141–144.

3 Подробнее о негативной диалектике в философии Франкфуртской школы см.: *Адорно Т.В.* Негативная диалектика. – М., 2003; *Маркузе Г.* Критическая теория общества…; *Маркузе Г.* Разум и Революция (Гегель и становление социальной теории). – СПб., 2000; *Дамье В.* Философия Франкфуртской школы // Наперекор. 1998. – №8. – С. 32–39; *Соловьёва Г.Г.* Негативная диалектика: новый тип философствования // Историко-философский ежегодник 91. – М., 1991. – С. 108–126; Немецкая социология. – СПб., 2003. – С. 367–433; *Давыдов Ю.Н.* Неомарксизм Франкфуртской школы // История теоретической социологии. – М., 1998. – Т. 2. – С. 512–529.

из главных узловых пунктов всей Гегелевой системы, а так как эта категория является главною категориею, выражающей самую суть нашего времени, то и Гегель, безусловно, является величайшим философом современности. <…> Противоположение составляет внутреннюю суть не только всех определённых частных теорий, но и теории вообще, а потому момент постижения теории есть вместе с тем и момент её завершения; завершение же есть её саморазрешение в самобытный и новый практический мир, в действительное царство свободы. <…> Следовательно, положительное и отрицательное не равноправны; <…> противоположение есть не равновесие, а *перевес* отрицательного, которое составляет преобладающий момент противоположения»[4]. Это высказывание (напоминающее 11-й тезис о Фейербахе Маркса) ещё раз ярко подтверждает, что Бакунин (наряду с Бруно Бауэром, Карлом Марксом и Максом Штирнером) может по праву считаться одним из родоначальников негативной диалектики и предтеч философии Франкфуртской школы.

Пример второй: Бакунинский «бунт жизни против правления науки» и «эпистемологический анархизм» Пола Фейерабенда

Одна из наиболее важных тем философии Бакунина — тема иррациональности жизни, её бездонности и безбрежности, спонтанности и непостижимости, непроницаемости для научной мысли. Наука, по Бакунину, способна быть лишь «компасом жизни», но не властвовать над нею, ибо неспособна постичь живое и конкретное.

Исходя из примата жизни над мыслью и наукой и примата личности над всеобщим, Бакунин провозглашал «бунт жизни против правления науки», критиковал сциентистский характер современной цивилизации, в духе романтизма и «философии жизни» гносеологически и аксиологически отдавал предпочтение искусству перед наукой. Из этого следовали и определённые социальные выводы: отрицание анархистом марксова «научного социализма» (навязывающего трудящимся скроенные «по науке» идеалы и загоняющего жизнь в прокрустово ложе хитрой социальной инженерии, управляемой «познавшими окончательную истину» «научными социалистами»), отрицание им контовской утопии — власти нового жречества, учёных-экспертов над миром, а также критика бюрократического характера институциональной организации современной официальной науки. Признавая положительную роль науки в полемике

---

4 *Бакунин М. А.* Реакция в Германии… – С. 63.

LIGUE INTERNATIONALE DE LA PAIX ET DE LA LIBERTÉ.

CARTE DE MEMBRE.

Le porteur de la présente a adhéré à la Ligue, sur la base du programme du deuxième Congrès de la Paix et de la Liberté.

Signature du membre du Comité central qui a délivré la carte:

Signature du porteur de la carte:

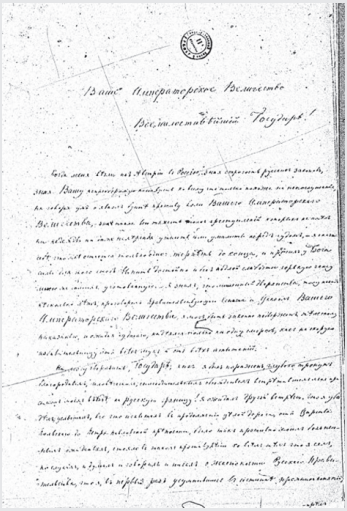
M. Bakounine

M. Bakounine

coll IISG

Членская карточка Михаила Бакунина в «Лиге мира и свободы»

Первая страница рукописи «Исповеди» М.А. Бакунина. 1851 г.

Революция в Дрездене. Май 1849 г.

с религией и метафизикой, и выступая за просвещение народа, великий революционер одновременно боролся за осознание наукой своих принципиальных границ в культуре и обществе, за уничтожение кастового характера науки и соединение революционной учащейся молодёжи с народом — чтобы не столько руководить им и поучать его, сколько учиться у него, помогать ему и делиться с ним своими знаниями (полученными за счёт его эксплуатации)[5].

---

5 Об этом см. подробнее: *Рябов П. В.* Жизнь и наука в философии М. А. Бакунина // Альманах «Гуманитарные исследования». – Вып. 2. – Уссурийск, 1998. – С. 100–104; *Рублёв Д. И.* Диктатура интеллектуалов? (Проблема «Интеллигенция и революция» в российской анархистской публицистике конца XIX–начала XX веков). – М., 2010. – С. 86–93.

Ограничусь — для иллюстрации — лишь четырьмя, но весьма яркими, цитатами Бакунина на эту тему: «Мы утверждаем, что жизнь естественная и общественная всегда предшествует мысли, которая есть только одна из функций её, но никогда не бывает её результатом, что она развивается из своей собственной неиссякаемой глубины рядом различных фактов, а не рядом абстрактных рефлексий»[6]. «Наука, которая имеет дело лишь с тем, что выразимо и неизменно, то есть с более или менее развитыми и определёнными общими положениями, становится в тупик и спускает флаг перед жизнью, которая только и находится в связи с живой и чувствующей, но неуловимой и невыразимой стороной вещей. Такова действительная и, можно сказать, единственная граница науки, граница истинно непреодолимая»[7]. «Горе было бы человечеству, если бы когда-нибудь мысль сделалась источником и единственным руководителем жизни, если бы наука и учёные встали во главе общественного управления. Жизнь иссякла бы, а человеческое общество превратилось бы в бессловесное и рабское стадо. Управление жизни наукою не могло иметь другого результата, кроме оглупления всего человечества»[8]. И вывод: «То, что я проповедую, есть, следовательно, до известной степени бунт жизни против науки или, скорее, против правления науки. Не разрушение науки — это было бы преступлением против человечества, — но возведение науки на её настоящее место, чтобы она уже никогда не могла покинуть его»[9].

Нетрудно заметить как то, что мысли Бакунина звучат ещё более актуально в нашу эпоху гипертрофированного и агрессивного сциентизма, технократизма и меритократических утопий об управлении обществом элитой экспертов, так и то, что они не только органично вписываются в контекст романтической философии, «философии жизни» и экзистенциализма, но особенно поразительно предваряют «эпистемологический анархизм» Пола Фейерабенда (развитый в его книге «Против методологического принуждения. Опыт анархистской теории познания»)[10].

---

6 *Бакунин М. А.* Философия, социология, политика. – М., 1989. – С. 436–437.

7 Михаил Александрович Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. – М., 1987. – С. 440.

8 *Бакунин М. А.* Философия, социология, политика… – С. 437.

9 Михаил Александрович Бакунин. Избранные философские сочинения и письма… – С. 488.

10 *Фейерабенд П.* Против методологического принуждения. Опыт анархистской теории познания. – Благовещенск. 1998.

Напомню основные идеи Фейерабенда. Во-первых, он протестует против привилегированного положения науки в культуре и её превращения в орудие властных манипуляций, промывки мозгов, унификации и подавления личности (подчёркивая, что она — такая же часть культуры — не лучше и не хуже — чем религия, магия, искусство, мифология и т. д.). Во-вторых, он заявляет, что наука институционально превратилась в новую Церковь, а учёные (как о том мечтал Конт) — в новое самодовольное жречество. В-третьих, протестует против бюрократизации, идеологизации и монополизации науки — выступая за максимальное многообразие и преумножение (пролиферацию) научных подходов и концепций. Фейерабенд — сторонник научного плюрализма, вольномыслия («Делай что хочешь!» — его единственный принцип, позаимствованный прямо из анархической утопии Телемской обители Франсуа Рабле) и преодоления бесчеловечного сциентизма. Он — поборник отделения науки от государства, подобно тому, как в XVIII веке просветители добивались — и добились! — отделения Церкви от государства. Эти идеи Пола Фейерабенда — сознательно или бессознательно — повторяют бакунинские и актуализируют их, что следует подчеркнуть. Антисциентистский, антидогматический потенциал бакунинской философии сегодня должен быть востребован, как никогда раньше (равно как и аналогичные идеи его друга Герцена из цикла его замечательных статей «Дилетантизм в науке»).

Пример третий:
Михаил Бакунин и Анри Бергсон: «творческая эволюция», интуитивизм, волюнтаризм, спонтанность и свобода

Третья удивительная перекличка между мыслью Бакунина (представляющей собой один из ранних вариантов «философии жизни») и философией XX века — поразительное пересечение и соответствие между философией Михаила Александровича и философией такого великого и революционного французского мыслителя XX века, как Анри Бергсон. Это невероятное совпадение и созвучие было вполне замечено и осознано как французскими либертарными мыслителями (Жорж Сорель — теоретик революционного синдикализма — и его сторонники называли себя «бергсонианской левой» и радикализировали бергсоновскую философию[11]), так и русскими философами-анархистами начала XX века, например, Алексеем Боровым и Иудой Гроссманом-

[11] См.: *Блауберг И. И.* Анри Бергсон. – М., 2003. – С. 501–503.

Рощиным (опубликовавшим специальную статью «Бакунин и Бергсон» в «Заветах» в 1914 году)[12]. Мысль Бакунина, как и Бергсона, росла из романтической культуры и противостояла бескрылому и прагматичному позитивизму. Хотя сам Бергсон, скорее всего, имел слабое представление о бакунинской философии и ни в коей мере не связывал себя с анархизмом (по политическим взглядам он был либералом), однако его грандиозное учение удивительно напоминает во многих отношениях учение Бакунина и вполне органично может быть развито и истолковано в анархическом духе (что не раз и делалось).

Ограничусь здесь лишь перечислением некоторых наиболее важных и принципиальных моментов совпадения мысли русского и французского философов. Прежде всего, бергсоновское понимание Жизни как «творческого порыва» — спонтанного, витального, стихийного, недетерминированного, неисчерпаемого, свободного и созидающего — созвучно аналогичному пониманию Жизни Михаилом Александровичем. Волюнтаристское, виталистическое мироощущение роднит обоих мыслителей, заворожённых непостижимой красотой и величием Жизни и исполненных доверия к её творческим возможностям. Для них обоих Жизнь бездонна, созидательна, пантеистична, порождает новые и новые явления и неисчерпаема для разума и науки, познаваема через вчувствование и интуитивное сопереживание. Интуитивистская теория познания, антисциентизм, доверие к Жизни и онтологическое понимание свободы как безосновного начала всех начал — в равной мере характеризуют философию Бакунина и Бергсона. Оба они ищут дорациональные, дорефлексивные, инстинктивные основы жизни и человека и соответствующие им формы познания. Оба протестуют против культа детерминизма и рационализма, сковывающего жизненную стихию и человеческую активность. Нельзя не согласиться с мнением Иуды Гроссмана-Рощина: «Внутреннее единство в воззрениях борца Бакунина и мыслителя Бергсона — изумительно»[13].

---

[12] *Гроссман-Рощин И. С.* Бакунин и Бергсон // Заветы. 1914. № 5. С. 47–62; *Рябов П. В.* Анархическая философия Алексея Борового (из истории русского бергсонианства) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные науки. – Вып. 6. – Калининград, 2010. – С. 24–33; *Нэтеркотт Ф.* Философская встреча. Бергсон в России (1907–1917). – М., 2008. – С. 209–214; *Арефьев М. А., Давыденкова А. Г., Гарявин А. Н.* Михаил Бакунин и Анри Бергсон о «философии жизни» // Прямухинские чтения 2006 года. – М., 2007. – С. 233–238.

[13] *Гроссман-Рощин И. С.* Бакунин и Бергсон… – С. 55.

Алексею Боровому удалось органично и изящно «бакунизировать» Бергсона и «бергсонизировать» Бакунина, дав впечатляющий синтез и развитие их идей, что позволило подвести под анархическое мировоззрение серьёзный и современный философский фундамент и сделать его динамичной и поэтичной философией свободы, творчества и личности. Именно из иррациональности, непредсказуемости жизненного творчества и первичности человеческой свободы по отношению к внешнему миру и научной мысли вытекает у Бакунина и Борового отказ от попыток построения анархизма как завершённой финалистической утопии.

Как известно, в своей последней значительной работе «Два источника морали и религии» Бергсон противопоставил друг другу открытое и закрытое общество, открытую и закрытую мораль, динамическую и статическую религию. Первые основываются на императивах свободы, творчества, любви, самовыражения, преодолении всех границ, рамок, застывших догм; вторые — опираются на императивы страха, власти, принуждения, объективации, отчуждения, вражды и ненависти. По моему мнению, хотя сам Анри Бергсон не шёл дальше либеральных выводов, его философия (отрицающая любые догмы, иерархии и застывшие формы социальности) чрезвычайно созвучна бакунинской и легко и органично может стать фундаментом анархического мировоззрения. В общем, не имея возможности подробно раскрыть сейчас этот сюжет (как и другие), ещё раз подчеркну, что: волюнтаризм философии Бакунина, актуализм (примат действия над созерцанием), его «бунт жизни против правления науки» (о чём уже немного говорилось ранее), апология спонтанности, доверие жизненной стихии, отказ от завершённых догм и окончательных схем, утверждение примата Жизни над мыслью, восприятие Жизни как некой доразумной, процессуальной, первичной и творческой тотальности, мысль об инстинкте (связывающем бытие и мышление) как основе существования личности и народа, идея о глубокой связи разрушения и созидания в творчестве — это лишь некоторые явно «бергсоновские» мотивы в анархизме Бакунина. Мотивы, блестяще осмысленные, подхваченные и развитые в сочинениях Сореля и Борового и на практике воплощённые революционными синдикалистами.

По верному замечанию Алексея Борового: «Жизнь, примат жизни — центральный фокус бакунинской философии. Жизнь таит в себе неограниченные творческие потенции, она — само творчество. Жизнь есть конкретное и реальное; она господствует над мыслью, она

М.А. Бакунин с мальчишками поют гарибальдийский гимн.
С рисунка Н.С. Бакуниной из итальянского альбома. 1860-е гг.

М.А. Бакунин на прогулке.
С рисунка Н.С. Бакуниной из итальянского альбома. 1860-е гг.

определяет волю»[14]. Сходство — до неразличимости! — этих мыслей с интуитивизмом, актуализмом и волюнтаризмом Бергсона несомненны, также как и антисистематичность, эмоциональность, образность мысли Бергсона и пронизывающий её музыкальный дух свободы, творчества, спонтанности невольно заставляют вспомнить о Бакунине.

Пример четвёртый: Михаил Бакунин и Мишель Фуко о феномене власти, его влиянии на психологию человека, общество и культуру

Ещё одна параллель между философией Михаила Бакунина и философией XX века, которая мне кажется не столь очевидной, как предыдущие, но возможной — это осмысление различных антропологических аспектов власти в творчестве Бакунина и его французского тёзки Мишеля Фуко[15].

Дело, конечно, не в ярлычках. Фуко довольно редко называл себя анархистом (хотя его так часто называли другие). И, тем не менее, считал долгом и главным делом интеллектуала — постоянное и бескомпромиссное оппонирование любой власти, как — пусть и неуничтожимому, но — злу. А одной из главных сфер своих критических исследований Мишель Фуко сделал различные микро-проявления власти — «дисциплинарный порядок» Нового времени, создавший тюрьму, казарму, психиатрию, всеобщую школу, фабрику, взаимосвязанные друг с другом, унифицирующие личность и несущие в себе бациллы власти, иерархии и принуждения. Их истоки, генезис, культурные и психологические аспекты виртуозно исследованы Фуко, например, в таких работах, как «История безумия в классическую эпоху», «История сексуальности», «Надзирать и наказывать», «Рождение клиники». Нельзя не заметить здесь параллелей с Бакуниным, также не ограничивающимся критикой лишь государственной власти и трактующим её как сложное антропологическое, социо-культурно-психологическое явление. Особый акцент Бакунин делал на исследовании психологии власти, её развращающего влияния на правящих и подвластных. Нельзя говорить о точном совпадении позиций и мыслей Бакунина и Фуко, однако и критический подход к рассмотрению

---

14 *Боровой А.* Бакунин. – М., [1994]. – С. 18.

15 О социальных идеях Фуко, его общественной деятельности и связях с анархизмом см., например: *Сидоров С. И.* Бороться, сохраняя оптимизм // Прямухинские чтения 2009 года. – М., 2011. – С. 242–254.

феноменов власти, и само проблемное поле этих мыслителей позволяет говорить о некоторой перекличке и взаимосвязи.

Конечно, стилистически и генетически — на уровне дискурсов и контекстов мысли — два Мишеля: Бакунин и Фуко, весьма далеки друг от друга (на Фуко повлияли Ницше, Маркс и Хайдеггер, а Бакунину, наверняка, был бы чужд постмодернизм). Однако бунтарство, радикализм, бескомпромиссное противостояние и осмысление власти во всех её формах и истоках — роднит этих двух людей. Группа информации о тюрьмах, руководимая и направляемая Фуко, писала по-бакунински: «Нестерпимы: трибуналы, полицейские, больницы, психиатрические лечебницы, школа, военная служба, пресса, телевидение, государство»[16]. Бациллы власти, унификации рассеяны в «дисциплинарном обществе», тюрьмы служат университетами преступности, школа и казарма обезличивают человека, все формы власти убивают его свободу. Радикализм, масштаб и размах постановки проблемы власти и свободы у Фуко — поистине бакунинские. Осознавал ли Фуко эту связь и преемственность? Не знаю. Но указать на неё — возможно и необходимо.

Разумеется, у Фуко мы находим новые подходы, новые акценты, новые сферы исследования, новый язык описания — да и сама реальность и формы власти и угнетения несколько изменилась со времён Бакунина. Власть стала более утончённой, анонимной, рассредоточенной, пронизала собой повседневность и культуру, проникла в сокровенные тайники личности. Однако Бакунину, несомненно, были бы близки изыскания Фуко, его активная нонконформистская общественная позиция, неотделимая от его исследований, радикализм его мысли и масштаб осмысливаемых им проблем, тогда как Фуко, несомненно, близки беспощадная бакунинская критика власти (связывающая воедино социальное и психологическое), исследование её происхождения и влияния на человека. В 1978 году Мишель Фуко говорил: «Я не допускаю ни понятия «господства», ни универсальности закона. Напротив, я стремлюсь ухватить механизмы действительного осуществления власти; и я поступаю так, потому что те, кто связан властными отношениями, кто вовлечён в них, способны с помощью своих действий, своего несогласия и противления избегнуть этих отношений, преобразовать их — словом, не подчиниться им»[17]. Господство,

---

16 Цит. по: *Сидоров С. И.* Бороться, сохраняя оптимизм … – С. 249.

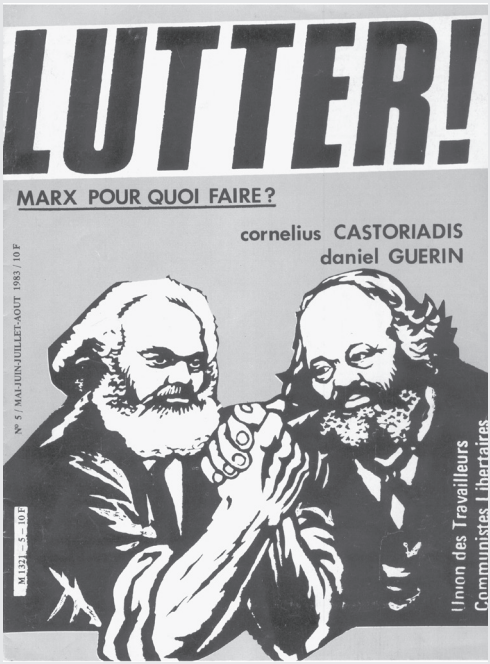
17 Цит. по: *Сидоров С. И.* Бороться, сохраняя оптимизм… – С. 250.

угнетение, порабощение, иерархия, институциализированное насилие — нашли в Бакунине и Фуко своих величайших оппонентов, критиков и проницательных исследователей. Исследования «микрофизики власти» и «техники подчинения», предпринятые Фуко, а также изучение им многообразных «практик эмансипации», органично дополняют и продолжают изучение и обличение «метафизики власти», её социологии и психологии в сочинениях Бакунина.

Пример пятый:
Бакунин и метафизика свободы в экзистенциализме

Пожалуй, величайшими певцами свободы в философии XIX–XX веков были три мыслителя: Михаил Бакунин и экзистенциалисты Николай Бердяев и Жан-Поль Сартр. Для меня очевидны переклички и совпадения (опять же — вопрос — осмысленные или неосознанные) у них. Как известно, Бакунин в своей философии (как и в практике) в центр всего поставил свободу — неделимую, безграничную, спонтанную, первичную суть человека. Свобода для Бакунина изначальна, но она же и нарастает в истории, устраняя все формы отчуждения. Свобода — синоним «человечности», тогда как несвобода — синоним «животности». История — путь от животности-несвободы к актуализации и проявлению свободы-человечности. Свобода — и Цель, и Средство, и Путь, Альфа и Омега всего человеческого. Её нельзя ограничить, не убив. Она не «атрибут» человека, а сам человек — основа его достоинства и самобытности. В общем, Бакунин всесторонне метафизически, аксиологически и социологически обосновал человеческую свободу — в её социальном и индивидуальном измерении, в её тотальности и спонтанности, в её первичности и самополагании, в её качественной неделимости и недетерминированности — как главную сущностную характеристику, тождественную «человечности» и конституирующую её в процессе самовозрастания. Вырастая из мира данностей, как чудесный и редкий цветок, человек начинает противостоять «фактичности» наличного и преобразовывать мир и себя в нём.

Все эти мысли являются основополагающими и для экзистенциализма XX века, особенно, для философии Бердяева и Сартра. И у них человек без свободы — не человек, а вещь. И у них свобода — первична онтологически по отношению ко всему мирозданию (по Бердяеву, Бог создал всё бытие, но не свободу, которая не в его власти; по Сартру, человек, свобода — Ничто, не-вещь, дыра в бытии). Она лежит в основе

Обложка журнала французского Союза трудящихся коммунистов-либертариев UTCL «LUTTER!», май-август 1983 г.

Газета украинских анархистов, орган РКАС «Анархия» (№1, 2000 г., г. Донецк)

К безвластию через самоорганизацию трудящихся!

L`anarchie

РКАС

АНАРХИЯ

«Анархия - это такое состояние общества, когда каждый человек свободен, когда отсутствует насилие одних людей над другими, отношение господства и принуждения»

М.А. Бакунин

СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Великие протестанты

День начинается так:

а.) пробуждение в прохладной комнате (не потому, что есть тяга к спартанскому образу жизни, а потому, что скоро зима, а радиаторы еще не топили);

б.) умывание холодной водой (опять же не всегда по своему желанию);

в.) легкий завтрак (т.к. тяжелый семейный бюджет не позволит);

г.) потом накинуть куртку (а лет то ей сколько?!);

д.) закрыть полинялую дверь, а потом втиснуться в переполненную матом и людьми единицу общественного транспорта и уж совсем без настроения явится из пункта "а" в пункт назначения.

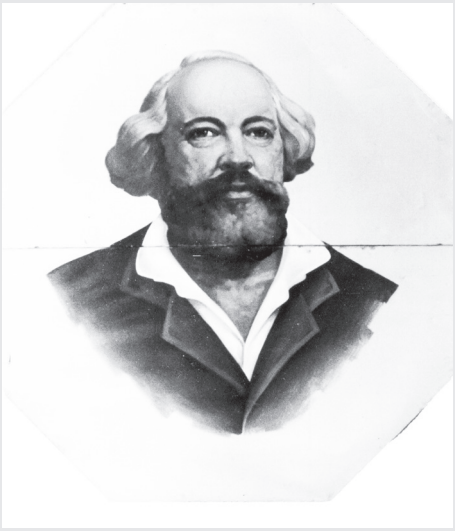
И это тебя устраивает?!

Сейчас ты думаешь: "Ну конечно нет. Решительно нет. Меня это раздражает." Дальше-больше. В очередной раз услышав что-нибудь типа: "Все идут на митинг в поддержку Кучмы. Посещаемость контролируется. Причины пропусков выясняются в деканате (учительской, кабинете начальника - какая разница?)" Ты думаешь - достали. Ты не согласен с политикой Кучмы. Ты вообще не согласен со всем, что происходит. Я не прав? Давай посмотрим: ты ненавидишь официоз, коррупцию и бюрократию учебных, лечебных и рабочих заведений. Вдохновено горланишь "Все идет по плану" и остервенело критикуешь все, что тебя окружает. Одним словом ты недоволен нынешним положением дел. Я опять неправ? Тогда почему ты держишь в руках эту газету?

Ты отлично знаешь, что вокруг тебя - государство. И довольно остро чувствуешь его давление на тебя лично. Нет? А что же это было за ощущение в вонючем коридоре военкомата? И ты великий протестант. Весьма вероятно, что ты ненавидишь "бычье", когда-то носил вытертые джинсы, булавки и длинные волосы. Ты слушал "Г.О." или по крайней мере, "Нирвану", восхищаешся Н.Махно и возможно носишь на шее символ анархии. О да: ты и правда великий протестант: ведь вчера ты пошел на кучмовский митинг: проглотил всю эту лажу, а символ анархии обменял на значок с Джимом Моррисоном. Очень грустно, но скорее всего я прав. Очень жаль, но исключений пугающе мало. Возможно ты даже со мной согласился. Но даже это не даст гарантии, что номер "Анархии", который ты держишь в руках не истлеет в твоей куче с хламом.

И тогда знаешь что? Ты достоин своей холодной комнаты: затасканной куртки и жизни: в которой ты лично не можешь изменить ничего. И ты в любом случае не считаешь себя нечестным: и скорее всего не считаешь себя нерешительным. В таком случае логичная развязка - решительный шаг либо вперед, либо... Агитация? Навязывание своей точки зрения? Дерьмо пропагандистское? Тогда хватит. Возвращайся в свою неотопленную комнату!

А.Ольхин

Портрет Михаила Бакунина, переделанный из портрета Маркса в Прямухинской школе

Портрет М. Бакунина, нарисованный в заключении испанским анархистом Хоакином Гарсез Виллакампа

всей человеческой реальности, является синонимом блага и истоком всех нравственных ценностей. И у Бакунина, и у Сартра свобода — тождественна человечности, осмысленности, тотальной виновности и ответственности человека и является изначальным фактом нашей жизни и основой всех человеческих проявлений и ценностей. И у Бакунина, и у экзистенциалистов главное в свободе — выбор, спонтанность, примат возможного над существующим. Свобода понималась Бакуниным экзистенциалистски — как нечто, не редуцируемое ни к чему — ни к природе, ни к обществу, не детерминируемое ничем, но, напротив, возрастающее само из себя, утверждающее себя как важнейшее, жизненное, личностное и историческое начало. Именно в свободе человек черпает своё достоинство перед лицом всего, что его подавляет. Эти, общие для экзистенциализма и Бакунина представления об аксиологии, онтологии и антропологии свободы, можно было бы подкрепить множеством цитат — но недостаток времени не позволяет этого сделать[18].

---

18 *Рябов П.* Анархические письма. – М., 2013.

Интересно, что и для Бакунина, и для экзистенциалистов свобода человека — как «существа, наиболее индивидуального и наиболее социального из всех» — не ограничивается другими людьми, но находит своё продолжение в свободе других. И даже не только полуанархисты Сартр и Бубер, но и такой, политически далёкий от Бакунина, экзистенциальный философ, как католический экзистенциалист и либерал Габриэль Оноре Марсель, трактовал свободу не как либералы, а как анархист Бакунин. Для Марселя, как и для Бакунина, свобода других людей не ограничивает мою свободу, но является её продолжением и развитием. Попытки же утверждать свободу в либеральном духе («моя свобода заканчивается там, где начинается свобода других»), то есть выстраивая непроницаемые заборы и стены между людьми-атомами, по Марселю, есть неподлинная свобода — свобода монолога и привилегии, а не свобода встречи и диалога, свобода под модусом «иметь», а не под модусом «быть». И здесь мы видим удивительное созвучие с бакунинской мыслью. Быть свободным — значит быть человеком, быть самим собой, жить подлинной жизнью, творить и освобождать других — под таким утверждением подписались бы и Бакунин, и философы-экзистенциалисты.

Пример шестой и последний: Михаил Бакунин и Альбер Камю о «бунтующем человеке» и «вселенной бунта»

Говоря о «бакунинских» мотивах в философии XX века, особо следует остановиться на одном мыслителе-экзистенциалисте — Альбере Камю. Независимо друг от друга, с дистанцией почти в сто лет, эти два мыслителя — Бакунин и Камю — поставили в центр своего философствования категорию Бунта (не как просто обыденного слова, но как всеобъемлющую метафизическую и антропологическую категорию)[19].

Удивительно, но сам Камю — несомненно, симпатизируя либертарному социализму и анархизму — был долгое время весьма поверхностно знаком с бакунинской философией (и весьма несправедливо, упрощённо и поверхностно-критически обличил Бакунина в своём трактате «Бунтующий человек»). Однако впоследствии, ког-

---

[19] См. об этом: *Рябов П. В.* Человек бунтующий: Философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю // Возрождение России: Проблема ценностей в диалоге культур. Материалы 2-й Всероссийской научной конференции. – Ч. 1. – Н. Новгород, 1994. – С. 74–76; *Рябов П. В.* Философия бунта Михаила Бакунина // Памяти М. А. Бакунина. – М., 2000. – С. 38–66.

да французские анархисты упрекнули Камю в ошибках, он признал их и в своей работе «Письма о Бунте» (своего рода, постскриптуме к «Бунтующему человеку» и ответе его критикам) весьма высоко оценил бакунинскую философию.

Поистине поразительны переклички этих двух философов. Бакунин рассматривал бунт как один из трёх факторов «всякого человеского, как индивидуального, так и коллективного проявления в истории» (наряду с животностью человека и мыслью). Именно в бунте, по Бакунину, человек перерастает существующие условия своего бытия, сокрушает формы отчуждения и обретает свою человечность, очеловечивается. Аналогичным образом понимает бунт Камю. В абсурдном мире, лишённом изначального сакрального смысла: «Человек — единственное существо, которое отказывается быть тем, что оно есть», а потому: «Я бунтую, следовательно, мы существуем»[20]. То есть бунт является переходом от «Я» к «Мы», основой всей человеческой реальности, залогом существования человеческого. Вселенная «бунтующего человека» подробно рассмотрена Альбером Камю в одноимённом трактате, в пьесе «Праведники» и в «Мифе о Сизифе». И у Бакунина, и у Камю, человек — единственное животное, способное к бунту, — утверждает в нём и свою личную индивидуальность, и общечеловеческую солидарность и человеческий смысл.

Бакунин — величайший бунтарь в жизни и мысли (ибо мысль его была частью и органическим продолжением жизни), само воплощение пламенной стихии бунта — вероятно, первым подробно разработал категорию бунта как важнейшее понятие аксиологии, гносеологии, онтологии, психологии, антропологии и социологии. Спустя век Альбер Камю пошёл сходным путём, по-видимому, не имея ясного представления о мысли своего великого предшественника.

Увы, это относится и к большинству других примеров, приведённых в моём докладе. Через 50–100 лет после Бакунина великие мыслители современности снова обращались к тем или иным «бакунинским» сюжетам, прозрениям, темам, не подозревая об этом. Это и повод для радости и гордости — за бакунинскую гениальность, прозорливость и актуальность, и повод для стыда и горечи — за невежество и слепую неблагодарность человечества, словно обречённого топтаться по кругу и вновь открывать открытое. «Свои своих не познали» — об этом вечном сюжете говорилось ещё в Библии.

---

20 *Камю А.* Бунтующий человек. – М., 1990. – С. 126, 135.

Таковы лишь некоторые параллели и примеры, показывающие нам Михаила Александровича Бакунина как нашего современника — не только как великого вольнодумца, бунтаря-практика и социального пророка, но и как гениального мыслителя, неведомого и незримого участника философских исканий и тяжб XX века. И удивительно как то, что большинство названных философов XX столетия даже не догадывались о своём идейном и духовном предшественнике, так и то, что указанные интуиции и мысли Бакунина до сих пор недооценены и мало осмыслены и изучены даже его прямыми идейными наследниками — нами, анархистами. По моему глубокому убеждению, Бакунин не только как человек стал архетипом и образцом бунтаря-анархиста, но и как гениальный философ заложил основы для современного анархического мировоззрения. Но дом на этом фундаменте так и не был построен, да и сам фундамент зарос бурьяном забвения. Мой доклад в год двухсотлетия Михаила Бакунина призван внести вклад в преодоление этой несправедливости. (*Аплодисменты*).

Суворов В. П. Как вы думаете, есть ли отличие между Кропоткиным и Бакуниным в этом вопросе?

Рябов П. В. Это — огромный вопрос, явно не на две минуты. На мой взгляд, они принципиально отличаются. Бакунин — гегельянец и потом — философ жизни. Кропоткин ориентируется на позитивизм. Бакунин говорит о преодолении животности в человеке, Кропоткин ищет этику у животных. Бакунин делает упор на критику того, что мешает человеку, Кропоткин стремится к идеалу. То есть совершенно разные философские традиции. Между ними гораздо больше различий, чем сходства.

Суворов В. П. Спасибо. Второй вопрос. Тут у нас возник спор. Один человек говорит, что Бакунин — западник, другой — что славянофил. Мы возмутились. Как вы к этому относитесь?

Рябов П. В. На эту тему несколько лет тому назад на Чтениях был прекрасный доклад Михаила Цовмы о бакунинском «национализме». Мы тогда долго обсуждали, можно найти это в сборниках Чтений. Достаточно сказать, что Бакунин совершенно искренне говорил: «Мое отечество — социальная революция». Мы знаем, что он за немцев проливал кровь в Дрездене и оказался заключенным в крепости. У Бакунина по этому вопросу сложно.

Суворов В. П. Чендов так же считает.

Левандовский А. А. Я понял после вашего доклада, что Бакунина толком последующие философы не знают. Даже Камю. Здесь — не про-

должение, развитие одной темы, а волшебное возникновение полузабытых и даже забытых идей.

Рябов П. В. Да, мой доклад — о том, что мы снова и снова открываем у него новые сюжеты.

Цовма М. А. Чтобы не отнимать времени у следующего выступающего, мы сейчас перейдем к следующему докладу. Если у кого-то остались вопросы, мы потом найдем время, чтобы их задать. Слово предоставляется Джулио Спьяцци.

Джулио Спьяцци
Михаил Бакунин и бунтарское образование

Спьяцци Дж. Дорогие участники конференции и товарищи анархисты!

Я не могу не начать свою речь здесь, в Прямухине, на родине отца анархизма, с цитаты самого Михаила Бакунина:

«Я — фанатический приверженец свободы, видящий в ней единственную среду, где может развиться и процвести ум, достоинство и счастье людей; не той формальной свободы, жалованной, размеренной и регламентированной государством, которая есть вечная ложь и которая в действительности представляет не что иное как привилегию избранных, основанную на рабстве всех остальных, не той индивидуалистической, эгоистичной, скудной и призрачной свободы, которая была провозглашена школой Ж. Ж. Руссо, и всеми другими

Джулио Спьяцци

Хотя Бакунин и признаёт социальное измерение образования в качестве основы для антиавторитарных и либертарных отношений в процессе образования, он в то же время утверждает, что дети не принадлежат обществу: они принадлежат только своей будущей свободе.

школами буржуазного либерализма, и которая смотрела на так называемое общее право, выражаемое государством как на ограничение прав каждого отдельного лица, что всегда и неизбежно сводит к нулю право каждого отдельного индивида. Нет, я имею в виду одну свободу, достойную этого имени, свободу, предоставляющую полную возможность развить все способности интеллектуальные и моральные, скрытые в каждом человеке, свободу, не признающую иных ограничений, кроме предписанных законами нашей собственной природы, что равносильно, собственно говоря, совершенному отсутствию ограничений, так как эти законы не изданы каким-либо законодателем вне нас, рядом с нами или превыше нас стоящим: они нам присущи, неотделимы от нас, составляют самую основу нашего существа, как материального, так и интеллектуально-морального: вместо того, чтобы извращать их, мы должны их рассматривать как необходимые условия и настоящую, действительную причину нашего стремления к свободе.

Я имею в виду такую свободу каждого, которая, входя в соприкосновение с свободой других людей, не останавливается перед ней, как перед предельным рубежом, но, напротив, находит в свободе других свое подтверждение и возможность расширяться до бесконечности; я имею в виду свободу каждого отдельного индивида; не ограничиваемую свободой всех, свободу в солидарности, свободу в равенстве; свободу, восторжествовавшую над грубой силой и над самым принципом авторитета — неизменным идеалом этой силы; свободу, которая, ниспровергнув всех небесных и земных идолов, положит основание новому миру, миру человеческой солидарности на обломках всех церквей и всех государств». *(Михаил Бакунин, «Парижская Коммуна и понятие о государстве»).*

Большая часть философских трудов Бакунина не опубликована в Италии: они не входят ни в известный восьмитомник Бакунина, изданный в Италии много лет назад[1], ни в собрание сочинений в шести томах, составленное и переведенное голландским исследователем Артуром Ленингом[2]. Бакунин, к счастью для него, не был педагогом, и его основная деятельность не была связана с образованием. Тем не менее, он оставил критические замечания относительно си-

---

1 *Bakunin M.* Opere complete. – 8 vol. Edizioni Anarchismo, 1976–2009.

2 Archives Bakounine. 7 volumes (первый том состоит из двух частей) / ed. Arthur Lehning. Leiden: Éditions E. J. Brill, 1961–1981. Второе издание (в 8 томах): Œuvres complètes. Éditions Champ libre, 1973–1982.

стемы и принципов образования во многих своих трудах и письмах. Помимо трех статей о «всестороннем образовании», в которых эта тема разработана достаточно подробно, необходимо исследовать и другие его работы, в которых содержатся важные отрывки, характеризующие «бакунинскую идею образования». Насколько можно судить по итальянским изданиям его работ, не существует специальной бакунинской работы на тему образования. Но в различных его трудах, написанных в несистематической манере, разбросаны мысли, хотя и отрывочные, но изложенные со всей *душой и сердцем* этого великого русского революционера. Михаил Бакунин, в отличие от Карла Маркса, не проводил свою жизнь, сидя в библиотеке Британского музея, где можно было найти разного рода оригинальные источники. Он всегда писал, вдохновляясь непосредственным жизненным опытом. Всё, что он почерпывал из своего собственного участия в социальных и политических движениях, пригождалось ему для создания теории. И то, что он предвидел в будущем, оказалось актуальным в наши дни. Одно из таких предвидений (не считая его более глубокого и верного толкования идеи Маркса, относящейся к критике современной капиталистической системы) заключалось в противопоставлении и анализе отношений между *всесторонним образованием* и *меритократией*.

Сегодня эта тема больше, чем когда-либо, заслуживает особого внимания при обсуждении образовательных институтов Запада. В настоящее время принцип меритократии является, по-видимому, одной из ведущих концепций, используемых так называемыми *новаторами в образовании* в современном мире для оправдания своих действий в системе образования. Каждый в нашем обществе хочет быть «меритократичным». В любой сфере общественной жизни магическое слово *merit*, т. е. заслуга, обозначает абсолютную цель для всех детей, для молодежи и взрослых. Но, во-первых, нужно разделять *талант*, *заслуги* и *меритократию*, три разных понятия, которые теперь, к сожалению, смешиваются друг с другом и оказываются перепутанными. В 1869 г. Бакунин пишет три статьи для женевской газеты «L'Egalite», которые непосредственно связаны с темой всестороннего образования. Только в этих статьях он решительно критикует образование своего времени. Глубинные аспекты его, повторюсь, замечательного подхода к этой теме высказаны в них в острой полемической манере. Среди них стоит особняком *критический анализ Руссо*. Бакунин критикует французского педагога-философа, так как его концепция образования

является концепцией *естественного образования*. Руссо, в сущности, помещает *центр сообразования* в социальную, культурную и семейную сферу. По этой причине Бакунин вынужден был остро критиковать Руссо, педагогика которого основывалась на *непосредственных взаимоотношениях наставника или учителя и ученика*. Это, в известном смысле, одно из предвидений Бакунина, и именно оно снова возвращает нас к текущей ситуации в педагогической мысли. Так, наша сегодняшняя критика, осуществляемая с позиций либертарного образования (мыслящего в целом в бакунинском ключе), по отношению к *движению за домашнее обучение* (homeschooling), основана как раз на том, о чем предупреждал русский философ. Резкая и ожесточенная критика со стороны Бакунина (которой мы придерживаемся и в нашей Итальянской сети либертарного образования) направлена и против *анскулинга* (unschooling), движения против школьного образования, который пропагандируют американские либертарианцы и который получил распространение в некоторых районах Италии, претендующих на звание «альтернативных». Бакунин и здесь, несомненно, выступает как «гегельянец», потому что, критикуя Руссо, он трактует его термин *окружение* как *дом*, как это сделал бы Гегель. Но очевидно, что для Бакунина, в отличие от Гегеля, концепция образования была прежде всего *коммунитарной*, если использовать термин, вернувшийся в обращение в последнее время. (В отличие от Бакунина, Гегель считал, что сферой, в которой *формируется* гражданин, является *государство* и *общественный институт*.) В этом отношении, конечно, Бакунин по своим взглядам на образование не был гегельянцем. Он мог бы быть таковым, поскольку он принимал идею о «центральном» месте коммунитарного, общинного измерения для свободного образования, а не для *частного* образования с «наставниками» Руссо и со всей цепочкой от учителя к ученику и т. д. Это уточнение особенно важно, потому что Бакунин также говорит о том, что «*способность мыслить развивается в человеке, только если он живет в обществе*». По сути, он переносит «центр» этого процесса не на личность, а на общество. У Бакунина, в отличие от Макса Штирнера, особый упор делается на социальное измерение образования. Он даже утверждает, что и те, кого мы называем *гениями*, на самом деле являются не более чем *плодами* (а не простыми продуктами) социального взаимодействия, т. е. постоянного соотнесения себя с другими. Интеллект есть не что иное как продукт *социальных отношений*, и потому он не является *исключительно личным свойством*. Это очень важно для по-

нимания того, что Бакунин думал об образовании и о взаимосвязи личности и общества. Однако мы должны принимать в расчёт следующее: Бакунин утверждает, что интеллект человека развивается, совершенствуется (используя ту же схему, что и в концепции свободного образования) и *растёт «пропорционально развитию интеллекта окружающих людей».* В отношении свободы он говорит: *«Я свободен в той степени, в какой свободны окружающие меня люди».* Следуя за мыслью Бакунина, получается, что если в моём окружении есть несвободные люди, не могу быть свободен и я сам. (Без сомнения, это еще одна замечательная и оригинальная мысль, высказанная русским философом-анархистом).

Итак, возвращаясь к образованию, которое является темой моего выступления, я повторю: *интеллект каждого развивается по мере того, как развивается интеллект других*. Бакунин также добавляет (что было совсем непросто высказывать публично в те годы), подвергая радикальной критике *«семейную систему»*, что *«дети не являются ни собственностью родителей, ни кого бы то ни было еще».* Это тоже очень важная концепция, которая также имеет отношение к современному феномену «домашнего обучения»: вредное усиление центральной роли взрослых в сфере образования в этом случае имеет тенденцию к усилению влияния родительского эго на ребенка. Такой образ действия явно противоречит либертарной концепции образования, которая определенно должна развиваться в социальном измерении. Призванные стать *«свободными людьми, мальчики и девочки принадлежат себе и своей будущей свободе»,* — пишет Бакунин в 1866 г. «Дети обоего пола не будут принадлежать и подчиняться ни родителям, ни обществу». Это очень важно для восприятия всей радикальности взглядов Бакунина. Хотя Бакунин и признаёт социальное измерение образования в качестве основы для антиавторитарных и либертарных отношений в процессе образования, *он в то же время утверждает, что дети не принадлежат обществу: они принадлежат только своей будущей свободе.* Это представляет собой очень тонкую интуицию в образовании — способность быть очень мудрым и уважительно относиться к достоинству ребёнка. Всегда соотносясь с идеей о центральности социального окружения, являющегося источником неравенства и извечных классовых противоречий, мы должны подчеркнуть значимость ещё одной идеи Бакунина: в силу того, что даже *«самый закоренелый преступник или самый обделённый разумом человек* (...) *— это всего лишь продукты социальной среды, в которой они выросли»*, становится очевидно, что

для Бакунина центральное место в образовании занимает именно социальная среда, как в положительном, так и в отрицательном смысле. Итак, в указанных трёх статьях Бакунин подчеркивает, что образование — это результат социального окружения. В статье «Усыпители» Бакунин, в частности, пишет: «Мы так убеждены, что образование есть мерило той *степени свободы, благосостояния и человечности*, которой может достигнуть как целый класс, так и отдельное лицо, что требуем для пролетариата не только какого-нибудь образования, а *образования полного, всестороннего*». Что же подразумевается под всесторонним образованием, о котором говорит великий русский философ? Бакунин взял идею всестороннего образования у Прудона, хотя французский философ применял ее для политехнического образования. У Прудона была идея *формирования рабочего*, где именно *работа* была центральной. Бакунин развивает эту концепцию. Когда Бакунин говорит о всестороннем образовании, он имеет в виду не работника, а *человека* вообще в его целостности, не только как рабочего, но и как *социальную личность*. Поэтому для Бакунина всестороннее образование — это обучение, цель которого *«развивать все стороны человеческой личности»*. Всестороннее образование — это такой тип образования, при котором познавательный аспект не ставится выше прикладного (это отсылает нас к основной теме бакунинской философии о центральности взаимоотношения между теорией и практикой), не отдается предпочтение рациональности в ущерб чувственному восприятию, в общем не отдается предпочтения какой-либо одной сфере человеческой деятельности, поскольку всякая личность *сложна, разнообразна и богата*. Основываясь на вышесказанном, всестороннее образование заключается в признании важности того, что всем людям должны быть созданы условия, в которых они смогут в наиболее полной мере развить свой потенциал и свою чувственность. Под чувственностью мы здесь понимаем то, что перечисляет сам Бакунин: *чувства, дух* (очень интересно для нас, что Бакунин подразумевал под словом *дух*!), *умение работать руками, мастерство в производстве вещей, социализация и т. д.*

Резкая критика школы вообще и сегодняшней школы, в частности, (а это ещё одно актуальное предвидение Бакунина об образовании) вызвана тем, что несколько существующих национальных образовательных систем в большей степени направлены на развитие *лишь одной стороны личности, в ущерб остальным способностям детей*. Ещё в 1869 г., когда Бакунин, без сомнения, уже будучи анархистом в душе, но официально ещё не заявивший об этом (мы помним, что он уже был

членом «Альянса», но пока не вступил в Интернационал), по-прежнему присматривался к политической панораме своего времени, он поддерживал принцип всестороннего образования. Вместе с тем, он был против того, чтобы существовали как *«высшие классы с их наукой»*, так и *«аристократия знания»*, которые управляли бы людьми, в том числе и детьми, *«защищая их», «управляя ими»* и, вследствие этого, *«эксплуатируя их»*. В этом состоит суть того громадного вызова, который был брошен Бакуниным и который актуален для нас и сегодня, *«в нашем обществе технологического знания»*. И он полностью прав, когда заявляет, что «из всех аристократий, которые угнетали человеческое общество поочередно, а иногда все вместе, эта так называемая аристократия ума всех гнуснее, презрительнее, надменнее и притеснительнее».

Исходя из всего того, чему научил нас Бакунин, я могу сказать, что *образование — это наша революция*.

Спасибо за внимание! (*Аплодисменты*).

Анго Ж.-К. У меня — ремарка и вопрос. Разница между Бакуниным и Прудоном — в том, что Прудон выступал за всестороннее образование только для мальчиков, а Бакунин — за равное образование для мальчиков и девочек. Вопрос: есть ли, по мнению Джулио, в терминологии Бакунина разница между обучением и образованием?

Спьяцци Дж. Разницы нет. Во времена Бакунина значение терминов могло быть несколько иное, чем ныне. Если бы сейчас Бакунин говорил на эту тему, то говорил бы об образовании как о чем-то более общем, чем о конкретном обучении навыкам.

Суворов В. П. Бакунин и его братья получили блестящее семейное образование, его братья получили и университетское образование. Понимаю, что у Бакунина был конфликт с отцом, с государством. Но у его братьев не было таких конфликтов. А ведь и Павел, и другие братья — очень оригинальные люди. Не кажется ли вам, что отрицание и семейного воспитания, и государственного образования — это путь в никуда, это тупик? Что мы можем предложить вместо этого?

Спьяцци Дж. Я считаю, что у детей есть четкая внутренняя идея, как они хотят образовываться, какие получать знания. И, возможно, у Михаила была именно эта идея: он отрицал университетское образование, потому что считал, что ему нужно другое развитие и другие знания. Что касается семейного образования, то у братьев Бакунина речь шла о семейном образовании по Руссо. Выстраивается некая цепочка между учителем и учеником. С одной стороны, учитель дает знания,

Пятая конференция Сети либертарного образования в анархистской коммуне Урупия (Верона, Италя), май-июнь 2014 г.

но при этом он должен уважать личность ученика. Ссылаясь на наш пример, можно сказать, что либертарная школа создает среду для детей, в которой они сами определяют, как им действовать, и там нет границ для совместных действий. Учителя и ученики совместно действуют, и там нет такого принципа, что моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого. Они учатся воспринимать процесс как общую неограниченную свободу. И, возможно, что к этому стремился Михаил Бакунин, который критиковал традиционную систему, где есть фигура учителя, который стоит в центре и учит. Я привез слайд-фильм о либертарной школе, где я работаю. Может быть, сегодня вечером нам удастся его посмотреть. Спасибо [*по-русски*]! (*Аплодисменты*).
Цовма М. А. Теперь мы переходим к докладу Франко Бунчуги.

Франко Бунчуга
Бакунин и искусство

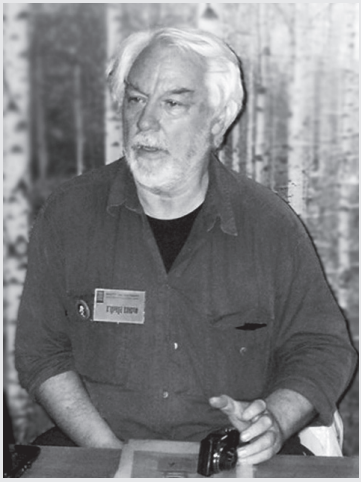
«Во-первых, погибнуть в борьбе за свободу,
во-вторых, любовь и дружба,
в-третьих, искусство и наука,
в-четвертых, курение,
в-пятых, выпивка,
в-шестых, еда и,
в-седьмых, сон».

По мнению Бакунина, существует семь вышеперечисленных степеней человеческого счастья. Искусство, как мы можем видеть, находится на третьем месте, сразу после любви и дружбы, которые играли важную роль в сложной и полной страстей жизни Михаила Александровича Бакунина.

Во время беззаботного пребывания в Берлине в качестве студента его любовь к философии так смешалась с его любовью к искусству, что, перечисляя свои любимые способы времяпрепровождения, он указал — возможно, не просто в случайном порядке — пиво, искусство и метафизика. В то время он также прилежно посещал еженедельные концерты музыки Бетховена[1].

Как и многие его современники, выросшие в романтическом окружении, Бакунин ставит музыку выше других искусств, а Бетховена

[1] *Egbert Donald Drew*. Arte e sinistra in Europa. – Milano, 1975. – P. 227.

Франко Бунчуга

Между идеальным миром и жизнью Бакунин всегда выбирает жизнь… Анархический эстетический идеал, которого придерживались Бакунин и последующие анархические мыслители... окажет огромное влияние на художественные движения XIX и XX веков.

выше кого бы то ни было. Он неоднократно утверждал, что «Девятая симфония» — одно из тех произведений искусства, которые следует передать потомству после революции.

В отношении изобразительных искусств он не обладал таким же пиететом.

Спустя несколько лет после восстания в Дрездене в 1849 г. Александр Герцен писал, что «исчезнув из Праги, Бакунин является военным начальником Дрездена; бывший артиллерийский офицер учит военному делу поднявших оружие профессоров, музыкантов и фармацевтов… советует им «Мадонну» Рафаэля и картины Мурильо поставить на городские стены и ими защищаться от пруссаков, которые zu klassisch gebildet [образованы в слишком классическом духе. — нем.], чтоб осмелились стрелять по Рафаэлю»[2].

Артур Ленинг и некоторые историки лишь отчасти верят этому историческому анекдоту, другие считают его достоверным, а третьи — чистой выдумкой. Сам Бакунин никогда не упоминал об этом эпизоде. Но, например, в пьесе–трилогии Тома Стоппарда «Берег утопии» (2002 г.) его персонаж Бакунин говорит, что никогда не произносил таких слов. Как бы то ни было, оперный театр в Дрездене, где несколькими неделями раньше Вагнер дирижировал «Девятой симфонией», сгорел в ходе восстания.

---

[2] *Герцен А. И.* Былое и думы / *Герцен А. И.* Сочинения. – М.: ГИХЛ, 1957. – Т. 6. – С. 353.

На работы Вагнера, посвященные искусству, определенно оказал влияние Прудон, а также идеи, которые он сам обсуждал с Бакуниным в Дрездене: когда он вернулся в 1849 г. в Швейцарию, он написал эссе «Искусство и революция», а в 1850 г. — «Произведение искусства будущего», в которых влияние социалистических и анархических идей, несомненно, присутствует.

Мы не имеем специальных текстов, написанных Бакуниным об искусстве или о каких-то особых функциях творческих работников в свободном обществе будущего.

Поэтому мы должны попытаться понять его эстетические идеи, исходя из круга его друзей и революционной деятельности. Бакунин вместе с Вагнером принял участие в Дрезденском восстании в 1849 г. и имел отношение к таким литературным фигурам, как Александр Герцен, Иван Тургенев, Жорж Санд. Однако больше других на его представления об искусстве повлиял Виссарион Белинский.

В 1841 г. Белинский написал в статье «Идея искусства» — незаконченной и опубликованной посмертно — что «искусство есть непосредственное созерцание истины, или мышление в образах»[3]. В письме Бакунину в октябре 1838 г. он пишет, что, как только речь заходит о теории искусства, «я смел и дерзок, и моя смелость и дерзость в этом отношении простираются до того, что и авторитет самого Гегеля им не предел»[4]. В последующие годы Виссарион Белинский «открыл для себя антропологический материализм Фейербаха и в то же время воспринял идеи освобождения народных масс от любых пут… две фундаментальные потребности, которые уже действовали и которые будут все более и более важными для его концепции искусства: его организация через посредство образов и его социальная функция»[5].

В одном из предыдущих писем к Бакунину, датированном 13 августа 1838 г., Белинский писал: «для тебя жизнь есть поверка знания, для меня наоборот. <…> Тебя может удовлетворить истина только в сознании, в философском развитии, в логической необходимости; для меня она существует не столько сама по себе, сколько по способу,

---

3 *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 4. – С. 585.

4 Там же. 1956. Т. 11. С. 313.

5 Цит. по: *Dufrenne M., Formaggio D.* Trattato di estetica. Milano: Arnoldo Mondadori editore, 1981. – P. 376–377.

каким она мне представляется: если она блестит радужным блеском образа — она моя»[6].

Сам Белинский делает различие между эстетической мыслью и социальным уклоном взглядов Бакунина, хотя и признает, косвенно, верность бакунинских догадок.

В письме, адресованном Николаю Станкевичу, датированном 8 октября 1839 г., в котором упоминается встреча с Бакуниным в Москве, Белинский говорит, что «Бакунин первый (тогда же) провозгласил, что истина только в объективности и что в поэзии — субъективность есть отрицание поэзии, что бесконечного должно искать в каждой точке, что в искусстве оно открывается через форму, а не чрез содержание, потому что само содержание высказывается через форму, а где наоборот — там нет искусства»[7].

Эва Чиволани отмечает:

«Политическая философия Бакунина, однако, не может быть отделена от его эстетических рассуждений. Он включает их в свою анархическую мысль через принятие универсального, этического, освободительного опыта искусства. К заслугам прошлого он относит привилегию раскрывать неотчуждаемую часть человека — его право на страсть и на действие. Эти работы являются не только культурным выражением современного общества, народа, который их породил, они в своей универсальности являются идеальным преодолением границ современности.

Бакунин устанавливает связь между изменениями способа художественного выражения в период античности и в современном мире. И в том, и в другом случае искусство оказывается связанным с общими законами развития цивилизации и движется по траектории маятника, то повышая революционный потенциал, то, напротив, подчеркивая регрессивный характер общества»[8].

Бакунин положительно оценивает классическое греческое искусство, так как оно учило свободе и, вместе с искусством Древнего Рима, было «полностью национальным». Он также положительно оценивает современную итальянскую цивилизацию, как материалистическую и являющуюся вестником «свободомыслия», в противоположность

---

6 *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений… – Т. 11. – С. 272. — Письмо В. Г. Белинского М. А. Бакунину, 13–15 августа 1838 г.

7 Там же. – С. 387. — Письмо В. Г. Белинского Н. В. Станкевичу, 29 сентября – 8 октября 1839 г.

8 *Civolani Eva.* La sovversione estetica. – Milano: Eleuthera, 2000. – P. 30.

германской цивилизации, корни которой он видит в идеализме. Даже гегелевская философия, которую Бакунин изучал в молодости, определяется им не иначе, как позднейшая идеология буржуазии. Помещая в один плавильный котел германскую культуру и мысль «немецких коммунистов» Маркса и Энгельса, Бакунин приходит к выводу, что «чем возвышеннее идеальный мир немца, тем уродливее и пошлее его жизнь и его действия в живой действительности»[9].

Между идеальным миром и жизнью Бакунин всегда выбирает жизнь. «В моей природе всегда был коренной недостаток — это любовь к фантастическому, к необыкновенным, неслыханным приключениям, к предприятиям, открывающим горизонт безграничный и которым нельзя предвидеть конца»[10].

Бакунин выступал против «преклонения перед наукой, которое объединяло и гегельянцев, и позитивистов, против господствующего представления о тесной связи между научным прогрессом и прогрессом общественным»[11]. Он считал, что наука «бесконечно ниже искусства, которое также, собственно говоря, имеет дело лишь с общими типами и с общими положениями. Но благодаря свойственным ему приемам, оно имеет воплотить их в формы, хотя и не живые в смысле реальной жизни, но тем не менее вызывающие в нашем воображении чувство или воспоминание о жизни <…> Искусство есть, следовательно, в некотором роде возвращение абстракции к жизни. Наука же, напротив того, есть вечное приношение в жертву быстротечной, преходящей, но реальной жизни на алтарь вечных абстракций. <…> То, что я проповедую, есть, следовательно, до известной степени бунт жизни против науки или скорее против правления науки, не разрушение науки, — это было бы преступлением против человечества, — но водворение науки на ее настоящее место»[12].

«По убеждению, разделяемому также Прудоном и Кропоткиным, Бакунин ценит в любой области, и, следовательно, в области искусства, все, что выступает за восстание против угнетателей, запретов и принуждений, навязанных социальной средой. Искусство может

---

9 *Бакунин М. А.* Государственность и анархия / *Бакунин М. А.* Философия, социология, политика. – М., 1989. – С. 432.

10 *Бакунин М. А.* Исповедь. – СПб., 2010. – С. 105.

11 *Civolani*… – P. 33.

12 *Бакунин М. А.* Кнуто-германская империя и социальная революция / *Бакунин М. А.* Анархия и порядок. Сочинения. – М., 2000. – С. 589–591.

Английский драматург Том Стоппард во время приезда в Россию дважды посетил село Прямухино. Цель его визита — увидеть своими глазами места, где происходит действие первой части его трилогии «Берег утопии», почувствовать атмосферу, знаменитую «премухинскую гармонию», в которой жили ее герои. На фото: Т. Стоппард и председатель Оргкомитета Прямухинских чтений С.Г. Корнилов на фоне бакунинской усадьбы

«Я никогда не знал ничего о молодом Бакунине. И как только я добрался до этого, я понял, что здесь есть материал для такой пьесы, которую мечтает написать любой английский драматург. Вся премухинская жизнь, семья Бакуниных — это же идеальная обстановка для пьесы чеховской или тургеневской», — Том Стоппард. На фото: афиша спектакля «Берег утопии» в РАМТ (Москва)

«Берег утопии» в постановке РАМТа. В роли Бакунина — Степан Морозов (справа)

«Берег утопии» в постановке Лондонского Национального театра. Александр Герцен провожает Михаила Бакунина в Европу

выделять и делать видимым тот порыв к свободе, который внутренне присущ народной традиции и культурным особенностям нации», — считает Чиволани[13].

«Позвольте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно творящий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе и творческая страсть»[14].

«Эстетика Бакунина основана на двух утверждениях: первое, что искусство нужно для того, чтобы помогать социальной критике. Второе — что оно должно быть способно трансформировать признаки социального обновления, скрытые в обществе, в эстетические формы. <…> Функция искусства состоит в восстановлении обладания социальным измерением коллективной жизни. Оно, таким образом, направлено на удовлетворение потребности в справедливости и свободе людей, которые уже имеют в виде скрытого стремления все элементы будущей социальной организации. <…> В обществе будущего, предсказывает Бакунин, все будут делать вклад в коллективную работу: артисты, интеллектуалы, гениальные люди; и для всех рабочих будет доступно образование. <…> Больше не будет ни рабочих, ни ученых, ни артистов, но только личности, интересующиеся работой, науками или искусством»[15].

Анархический эстетический идеал, которого придерживались Бакунин и последующие анархические мыслители, в первую очередь — Петр Кропоткин, окажет огромное влияние на художественные движения XIX и XX веков. Мы знаем, насколько важными оказались идеи Пьера-Жозефа Прудона и для искусства его давнего друга Курбэ, и для реализма в целом.

Импрессионист Писсарро стал активистом анархического движения, как и большая часть пост-импрессионистов и символистов. Социальные идеи анархистов глубоко повлияли на весь художественный авангард, особенно в начальный период футуризма и весь период развития дада и сюрреализма вплоть до нового авангарда после Второй мировой войны.

В течение всего XX века, принимая во внимание господство авангардного искусства во всех областях, от поэзии до танца, эксперимен-

---

13 *Civolani*… – P. 36.

14 *Бакунин М. А.* Реакция в Германии / *Бакунин М. А.* Анархия и порядок… – С. 130.

15 *Civolani*… – P. 36–38.

тальное искусство само по себе было анархично, хотя и не всегда осознанно. Но, по меньшей мере, оно к этому склонялось.

По мнению Артура Шварца, возможно, крупнейшего эксперта в области авангарда и сюрреализма, художник как творец принадлежит к архетипу алхимика. «Но алхимик является также архетипом анархиста и в более общем смысле — предшественником дадаиста и сюрреалиста <…> Одним словом, это архетип любого индивида, который стремится полно прожить свою жизнь, будучи свободным от социального отчуждения и разделения. Как анархист, алхимик приветствует лозунг «Ни богов, ни господ!» <…>

В дополнение к этому, есть четкая уверенность в том, что сегодняшняя утопия — гармоничный мир, в котором можно будет гармонизировать свою собственную личность с обществом и космосом, — завтра станет реальностью. И это будет общество, свободное от иерархии, где важнейшими ценностями будет сотрудничество, а не конкуренция, и братство, а не ненависть»[16].

Бакунинская идея искусства возлагает на художника роль творца, который пытается открывать новый мир своими работами, рисуя будущие возможности. Так художник становится архетипом свободного человеческого существа, который видит в разрушении своих собственных цепей радость создания нового общества.

Спасибо за внимание! (*Аплодисменты*).

С места. Как Вы относитесь к пьесе Стоппарда «Берег утопии»?

Бунчуга Ф. Понравилась основная идея трилогии, что люди не должны стремиться к берегу Утопии. Это — комедия, а не пьеса, построенная на исторической достоверности. Постановка пьесы в Англии была удачной и в Италии — тоже.

Суворов В. П. Откуда пошла легенда о Сикстинской Мадонне — о том, что Бакунин предлагал ее поставить на баррикадах с тем, чтобы остановить обстрел позиций восставших?

Бунчуга Ф. Источником этой легенды совершенно точно является Герцен, который писал, что несколько лет назад Бакунин предложил это сделать во время восстания в Дрездене. Но эта идея имела продолжение. В анархическом движении появились группы, которые именно так относились к искусству. Легенда продолжалась и утверждалась этими группами.

---

16 *Shwarz Arturo*. L'immaginario alchemico. – Milano: La Salamandra, 1979. – P. 22–23.

Цовма М. А. Есть ли еще вопросы? Нет. Тогда — небольшой перерыв, после которого мы сначала заслушаем выступление Вячеслава Эмериковича Войцеховича, поскольку ему нужно уезжать.

Войцехович В. Э., Чендов Б.

О философском учении М. А. Бакунина

М. А. Бакунин более всего известен как революционер-практик. Однако его жизнь и идеи повлияли и на мировую философию. Его жизнь подобна бурной, быстро текущей реке, образ которой афоризмом «Всё течёт» ввёл ещё основатель учения о движении и развитии Гераклит.

Бакунин — один из первых россиян, кто познакомил русскую интеллигенцию с философией Гегеля и, таким образом, заложил начало исторической традиции развития диалектической мысли в России. В ранней юности он был глубоко религиозным юношей. Но в процессе последующего развития развернулся на сто восемьдесять градусов и, в конечном счете, встал на позицию категорического, воинствующего атеизма и материализма. В связи с этим, Б. Чендов предлагает периодизацию процесса эволюции философских взглядов Бакунина, выделяя пять основных этапов развития философии выдающего русского мыслителя и революционера[1].

1. Формирование личности Бакунина (1814–1835 гг.)

В детстве и юности (до 21-летнего возраста) значительное влияние на Михаила оказал его отец Александр Михайлович Бакунин (1765–1854). Он отличался высокой образованностью. Служил в российском посольстве в Турине. В Италии получил университетское образование. Защитил диссертацию по гельминтологии в прославленном старинном университете города Падуи и стал доктором философии[2].

Сын Миша рос в родовом гнезде семейства в селе Прямухине Новоторжского уезда Тверской губернии. У него проявились явные математические способности. В то же время он — настоящий ценитель искусств. Мишель (так называли его близкие) обладал развитым эстетическим чувством, любил живопись и страстно увлекался симфонической музыкой. Выучился играть на скрипке, знал хоро-

---

1 *Чендов Борис*. Философията на анархизма в трудовете Щирнер, Прудон, Бакунин, Толстой и Кропоткин. – София: Световит, 2013.

2 *Сысоев В. И.* Бакунины. – Тверь: Созвездие, 2002. – С. 57.

Вячеслав Войцехович

Сегодня учение о хаосе из философии перешло в науку и стало важной частью учения о самоорганизации (синергетики) и теории сложности. Поэтому вера Бакунина в творящую роль хаоса совершенно правильна и чрезвычайно глубока.

шо немецкий. Неплохо рисовал. Сохранился нарисованный им портрет Г. Гегеля. В поместье нередко бывали известные люди XIX столетия — Муравьёвы, Ф. Н. Глинка, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев и многие другие. Конечно, велись разговоры о России и Европе, об уроках Отечественной войны и о фундаментальных проблемах, волновавших образованных людей того времени, в том числе, и о философских проблемах. По-видимому, именно в Прямухине Михаил почувствовал своё высокое — общечеловеческое — предназначение. Обычная карьера дворянина не привлекает его. В 1834 г. Бакунин заканчивает артиллерийское училище в С.-Петербурге, служит в Белоруссии, откуда едет в служебную командировку в Тверь и, сказавшись больным, бросает военную службу и окончательно определяет своё предназначение — служить высоким идеалам, уровень которых — всё человечество[3].

Таким образом, при формировании личности Михаила Александровича уже в раннем возрасте соединились родные русские традиции и западно-европейская культура.

В этот период центральное место в развивающемся мировоззрении юноши занимают проблемы этики, рассматриваемые в религиозно-философском плане. Ключевыми понятиями при их рассмотрении стали понятия-образы «Бог» и «любовь».

---

3 *Сысоев В. И.* Бакунины… – С. 117.

2. Бакунин — первый гегельянец в России (1836–1840 гг.)

В период бурной молодости, Михаил Бакунин находится главным образом в Москве, нередко наезжая в Прямухино. В течение пяти лет он изучает И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга и Г. Гегеля. Активно пропагандирует философию последнего, в особенности его диалектику и учение о категориях. Вращаясь в кругах молодой русской интелигенции, он близко сходится с Н. В. Станкевичем, встречается с В. Г. Белинским, П. Я. Чаадаевым, А. И. Герценом и другими. Мало кто тогда знал немецкий язык, поэтому через Бакунина Белинский, Герцен и другие восприняли революционный дух диалектики. Среди мыслящей молодёжи России возникла и закрепилась «мода» на немецкую философию, особенно Шеллинга и Гегеля. Так, именно в эти годы в сочинениях Белинского происходит всплеск интереса к Гегелю, а Герцен (после возвращения в Москву из ссылки), впервые узнаёт о диалектике Гегеля именно от Бакунина. Появляется знаменитый афоризм Герцена: «Диалектика — это алгебра революции».

Особо отметим, что влечение Бакунина к идеалистической философии Гегеля вполне гармонировало с его христианской религиозностью в этот период его жизни (как это было и у самого Гегеля). Более того, оно давало дополнительную пищу для формирования зачатков будущего «революционно-марксистского» христианства, расцветшего во второй половине XX столетия в Латинской Америке, на волне освободительного движения, направленного против США и олигархии.

Молодость Бакунина пришлась на период консерватизма в России (1830-е–1840-е годы), вызванный реакцией власти на восстание декабристов. В этот период поиски новых идей в литературе, искусстве, науке практически прекратились. Пожалуй, единственными социально-культурными событиями в общественной жизни в период 1836–1840 годов стали трагическая смерть А. С. Пушкина («Солнце нашей поэзии закатилось!»), на которую отозвались все выдающиеся люди России, и начало строительства железных дорог страны, которое осталось большинством незамеченным, за исключением композитора М. И. Глинки и писателя Н. В. Кукольника, написавших по сему поводу весёлую «Попутную песнь». Философская жизнь России отмечена опубликованием «Философических писем» в журнале «Телескоп» (1836 г.) и последующим заключением их автора П. Я. Чаадаева под домашний арест на долгие годы за резкую критику России и восхва-

ление Запада. Уже тогда Чаадаев высказал известную мысль о будущей победе социализма («социализм победит не потому, что он прав, а потому, что неправы его противники»). Полемика между славянофилами и западниками в этот период, по-видимому, оказала влияние на Бакунина, особенно на последующее развитие его мировоззрения в западническом направлении.

Находясь в России, Бакунин остаётся правым гегельянцем, толкующим в консервативном духе гегелевский тезис «Всё действительное — разумно, всё разумное действительно». Однако после сближения с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым его начинают мучить сомнения, он колеблется между консервативным и революционным гегельянством.

В целом же в этот период Бакунин остаётся сторонником примирения индивида с окружающей его социальной действительностью.

3. От диалектики Абсолютного духа к диалектике социальной революции (1840–1842 гг.)

С целью разрешения философских сомнений в 1840 году Михаил Александрович уезжает за границу (Германия, Швейцария, Бельгия, Франция). В период с июля 1840 г. до октября 1842 г. Бакунин живёт в основном в Германии. Он посещает Берлинский университет, в котором не так давно сам Гегель читал лекции, так что должно быть еще сохранилась духовная атмосфера великого мыслителя.

Интересно, что в 1840-е годы именно бурлящая атмосфера философского факультета Берлинского университета стала центром мысли планеты Земля. Здесь, на одних и тех же скамьях, (одновременно и в разные годы) сидели будущие великие мыслители и преобразователи человечества — К. Маркс и Ф. Энгельс, М. Бакунин, Ф. Ницше, С. Кьеркегор и другие. Здесь возникли марксизм, анархизм, философия жизни, учение о Сверхчеловеке, экзистенциализм и иные радикальные направления.

Невольно вспоминаешь слова Евангелия: «Дух дышит там, где хочет». Тогда он дышал в Берлине.

В Германии Бакунин углубляется в философию Гегеля, особенно в его логику. В то же время он прилагает усилия и к расширению круга своего образования в области научного познания. Также активно знакомится с достижениями немецкого искусства, регулярно слушает симфонии Л. Бетховена, эти могучие манифестации диалектики, выраженные на языке музыкальной гармонии. Благодаря западноевро-

Михаил Александрович Бакунин.
С портрета Н. Н. Ге. 1860-е гг.

М. А. Бакунин с женой
Антониной Ксаверьевной.
Фото 1860-х гг.

В Томске, куда был сослан М. Бакунин на вечное поселение, сохранился дом (№ 14 на улице Бакунина), в котором он жил.

пейской закваске (в его прямухинском образовании под руководством отца) он быстро устанавливает связь — в некоторых случаях даже тесную дружескую связь — с передовыми представителями немецкой культуры: с профессором логики, знатоком Гегеля — Карлом Вердером, с Германом Мюллером-Стрюбингом, который недавно вернулся из тюрьмы после семилетнего заключения за революционную деятельность, с самым знаменитым в 1840-е годы из немецких философов — Фридрихом Шеллингом, с одним из лидеров младогегельян-

цев в Германии — Арнольдом Руге, который в течении шести лет был заключен в тюрьме из-за его политической деятельности, с талантливым немецким пианистом и композитором Адольфом Рейхелем, со знаменитым поэтом-демократом Георгом Гервегом, по поводу которого впоследствии был издан указ о высылке из Пруссии, и так далее.

В этот краткий, но чрезвычайно бурный, переломный период, в ходе изучения гегелевской философии в условиях социальной напряжённости в Германии накануне революции, Бакунин из религиозного «примиренца» и идеалиста становится бунтовщиком, атеистом и материалистом. Дух приближающейся революции заражает его. Примкнув к левым гегельянцам, Бакунин выражает свои новые воззрения в радикальной статье «Реакция в Германии», которая завершается знаменитым тезисом: «Так восславим же страсть к разрушению, которая есть в то же время и творческая страсть».

Понятие разрушения в этой фразе приобретает значение категории социальной философии Бакунина в качестве проекции абстрактной гегелевской категории отрицания на конкретную плоскость социальных явлений. Этот тезис стал диалектическим принципом Бакунина, утверждающим закономерность отрицания в процессе социального развития (причем он имеет более широкое значение для разных типов процесса развития). А прокламирование тезиса стало началом процесса формирования философии анархизма Бакунина. Полное выявление содержания и значения тезиса осуществится впоследствии, на этапе разработки анархического учения.

Выражаясь языком Гегеля, этот тезис означает, что вещь в процессе развития неизбежно проходит стадию качественного скачка, смены качества (в социуме скачок качества называется революцией). Новое содержание вещи приводит к гибели устаревшей формы и ряда нежизнеспособных свойств. Форма общества — это государство, право, церковь и другие социальные институты. Их разрушение в процессе развития любого общества неизбежно и закономерно. На месте устаревших форм из хаоса возникают новые формы, соответствующие новому содержанию.

В душе человеческой великий скачок требует и великой страсти, ярости разрушения-творения. Гегель писал: «Ничто великое не рождается без страсти».

Видимо, Бакунин выразил диалектическим языком необходимость ярости при разрушении старого и творении нового.

Обычно различные комментаторы выделяют любовь Михаила Александровича к негативной стороне диалектики, к разрушению.

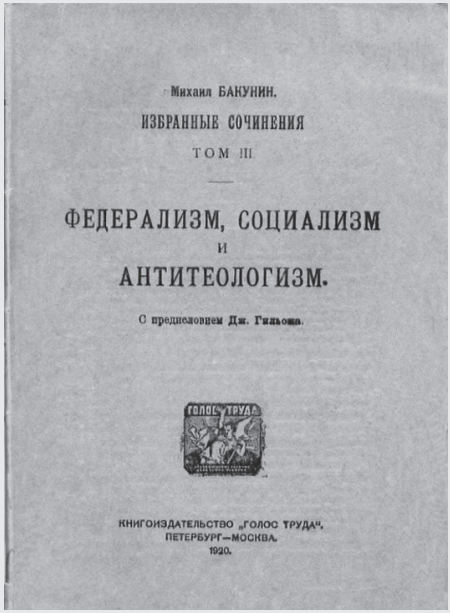
Однако отрицание — лишь обратная сторона творения. Это прекрасно понимал философ Бакунин. Просто в эпоху сильного репрессивного государства революционер неизбежно впадает в ярость отрицания, не в силах победить «монстра». В период борьбы со старым новатор неизбежно становится негативистом на первом этапе. Но после ослабления и гибели старого новатор становится позитивным строителем. «Отрицатель» становится «утвердителем». Бакунин опередил свою эпоху, эпоху XIX столетия. Не пришло тогда его время. С тезиса о творчесокой страсти начинается формирование его философии анархизма.

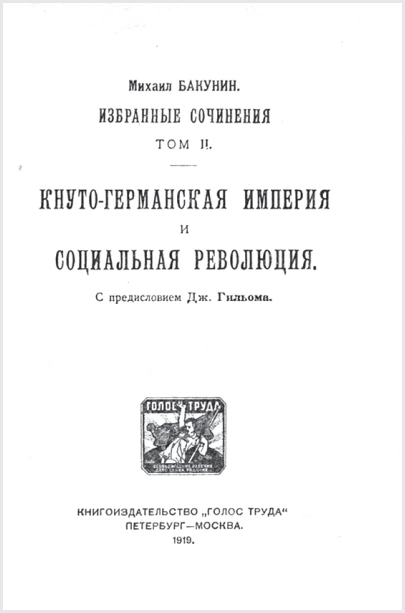
4. Революционно-демократический период развития философии Бакунина (1842–1863 гг.)

Происходит преобразование диалектического идеализма в собственную социальную диалектику — учение, в котором Абсолютный дух замещается парой диалектических категорий «народ — личность». Онтологическую основу социального учения Бакунина составляла категория «хаос». В чём-то сходные идеи есть и у Гегеля, в онтологии которого аналогом хаоса выступает «ничто». Абсолютный дух проходит стадии развития: тезис, антитезис, синтез, т. е. «ничто», «что» (вещь) и синтез «ничто» и «что» — становление. Но колебания между ними остались слабо прописанными в диалектической логике немецкого философа. Будучи рационалистом, Гегель не смог выйти за рамки убеждения во всеобщности «Абсолютного рацио (идеи)», а потому не смог и преодолеть в дальнейшем антиномии на этом пути.

Бакунин же, будучи русским мыслителем, опирался не столько на рацио, сколько на духовность, конкретнее — на русский дух. Михаил Александрович высоко ценит русский народ. Он пишет: «русский человек лучше, добрее, шире душой, чем западный». Специфику русского духа начинали раскрывать славянофилы, с работами которых был знаком Бакунин.

Современные исследования духа народа, которые заложил ещё Гегель, привели к следующим результатам. Для русского духа (в сравнении с немецким духом) характерны интуитивность (творческое решение задач путём озарения при убеждённости в решающей роли хаоса (его аналог знаменитое русское «авось»)), «семеричность» (следование в процессе развития циклу, состоящему из 7 этапов), соборность, динамическая гармония женского и мужского начал, оптимизм, высокая оценка трансцендентности (априорности, «потусторонности»), вера в помощь со стороны Всевышнего, Бога (об этом писал ещё Лев Толстой

Михаил БАКУНИН.
ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
ТОМ III.
ФЕДЕРАЛИЗМ, СОЦИАЛИЗМ
И
АНТИТЕОЛОГИЗМ.
С предисловием Дж. Гильома.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОЛОС ТРУДА".
ПЕТЕРБУРГ—МОСКВА.
1920.

Михаил БАКУНИН.
ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
ТОМ II.
КНУТО-ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
И
СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.
С предисловием Дж. Гильома.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОЛОС ТРУДА"
ПЕТЕРБУРГ—МОСКВА.
1919.

Собрание сочинений Михаила Бакунина, выпущенное анархо-синдикалистским издательством «Голос труда» (1919–1920)

в «Войне и мире»). Ряд этих особенностей русского духа способствовал и развитию философского основания анархизма у Бакунина.

Сходные идеи о принципиальной фундаментальности категорий «пустота», «Дао», «ничто», «хаос», «материя», об их роли в акте творения разрабатывали Будда, Лао Цзы, Парменид, Гераклит, Аристотель, Плотин, их ученики и последователи.

Сегодня учение о хаосе из философии перешло в науку и стало важной частью учения о самоорганизации (синергетики) и теории сложности[4]. Поэтому вера Бакунина в творящую роль хаоса совершенно правильна и чрезвычайно глубока. Но не была понята многими интерпретаторами русского философа.

Те, кто не понимает философию Михаила Александровича, по привычке продолжают приписывать ему «эклектизм» и непоследовательность. Подобное приписывание «нелогичности» каким угодно

---

4 *Войцехович В. Э.* Проблема сложности в постнеклассической науке // Теория и практика общественного развития. 2012. – № 4. Философские науки. – С. 17–19.

мыслителям (исключая классиков марксизма) было принято в советской марксистской традиции. Между тем, это — оригинальный философ, заглянувший в далёкое будущее[5].

Большое влияние в период 1842–1863 гг. на Бакунина оказали Л. Фейербах и К. Маркс. Частично повлияли также О. Конт, К. Фохт, Л. Бюхнер, Я. Молешотт.

5. Формирование философии анархизма (1864–1876 гг.)

В последний период своей деятельности Бакунин разрабатывает принципиальные основы своей социальной философии и связывает их с распространёнными в то время марксизмом, позитивизмом, антропологией, экономизмом и другими учениями.

Его диалектика становится материалистической. Он развивает философское учение о свободе личности, даёт диалектическую трактовку проблемы авторитета, религии, государства и социальной революции[6].

Как видим, впечатляющая революционная деятельность Бакунина затмила его философское учение, которое оказалось в тени. Между тем, это оригинальный и глубокий философ, выдвинувший новые идеи, внесший значительный вклад в мировую философию и далеко опередивший своё время.

Спасибо за внимание. (*Аплодисменты*).

С места. Что такое синергетика?
Войцехович В. Э. Это теория самоорганизации. А более популярно: это диалектика и математика.
С места. А кто первый синергетик? Откуда это пошло?
Войцехович В. Э. Если глубоко искать то, конечно, это — древние греки. У них это уже было…
С места. Именно с этим термином?
Войцехович В. Э. Нет. Этот термин ввел Хакен, немецкий лазерщик. Но первый результат в науке получен советским химиком Белоусовым в 1953 году, открывшим периодические химические реакции.
Суворов В. П. В 1923 году приехал в Тверь один из теоретиков синанархии. Как понимать, что такое синанархия?

---

5 *Войцехович В. Э.* Будущее человечества: государственность или анархия? (Выживет ли человечество, если развитие цивилизации будет происходить так, как шло до сих пор?) // Прямухинские чтения 2008 года. – Тверь: Созвездие, 2010. – С. 9–16.

6 *Чендов Борис*. Философията на анархизма...

Войцехович В. Э. Я отвечу шуткой Резерфорда. Когда к нему приходил студент и говорил: «Я не понимаю этого», Резерфорд отвечал: «А вы напишите диссертацию на эту тему (*смех*) и поймете. И мне объясните». Валерий Павлович, мы сейчас поедем в нашу родную Тверь, и вы по дороге мне объясните, что такое синанархия. Терминов вокруг синергетики — пруд пруди. Эти общественные термины очень туманны и расплывчаты. Но смысл один: это — самоорганизация и общество, состоящее из коммун, где индивидуум может свободно переходить из одной в другую, в них может быть локальная иерархия, но никакой политики, государств, армии и т. д. Общее направление развития — это умирание государства. Самоорганизация — это важный путь развития человечества. Анархическое движение должно развивать теорию социальной самоорганизации и параллельно проводить социальные эксперименты по самоорганизации, чтобы доказать, что она более эффективна, чем государство.

Цовма М. А. Мы исчерпали регламент выступления. Слово предоставляется Хикару Танака.

Танака Хикару

Японские анархисты и Бакунин: интерпретации и исторический контекст

Танака Хикару. Приветствую всех, присутствующих в этом зале. Я рад предоставленной мне возможности представить свое сообщение на юбилейной конференции, посвященной 200-летию Михаила Бакунина. Сам я занимаюсь историей немецкого анархизма и историей еврейских анархистов, эмигрировавших из России в США. С работами Бакунина я впервые познакомился 30 лет назад и прочел многие из них — от «Реакции в Германии» до «Государственности и анархии». Впечатление от идей Бакунина было настолько сильным, что это побудило меня начать изучать историю анархизма, что я продолжаю делать и по сей день.

Сегодня я хотел бы рассказать вам, как японские анархисты воспринимали идеи и деятельность Бакунина в течение последних 100 лет, а поскольку времени у меня не очень много, я сконцентрируюсь лишь на интерпретации работ Бакунина известным японским анархистом Сакаэ Осуги (1885–1923) (Ōsugi Sakae), оставив за скобками трактовки его идей другими нашими анархистами. Я начну с крат-

Танака Хикару

Японское общество все еще довольно консервативно, но после катастрофы на Фукусиме что-то изменилось. После 1945 года главной ценностью японцев был экономический рост. Но на демонстрациях против атомной энергетики мы теперь видим новые лозунги, такие, как «Нет — деньгам, да — жизни» или «Жизнь важнее денег».

кого обзора текстов Бакунина, которые публиковались в Японии, начиная со Второй мировой войны.

Послевоенные публикации о Бакунине в Японии

В этот период в Японии было опубликовано довольно много статей Бакунина в анархистских газетах и журналах. В 1956 году о нем впервые заговорили в одной из газет Анархической федерации Японии в связи с 80-летием со дня смерти. Но основная масса публикаций бакунинских работ в переводе на японский появилась лишь после 1960 года. В 1961 году в Японии была опубликована биография Бакунина, написанная японским анархистом Масамичи Осавой (р. 1933) (Osawa Masamichi). Она основывалась на биографии Бакунина, написанной Эдвардом Карром, которая позже также была издана на японском в полном объеме (в 1965 году) в переводе Осавы.

Под влиянием студенческих волнений 1968 года в Европе и США, которые нашли отголосок также и в Японии, все больше людей стали проявлять интерес к идеям анархизма. Именно тогда стало выходить все больше переводов бакунинских текстов, и они были тогда очень востребованы. Популярность Бакунина в Японии росла. Наиболее значительной публикацией стало шеститомное собрание сочинений Бакунина, вышедшее в 1973 году. Оно было переведено и опублико-

вано Ассоциацией исследователей истории русской мысли по инициативе Такеши Сакона (1936–2002) (Sakon Takeshi). Сакон перевел биографию Бакунина Натальи Пирумовой, которая была опубликована в Японии в 1973 году. Один из лидеров революционной анархической группы студентов высшей школы в Осаке Киоджи Чисака (р. 1950) (Chisaka Kyoji) настаивал на том, чтобы бороться за победу анархической революции, опираясь на революционный авангард, то есть используя тактику создания подпольных групп. Это — пример того, как публикация бакунинских трудов в 1970-е годы повлияла на общественное движение в Японии. Чисака называл себя «бакунистом».

Следующее поколение, которое заинтересовалось анархизмом в 1980-е годы, как и я сам, изучали анархизм по японским переводам Бакунина и Кропоткина, которые были опубликованы в 1970-е годы. Можно сказать, что тексты Бакунина, которые сегодня доступны в Японии, были опубликованы в 1970-е годы, за исключением текстов Сакаэ Осуги, которые были написаны еще в 1920-е годы.

Сакаэ Осуги и его интерпретация идей и жизненного пути Бакунина

Тексты Сакаэ Осуги о Бакунине можно считать в какой-то степени уникальными, хотя при этом они довольно просты для понимания. Благодаря им, жизнь Бакунина и его идеи стали чрезвычайно популярны в Японии. Его работы до сих пор часто цитируются, на них любят ссылаться исследователи.

Еще до того, как Осуги стал играть заметную роль в анархическом движении Японии, японские анархисты размежевались с социал-демократами. После этого, в 1910 году, многие анархисты и социалисты были обвинены в государственной измене и преследовались властями. В результате, в 1911 году двенадцать анархистов были казнены.

После этих событий возникло новое движение более молодых анархистов, в котором участвовал и Осуги, отличавшийся как от представителей молодой генерации, так и от старшего поколения анархистов. Он весьма хорошо читал по-английски и по-французски, был хорошо осведомлен о положении анархистов в Европе и США из европейских газет и журналов.

Кроме того, его тексты и сегодня легко читать, поскольку они изящны и легки для понимания, а главное — они открывают японскому читателю уникальные перспективы. По этим причинам его тексты очень популярны не только среди анархистов, но и среди тех, кто

не принадлежит к движению. Более того, даже некоторые коммерческие издания просили Осуги писать для них статьи.

Осуги опубликовал ряд книг и статей о Бакунине в течение двух с небольшим лет. Вскоре после этого он был убит полицией в возрасте 38 лет, в сентябре 1923 года, вместе со своей поругой Ноэ Ито (1895–1923) (Itō Noe), которой было всего 28 лет. Но почему Осуги стал писать о Бакунине только за два с небольшим года до своей гибели?

Около 1920 года Осуги предполагал, что в Японии может произойти революция, аналогичная российской. Он считал, что для того, чтобы успешно повести за собой революцию, японские анархисты должны вступить в союз, в том числе, с большевиками и марксистами, причем как в России, так и в Японии.

В 1920 году, когда Коминтерн (Третий Интернационал) пригласил японских социалистов и анархистов на свой съезд в Китае, Осуги был единственным японским анархистом, который принял это приглашение, поехал в Китай и посещал там все собрания с риском быть арестованным. После съезда он договорился сотрудничать с некоторыми японскими большевиками и совместно участвовать в издании

На фото крайний справа — Сакаэ Осугу

На фото: японские радикалы Котоку Шусуй, Сакаи Тохишико, Ишикава Санширо и Нишикава Кожиро. (Фото предоставлено Международным институтом социальной истории, Амстердам.).

журнала в Токио. Однако большевики повели себя предательски, что привело к конфликту между ними и Осуги.

После 1922 года, когда Осуги узнал из европейской анархистской прессы, что большевики в России начали преследование анархистов, он стал критиковать большевизм и развенчивать взгляды большевиков в своих газетных и журнальных публикациях. Конфликт между Осуги и большевиками углублялся.

В декабре 1922 года Осуги получил письмо из Франции, в котором французские анархисты приглашали его на международный анархический конгресс, который должен был состояться в Берлине в 1923 году. Осуги быстро добыл себе фальшивый паспорт, «исчез» из Японии и отправился во Францию через Китай. Однако конгресс был уже повторно отложен. Осуги был этим весьма расстроен, тем не менее, он решил выступить с трибуны первомайского митинга рабочих в парижском пригороде Сен-Дени, чтобы рассказать французским трудящимся о Первомае в Японии. Он был арестован прямо на месте и депортирован в Японию. Первоначально идея проведения анархического конгресса была предложена в 1922 году на международном съезде, посвященном 50-летию антиавторитарной конференции в Сент-Имье, которая также известна как конференция «бакунинской фракции» Первого Интернационала. Таким образом, мы вполне можем говорить о том, что поездка Осуги во Францию и его исчезновение из Японии были косвенно связаны с наследием Бакунина.

Конечно же, Осуги хотел бы встретиться в Берлине с русскими анархистами — Нестором Махно и Всеволодом Волиным (Эйхенбаумом) и услышать от них историю анархической революции в России. Одной из самых важных проблем для него в то время было то, каким образом анархисты могли бы привести к победе социальную революцию в Японии, поэтому он, возможно, надеялся перенять опыт революционных действий русских анархистов. Осуги даже назвал своего третьего ребенка, родившегося в 1923 г., Нестором, что демонстрировало огромное уважение, которое он испытывал к Махно и русским анархистам.

С той же точки зрения, Осуги был интересен и Бакунин, однако он воспринимал его не только как революционера, а как человека, внушающего огромную симпатию и достойного подражания. Он писал:

«Кропоткин описывает Бакунина как хорошего и чистого помыслами человека, надежды которого были направлены к миру и свободе. Но такая трактовка личности Бакунина не дает возможности

им восхищаться. И мне гораздо больше нравятся тексты, где Бакунин описывается как человек, который нарушает порядок и покой даже в среде самих анархистов, как человек, который даже по отношению к анархистам представляется бунтарем. Мне гораздо больше нравятся тексты, представляющие Бакунина прирожденным бунтарем, человеком непунктуальным, несколько легкомысленным и довольно «безответственным». Когда я читаю про такого Бакунина, я всегда чувствую, что как будто встречаю старого друга. И когда я вспоминаю его жизненный путь, я мысленно улыбаюсь».

Осуги рисует портрет Бакунина и в других своих текстах — не только как революционера и анархиста, но и как человека, которого было невозможно ненавидеть и которому было свойственно часто ошибаться. Осуги опубликовал несколько биографий Бакунина в период с 1921 по 1923 год. Задолго до публикации биографии, написанной Эдвардом Карром и вышедшей в Японии в 1965 году, работа Осуги стала единственным японским текстом, давшим интересное и довольно детальное описание жизненного пути Бакунина.

До 1920 года Осуги также написал биографию Петра Кропоткина и несколько текстов о нем, как и его предшественник Шусуи Котоку (1871–1911) (Kōtoku Shūsui). Аналогично Котоку и другим социалистам старшего поколения, Осуги и более молодое поколение изучали анархизм преимущественно по трудам Кропоткина.

Здесь я хотел бы отметить, почему Осуги изучал Бакунина и написал о нем большое количество текстов. Во-первых, потому что он искал в жизни и идеях Бакунина указания на то, как провести в Японии успешную революцию. Во-вторых, он интересовался опытом Бакунина в своей борьбе с японскими большевиками, поскольку Бакунин боролся с Марксом и теми, кто его поддерживал,— государственниками в Первом Интернационале. В 1968 году, через 45 лет после смерти Осуги, в разгар студенческих выступлений, интерес к Бакунину возродился по сходным причинам.

А что же сегодня? В последние 20 лет неолиберальная политика японского правительства привела к росту пропасти между бедными и богатыми, что спровоцировало, в частности, возникновение в последнее десятилетие массовых расистских движений. Их поддерживают самые бедные слои трудящегося населения, которые живут без надежды на лучшее будущее. И направлены эти настроения против постоянных жителей Японии корейского происхождения, которые живут в нашей стране на протяжении уже трех-четырех поколений.

С другой стороны, в последнее десятилетие в Японии появились молодые люди, которые демонстрируют свой бунтарский дух, организуя разнообразные уличные антиправительственные демонстрации, такие как Amateur Revolt («любительский бунт»). Особенно после катастрофы на атомной электростанции Фукусима 11 марта 2011 года много молодых людей в Японии включились в протесты против правительства и бюрократии, вышли на улицы. В наши дни среди японцев появились люди, которые предпочли борьбу против властей социальному порядку. Создается впечатление, что те молодые японцы, которых ранее можно было характеризовать как покорных властям и удачно приспосабливающихся к существующей социальной системе, стали постепенно меняться. В последние три года численность протестующих продолжает расти. Через уличные акции они выражают свой протест против позиции властей, против бюрократии, а также против топ-менеджмента энергетических компаний и глобальных корпораций.

Японское общество все еще довольно консервативно, но после катастрофы на Фукусиме что-то изменилось. После 1945 года главной ценностью японцев был экономический рост. Но на демонстрациях против атомной энергетики мы теперь видим новые лозунги, такие, как «Нет — деньгам, да — жизни» или «Жизнь важнее денег». И это — принципиально новые ценности и идеалы.

Я думаю, что можно говорить о возникновении некоего «нового анархизма» в японском стиле. Но даже если мы и не будем называть этих людей анархистами, они протестуют против государства и выражают свой протест акциями прямого действия, так же, как и анархисты. И я думаю, что сейчас это именно те люди, которые нуждаются в философии Бакунина и в понимании его позиции по многим вопросам.

Я закончу свое выступление следующими словами Осуги, написанными в 1921 году, которыми он пытается объяснить, чем его очаровал Бакунин:

«Молодые люди, начинающие изучать анархизм, часто страдают от „бакунинской лихорадки" Двадцать лет назад я тоже страдал от этой болезни. Но если люди разумны, они излечиваются от нее довольно быстро. Я тоже был довольно неглуп, так что после этого меня привлекли взгляды и труды Кропоткина. Однако в последние несколько лет я ощущал себя все моложе и вновь подхватил „бакунинскую лихорадку"».

Бакунин жил в эпоху социальных потрясений и нестабильности, в эпоху, когда феодализм был уже разрушен, а новая капиталистическая система была недостаточно устойчива. Кропоткин же жил в эпоху, когда почти всем казалось, что капитализм вечен и что именно он может принести мир, стабильность и благополучие. Но не думаете ли вы, что мировая война, а также революции в России и Германии привели к новой эпохе нестабильности для капитализма? И, в конце концов,— к замене его новой социальной системой, где будут главенствовать свобода и справедливость?»

Однако это предсказание Осуги не оправдалось. Двумя годами позже он был убит, став жертвой государственных репрессий. После этого Япония вступила в эпоху милитаризма, войн и агрессии, но я думаю, что Осуги видел один из путей, которыми мысль и жизнь Бакунина могли бы дать смысл существования нашим современникам. А то, сможем ли мы найти этот смысл в мировоззрении людей, которые жили более ста лет назад, зависит от нашего воображения и восприимчивости. Думаю, что именно этому научил нас Осуги.

Большое спасибо за внимание. (*Аплодисменты*).

Мангазеев И. А. Известны довольно сильные организации дальневосточных анархистов — Каландаришвили, Рогова и т. д. Вопрос: японский воинский контингент на Дальнем Востоке испытывал какое-то влияние со стороны этих анархистов? Если испытывал, то от кого — от русских анархистов или от Осуги?

Танака Хикару. В начале 1920-х годов основная информация о происходящих в российском анархизме событиях поступала в Японию не из России, а из французских и английских анархистских газет. О каком-либо влиянии из России мне не известно.

Должиков В. А. Я хочу спросить, знает ли уважаемый Хикару Танака, что Михаил Бакунин был в Японии больше месяца, когда бежал из России. Не связано ли с этим то, что в Японии был жив тогда дух Бакунина? Или, может быть, жив до сих пор?

Рябов П. В. И есть ли исследования о пребывании Бакунина в Японии?

Танака Хикару. Мне приходилось читать переводные, с испанского и французского языков, исследования о пребывании Бакунина в Японии. В одном из них описывался эпизод, когда в отеле, где Бакунин остановился, у него случайно обнаружен был пистолет, что наделало большой шум.

Цовма М. А. От себя добавлю, что есть большая статья «Бакунин в Японии», где дается обзор тогдашней японской жизни. Интересно, что иностранцы тогда только стали появляться там, и Бакунин был чуть ли не первым русским, попавшим в Японию. Если кому-то интересно — это материал в 25 страниц на английском языке, — я могу прислать.

Талеров П. И. Есть утверждение, что Бакунин был основателем теории о «желтой опасности». Что вы можете сказать об этом?

Танака Хикару. К сожалению, на конференцию не прибыл коллега Ямамото. У него есть развернутая статья на эту тему. Насколько я знаю, он отрицательно относится к этой идее. И я считаю, что при внимательном изучении текстов нет оснований считать Бакунина приверженцем этой теории. Наоборот, можно найти его несогласие с ней. (*Аплодисменты*).

Цовма М. А. Больше вопросов нет? Тогда мы передаем слово Джеймсу Гудвину.

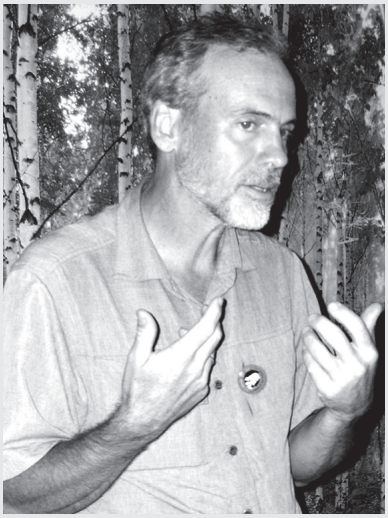
Джеймс Гудвин

«Беседы с Бакуниным»: вклад Григория Максимова в бакунинoведение

Одно из сложнейших идейных наследий, увековеченных в первое десятилетие советской власти, принадлежало русскому основоположнику анархистской мысли Михаилу Бакунину. Выдвижение выдающегося представителя анархизма и врага государственности в ряды ведущих предтечей коммунистической России далеко не логично, тем более в свете дорого стоящего укрепления революционной диктатуры. Однако в официальной печати первого десятилетия советской власти «бакунинианa» занимает видное место. Со времени включения имени Бакунина в ленинский «План монументальной пропаганды» в 1918 году и в связи с пятидесятилетием со дня его смерти в 1926 году количество посвященных ему публикаций и выступлений возрастало, и, кажется, актуальность Бакунина в России стояла в то время на уровне самого Маркса. В то же время, некоторые официальные исследователи Бакунина, хотя и относившиеся, в основном, критически к его анархистской деятельности, тем не менее прилагали немало усилий для исторического оправдания революционных устремлений легендарного бунтаря или, по крайней мере, для принятия большевизмом его более «героических» аспектов.

Не менее примечательным, учитывая их крайне отчуждённое положение в советской политической культуре, является вклад в бакуниноведение оставшихся в живых анархистов, чьи смелые, хотя и ограниченные, попытки выразить свои альтернативные взгляды в противовес некритической односторонности благоприятствовали конструктивной полемике о Бакунине. Более того, краткое и случайное сотрудничество марксистов и анархистов по увековечиванию Бакунина оказалось полезным обеим сторонам. С 1929 года, когда карательные меры ГПУ сделали видимую литературную деятельность русских анархистов фактически невозможной, некоторым свободным представителям русской анархистской мысли удалось продолжить работу по изучению бакунинского наследия за границей, и в первую очередь — высланному русскому представителю анархо-синдикализма Григорию Петровичу Максимову.

Анархистская деятельность Максимова в Советской России, несмотря на ее кратковременность, была значительной. Родившись в провинции, в селе под Смоленском, Максимов развил свои взгляды в области анархо-синдикализма во время своей учёбы на Высших сельско-хозяйственных курсах в Петербурге (Петрограде), которые он окончил в 1915 году. С 1917 по 1921 год Максимов активно поддерживал политическую независимость рабочих Советов и фабрично-заводских комитетов, которые он считал наиболее активными и прогрессивными производственными

Джеймс Гудвин

Вместо цитирования бакунинских высказываний Максимов представлял «учение» Бакунина в форме диалога между современным исследователем, за которым стоит сам Максимов, и Бакуниным, как бы воскресшим после пятидесятилетнего отсутствия.

организациями пролетариата[1], и за чью свободу от государственного управления он агитировал на страницах синдикалистских газет. Во время Кронштадтского восстания Максимов оказался среди тринадцати анархистов, посаженных в Таганскую тюрьму. Высланный из России в 1922 году, Максимов, при содействии и сотрудничестве товарищей-синдикалистов, два года работал в Берлине над организацией международного анархо-синдикализма, потом ненадолго переехал в Париж, а затем, наконец, оказался в США — в Чикаго, где ему удалось возобновить свою литературную деятельность. Принуждённый работать физически за хлеб насущный днем, с 1925 года и до своей смерти в 1950 году Максимов посвящал свое свободное вечернее время литературной деятельности для русскоязычных тонких журналов «Голос труженика» (до его закрытия в 1927 г.), «Дело труда» и «Дело труда — Пробуждение». На страницах этих периодических изданий он пропагандировал анархистские идеи и, одновременно, предавал огласке тяжелое положение преследуемых социалистов, находящихся в тюрьмах и в изгнании в разных странах мира, особенно в коммунистической России. В то же время, в первые годы его пребывания в Чикаго, Максимов вернулся к своему плану собирания и публикации литературного наследства Бакунина, который, как говорил Рудольф Роккер, был тем анархистским мыслителем, который больше всего интересовал Максимова[2].

По всей вероятности, работу над своим бакунинским проектом Максимов начал сразу после высылки из России. По воспоминаниям бывшего левого эсера Исаака Штейнберга, оставившего Советскую Россию в 1923 году, он, вместе со своими соратниками по берлинскому издательству «Скифы», обратился к Максимову с предложением подготовить собрание сочинений Бакунина для серии, посвященной основателям русской революционной мысли. Максимов принял предложение и начал готовить это собрание с большим «знанием и любовью», как вспоминал Штейнберг, но из-за «сложных условий в эмиграции», книга так и не вышла[3]. Как утверждал другой сотрудник Максимова,

---

1 См., например, его тезисы: Резолюции Группы анархо-синдикалистов 2-го Всероссийского Съезда Пищевиков 17–25 марта 1920 г. //Анархисты: Документы и материалы. – Т. 2 (1917–1935). – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 291.

2 *Роккер Р.* Георгий Петрович Максимов [некролог] //Дело труда. – Пробуждение. 1950. – № 33 (июль–август). – С. 2.

3 *Штейнберг И. З.* [Исаак-Нахман Захарович] Человек-революционер (Памяти Г. П. Максимова) // Дело труда. – Пробуждение. 1950. – № 33 (июль–август). – С. 16.

канадский учёный и писатель Джордж Вудкок, Максимов подготовил свой бакунинский сборник за два года и, по-видимому, продолжал редактировать его и после, ожидая, пока группа Штейнберга не найдет средства для его публикации[4].

Первым опубликованным вариантом его бакунинского проекта можно предположительно считать серию статей, которую он напечатал в чикагском журнале «Голос труженика» в 1927 году. Написанные в необычной, полухудожественной форме «бесед» с Бакуниным, публикации Максимова появились именно в тот момент, когда немногие анархисты, оставшиеся на свободе в Советской России, в связи с только что прошедшим бакунинским пятидесятилетием старались выразить свои взгляды на Бакунина. В том же году издание «бесед» с Бакуниным было временно прервано в связи с закрытием «Голоса труженика», но в 1934 году Максимову удалось возобновить публикации своих «бесед» в журнале «Дело труда», издание которого с 1930 года было перенесено из Парижа в Чикаго.

Вместо цитирования бакунинских высказываний Максимов представлял «учение» Бакунина в форме диалога между современным исследователем, за которым стоит сам Максимов, и Бакуниным, как бы воскресшим после пятидесятилетнего отсутствия. Замысел публикации в таком жанре, возможно, частично вышел из подобной попытки Аполлона Карелина, одного из ветеранов анархистского движения в России, который раньше, с явным намеком на известную книгу Ницше, составил небольшую книжку бакунинских высказываний под названием «Так говорил Бакунин»[5]. Однако, в отличие от Карелина, чьи комментарии предваряют и толкуют цитаты из бакунинских текстов, Максимов появляется в тексте в качестве вопрошающего. Посредством выдуманных диалогов с легендарным бунтарем, Максимов, по существу, стремился заполнить тот дискуссионный вакуум, в котором оказались русские анархисты к концу двадцатых годов. После раскола зарубежных русских анархистов из-за «Организационной платформы» и во время фактического запрета на пропаганду анархизма в сталинской России, Максимов, вероятно, оказался перед необходимостью разыскать новых русскоязычных чи-

---

4 *Woodcock George*. Foreword to: *Maximoff G.P.* Constructive Anarchism. Chicago: Maximoff Memorial Publication Committee, [1950]. P. 12.

5 *Карелин А.* (составитель). М. А. Бакунин. Так говорил Бакунин. – Пг.: Группа пропаганды анархо-коммунистических идей, 1917.

тателей, сочувствующих антиавторитарным стремлениям. Беседы с одним из отцов-основателей анархистской мысли могли бы, следовательно, служить как бы переходным литературным форумом, пока Максимов, вместе со своими соратниками, не смог бы вновь подвигнуть рабочее движение к самоуправлению.

Путём более художественного подхода к собиранию и редактированию бакунинских сочинений, сборник Максимова восстанавливал непосредственность изложения мыслей великого мятежника, которые при Сталине стремительно предавались официальному забвению. Эти беседы — воображаемые диалоги — с Бакуниным становятся своего рода интервью, в котором конкретные вопросы исследователя Максимова — например, о природе и целях социальной революции — вызывают конкретные ответы Бакунина, найденные в его опубликованных сочинениях. Таким образом, «голос» Максимова служит удобным средством, которое придает избранным отрывкам тематическую направленностью и значимость. Например, в одной из своих первых бесед, посвященной теме революции, в ответ на просьбу Максимова разъяснить своё понимание «политической» революции, Бакунин констатирует, что «всякая политическая революция, не ставившая себе *немедленной* и *прямой* целью экономическое равенство, является, с точки зрения народных интересов и прав, ничем иным, как лицемерной и замаскированной реакцией»; после чего Максимов, в свою очередь, просит Бакунина прояснить взаимосвязи между «политической» и «социальной» революциями, которые читатель узнает из следующего, соответствующего отрывка из того же произведения Бакунина[6].

Последовательно связывая отрывки из сочинений Бакунина с помощью своих конкретных вопросов, Максимов, одновременно, выполняет педагогическую задачу, которую он поставил себе как опытному защитнику независимости и самоуправления русских рабочих организаций. В эмиграции Максимов, кроме целей восстановления анархо-синдикалистской пропаганды и разоблачения государственных преступлений против политических оппонентов, стремился также укреплять идейные основы международного анархистского

---

6 *Максимов Г. П.* Беседы с Бакуниным (Беседа о социальной революции) // Голос труженика [Chicago]. 1927. – Vol. 9. – № 24 (март). – С. 8. Максимов цитирует бакунинские «Письма о патриотизме» 1869 г. (см.: *Бакунин М. А.* Избранные сочинения в 5 т. – Пг.: Голос Труда, 1919–1921. – Т. 4. – С. 82).

движения, которое иначе могло бы потерять знание своих главных произведений и фундаментальных принципов. Как будто предугадывая возможные возражения против слишком субъективного представления мыслей Бакунина, Максимов добивается у своего собеседника их прояснения с помощью дополнительных вопросов, видимо, чтобы особо подчеркнуть бакунинский взгляд на ту или иную сложную тему. В таких случаях беседы походят на более естественный диалог о проблемах, вызывающих какие-либо разногласия, особенно в рядах анархистов. Известные бакунинские призывы к «разрушению» могут служить тому примером. Максимов спрашивает:

Может ли социальная революция удовлетвориться только одним разрушением? Некоторые анархисты, опираясь на ваш лозунг — «дух разрушающий есть созидающий дух» — считают, что их дело — разрушение, а созидание — дело следующих поколений. Правы они в этом, с вашей точки зрения, или нет?

Бакунин отвечает:

«Этой отрицательной страсти далеко недостаточно, чтобы подняться на высоту революционного дела; но без неё последнее немыслимо, невозможно, потому что не может быть революции без широкого и страстного разрушения, разрушения спасительного и плодотворного, потому что именно из него и, только посредством него, зарождаются и возникают новые миры». (Государственность и Анархия // Т. 1. С. 90) [Бакунин М. А. Избранные сочинения в 5 т. — Пг.: Голос Труда, 1919–1921].

Но вместо того, чтобы повести беседу дальше, к следующей теме, Максимов перефразирует свой последний вопрос, словно не понимая Бакунина:

Мне все-таки несколько неясен ваш ответ. Я хочу знать, можно ли анархисту базироваться исключительно на разрушении, не заботясь о том, что будет создано взамен разрушенного, одним словом, можно ли стремиться к разрушению, не имея плана строительства нового общественного строя?

Тем самым Максимов вызывает Бакунина на уточнение и проработку этого вопроса с помощью отрывка из другого его произведения:

«Никто не может стремиться к разрушению, не имея, по крайней мере, отдаленного представления, правильного или ложного, о новом строе, который должен будет, по его мнению, последовать за тем, который существует в настоящее время; и чем живее представляет себе человек картину будущего, тем могучее становится его разрушительная сила; и чем больше это представление о будущем приближается к истине, т. е. чем больше оно соответствует необходимому развитию современного социального мира, тем спасительнее и полезнее становится результат его разрушительного действия. Ибо разрушительное действие всегда обусловлено, не только в своей сущности и в степени своей интенсивности, но и в своих способах, путях и средствах, положительным идеалом, который составляет его душу, дает ему первый толчок». (Протест Альянса // Т. 5. С. 36) [Бакунин М. А. Избранные сочинения в 5 т. — Пг.: Голос Труда, 1919–1921][7].

Таким образом, принимая на себя роль завзятого спорщика, Максимов не только избегает обыденной формы строго журналистского опроса, но и расширяет свои беседы, превращая их в критические рассуждения, которые сопровождали идейное наследие Бакунина. В этом отношении характерными являются вопросы, которые явно отражают недавний опыт большевистской революции. Пережив кровавую и беспощадную гражданскую войну, которая превратила Россию в беспрецедентные материальные и культурные руины, Максимов не может не нажимать на Бакунина по поводу оправдания отрицательных последствий насильственной классовой борьбы:

Не может быть, чтобы вы допускали мысль, что классы, обреченные историей на исчезновение, покорно, без борьбы сойдут с исторической сцены. Несомненно, как показывает исторический опыт, они будут свирепо защищать свое привилегированное положение с оружием в руках. В этом сомневаться не приходится. Значит, в городах и деревнях начнется гражданская война, как это уже имело место в России.

---

7 *Максимов Г. П.* Беседы с Бакуниным (Беседа о социальной революции [II]) // Голос труженика. – Chicago. 1927. – Vol. 9. – № 25–26 (апрель–май). С. 6; *Максимов Г. П.* Беседы с Бакуниным: Вторая беседа. О деятельности во время революции и о гражданской войне // Дело труда. 1934. – № 81 (авг.–сент.). – С. 17–18.

Гражданская же война, как вы знаете, не щадит ни людей, ни вещей; она может погубить революцию, приведя всё в состояние хаоса; она может погубить всё общество, ибо люди будут пожирать друг друга, как дикие звери; и это, как мне кажется, неминуемо произойдет, особенно в деревнях. Как вы смотрите на все это?

В ответ Бакунин подчеркивает необходимость гражданской войны за народное освобождение от внешней власти и, следовательно, за возможность умственно развиваться. Он также напоминает Максимову о том, что именно в деревне «*гражданская война <...> порождает идеи*» и «*стремления*» и, более того, вдобавок к уже существующим в ней «*душе*» и «*человеческому инстинкту*», рождается и недостающий ей «*ум*». Отвечая на опасения Максимова по поводу звериного истребления человека человеком, Бакунин напоминает ему об инстинктивном народном понимании необходимости самосохранения и взаимопомощи. Масса бедных не будет пожрана революционной анархией, уверяет Бакунин, а будет вооружена «*непреодолимой мощью*».

Но Максимов, отказываясь отступать, продолжает заставлять Бакунина пересмотреть этот вопрос в свете опыта революционных событий, которым он сам был свидетелем:

Я, однако, не вижу достаточной обоснованности всего вами сказанного. Почему я должен думать, что гражданская война будет пробуждением именно инициативы, интеллектуального, морального материального развития народа, а не пробуждением антисоциальных и антиморальных качеств народа? Кроме того, надо думать, что свобода найдёт в гражданской воине, как это произошло в России, не поддержку, а свою могилу. В войне всех против всех едва ли возможен другой исход.

Будто предвидя подобный скептицизм, Бакунин, в свою очередь, настаивает на том, что «*гражданская война всегда благоприятна пробуждению народной инициативы*» и народного «*ума*»; что вместе с ним родится «*священный инстинкт, чисто человеческий инстикт бунта, источник всякого освобождения*», благодаря которому «*одновременно развиваются мораль и его материальное благосостояние, дети-близнецы свободы*»[8].

---

[8] *Максимов Г.П.* Беседы с Бакуниным: Вторая беседа… – С. 17–18. Максимов ци-

Даже когда Максимов объединяет замечания Бакунина, организуя их в соответствии со своей целью, он, тем не менее, воздерживается от прямого комментария к избранным им высказываниям, предлагая читателю непосредственное изложение бакунинских мыслей. Поэтому его «беседы» — оригинальное представление творчества Бакунина, что особенно заметно на фоне формирующегося в то время официального, коммунистического подхода, который требовал от редактора обязательного утверждения ошибочности — не говоря уже об опасности и вреде — бакунинских идей. Лишая бакунинские высказывания подобного рода истолкования или корректирования, Максимов сумел восстановить то непосредственное воздействие, которое на него самого оказывали произведения Бакунина.

Переизданная отдельной книжкой в 1934 году, эта часть бакунинского проекта Максимова фактически стала кратким дополнением к более обширному и научному плану советского издательства Общества политкаторжан, которое в том же году выпустило первые два тома монументального собрания сочинений Бакунина под редакцией Юрия Стеклова[9]. Это известное советское издание, если бы оно не осталось незавершённым, установило бы новый стандарт тщательности публикаций бакунинских текстов и, наконец, заменило бы выборочное и менее надёжное пятитомное издание «Голоса труда» (1919–1921 гг.), а также и многие отрывочные журнальные публикации (под редакцией Ю. М. Стеклова, В. П. Полонского и других), на которые русскоязычные читатели и исследователи, в том числе Максимов, вынуждены были полагаться. Когда это издание, по известным причинам, в 1935 году было навсегда остановлено (после четвертого тома), Максимов, несмотря на финансовые и другие препятствия, затруднявшие его жизнь и политическую деятельность в США, думал, вероятно, над возможностью собрать все или большую часть сочинений Бакунина в новом, доступном многим русскоязычным читателям издании. Но, кроме понятной трудности выполнения такой действительно внушительной задачи — тем более для человека, удалённого от необходимой для этого научной среды, — Максимов, по-видимому, считал

тирует «Кнуто-германскую империю и социальную революцию» [*Бакунин М. А.* Избранные сочинения. – Т. 2. – Пг.: Голос Труда, 1919. – С. 58–59, 111–112], а также «Письма к французу» [Там же. – Т. 4. – Пг.: Голос Труда, 1920. – С. 187–189].

9 *Бакунин М. А.* Собрание сочинений и писем, 1828–1876: [В 4 т.] / под ред. и с коммент. Ю. М. Стеклова. – М.: Изд. Всесоюз. общ-ва политкат. и ссыльнопос., 1934.

более важным для бакуниноведения представить его сочинения не по типичной академической системе, то есть расположив их не по хронологии или по жанрам, а по злободневным темам, что помогло бы лучше осветить их значение для поиска решений конкретных социальных, политических и культурных проблем современности.

Но и будучи свободным от сталинских запретов, Максимов, тем не менее, после отдельного выпуска 1934 года, тоже, по неизвестным мне причинам, прекратил публикацию своих «Бесед». Скорее всего, они представляли всего лишь начало того более обширного сборника, который продолжал готовить Максимов до конца своей жизни, доведя его объем до шестисот страниц. Изданный посмертно его товарищами, членами «Общества по изданию сочинений Максимова» («Maksimoff Publication Society»), в английском переводе, окончательный вариант сборника Максимова включил в себя отрывки из почти двадцати девяти текстов Бакунина, расположенные по более чем пятидесяти различным категориям. Этот сборник Максимова был и отстаётся, насколько мне известно, наиболее масштабной попыткой изложить пост-сибирское творчество Бакунина в подобном тематическом виде, даже если в названии, которое выбрал для него Максимов — «*Научный анархизм: систематическое изложение учения М. А. Бакунина*» — подразумевается, может быть, больше научной системности, чем было во фрагментарном литературном наследстве самого Бакунина[10]. К тому же, пробелом в издании сборника является отсутствие в нём большой вводной статьи Максимова о Бакунине, над которой он еще продолжал работать к моменту своей смерти в 1950 г.[11] Однако, в конце концов, нехватка редакторских комментариев оказалась вполне последовательной в свете общего подхода к Бакунину Максимова, который, по-видимому, предпочитал давать сохранившимся текстам Бакунина говорить самим за себя. (*Аплодисменты*).

Рублев Д. И. Вы говорили, что в 1923 году в издательстве «Скифы» Максимов планировал издать собрание сочинений Бакунина. Вопрос

---

[10] The Political Philosophy of Bakunin: Scientific Anarchism / Compiled and edited by G. P. Maximoff. Preface by Bert F. Hoselitz. Introduction by Rudolf Rocker. Biographical sketch of Bakunin by Max Nettlau. – Glencoe IL: The Free Press, 1953. Источниками для сборника послужило не только русскоязычное издание 1919–1921 гг. (изд. «Голос труда»), но также французское, немецкое и испанское издания бакунинских текстов.

[11] *Роккер Р.* Георгий Петрович Максимов [некролог]… – С. 6.

о жанровом характере того, что готовил Максимов. Дело в том, что в письме к Павлу Борисовичу Аксельроду — я читал его в архиве Института социальной истории в Амстердаме — эта книга обозначена как хрестоматия, а не собрание сочинений. И рукописи, лежащие там же, также представляют собой распределение по каким-то критериям различных цитат из Бакунина. Что же все-таки, на ваш взгляд, это было — собрание сочинений или хрестоматия? Если собрание сочинений, то на что Вы опираетесь, упоминая об этом?

Гудвин Дж. Я опираюсь исключительно на утверждение Штейнберга. Именно он говорил о том, что Максимов собирал тексты для собрания сочинений. Что это было за собрание, что имел в виду Штейнберг, я не знаю. Но, в конце концо, он так и не собрался издавать собрание. Может быть, Максимов начал с этого, может быть, у него был план издать впоследствии большое бакунинское собрание сочинений. Мне кажется, что Максимову было бы довольно непросто собрать все эти материалы и подготовить подобное собрание сочинений. Я думаю, что он начал с собирания текстов, начал готовить собрание сочинений. Может быть, потом, исходя из этого, он решил готовить тематический сборник высказываний. Но свидетельство Штейнберга — это единственное, что у меня есть.

Федотова И. Что вы думаете о том, что Бакунин оправдывал гражданскую войну? Что имел в виду Максимов и что имел в виду Бакунин. Может быть, это не одно и то же?

Гудвин Дж. Насколько я знаю, Бакунин не видел такой гражданской войны, которая произошла впоследствии в России. Но Максимова волновало именно то обстоятельство, что высказывания Бакунина носили характер [апологетики], что воспринималось после революции совсем в другом контексте. И это очень трудный момент: хотя Бакунин говорит о гражданской войне, он сам не видел, какой она может быть. Он не видел Первой мировой войны, самого коренного события XX века. У меня возникают те же самые вопросы, что и у Максимова, когда я читаю Бакунина. Именно поэтому меня заинтересовали замечания Максимова по этому поводу.

Федотова И. То есть историческую поправку все же делать надо.

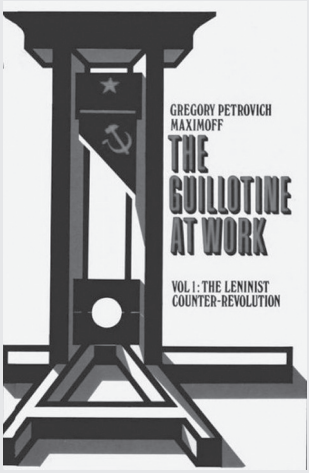
Гудвин Дж. Мне кажется, что Максимов хотел, чтобы люди задумались. Он хотел представить этот вопрос в форме беседы, чтобы люди задали себе этот вопрос и потом начали более критически его рассматривать.

Цовма М. А. У меня есть вопрос или, может быть, предложение. Я — не специалист в области истории религии, но было бы интересно

Максимов Григорий Петрович (1893–1950) — российский анархо-синдикалист, участник революции 1917–1921 гг., с 1922 г. — в эмиграции

Книга Григория Максимова «Гильотина за работой» (1940), одно из первых исследований истории большевистского террора

жанрово сравнить подход Карелина и Максимова — то, о чем вы упоминали в своем докладе. Мне кажется, можно бы проанализировать: соответствует ли карелинский подход масонской традиции, к которой он принадлежал (известно, что он потом и анархические организации в России строил по принципу тайного ордена). Может быть, можно было бы проследить жанровую специфику этой традиции? В то же время Максимов,— может быть я ошибаюсь, но Аврич упоминает об этом,— либо был воспитан в очень православной семье, либо обучался в духовном заведении, и, может быть, потом это отразилось както на нем и на его подходе к «Беседам с Бакуниным».

Гудвин Дж. Это интересно, но мне кажется, что для Максимова все это имело значение в молодые годы, накануне войны. Я не вижу, чтобы остатки этого мышления проявляли себя позже. Но я думаю, что это интересно, в том числе и в связи с интересом некоторых анархистов к Бергсону, о котором здесь говорилось.

Цовма М. А. Если вопросов больше нет, то мы поблагодарим Джеймса за очень интересный доклад (*Аплодисменты*) и передадим слово Александру Ланевскому.

Александр Ланевский

Михаил Александрович Бакунин в памяти и сознании современных польских анархистов: попытка анализа[1].

Личность выдающегося революционера Михаила Александровича Бакунина известна во всем мире. В 2014 году анархисты разных стран и сочуствующие анархическим идеям отмечают 200-летие со дня рождения русского анархиста. Не является исключением и Польша, которая в жизни Бакунина сыграла достаточно важную роль. В связи с эти событием мы считаем весьма актуальным исследование на тему отношения современных последователей анархизма к личности Бакунина, а также определение места и значения взглядов русского теоретика в современном польском анархистском движении. С одной стороны, это поможет указать на элементы (либо их отсутсвие) памяти и преемственности, а с другой — через призму отношений к прошлому (в данном случае, к одной из ярчайших фигур в истории мирового анархизма) — попытаться ответить на вопрос, касающийся актуальности либертарных идей XIX века в среде польских анархистов XXI века. В основе данного доклада лежит попытка социологическго опроса, проведенного на рубеже 2013–2014 гг. среди современных анархистов из разных городов и организаций Республики Польша. Кроме того, в статье представлен краткий анализ анархистской (и не только) деятельности, которая так или иначе имеет отношение к личности и наследию М. А. Бакунина.

Прежде всего, следует отметить, что личность Бакунина довольно известна в Польше. Связано это, конечно же, с его вкладом в польское революционно-освободительное движение XIX века и его личными связями с поляками[2]. Кроме того, личность русского анархиста является своеобразным символом бунта и стремления к свободе во всем

---

1 Автор является стипендиатом Фонда развития польской науки в рамках исследовательской программы «MISTRZ».

2 Стоит отметить написанное в 1930 году стихотворение польского поэта Владислава Броневского (1897–1962) «Бакунин» (см. *Броневский В*. Два голоса, или поминовение / пер. Осмоловская М., Базилевский А., Шапиро Э. –М.–Пултуск: Вахазар, Этерна, Гуманитарная академия, 2010).

Александр Ланевский (слева) и Святослав Сидоров (справа)

Придавая памяти … лишь определенную эмоциональную функцию на уровне символизма, анархисты стараются не уподобляться чрезмерной помпезности…. Непосредственная деятельность, в том числе — память прежде всего о живых, но заключенных, товарищах — является наилучшим выражением памяти анархистов.

мире, что часто проявляется в обращении к наследию Бакунина различных деятелей культуры[3], в том числе связанных с массовой культурой[4]. Так, например, можно отметить выставку польских авангардных художников «Бакунин в Дрездене — польское искусство сегодня», которая проходила с 15 сентября по 15 октября 1990 года во Дворце Искусства в Дюссельдорфе и с 3 ноября по 9 декабря 1990 года — в Кампфнагельфабрик в Гамбурге[5]. Работа Яцека Крышковского

---

3 Например, американский писатель, пишущий, среди прочего, в жанре либертарной научной фантастики, Эндрю Свонн (Стивен Свинярский) описывает своеобразный анархо-капиталистический строй, который царит на планете под названием «Бакунин» (см.: *Свонн Э.* Акция возмездия. – М.: Русич, 1996).

4 Так, персонаж актера русского происхождения Эндрю Дивоффа в одном из самых популярных американских сериалов 2000-х годов «Остаться в живых» носил имя именно Михаила Бакунина.

5 Видеофильм, посвященный выставке, доступен в сети (доступ 15.07.2013): http://artmuseum.pl/pl/filmoteka/praca/libera-zbigniew-bakunin-w-dreznie. Это — не един-

«Бакунин в Дрездене» представляла собой реконструкцию бернской могилы русского анархиста, она была установлена при входе на выставку и стала символом всего мероприятия. Данную композицию автор посвятил польскому современному искусству в контексте власти и свободы в период социально-политической трансформации страны после 1989 года. Посетители должны были либо войти на выставку, топча могилу, либо перескочить через нее. Таким образом авторы выставки старались доказать, что «художники всегда являются авангардом анархистов», которые помимо борьбы с политическими системами борются с общепринятыми «привычками мышления и восприятия» [6].

Несмотря на всемирную славу революционера, в среде современных польских анархистов Бакунину уделяется мало внимания. Несколько больше сил и энергии польские либертарии посвящают изучению истории и поддержанию памяти об отечественных борцах за свободу. Несомненно, каждая страна имеет свои исторические особенности, свои культурные ценности и свои политические традиции. В Польше, где анархизм никогда не был массовым общественным движением, но всегда имел свойство разносторонне проявлять себя, первому поколению современных анархистов в начале 80-х гг. прошлого века ближе и доступнее были труды родных теоретиков либертарной мысли. По воспоминаниям участника Движения Альтернативного Общества (RSA) и одного из создателей Федерации Анархистов (FA) Януша Валюшко, в первой половине 1980-х гг. он находился под влиянием Эдварда Абрамовского. В тоже время, из зарубежных теоретиков он называл Петра Кропоткина [7]. В 2000-е годы проходили регулярные ежегодные и весьма значимые для движения мероприятия: «Абрамовщина» в Познани и «Пиларщина» в Рацибоже. Эти своеобразные польские аналоги «Прямухинских Чтений» свое название берут от имен двух поляков, связанных с анархизмом: теоретика «безгосударственного социализма» и «республики друзей» Эдварда Абрамовского (1868–1918) и анархо-синдикалиста Томаша Пиларского (1902–1977).

ственный случай, когда польские авангардные художники обращаются к теме анархизма, например, Вильгельм Сасналь в своем проекте «Анархия» в 2001 году (доступ 15.07.2013): http://artmuseum.pl/pl/filmoteka/praca/sasnal-wilhelm-anarchia. Доступ к некоторым сайтам, указанным в докладе, закрыт для российских пользователей польской стороной. Доступ по таким адресам возможен через любой «анонимайзер» — сайт, обеспечивающий анонимный доступ по гиперссылке.

6 Bakunin in Dresden. Polnische Kunst heute. – Düsseldorf, 1990. – S. 8.

7 *«Homek». Pismo Ruchu Społeczeństwa Alternatywnego 1983–1990* / red. Grzegorz Berendt, Krzysztof Brzechczyn, Zbigniew Stybel, Janusz Waluszko. – Gdańsk: IPN, 2013. – S 19.

Примечательно, что данные инициативы не были исключительно историческими конференциями, но представляли собой мини-фестивали с историческими лекциями, дискуссиями и презентациями по современным вопросам анархизма, показами фильмов, выставками плакатов и книг, спортивными играми и концертами[8]. Важным событием по увековечению памяти стала прошедшая 9 августа 2013 года в Варшаве конференция «Синдикалисты в Варшавском восстании»[9]. Конференцию организовали анархисты из Союза Синдикалистов Польши (ZSP) при поддержке Музея Варшавского восстания. Одним из последних событий в этой сфере стала конференция «В сторону альтернативного общества. Общественно-политическая мысль и деятельность Движения Альтернативного Общества 1983–1990». Мероприятие состоялось 17–18 октября 2013 года в Гданьске, а среди организаторов оказались Институт народной памяти, профсоюз «Солидарность» и Гданьский университет[10].

Среди других инициатив анархистов, связанных с научно-просветительской деятельностью, стоит выделить научную конференцию «Из истории анархизма», которая прошла 29–31 мая 2014 года (уже второй раз) в городке Поберово на берегу Балтийского моря[11]. Примечательно, что одним из инициаторов и организаторов данного события является историк-любитель, «ветеран» анархо-движения в Польше Михал Пшыборовский[12]. Организаторы конференции отмечают: «Мы хотим, чтобы наша встреча вписалась в ряд похожих

---

8 См. например, «Abramowszczyzna 2005» (доступ 20.11.2013): http://independent.pl/w/7690; «Pilarszczyzna III edycja»; (доступ 20.11.2013): http://cia.media.pl/pilarszczyzna_trzecia_edycja.

9 Konferencja «Syndykaliści w Powstaniu Warszawskim» (доступ 20.11.2013): http://zsp.net.pl/konferencja-syndykalisci-w-powstaniu-warszawskim.

10 Konferencja naukowa «W kierunku społeczeństwa alternatywnego. Myśl społeczno-polityczna i działalność Ruchu Społeczeństwa Alternatywnego 1983–1990» — Gdańsk, 17–18 października 2013 (доступ 20.11.2013): http://ipn.gov.pl/aktualnosci/2013/poznan/konferencja-naukowa-w-kierunku-spoleczenstwa-alternatywnego.-mysl-spoleczno-polityczna-i-dzialalnosc-ruchu-spoleczenstwa-alternatywnego-1983-1990-gdansk,-1718-pazdziernika-2013.

11 По итогам первой конференции, проходившей 2–3 декабря 2010 года, был выпущен сборник статей: Studia z dziejów polskiego anarchizmu/pod red. Eryka Krasuckiego, Michała Przyborowskiego i Radosława Skryckiego. – Szczecin: Szczecińskie Towarzystwo Naukowe, Instytut Historii i Stosunków Międzynarodowych Uniwersytetu Szczecinskiego, 2011.

12 М. Пшыборовский является автором многочисленных статей и лекций по истории польского анархизма, а также соавтором книги о Н. Махно: *Przyborowski M., Wierzchoś D.* Machno w Polsce. – Poznań: Bractwo Trojka, 2012.

мероприятий, происходящих в других европейских странах с целью почтить память и подчеркнуть значимость Бакунина для европейской политической мысли, а в особенности, анархистской»[13].

Не ярко представлен Бакунин и в польской DIY-субкультуре. Так, в Варшаве в конце 80-х гг. XX века издавался музыкальный фэнзин «Szczury Bakunina» (Крысы Бакунина). У анархопанк-группы «ParanojaA» есть песня под названием «Бакунин», которая состоит из цитат русского анархиста, а у исполнителя «Księżycowy terrorysta» (Лунный террорист) — песня «Apokaliptyczny dowcip» (Апокалиптический прикол) посвящена именно Бакунину; слова артиста: «Я очень сильно симпатизирую Бакунину, но все же у меня хватает оптимизма, чтобы верить, что не надо всего разрушать, чтобы создать нечто мудрое, сильное, красивое»[14]. Автору этого доклада не удалось найти примеры баннеров, одежды, нашивок и пропагандистских плакатов с изображением или цитатами Бакунина. Маленьким исключением являются распространяемые с начала 2014 года наклейки (стикеры) краковской секции Федерации Анархистов (ФА Краков) с двумя цитатами из Бакунина и его изображением.

2014 год анархисты из Познани объявили годом Бакунина. Там же появилась инициатива издать в форме брошюр афоризмы Михаила Александровича, а также его письмо к Сергею Нечаеву от 2 июня 1870 года, включающее в себя критику «нечаевщины». Как написали сами инициаторы этой идеи: «Нам хотелось бы внести скромный вклад в исследования и анализ, посвященные ему [Бакунину. — *А. Л.*]»[15]. Далее польские последователи русского бунтаря указали, что в связи со своими намерениями они наладили сотрудничество с доктором философских наук Антонием Каминьским, который, проделывает огромную работу по популяризации жизни и взглядов великого русского революционера в Польше. Помимо написания множества статей и фунда-

---

13 Instytut Historii i Stosunków Międzynarodowych Uniwersytetu Szczecińskiego, «II Konferencja Naukowa „Z dziejów anarchizmu". W dwustulecie urodzin Michaiła Bakunina» (доступ 10.01.2014): http://www.hist.us.szn.pl/attachments/article/1934/Bakunin - komunikat I.pdf.

14 «Muzyka jest naszą bronią» (Rozmowa z Księżycowym Terorystą) // Inny Świat. – № 2/3 (39/40), 2013, – S. 44.

15 «Rok 2014 — rokiem Bakunina» (доступ 20.12.2013): http://www.rozbrat.org/informacje/poznan/3964-2014-rokiem-bakunina.

ментального труда, посвященного Бакунину[16], Каминьский старается в силу своих возможностей сотрудничать с анархистами. Так, 13 марта 2013 года в клубе «Zemsta» (Месть) с этим исследователем из Вроцлава была проведена открытая встреча под названием «Бакунин — поджигатель Европы»[17]. Интересным образом связь польского историка и русского анархиста запечатлела Маргося Лихота. Иллюстрацию «Каминьский и Бакунин» можно найти на блоге польской художницы[18]. Продолжая тему образа Бакунина в живописи, следует отметить, что во время первого общепольского анархического конгресса «Kongresono», который проходил в Варшаве 4–6 апреля 2013 года, состоялась выставка изобразительного искусства, плакатов, фотографий. На выставке была представлена работа «Портрет Бакунина» из цикла «Революционно-сенсационные портреты» молодой польской художницы Гражины Малкевич, связанной с анархистским движением[19].

Обращаясь к трудам Бакунина, следует напомнить, что именно в Познани, в анархистском издательстве «Bractwo Trojka» (единственном в данное время в Польше), в 2009 году была издана работа Мариуша Ольшевского «Бакунин и Маркс: анатомия спора в I Интернационале»[20], а в 2012 году было издано сочинение самого героя этого доклада «Бог и государство»[21]. Ранее в том же издательстве, а также в «Red Rat», располагавшемся в Зеленой Гуре, вышла серия брошюр с работами Бакунина и о Бакунине [22].

---

16 *Kamiński Antoni A.* Michaił Bakunin. Życie i myśl. – T. 1. Od religii miłości do filozofii czynu (1814–1864). – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu, 2013.

17 «Bakunin w Zemście. Zaproszenie na spotkanie z A. Kamińskim» (доступ 15.07.2013): http://www.rozbrat.org/kultura/ksiazki/3896-bakunin-w-zemscie-zaproszenie-na-spotkanie-z-a-kaminskim.

18 Блог Маргоси Лихоты (доступ 15.12.2013): http://margosialichota.blogspot.com.

19 Porteret Michaiła Bakunina (доступ 15.12.2013): http://www.haloart.pl/portret-michaila-bakunina,41186.html?fromproj=601.

20 *Olszewski M.* Bakunin i Marks — anatomia sporu w I Międzynarodówce. – Poznań: Bractwo Trojka, 2009.

21 *Bakunin M.* Bóg i Państwo. – Poznań: Bractwo Trojka, 2012.

22 *Bakunin M.* Anarchistyczne programy. Poznań; *Bakunin M.* Listy o patriotyzmie. – Zielona Góra: Red Rat; *Bakunin M.* Katechizm rewolucyjny. – Poznań; *Avrich P.* Bakunin i Nieczajew. – Poznań, 2006; *Avrich P.* Bakunin i Stany Zjednoczone. – Poznań; *Leśniewski A.* Bakunin a sprawy polskie. – Poznań, 2006; *Świerczyński K.* Michał Bakunin. – Poznań.

Общеизвестным является факт связи современного анарходвижения с экологическими и зоозащитными инициативами, следовательно, с вегетерианством и веганством. В связи с этим в последние годы в Польше, в среде левых неавторитарных активистов, довольно широко распространена и популярна так называемая «общественная кухня», устраиваемая в различных городах. Данное мероприятие выглядит следующим образом: в определенном баре, клубе или кафе собираются люди для общения и совместного приема пищи. Каждый приносит веганское блюдо или платит сумму в 10–15 польских злотых (3–5 долларов США). Собранные деньги идут на организацию следующей кухни, а также на другие общественные инициативы. Мы, со своей стороны, хотели бы отметить последнюю «общественную кухню» под названием «Михаил Бакунин — всегда живой?», которая прошла 12 января 2014 года в познаньском альтернативном клубе «Głośnia» (Голосовая щель). В приглашении познаньские анархисты задавались вопросом: «Может ли личность Бакунина вдохновлять людей в наше время? Или он все же является раскопанным на юбилей трупом? Может ли он предложить нам что-либо в XXI в.?». По словам организаторов, кухню посетили более 100 человек, которые не только пообедали, но и пообщались на тему М. Бакунина[23]. Интересно, что в декабре 2013 года образовалась анархо-феминистская группа под названием «Kociołek Bakunia» (Котелок Бакунина), которая занимается приготовлением и пропангандой веганской еды[24].

Справедливости ради, мы обязаны подчеркнуть факт, что в России нам неизвестны подобные «бакунинские» инициативы, напротив, встречаются коммерческие проекты, как например, пивной бутик «Бакунин», который располагается в Санкт-Петербурге. На своей страничке владельцы пишут: «Михаил Александрович Бакунин — отец российской анархии. Анархия — мать порядка. Получается, что Бакунин — дедушка анархии. Мы уважаем старших и любим порядок. Это был человек незаурядного ума. Панк-року и черному балахону с красной буквой «А» в кружочке он предпочитал изучение литературы, долгие размышления и написание трудов, без сомнения повлиявших на новейшую историю России и Европы. […] Заложенные Бакуниным идеи нашли отражение в ремесленном крафтовом пивоварении. Десятки тысяч микропивоварен бережно хранят традиционные рецепты, придержи-

---

23 Kuchnia społeczna: Michaił Bakunin — wiecznie żywy? (доступ 15.12.2013): https://www.facebook.com/events/1447560625456190/?ref=22.

24 Kociołek Bakunina (доступ 15.12.2013): https://www.facebook.com/bakuningotuje.

ваются „старых" технологий и противопоставляют небольшие партии уникальных сортов потокам однообразного пивного напитка, который трансконтинентальные алкогольные корпорации без зазрения совести заливают в глотки не слишком разборчивых потребителей. В одном из чешских баров Бакунин устраивает пьяный дебош, ошибочно принятый за Пражское народное восстание. Через год ситуация повторяется в Дрездене. […] Немного путешествуя по Европе, Бакунин предпочитает оставаться в Лондоне. На то есть ряд очевидных причин: биттер, стаут, портер и эль»[25]. Комментарии мы оставляем читателям.

Рубеж XX и XXI вв. принес в анархические практики различные медиа-механизмы, одним из которых является Интернет. Следует отметить, что польские анархисты, в частности, анархистская библиотека, действующая при познаньском сквоте «Rozbrat» (Раскол, несогласие), создала сайт, посвященный Бакунину[26]. На сайте можно найти не только труды русского анархиста, но также книги и статьи об идеях и деятельности Михаила Алекандровича. Кроме того, на сайте доступны библиография, фотографии и ссылки на иностранные интернет-ресурсы о Бакунине. Всех желающих познаньские анархисты приглашают к сотрудничеству и, по возможности, к помощи в развитии сайта. Время от времени имя Бакунина появляется на польских интернет-страницах, прежде всего, связанных с анархизмом. Так, на главной странице Федерации Анархистов размещен баннер с цитатой Бакунина: *«Свобода без социализма — это привилегия и несправедливость, социализм без свободы — это рабство и скотство»*[27]. На одном из самых популярных информационно-аналитических анархо-порталов Centrum Informacji Anarchistycznej (Центр Анархистской Информации) относительно часто появляются небольшие публицистические статьи, а также фрагменты книг, посвященные Бакунину[28]. Кроме того, появляются заметки в годовщи-

---

25 Пивной бутик Бакунин (доступ 20.12.2013): http://bakunin.pl/.http://bakuninboutique.ru.

26 Michał Bakunin (доступ 10.11.2013): http://bakunin.pl/.

27 Federacja Anarchistyczna (доступ 20.12.2013): http://federacja-anarchistyczna.pl/.

28 Например, Centrum Informacji Anarchistycznej (доступ 10.11.2013): http://cia.media.pl/etyka_kolektywistyczna_bakunina; http://cia.media.pl/michail_bakunin_komuna_paryska_i_idea_panstwa; http://cia.media.pl/jednostka_a_religia_w_filozofii_bakunina; http://cia.media.pl/o_pewnej_ekspedycji_w_celu_polski_ratowania_obmyslonej_na_ktora_w_ostatniej_chwili_zalapal_sie_michal_bakunin; http://cia.media.pl/michail_bakunin_socjalizm_i_wolnosc.

ны его дня рождения. Примечательно, что на 195-ю годовщину под текстом среди анархистов развернулась дискуссия[29]. Имя Бакунина фигурирует в блогах польских анархистов[30], и, разумеется, его тексты размещены в интерактивной либертарной интернет-библиотеке[31].

В завершение нам хотелось бы представить итоги анкеты на тему памяти и места Бакунина в сознании современного анархистского движения в Польше, которая должна была стать основой для написания данной статьи. К сожалению для автора, громкие декларации анархистов, объявивших 2014 год годом памяти о Бакунине, не нашли практического отображения в данной анкете. Невольно приходится спросить: зачем же нужна память о людях, рожденных шесть поколений назад? Так, например, можно задаться вопросом: сколько людей в России помнят Отечественную войну 1812 года, а сколько — Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.? Может ли вообще быть реальная и ощутимая связь у современных польских либертариев с русским мыслителем XIX века? Возможно, польские анархисты лишь подсознательно нуждаются в памяти, которую воспроизводят по принципу: «потому что надо». Возможно, придавая памяти не глубокое значение, а лишь определенную эмоциональную функцию на уровне символизма, анархисты стараются не уподобляться чрезмерной помпезности и культу памяти среди правых сил[32]. Возможно

---

29 *Akai47*. «Tak powiedział Bakunin» (доступ 15.12.2013): http://cia.media.pl/tak_powiedzial_bakunin.

30 *Drabina M*. Powstanie i upadek kapitalizmu państwowego w anarchistycznym ujęciu, wprowadzenie (доступ 15.12.2013): http://drabina.wordpress.com/2012/01/19/powstanie-i-upadek-kapitalizmu-panstwowego-w-anarchistycznym-ujeciu-wprowadzenie/#more-960.

31 «Teoretycy anarchizmu» (доступ 10.11.2013): http://anarchizm.net.pl/klasycy.

32 Знаменательно, что в последнее время польские левые силы также активизировались на поприще исторической памяти. Так, например, Союз демократических левых сил (SLD) издал книгу: Niezbędnik historyczny lewicy. – Warszawa: Centrum im. Ignacego Daszyńskiego, 2013, в которой в популярной форме описал основные события и достижения (по их мнению) польских левых сил в XX в. В свою очередь, польскими левыми интелектуалами, объединенными вокруг журнала «Политическая критика» была выпущена книга: Rewolucja 1905. Przewodnik krytyki politycznej.– Warszawa, 2013. Небольшой фрагмент данной публикации даже касался памяти об анархической республике 1905 г. в Крынках. Кроме того, в отличие от анархистов, именно «Политическая критика» в годовщину смерти Говарда Зинна опубликовала фрагмент его текста о гражданском неповиновении (доступ 27.01.2014): http://www.krytykapolityczna.pl/artykuly/czytaj-dalej/20140127/zinn-naszym-problemem-jest-obywatelskie-posluszenstwo.

даже, что непосредственная деятельность, в том числе — память прежде всего о живых, но заключенных, товарищах, является наилучшим выражением памяти анархистов. В любом случае, результаты анкеты, а точнее, их практическое отсутствие, оставляют большую надежду на то, что анархисты в Польше занимаются активизмом, а не «кабинетным анархизмом» под видом исторических статей, научных конференций и, тем более, никому не нужных социологических опросов.

Возвращаясь к анкете, отметим, что она была разослана по всем основным, известным автору, польским анархистским организациям и инициативам еще в начале декабря 2013 года. Среди них: Федерации Анархистов, Союз синдикалистов Польши, общепольский профсоюз «Рабочая Инициатива», Левая Альтернатива, Общество «Свобода, Равенство, Солидарность», феминистский коллектив «Кикимора», сквоты: «Rozbrat», варшавские «Syrena» и «Przychodnia», группа анархомистиков из Бещадского региона, лодзинские анархисты из группы «Czarny Sztandar» (Черное знамя), сторонники повстанческого анархизма (grecjawogniu.info) и ситуационизма (15w08.blogspot.com), антифашисты (161crew.bzzz.net), «Радикальный кинематограф» (radykalnykinematograf.wordpress.com), а также отдельные анархисты. Кроме того, дважды информация с просьбой высылалась на две основные анархо-рассылки в Польше: общепольскую анархистскую сеть «OSA» и рассылку ФА «INFA». Несмотря на то, что автор данного доклада известен в анархосреде, анкета была практически полностью проигнорирована. Нам пришлось несколько раз лично обращаться к анархистам с просьбой заполнить анкету. Тот факт, что даже в краковской секции Федерации Анархистов, участником которой автор являлся на протяжении 5 лет, анкеты заполнили лишь 2 активиста, прекрасно отображает общую картину. В итоге, после двух месяцев просьб и ожиданий в наше распоряжение поступило 12 анкет, что позволяет предварительно судить о сознательности и готовности к сотрудничеству у современных польских анархистов.

Респондентам было предложено указать свой возраст, пол, а также принадлежность к организации или инициативе, если таковые имеются. Сама анкета состояла из 10 коротких вопросов:

1. Кем для тебя является Михаил Бакунин?
2. Читал/а ли ты труды Бакунина?
3. Считаешь ли, что они до сих пор актуальны?
4. Сможешь ли вспомнить какой-либо афоризм М. Б.?
5. Считаешь ли ты Бакунина ключевым представителем мирового анархизма?

6. Знаешь ли что-либо о связях Бакунина с Польшей?

7. Как, по твоему мнению, стоит ли помнить о таких людях? Почему?

8. Если стоит, то каким образом следует проявлять память?

9. Считаешь ли ты, что польские анархисты должны отметить годовщину рождения М. Б.? Каким образом?

10. Есть ли у тебя какие-нибудь замечания по поводу отношения польских анархистов к Бакунину?

По итогам, средний возраст респондентов составил 36 лет, 25% были женщинами, 50% принадлежали к ФА. Почти все опрашиваемые сошлись во мнении, что автор статьи «Реакции в Германии» является значимой исторической личностью, и почти все связывали его деятельность с повлением и становлением анархической мысли, а также с анархизмом как политической практикой. В анкете появились такие определения, как «бунтарь», «символ», «разрушитель», «авантюрист», «архетип», «некто мистический». Все респонденты ответили, что читали Бакунина, как минимум некоторые фрагменты его трудов, которые были изданы по-польски. Двое респондентов признались, что не в состоянии по памяти воспроизвести цитату, принадлежащую герою данного доклада, 8 человек смогли процитировать Бакунина или же вспомнить видоизмененную форму цитаты. Среди наиболее популярных оказалась фраза: «Свобода начинается там, где заканчивается государство». Более того, один из респондентов указал, что выкладывает цитаты в польской Википедии[33].

В вопросе об актуальности взглядов Бакунина анархисты сошлись во мнении, что частично его идеи до сих пор актуальны, хотя некоторые моменты — это уже история. Поэтому следует актуализировать его взгляды и на их основе создать новые теории, которые бы соответствовали общественным и экономическим реалиям XXI века. Кроме того, изменить следует сам язык, которым пользовался Бакунин, так как более вдохновляющими и понятными являются тексты современных мыслителей. Прежде всего, актуальными остались проблемы, на которых акцентировал внимание революционер: критика марксизма, государства как такового и, в частности, социалистического государства. Более того, один из респондентов подчеркнул, что именно сейчас, как никогда, идеи русского анархиста становятся актуальными, особенно там, где речь идет о массовом социальном расслоении общества.

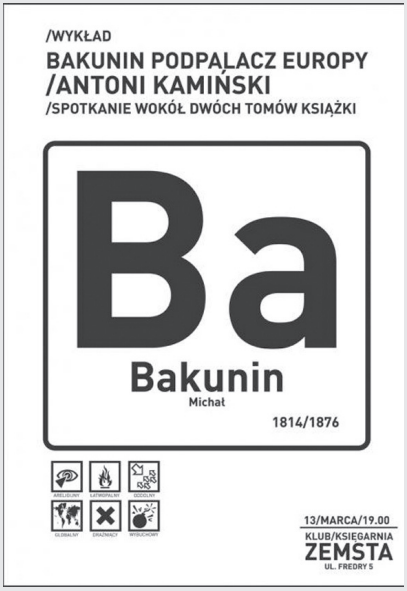
---

[33] Michaił Bakunin, URL (доступ 10.01.2013): http://pl.wikiquote.org/wiki/Micha%C5%82_Bakunin.

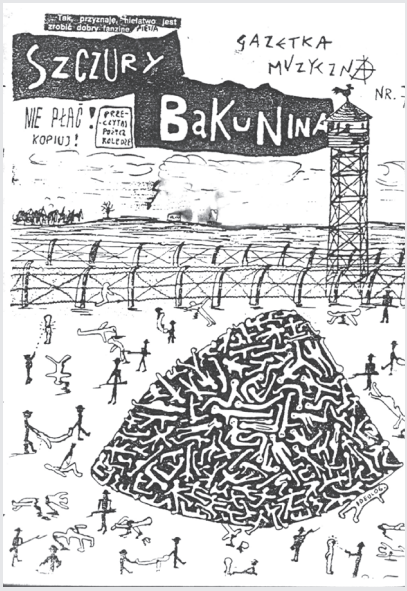
Ответ на вопрос, касающийся места Бакунина в анархизме, оказался наиболее лаконичным и солидарным — все респонденты согласились, что автор «Государственности и анархии» занимает ключевое место в истории мирового анархизма. Трое анархистов внесли уточнение, что герой анкеты является «одним из ключевых» деятелей в истории анархизма.

О связях Бакунина с Польшей также было известно всем опрашиваемым анархистам. Среди наиболее распространненых ответов можно выделить следующие: симпатии к Польше, поддержка Польши в Январском восстании 1863 года, брак с полькой, а также дружеские отношения с отдельными польскими общественными и политическими деятелями.

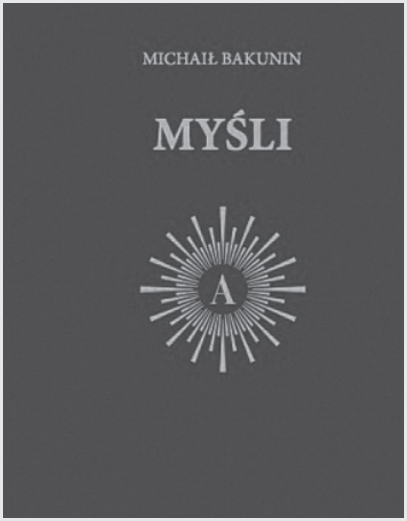
По нашему мнению, наиболее интересные ответы касались вопросов, непосредственно связанных с исторической памятью о Бакунине. Примечательно, что ответ каждого из участников в некотором роде дополнял предыдущий, будучи при этом его логическим продолжением. В итоге, все респонденты без исключения, ответили, что о Михаиле Бакунине следует помнить: как минимум, на уровне таких символов, как революция и интернационализм, а также в контексте его анархистских взглядов, которым в современных научных исследованиях посвящается недостаточно внимания. Кроме того, Бакунин был выходцем из Восточной Европы, которым также уделяется мало внимания. Именно он предвидел то, во что может переродиться социалистическое государство, и, по большому счету, его наследие учит людей критическому взгляду на мир, учит борьбе с государством, а также вдохновляет на эту борьбу. В истории не так уж много примеров людей дела, практиков, которые полностью посвятили себя высокой идее, при этом многим жертвуя (например, дворянским титулом). Более того, образ Бакунина не только вдохновляет, но и формирует идентичность анархистов. Ведь тот, кто не знает истории, а тем более истории движения, в котором принимает участие, является невеждой. Бакунин как классик анархизма внес новое в мировую социально-политическую мысль, и в его взглядах все еще можно найти много пересечений с актуальными проблемами. Он не только оставил свой след в истории, но и изменил ее, пытаясь показать, что мир без дискриминации и эксплуатации возможен. Бакунин – это корни анархизма, это история, и без памяти о ней не существовало бы современного анархистского движения (независимо от его состояния). Поэтому память о Бакунине является своеобразным долгом анархистов. В дополнение ко всему в случае

Плакат «Бакунин — поджигатель Европы» (встреча с А. Каминьским 13 марта 2013 г. в Познани)

Обложка музыкального фэнзина «Szczury Bakunina» (Крысы Бакунина, Варшава 1989, № 7)

*Обложка книги с афоризмами Бакунина (*Bakunin M.* Myśli, Poznań: Bractwo Trojka, 2014)*

Плакат, приглашающий на общественную кухню в Познани 12 января 2014 г. «Михаил Бакунин — вечно живой?»

с поляками следует помнить о симпатии со стороны Бакунина к этому народу и его помощи в борьбе с империями.

Ответы на вопрос, связанный с проявлением исторической и коллективной памяти анархистов, показали разностороннее отношение анархистов к данной проблеме. Среди предложений, поступивших от респонденов, прежде всего можно выделить распространение информации о Бакунине через анархистскую пропаганду всевозможными путями: интернет-порталы, наклейки, граффити, плакаты. Кроме того, анархисты предложили снимать фильмы, называть улицы, размещать информацию в школьных учебниках, поступило даже предложение создать исторический комикс по мотивам жизни Бакунина. По мнению опрашиваемых анархистов, следует также проводить конференции и лекции, устраивать дискуссии. Кроме того, как формы памяти были указаны изучение и популяризация истории. Тем самым современные либертарии могли бы чтить память об ушедших анархистах и пропагандировать анархизм, в том числе издавать труды Бакунина (особенно — неизвестные), публиковать научные и публицистические статьи о нем, искать следы его влияния на других социально-политических теоретиков и практиков. В принципе, ответы показали, что возможностей для проявления памяти имеется достаточно и по большому счету хватит того, что анархисты (и не только) будут читать труды русского революционера, узнавать его биографию, анализируя все это самостоятельно. Прозвучало мнение, что формы памяти не имеют значения, а автор «Исповеди» и так существует в общественном дискурсе. Интересное мнение было связано с тем, что следует Бакунина и вообще анархизм убрать из субкультуры. Не обошлось без предложений о классической коммеморации, в этой сфере было предложено отмечать годовщины в местах, где в разное время своей жизни находился Бакунин. Довольно прагматичная версия была представлена одним из внеорганизационных анархистов на тему того, что в Польше можно проводить пикеты под памятниками, связанными с Январским восстанием 1863 года, и этим способом пытаться донести идеи Бакунина до польского общества. Также появилось мнение, что вряд ли стоит требовать ставить памятники самому Бакунину. Вместо памятников нужны действия. Настоящая память должна проявляться через идею анархизма, ведь «Помнить — значит бороться!». Более того, бороться следует против актуальных проблем, затронутых Бакуниным, например, против представительной демократии.

Предпоследний вопрос, касающийся непосредственно памяти польских анархистов, вызвал довольно эмоциональные ответы. Некоторые опрашиваемые повторили ответы на предыдущий вопрос. Один из респондентов категорически заявил, что польские анархисты не должны отмечать годовщину рождения Бакунина, так как им не нужны идолы. Вместо этого было предложено организовать встречу в контексте отношения Бакунина к анархизму с целью пропаганды идеи анархизма как таковой. Более того, было подчеркнуто, что главное, чтобы память существовала естественно, а не навязывалась насильно, ведь это легко может создать культ. Не обошлось в ответах и без иронии. Так, например, в 2014 году анархистам было предложено убить политика, поджечь полицейский участок или же просто выпить водки. Среди других иронических ответов прозвучал призыв к захвату Прибалтики, если же не получится, то стоит подумать о проведении акций пропаганды с целью помочь Бакунину появиться в широком массовом сознании. Среди других предожений стоит назвать организацию конференции или же съемки документального фильма, посвященного Бакунину с акцентом на его связи с Польшей. Один из респондентов указал, что было бы лучше, если бы польские анархисты больше внимания уделяли именно Бакунину, а не западноевропейским субкультурным тенденциям. Им также следует перенять его смелость в мышлении, а не слепо верить в современные анархо-догмы. Это помогло бы лучше понять современный мир, погрязший в империалистических противоречиях. Появились и нейтральные голоса, утверждающие, что совсем не обязательно отмечать 200-летие со дня рождения Бакунина. Интересная мысль была представлена одним из краковских активистов. Она заключалась в том, что польские анархисты должны совмещать историю и современность. Только при конструктивном совмещении этих знаний можно будет думать о том, каким образом отмечать подобные годовщины. Примерно треть анархистов придерживалась более радикальных взглядов. Так, один из активистов написал, что лучше бы польские анархисты были готовы к радикальным действиям, а не отмечали шумные годовщины, которые ассоциируются с «государственным мусором». По мнению другого респондента, наилучшим проявлением памяти о Бакунине будет любая конструктивная работа польских анархистов. Завершил данный вопрос умеренный ответ, соединивший оба полюса. По словам автора данного ответа, помимо «теоретических» проявлений памяти в контексте юбилея анархистам не мешало бы провести акции прямого действия. Всё — для того,

чтобы люди знали, что идеи Бакунина всё еще живы в обществе. Ведь память является прерогативой не только историков, но также анархистов, действующих на улицах.

На последний вопрос, касающийся замечаний польских анархистов на тему памяти о Бакунине, ответили всего несколько респондентов. В принципе, наблюдается отсутствие коллективной памяти о русском революционере и вообще какого-либо специального отношения к нему. Несмотря на то, что его имя достаточно известно, в повседневной деятельности анархисты не задумываются об истории. Более того, большинство анархистов, скорее всего, не знакомо с трудами «Мишеля». Поэтому польским либертариям следовало бы воспринимать Бакунина и других «отцов анархизма» как символы и, базируясь на их наследии, создавать новые идеи. Это, возможно, помогло бы «реанимировать» движение в Польше.

Таким образом, по итогам попытки провести данное исследование можно сделать некоторые выводы. Прежде всего, стоит дать ответ на поставленный в статье вопрос: присутствуют ли в сознании современных польских анархистов Михаил Бакунин как личность и его теоретическое наследие как основа идейных взглядов? Отец русского анархизма, несомненно, занимает определенное место в памяти и взглядах анархистов XXI века. Однако, факт игнорирования анкеты дает понять, что это за место и какова его роль. В целом, анархистам из Польши не важно, кем был, как жил и что написал Бакунин. Не придают значения они также более глубокому и сравнительному анализу его наследия. Мы полагаем, что отсутствие откликов на просьбу о заполнение анкеты имеет несколько причин.

Во-первых, большинство польских анархистов знают о Бакунине, выражаясь словами одного из респондентов: «не больше, чем о ядерной физике». Возможно, поэтому они не стали принимать участия в анкетировании. Быть может, повлияло также стеснение от незнания истории собственного движения.

Во-вторых, историческая память о Бакунине и шире — о других личностях и событиях из истории анархизма — не являются общепринятой нормой в среде антигосударственников. Проявление памяти как постоянная форма активности отсутствует. Термины «память», «идентичность», «преемственность», если и функционируют в дискурсе анархистов, то появляются на периферии дискуссий и публицистики. Мы считаем, что неучастие в анкетировании было связано также с нежеланием анархистов познавать себя самих, исследовать

Малгожата Лихота. «Бакунин и Каминьский»

Баннер с изображеением Бакунина и анархо-флаги, вывешенные в центре Познани в дном из местных сквотов «Odzysk» в июне 2014 г.

свою «идентичность», актуализировать теоретическую составляющую и политические практики анархизма. В свою очередь, данные тенденции мешают проявлению естественной, а не «механической» солидарности и искренней, а не «обязательной» взаимопомощи. Возможно, это является одной из причин, которая мешает развитию современного анархического движения в Польше.

В третьих, анархисты, как минимум — на уровне своих заявлений, утверждают, что лучшая память — это борьба, акции прямого действия, конкретная деятельность сегодня и сейчас.

Не будет открытием факт, что в Республике Польше анархизм не является примером революционного радикализма. Среди стран Евросоюза он также не выделяется достижениями в сфере рабочего движения или же других конструктивных преобразований. Получается, что, с одной стороны, анархисты не хотят «топтаться по памяти», но, с другой,— живут постоянным мифом радикализма и акциями прямого действия, тем самым, находясь в пространстве между исторической памятью о былой славе и мифом будущей социальной революции. Современные либертарии не в состоянии соединить в настоящем прошлое и будущее и попытаться сконструировать целостное видение движения, его перспектив и возможностей. Является ли такая ситуация «кризисом идентичности анархистов» в эпоху глобалиации и общества постмодерна? Сможет ли анархическое движение в Польше переступить через этот кризис, найти новые решения современных проблем и войти в эпоху постпостмодернизма? В эпоху, в которой хватит места для новых форм гуманизма и утопизма. В столетие, где гармонично будет сочетаться интерес к прошлому и открытость будущему. В дискурс, в котором слова «память», «идентичность», как минимум, не будут игнорироваться и в массовом сознании анархистов смогут приобрести позитивный характер. Все эти вопросы остаются открытыми и требуют дополнительного анализа и более глубокого осмысления.

На текущий момент мы не можем утверждать, что есть какие-либо предпосылки для того, чтобы 200-летие со дня рождения Михаила Александровича Бакунина стало такой чертой, за которой начнутся перемены. И все же возможно, что акции памяти в сочетании с акциями прямого действия, пропагандистскими инициативами и научными мероприятиями — всем тем, что помогло бы оживить анархистские идеи и наследие Бакунина в современном польском обществе — будут иметь место в 2014 году. И, может, именно тогда жители Третьей Речи Посполитой

вспомнят знаменитые слова вечного русского бунтаря о том, что Польша «будет бунтовать, пока не добунтуется до свободы»[34]. (*Аплодисменты*).

Мангазеев И. А. Есть профессор Сорбонны польского происхождения Анджей Туровский — специалист по советскому авангарду 1920-х годов. Есть ли у него бакунинская тема или тема анархическая?
Ланевский А. Я не встречал, не знаю, не могу ответить на этот вопрос.
Сидоров А. Н. В Польше имеет традиционно большое значение католическая церковь. Бакунин, как известно, был ярым богоборцем — воинствующим атеистом. Для современных польских анархистов это важно?
Ланевский А. Для современных польских анархистов важно то же, что и для других анархистов. Да, антиклерикальные мотивы очень популярны. Хотя у меня есть знакомые анархо-христиане. Одно другому не мешает. Не мешает анархо-христианам делать стикеры, портретики Бакунина… Потому что антиклерикализм объединяет больше, чем атеизм.
С места. Скажите, сколько лет вы в Польше и что вы практикуете? Вы — в движении или исследователь?
Ланевский А. Я в Польше четырнадцать лет. Являюсь участником анархо-движения. Практикую разные практики (*смех*) — что получится. Исследую польскую анархистскую мысль и движение, ну, и чуть-чуть — белорусские и русские.
С места. А родом вы из Белоруссии? Откуда?
Ланевский А. Да. Из Гродно.
С места. Спасибо.
Цовма М. А. Еще вопросы? Нет? Ну, тогда мы предоставляем слово последнему, но не по значимости, докладчику. Мы его сознательно поставили «красной строкой» на финал первого дня. Пожалуйста.

Левандовский А. А.
Первая книга о великом анархисте (А. А. Корнилов. «Семейство Бакуниных)

Левандовский А. А. Тема моего доклада имеет достаточно камерный характер, но, как мне кажется, достойна вашего внимания, потому что речь пойдет, собственно, о первом серьезном произведении, по-

[34] *Бакунин М. А.* Государственность и анархия. – Петербург – Москва: Голос труда, 1919. – С. 117.

Андрей Левандовский

Павел Александрович высказал соображение, что его знаменитый брат на какое-то время сумел построить свою жизнь так, что стал по-настоящему свободным человеком... Но… на этой высоте Мишель не удержался, погрузившись в материализм, атеизм, иконоборчество и, главное, в революционную борьбу.

священном Михаилу Бакунину, написанном к тому же на основании огромного массива источников, — о работе А. А. Корнилова, которую он сам условно называл «Семейство Бакуниных». Первый том этого грандиозного труда был опубликован под названием «Молодые годы Михаила Бакунина» в 1915 году, второй — «Годы странствий Михаила Бакунина» — уже после революции, в 1925 году.

Нужно отметить, что обращение к этой теме выглядит несколько неожиданным для А. А. Корнилова и, на первый взгляд, противоречит всей логике творчества этого известного историка. По натуре своей Корнилов был человеком рационально мыслящим, позитивным до мозга костей, по убеждениям образцовым либералом (недаром он долгое время нес обязанности секретаря ЦК кадетской партии). И сфера его научных интересов была соответствующей — это, прежде всего, эпоха «Великих реформ»; работу Корнилова «Крестьянская реформа», в частности, можно считать либеральной классикой. И вдруг — такая романтика, пронизанная к тому же революционным духом… Объяснение тому, на мой взгляд, лишь одно — на логику творчества свой отпечаток наложила логика времени, личных отношений, судьбы.

Дело в том, что А. А. Корнилов был одним из стержневых деятелей так называемого «Приютинского братства» — наряду с братьями Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбургами, В. И. Вернадским, Д. И. Шаховским. Еще

в самом начале 1890-х годов братство завязало связи с семейством Бакуниных — прежде всего с братьями Михаила Александровича, Павлом и Александром. Впечатление, произведенное этими весьма незаурядными людьми на идейную молодежь, искавшую свое место в жизни, было самым сильным: знакомство оказалось «пожизненным». Постоянным связующим звеном здесь был известный тверской земец-либерал И. И. Петрункевич, чье имение Машук находилось рядом с Прямухиным. С «братством» Петрункевича, человека среднего поколения — между «стариками» Бакуниными и молодежью — связывали многие общие дела.

Корнилов, очевидно, в свою очередь понравился Бакуниным, и в ходе одной из личных встреч — в 1898 году в Крыму — они «допустили» его до знаменитого впоследствии Прямухинского архива, который находился тут же, в их имении Горная Щель, недалеко от Ялты. Когда Корнилов познакомился с архивом, он был потрясен его богатством: здесь содержались письма и документы, практически пронизывающие весь XIX век — с 1810 года по «настоящее время», т. е. 1898 год. Письма, составляющие главное богатство этого хранилища, были аккуратнейшим образом подшиты в томики, каждый из которых содержал их 300–400. За каждый год таких томиков было два — три, при этом подавляющее большинство их содержимого никогда еще не попадало в руки исследователя. Соблазн был огромный, хотя масштабы предстоящей работы, конечно же, могли и напугать. Хорошо, что трудолюбием, любовью к архивному документу, умением и, главное, желанием с ним работать — всеми этими достоинствами исследователя Корнилов, несомненно, обладал. Чрезвычайно важным обстоятельством было и самое благожелательное отношение к историку со стороны Бакуниных — прежде всего, Павла Александровича и его супруги Натальи Семеновны, игравшей роль главной хранительницы архива. Ее поддержка и деятельное участие в освоении архива, по собственному признанию Корнилова, очень много для него значили[1].

Надо сказать, что и сам Александр Александрович Корнилов, человек аккуратный до педантизма, тоже оставил после себя богатей-

---

[1] О всех достаточно сложных и интересных обстоятельствах работы Корнилова над «Семейством Бакуниных» см. мою давнюю монографию: *Левандовский А. А.* Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А. А. Корнилов. – М., 1982. – Гл. III. – С. 124–153.

ший архив — его переписка, в частности, позволяет выяснить весь ход работы над первым томом «Семейства Бакуниных». Всерьез за эту работу историк взялся, вроде бы, в 1904 году, но — грянула революция, и Корнилов-политик вышел на первый план… Для ученого же 1904–1907 годы оказались совершенно бесплодными; а вот реакция создала благоприятные условия для научной работы (в частности, в 1907 году Корнилов ушел в отставку с поста секретаря ЦК партии кадетов). Для пользы дела послужило и то обстоятельство, что в разгар революции, когда в Ялте начались погромы, архив перевезли в относительно тихую Тверскую губернию; правда, почему-то не в Прямухино, а в имение Петрункевича Машук. Как бы то ни было, теперь эти богатейшие материалы оказались доступнее.

В 1908–1913 годах практически каждое лето Корнилов приезжал в Машук и два — три месяца, как минимум, посвящал работе над своей книгой. Судя по всему, с архивом он буквально сжился, Бакунины стали воспринимать историка совершенно, как своего, и это, кстати, спасло бесценное прямухинское собрание материалов. В 1917 году, вскоре после Февральской революции, под впечатлением от того, что происходило в стране, и в справедливом ожидании еще более страшных испытаний Бакунины решили еще раз переменить местонахождение архива и — что в этой ситуации выглядело вполне естественно — передали его на хранение исследователю… Весной — летом 1917 года Корнилов перевез архив на свою петербургскую квартиру, и здесь он каким-то чудом пережил все катаклизмы революционной эпохи[2]. Между тем, в кругах историков-бакунистов сложилось устойчивое убеждение, что архив погиб — убеждение вполне понятное: достаточно взглянуть на развалины Прямухинской усадьбы; от Машука, насколько я знаю, ничего не осталось. О гибели архива писали и Полонский, и Стеклов — Александр Александрович их не разубеждал… Правда выяснилась только после смерти историка, в 1925 году, когда его вдова передала архив в Пушкинский дом.

Корнилов работал с Прямухинским архивом в высшей степени интенсивно, в своей обычной манере — об этом свидетельствуют оставшиеся в его собственном архиве подготовительные материа-

---

[2] Сам Корнилов, незадолго до Октябрьской революции перенесший тяжелейший инсульт, провел эти годы вместе с семьей в Кисловодске. За архивом и огромной библиотекой историка приглядывал его ученик, некто Агабабов, которого, в сущности, и надо благодарить за сохранность этого уникального собрания.

лы, совершенно необъятные. В поисках идеальной конструкции текста он переписывал одни и те же письма по нескольку раз; создавал грандиозные массивы источников по сюжетным линиям — любовная история Станкевича и Любаши Бакуниной, например, или Боткина и Александры… О грандиозности замыслов историка свидетельствует составленный им план, в котором ставилась задача «провести» семейство Бакуниных через всю общественную жизнь России от начала XIX до начала XX века. Кстати, «Молодые годы Михаила Бакунина» — название довольно условное; «Семейство Бакуниных» — точнее. Мишель должен был быть стрежневой, но отнюдь не единственной и даже не всегда главной фигурой повествования.

В плане все было расписано по главам. Поначалу Корнилов собирался уложиться в два тома. Первый — до Крымской войны; том с богатейшей тематикой: «прямухинская гармония», которую всеми силами пытался создать в своем имении старик Бакунин, кружок Станкевича во всех стадиях своего развития, эмиграция Мишеля, европейская общественная мысль того времени, революции 1848–1849 годов, арест и заточение Мишеля. Столь же подробно расписана тематика второго тома — вплоть до начала XX века. По ходу своей работы Корнилов этот первоначальный план пересмотрел — он буквально рушился под напором документальных материалов, которых к тому же становилось все больше и больше: Бееры, семейство близкое к Бакуниным, передало историку «два мешка писем»; Дьяков, сын Варвары, одной из сестер Бакуниных, прислал массу интересного материала, и тому подобное. В результате Корнилов резко сузил хронологические рамки своего труда, разбив его в то же время на три тома: первый — до отъезда Мишеля за границу в 1841 году, второй — до начала Крымской войны, третий — до кончины своего главного героя («Молодые годы» и «Годы странствий», в целом, вполне соответствуют этой программе, в качестве первых двух томов).

Первые главы «Молодых годов» дают ясное представление о том, какого рода произведение замышлял Корнилов. Это должна была быть именно монография, причем предельно обстоятельная и обширная по своей тематике. Впрочем, уже план свидетельствовал, что Корнилов собирался писать не только и даже не столько о Михаиле Бакунине — отталкиваясь от истории жизни великого анархиста, автор пытался дать широкий срез общественного движения, воссоздать атмосферу того времени. Первые главы — точнее, первые пятнадцать глав — на мой взгляд, чудесно удались Корнилову и по сути, и по стилистике. Он, поначалу, очень искусно использовал оказавшийся в его распоряжении

богатейший эпистолярный и прочий материал, умело манипулируя им. Так, скажем, воссоздавая «прямухинскую гармонию», историк широко использует поэму старика Бакунина «Осуга», в которой тот рисует идиллическую картину жизни возглавляемого им семейства. Тут же чрезвычайно уместно приводится письмо Татьяны Бакуниной, написанное под свежим впечатлением от первой своей разлуки с родным Прямухиным, а затем — более позднее письмо Михаила, где он через пять — шесть лет после отъезда из дома вспоминает, как прекрасны были детские годы. Видно, что компановка материала хорошо продумана и позволяет автору добиваться поставленных целей.

В то же время Корнилов постоянно ссылается на серьезную научную литературу; нередко дискутирует со своими предшественниками. Эта вписанность в историографический контекст становится особенно заметна, когда Корнилов рассказывает о пребывании своего героя в кружке Станкевича. (Поначалу, кстати, каждое новое лицо, появившееся на страницах «Молодых годов» получает авторскую характеристику, сопровождающуюся ссылками на соответствующую литературу). Освоение новых источников позволяет автору быть доказательным в этих спорах. Так, например, молодой Мишель иногда характеризовался историками как невежественный отставной артиллерийский поручик, которого «подобрал» Станкевич и «усадил за Гегеля». Корнилов же убедительно показал, что Бакунин увлекся немецкой философией еще будучи на военной службе и постигать ее начал самостоятельно.

В общем, начало у Корнилова получилось, по-моему, замечательное, но затем сюжет его труда начинает ломаться, повествовательная ткань произведения ползет по швам — огромный по объему материал осиливает автора… Множество новых тем возникает почти в каждой главе: множество новых знакомств Мишеля, контакты членов кружка друг с другом, начало их «философических романов» с сестрами Бакунина и, параллельно с этим,— постижение Фихте, Гегеля. А в то же время подрастают младшие братья Мишеля, которые идут своим путем… Постепенно «Молодые годы» все в большей степени начинают приобретать черты публикации, теряя монографический характер. Автор начинает исчезать; его все в большей степени вытесняет добросовестный, но несколько суетливый публикатор. Вот, скажем, это письмо у Пыпина толком не приводится, и поэтому Корнилов публикует его полностью, хотя по ходу дела без него, очевидно, можно было бы легко обойтись. А вот это письмо процитировать было бы очень

кстати, но оно уже опубликовано Ляцким, к которому наш автор и отсылает читателя. Или вот письмо Каткова, в котором Корнилов выделяет *три строки*, необходимые ему как исследователю, однако при этом он все это письмо, занимающее полторы страницы петитом, публикует *целиком* — именно, как публикатор.

При этом «Молодые годы» сохраняют все же характер авторской работы, что сказывается, в частности, в ее идейной направленности. Напомню: по своим политическим взглядом Корнилов — убежденный либерал, что отражается и в «Молодых годах». Во всяком случае, однажды Корнилов появляется там из-за груды фактического материала с несколько неожиданной, на первый взгляд, авторской репризой. Он вспоминает свои «долгие беседы» с Павлом Александровичем Бакуниным. В одной из этих бесед Павел Александрович высказал соображение, что его знаменитый брат на какое-то время сумел построить свою жизнь так, что стал по-настоящему свободным человеком (из сообщения Корнилова, к сожалению, не ясно, какой именно период жизни Мишеля имеется в виду). Но, продолжал Павел Александрович, на этой высоте Мишель не удержался, погрузившись в материализм, атеизм, иконоборчество и, главное, в революционную борьбу. Он так и сгорел в хаосе революции… А вот сам Павел Александрович, продолжает Корнилов, производил впечатление человека, не только достигшего искомой высоты — личной свободы, но и вполне способного на этой высоте удержаться…

Стоит обратить внимание, что «Молодые годы» создаются в то время, когда в либеральной среде просыпается огромный интерес к общественному движению — можно сказать, что либералы очень интенсивно осваивают то, что считают своим наследством, полученным от предшественников. В это время — в начале XX века — издаются собрания сочинений Герцена, Белинского, Грановского, многих славянофилов; появляется масса разнообразных книг, статей, публикаций, посвященных предшественникам. Все явственней выравнивается линия «лучших» — декабристы, «идеалисты» 1830-х–1840-х, деятели земского движения, кадеты… У меня сложилось очень устойчивое впечатление, что Корнилов в принципе пытался в своей книге провести две линии, противопоставляя их друг другу: линию либерала-идеалиста Павла Бакунина (кстати, эта яркая и значимая фигура в нашей литературе до сих пор не удостоилась сколько-нибудь серьезного внимания) и линию Мишеля — взрывного, беспокойного, неуравнове-

шенного, обрекающего себя на гибель в хаосе революции, в то время, как первая линия от «прямухинской гармонии» должна была, очевидно, вести к гармонии всероссийской, либеральной… С задачей этой Корнилов совершенно не справился, по причинам как субъективного, так и объективного характера, но сам факт подобных устремлений, конечно, показателен.

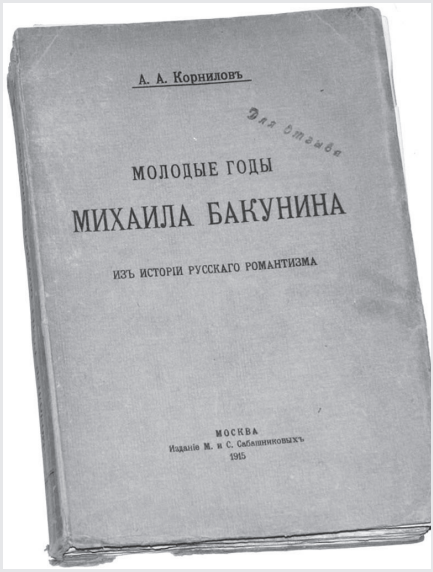
В целом же, несмотря на непоследовательность автора в определении задач своей работы, «Молодые годы Михаила Бакунина» оказались сочинением нужным и полезным. Обращаясь к этой книге, ты буквально с головой погружаешься в эпоху светлого российского идеализма — хотя надо быть готовым к тому, что плавать тебе придется, в основном, самостоятельно… Но есть здесь и островки авторского текста — и не только в первых главах; есть страницы, на которых автор осмысленно разбирается с очень сложными вопросами. Особо я отметил бы «философические» места, связанные с постижением членами кружка Станкевича учения Фихте и Гегеля. В размышлениях и соображениях по этому поводу Корнилов часто интересен и убедителен. Не последнюю роль здесь сыграли, очевидно, «продолжительные и интересные беседы» с известным философом и историком философии Н. О. Лосским, с которым Корнилов общался во время летнего пребывания в Машуке.

То же произведение, что условно можно назвать вторым томом «Семейства Бакуниных», — «Годы странствий Михаила Бакунина» — стало своеобразным памятником той трагедии, которую Корнилов пережил вместе со всей страной. Годы гражданской войны он, как было сказано выше, провел в Кисловодске в полупарализованном состоянии. В Петроград Корнилов вернулся в 1921 году, буквально полуживым. Друзья каким-то чудом добились того, что отставной секретарь ЦК кадетской партии стал получать от Советской власти небольшую пенсию. Существование в такой ситуации предполагалось сугубо растительное… Однако Корнилов попытался продолжить работу над книгой о Бакунине, тем более, что это было то единственное, что он мог надеяться опубликовать в Стране Советов. Однако на сколько-нибудь серьезную работу сил у него, очевидно, уже не было.

По существу, «Годы странствий Михаила Бакунина» — это спешная и весьма небрежная компоновка разнообразных писем, более или менее в хронологическом порядке. Впоследствии Ю. Стеклов, возглавивший многотомное издание сочинений М. А. Бакунина, в коммен-

А. А. Корнилов (1862-1925), российский историк, общественный деятель

Книга одного из лучших биографов Бакунина А. А. Корнилова о молодых годах будущего революционера (1915 г.)

На родине М. А. Бакунина, в селе Прямухине ежегодно проводится открытая научная конференция «Прямухинские чтения»

тариях к этому изданию по книге Корнилова «как танком проехал». И в самом деле: то одно письмо «разрывается» и толкуется как два отдельных, то два различных письма рассматриваются как единое целое. Впрочем, до этой «разборки», осуществленной Стекловым в начале 1930-х годов, Корнилов не дожил — он умер в 1925 г. Своеобразным некрологом ему послужила публикация в «Былом» комплекса писем, не вошедших в «Годы странствий».

Таким образом, жизни этих двух человек — Бакунина и Корнилова — оказались связанными в один узел. (*Аплодисменты*).

Цовма М. А. Ну, как я и обещал. И ваши аплодисменты, и тишина во время доклада подтверждают, что это интересно было послушать.
Задорожнюк И. Е. Я с большим вниманием прослушал доклад и понял, почему так медленно работает наш известный польский коллега Антоний Каминьский, написавший двухтомник о Бакунине. Действительно, были, так сказать, гносеологические вещи, которые нельзя было пропустить. Но и результат его — очень мощный. Я обнаружил у него портреты философов, документы, которых не обнаружишь в русской научной литературе. Два тома сделаны, и мы ждем третий. Конечно, их надо перевести на русский язык. Но хочу сказать — и, думаю, Каминьский не обидится, — что без освоения работ Корнилова ему было бы трудно написать свою книгу.
Рябов П. В. Огромное спасибо за интересный доклад. У меня вопрос. Я читал обе книги Корнилова, и при чтении возникает не только восхищение, но и удивление — совсем не то, что ожидал, причем в двух отношениях: кажется, что это — монография, а это — колоссальный материал, очень ценный, полезный и с минимумом автора. И второе, это — не только книга о Бакунине, это, как вы правильно заметили, — еще и эпоха, и атмосфера. Недаром эта книга вдохновила Мережковского, после того, как он ее прочитал, на создание пьесы «Романтики». Вопрос такой: эта широта взгляда на Бакунина была у Корнилова с самого начала? Бакунин был как повод поговорить о XIX веке в целом?
Левандовский А. А. Совершенно очевидно, что это — грандиозное исследование в свойственной Корнилову манере, очень фактурное, построенное на богатых материалах. Но первые главы уже показывают, что материал — обширный и автору приходится с ним нелегко. Что касается дальнейшего… Он подробно подбирает литературу, то, что еще надо посмотреть. Начиная с пятнадцатой — шестнадцатой главы, видно, как он начинает разбивать материал. Чисто технологическая

проблема была такая: начинается много разных историй, которые уводят в разные стороны. А он всеми силами старается удержаться в основном русле, разводя эти истории. Он их рвет. Так это происходит с романом Станкевича — в 8-й и 19-й главах. То же самое — с романом Боткина, и то же самое — с постижением Гегеля. В результате, вместо единого научного произведения получалась публикация различных материалов в хронологической последовательности. Он чувствовал, что ломается все.

Одну из самых ярких рецензий на книгу, кстати — очень доброжелательную, написал Пиксанов, но в конце рецензии он отмечал, что, конечно, оценка значения самого Бакунина и его семьи в русской общественной жизни — дело будущего. Корнилов подчеркнул эту фразу тремя красными чертами. Действительно, Корнилова тянуло в разные стороны: начало — строго научное, а потом ушло… И, главное, нигде это не оговорено. Поэтому может возникнуть ощущение, что ожидания обмануты.

Рябов П. В. Обманул и порадовал.

Левандовский А. А. Мне кажется, разочарование все же преобладает.

Сидоров И. С. Его можно понять. Когда он увидел этот архив Бакуниных, то ему стало ясно, что это так просто невозможно издать, нужно захватывать всю историю России.

Левандовский А. А. Это — огромный материал, многогранный, многотемный, а Корнилов — человек необычайно ответственный.

Талеров П. И. Еще один вопрос — об архиве Прямухина в Пушкинском доме. Что с ним?

Левандовский А. А. Не знаю.

Талеров П. И. Его развалили на разные части?

Левандовский А. А. Не знаю. У меня просто руки не дошли. У Корнилова были все копии, я работал с ними.

Талеров П. И. А архив Корнилова где?

Левандовский А. А. В ГАРФе.

Программа заседания 13 июля

Объявления и презентация книг по анархической тематике, вышедших со времени проведения конференции «Прямухинские чтения — 2013»

Дамье В. В.	(Москва)	Бакунин: от демократии к анархии
Рублев Д. И.	(Москва)	«Привилегированное науко-политическое сословие»: М. А. Бакунин о роли интеллигенции в социально-политическом развитии общества
Корнилов С. Г.	(Москва)	Мифы о Бакунине
Задорожнюк И. Е.	(Москва)	200-летний юбилей трех последовательных борцов с самодержавием: Лермонтов, Шевченко, Бакунин
Должиков В. А.	(Барнаул)	«Примирительная» тенденция в политической деятельности М. А. Бакунина 1830–1860 гг.
Анго Ж.-К.	(Франция)	Бакунин о революционной роли деклассированных
Талеров П. И.	(Санкт-Петербург)	И. С. Книжник-Ветров — сподвижник П. А. Кропоткина, исследователь М. А. Бакунина
Сафронов О. С.	(Воронеж)	Вопросы истории первобытного общества в трактовке М. А. Бакунина

Стенограмма заседания 13 июля

Цовма М. А. Мы начинаем второй день конференции. Вчера произошли смещения в порядке докладов. Все, кто приехал, получат слово, вне всяких сомнений. В знак уважения к усилиям, которые до последнего момента предпринимал наш японский коллега Кэнсо Ямамото, зачитаем его доклад на нашей конференции[α]. По техническим проблемам он не смог к нам приехать. Его дух сильнее, чем самолеты компании «Боинг», которые ломаются. (*Смех*).

Мы начинаем второй день конференции с маленьких объявлений. Сергей Гаврилович скажет об изданном сборнике «Прямухинские чтения — 2013». Ян Львович Прусский расскажет о положении дел

[a] Из-за острого дефицита времени мы не смогли это сделать, но доклад Кэнсо Ямомото публикуется в разделе «Приложения». – *Ред.*

с музеем Петра Алексеевича Кропоткина, за который мы все очень переживаем, и Петр Рябов расскажет о книге, которая недавно вышла. Это — Бакунинский сборник, в который вошла работа Бакунина и несколько эссе о Бакунине.

Корнилов С. Г. Спасибо. Оргкомитет чтений решил в юбилейном году издать две книжки чтений. Одна — «Прямухинские чтения — 2013» — издана. Она вышла накануне Дня рождения Михаила Александровича, и на его чествовании в музее Герцена была ее презентация. Вот она. Книгу Чтений 2014 года мы постараемся издать до конца года.

Изданная книжка оказалась трудоемкой. Мы хотели ее выпустить пораньше, что само уже непросто, и сделали это только благодаря Алле Михайловне и дочери Варваре, которые много сил отдали и дизайну книги, и иллюстративному материалу — его много в книге. Иначе осуществить своевременный выпуск «Прямухинских чтений — 2013» не удалось бы.

Корнилова А. М. И благодаря Кате.

Корнилов С. Г. Сейчас скажу. Катя Филатова занималась версткой. Это уже не первый раз. Ей, разумеется, в положении перманентного цейтнота досталось тоже по полной. Спасибо им всем! (*Аплодисменты*). Конечно, традиционно активное участие в подготовке книги к изданию принимал весь оргкомитет: Петр Рябов, Игорь Саввич, Слава Сидоров и Михаил Цовма. О самой книге говорить не буду. Мне кажется, что она — красивая и интересная. Есть некоторые замечания по подготовке, которые стоит озвучить. Дело в том, что некоторые авторы, засылая свои материалы, уверены, что мы обязаны их опубликовать. По-видимому, мы избаловали «клиентуру». Разумеется, мы все делаем для того, чтобы публиковать ваши материалы, но хочу еще раз предупредить, что вынуждены ужесточить условия и в отношении объема, и в отношении тематики материалов, и, разумеется, в отношении сроков предоставления. Не буду называть имен, но некоторые авторы предлагают из года в год фактически одно и то же. Другие тянут до последнего. Сказанное особенно касается нынешней конференции. Чтобы успеть издать материалы юбилейной конференции до конца года, нам придется поднатужиться. Мы будем строго следовать объявленным условиям. Некоторые из вас уже почувствовали на себе наши строгости. Повторяю, оргкомитет оставляет за собой право ограничивать объем материалов и даже отказывать авторам в случае несоблюдения заявленных условий.

Вот эта книжка. Благодаря нашим дизайнерам и верстальщикам, начиная с 2011 года, у наших сборников изменился внешний облик, и внутренний тоже. Книжки красивые, броские, внутри — много иллюстративных материалов. Это способствует тому, что они лучше расходятся. Мы на правильном пути в издательском деле. На конференции, посвященной Бакунину в Институте философии РАН, Ирина Блауберг, ведущая, увидев на торговом прилавке наши книги, воскликнула: «Какие красивые книги у вас! Может быть, Сергей Гаврилович, вы поможете издать материалы нашей конференции?» Я ответил, что если вы возьмете на себя предпечатную подготовку, то поможем. Ну, пока продолжения нет. Но еще об одном подобном случае скажу. В красивом иллюстрированном журнале географического направления летом напечатана большая статья Петра Рябова о Бакунине. Журнал расходится по подписчикам и в розницу не поступает. Получая от главного редактора 50 авторских экземпляров, я преподнес ему несколько наших сборников в подарок. Он был чрезвычайно удивлен качеством издания. Благодарил и предлагал сотрудничать. Мысли о расширении нашей издательской деятельности приходят в голову. Спасибо за внимание. (*Аплодисменты*).

Прусский Я. Л. Я работаю в музее Кропоткина в городе Дмитрове, но прежде, чем говорить о музее, я скажу несколько слов о Бакунине. Это человек, который имеет прямо противоположное влияние на различных людей. И оно остается двояким до сих пор. В 1926 году проходили мероприятия, посвященные 50-летию кончины Бакунина. К этому времени большая часть российских анархистов сидела в тюрьмах и лагерях. В июле 1926-го, примерно в те же дни, что и мы собрались, на мероприятии в Большом зале Политехнического музея вдова Кропоткина Софья Григорьевна неожиданно заявила, что в стране победившего социализма нет свободы слова и свободы печати. Произошел скандал, и на следующий день репортер «Вечерней Москвы», который присутствовал на этом вечере, писал, что «публика с трудом выдержала вдову Кропоткина». Вот такая фраза там была. В архиве нашего музея я нашел более интересный, более правдивый документ на эту тему. Приведу строчку из него. Через две недели Софья Григорьевна в Дмитрове получает письмо, и в нем написано: «Мне хочется выразить Вам чувство глубочайшей признательности и восхищения. Тысячи людей, громадная аудитория, и маленькая женщина слабым голосом бросает в толпу могучие и сильные слова правды, которые Россия не слышит девятый год. Трудно поверить, что есть

Ян Прусский

Для проведения торжеств в честь Сергия Радонежского выделено 12 миллиардов рублей, а на проведение юбилея Бакунина выделено — сколько? Ну, вот… нисколько…

человек в пределах СССР, который может дерзать сказать всю правду. Один из многих. Постскриптум: Простите, что не подписываю своего имени и не имею той смелости, что Вы».

Это пример из прошлого. А вот пример из нашего времени. Сейчас проходят два юбилея. Не сравниваю юбиляров по их значимости. Это 700-летие Сергия Родонежского и 200-летие Михаила Бакунина. Для проведения торжеств в честь Сергия Радонежского выделено 12 миллиардов рублей, а на проведение юбилея Бакунина выделено — сколько? Ну, вот… нисколько.

Прошло 22 года с того момента, когда в Дмитрове было принято решение о создании музея Петра Кропоткина. Так вот, открытие музея, «о котором так долго твердили большевики», наконец, кажется, состоится. Ничего конкретного не говорят. Все решается в высших сферах. Наиболее вероятная дата — последняя суббота августа или первая суббота сентября. Это День города. Но ничего более точного сказать пока не могу. Приглашаю вас на открытие музея, буду рад вашему приезду и даю координаты сайта Дмитровского музея, на котором, конечно, будет стоять точная дата открытия музея Кропоткина[β]. Спасибо. (Аплодисменты).

[β] Музей П. А. Кропоткина в Дмитрове открылся 5–6 сентября 2014 г. – *Ред.*

Рябов П. В. Два коротких объявления. Одно, наверное, уже не новость. Вон там, на столе, помимо чая «Прямухинская гармония», юбилейных значков, лежит много различных материалов, часть которых можно взять бесплатно, как журнал «Всеобщая история» с моей статьей о Бакунине или журнал «Прямое действие», а часть — «платно», как книжку Гелдерлооса, журнал «Автоном» и другие. Кроме того, там есть чашки с портретом Бакунина. Деньги, вырученные от их продажи, пойдут в помощь политзаключенным — нашим братьям и сестрам. И последнее. Группа товарищей, пожелавших остаться неизвестными, выпустила прямо к нашей конференции сборник — самиздат. В нем статья Бакунина «Федерализм, социализм и антитеологизм», статьи о Бакунине Борового, Александра Блока и моя старая статья, написанная к 190-летию Бакунина. Ее можно приобрести за 100 рублей. Спасибо. (*Аплодисменты*).

Рублев Д. И. Еще одно объявление, связанное с выходом книги, в которой большая роль отводится анархистам. Издательство «РОССПЭН» зимой этого года выпустило Энциклопедию «Революционная мысль России. Вторая половина XIX — начало XX века». Там представлен широкий спектр дореволюционных мыслителей, начиная с Александра Радищева и заканчивая Волиным, Троцким и представителями революционного крыла русской эмиграции. Анархистский блок представлен в книге достаточно мощно. Среди его авторов — присутствующий здесь Павел Иванович Талеров, я сыграл некоторую роль, и есть статьи других авторов. Есть статьи о Бакунине, о Кропоткине, об Энгельсоне, о бакунистских журналах, таких, как «Община», «Работник», об анархистской газете «Голос труда», о российских анархистах начала XX века и о современниках Бакунина, таких, как Соколов, Зайцев и печально известный Сергей Нечаев. Продается книга в книжных магазинах «РОССПЭН». Саше Ланевскому я передал экземпляр. Если кого интересует, можно посмотреть у него. Спасибо.

Цовма М. А. Друзья, мы переходим к основной части нашей конференции — к докладам. Я призываю докладчиков быть четкими, краткими, соблюдать регламент, чтобы можно было заслушать доклады, перевести и дать возможность выступить всем заявленным участникам. Игорь Саввич, передаю Вам ведение конференции.

Сидоров И. С. Спасибо. Поскольку сегодня у нас, в основном, русские доклады, а перевод будет производиться синхронно для узкого круга, и Миша Цовма будет среди переводчиков, вести конференцию буду я. Напоминаю: на доклад — 20 минут и 5 минут — на обсужде-

ние. Иначе мы не уложимся. Итак, слово Вадиму Валерьевичу Дамье. Пожалуйста.

Дамье В. В. Спасибо, коллеги. Я хочу предупредить, что доклад мой — очень большой, зачитывать его я не буду. Это было бы с моей стороны непростительной тратой вашего времени. Поэтому я зачитаю отдельные куски и перескажу то, что не зачитаю.

Дамье В. В.

Бакунин: от демократии к анархии

Вопрос об отношении анархизма к проблеме демократии как системе общественного устройства и принятия решений нередко поднимается в дискуссиях между либертариями и представителями иных идейно-политических течений. С одной стороны, общеизвестно, что анархисты отвергают представительную демократию и сам принцип представительства интересов, отстаивая вместо этого «прямое действие», то есть непосредственное выражение и осуществление своих чаяний самими заинтересованными лицами. С другой, сами либертарии нередко заявляют о своем стремлении к «прямой демократии». И в то же время, анархизм, отрицая власть как таковую, неизбежно ставит под сомнение саму возможность демократии как «власти народа»:

Вадим Дамье

Анархистская мысль не сразу пришла к отрицанию демократии как властнической модели общественного устройства. В этом отношении особый интерес вызывает идейная эволюция М. А. Бакунина… Бакунин начинал как радикальный республиканец-федералист, сторонник максимальной децентрализации и сведения центральной власти к минимуму, но постепенно пришел к анархизму как отрицанию власти и демократической системы правления как таковой.

«Слово демократия (правительство народа) заключает в себе неразрешимое противоречие. Если существует правительство, то управляет не народ, а меньшинство, которое и составляет правительство. Если же именно народ решает свои дела сообща, не существует правительства, которое руководит им. Правительства народа никогда быть не может»[1]. В этом смысле, анархисты противопоставляют модели демократии структуру всеобщего самоуправления — «акратии», отсутствия правительства и власти человека над человеком.

Такого рода путаница объясняется отчасти терминологическими проблемами. Дело в том, что анархистский дискурс настолько сильно расходится с мэйнстримом, и современный язык (отнюдь не «нейтральный» и не свободный от идеологической «нагрузки») зачастую просто не выработал адекватных понятий, представлений и формулировок, которые бы в должной степени отражали анархистский взгляд на вещи, но при этом были бы понятны более «широкой» общественной среде. Поэтому анархистам часто приходится пользоваться имеющейся терминологией, как бы «переводить» свои доктринальные положения, идеи, взгляды, представления на более понятный и привычный язык. Одним из таких терминов для анархистов как раз и служит «прямая демократия».

В действительности, однако, дело этим не ограничивается. Периодически всплывающие в анархистской среде дискуссии о возможности участвовать, к примеру, в муниципальной работе (при одновременном отклонении парламентаризма) демонстрируют и наличие более серьезных и глубоких расхождений в оценках роли, по меньшей мере, части демократических институтов[2]. Представляется, что эти разногласия порождаются не только большей или меньшей склонностью некоторых либертариев к политическому прагматизму. В них продолжает проступать наследие социалистических воззрений XIX столетия, в которых еще не вполне разделялись принципы представительства и общественного самоуправления и предпринимались попытки комбинировать их. Такие стремления подкреплялись практикой реальных социальных и революционных движений эпохи (коммунальной революцией во Франции 1870–1871 гг., кантональной революцией в Испании 1873–1874 гг. и др.).

---

1 Anarquismo Basico. 2 edición. – Madrid: Fundación de Estudios Libertarios Anselmo Lorenzo., 2010. – P. 30.

2 Ibid. cit.

Анархистская мысль не сразу пришла к отрицанию демократии как властнической модели общественного устройства. В этом отношении особый интерес вызывает идейная эволюция М. А. Бакунина — человека, которого считают «отцом» анархизма, пусть даже не вполне заслужено: в плане анархистской доктрины, его, разумеется, нельзя счесть таковым, но он, безусловно, был той центральной фигурой, вокруг которой формировался анархизм как общественно-политическое движение. Далее мы попытаемся показать, что Бакунин начинал как радикальный республиканец-федералист, сторонник максимальной децентрализации и сведения центральной власти к минимуму, но постепенно пришел к анархизму как отрицанию власти и демократической системы правления, как таковой.

Одной из первых попыток Бакунина систематически изложить свои взгляды на организацию устройства будущего общества можно считать написанный им в 1866 г. проект «Принципов Интернационального революционного общества». Автор провозглашает «необходимость разрушения всех ныне существующих в Европе государств, за исключением Швейцарии, и радикального уничтожения всех политических, военных, административных, судебных и финансовых установлений, составляющих в настоящее время жизнь и мощь государств»[3]. Оговорка относительно Швейцарии весьма любопытна, поскольку в ней и заключается суть дела: для Бакунина речь идет пока что не о ликвидации государственной политической власти вообще, а об уничтожении модели централизованного государства. Поставленная им задача — «*отмена*, уничтожение и моральное, политическое, судебное, бюрократическое и финансовое банкротство *опекающего главенствующего, централистического государства*»[4].

То, что Бакунин выступает в данном проекте не как анархист, а как радикальный социалистический федералист, становится очевидным и из описания им послереволюционного общественного устройства. Централизованное государство подлежало, по его мнению, за-

---

[3] См., например: *Murray Bookchin*. What is Communalism. The Democratic Dimension of Anarchism: http://dwardmac.pitzer.edu/anarchist_archives/bookchin/CMMNL2.MCW.html; *Fidel Manrique*. Malinterpretaciónes sobre el anarquismo y el anarcosindicalismo // Adarga. Revista de pensamiento y critica anarquista. 2013. – № 1. Enero. – P. 62–71.

[4] *Бакунин М. А.* Принципы Интернационального революционного общества // Материалы для биографии М. Бакунина. – Т. 3. Бакунин в Первом Интернационале. – М.–Л.: Государственное издательство, 1928. – С. 98.

мене децентрализованной федерацией на трех уровнях: низовом, региональном и общегосударственном: *«Во-первых, каждая организация должна идти снизу вверх от общины к центральному единству, страны к государству, путем федерации. Во-вторых, между общинами и государством должен стоять, по меньшей мере, хоть один автономный посредник: департамент, область или провинция»*[5]. При этом Бакунин признавал принцип представительной демократии, выступая за «непосредственное и прямое избрание народом всех общественных, судебных и гражданских служащих, а также всех национальных, провинциальных и коммунальных представителей или советников, то есть избрание их путем предоставления права голоса всем взрослым мужчинам и женщинам»[6].

Для государства как формы организации, в принципе, характерна концентрация власти. Чем «выше» находится тот или иной государственный институт в вертикали власти, тем больше и шире его полномочия. Даже если местные органы сохраняют определенную свободу в решении локальных или региональных вопросов, центральный орган имеет право отменить их решения, если считает, что эти решения идут вразрез с общегосударственными интересами или противоречат законам государства в целом. Напротив, в проекте 1866 г. Бакунин предлагал, по существу, «перевернуть» властную пирамиду и сосредоточить основные решающие полномочия на местах. При этом само наличие вертикали власти им еще не отрицалось.

Согласно «Принципам Интернационального революционного общества», «основой политической организации страны должна стать *безусловно автономная община, всегда представляемая большинством голосов всех совершеннолетних жителей*». Такая местная община должна была сама избирать и сменять путем голосования своих «служащих, правителей и судей», распоряжаться «без всякого контроля своим имуществом и финансами», издавать, без всякого утверждения свыше, собственные законы и определять свое внутреннее устройство. Общины, согласно проекту, могли объединяться в провинциальные федерации, для чего им надлежало «согласовать свой собственный строй с главнейшими основаниями строя провинции и получить на него санкцию провинциального парламента», подчиняться «приговорам провинциального суда и предписываемым про-

---

5 Там же. – С. 42.

6 Там же. – С. 47.

винциальным правительством мероприятиям по отношению к ней». На уровне провинции предусматривалось избрание провинциального парламента из одной или двух палат (представителей всего населения и представителей общин). Этот орган, не вмешиваясь во внутреннее управление общинами, должен был выработать основные положения провинциальной конституции, обязательные для всех входящих общин, утверждать законы провинции, одобрять провинциальные мероприятия и определять участие в них общин, устанавливать налоги, контролировать работу выборного провинциального правительства, утверждать или отвергать его решения. При этом «общинное законодательство сохраняет право отклоняться во второстепенных пунктах от провинциального законодательства, но не от его основ». Наконец, *«нация не может быть ни чем иным, как федерацией автономных провинций».* Выборный однопалатный или двухпалатный национальный парламент точно так же, не вмешиваясь в управление и внутреннюю политическую жизнь провинций, должен был разработать национальную конституцию (с правами провинций отклоняться от нее во второстепенных пунктах), контролировать действия выборной исполнительной власти, принимать законы и одобрять мероприятия общенационального значения, заключать международные договоры, вопросы войны и мира и распоряжаться набором национальной армии. Предусматривалось существование Национального суда. Наконец, на тех же самых принципах должны были, по мысли Бакунина, строиться интернациональная федерация стран и народов и ее органы[7].

Очевидно, что перед нами — проект не безгосударственного общественного устройства, а программа радикально-федералистского типа. Сторонники Бакунина противопоставляли ее централистским течениям тогдашнего социализма и пытались добиться ее принятия международным революционным движением.

Следующим шагом можно считать проект написанного Бакуниным в 1867 г. письма Центральному комитету Лиги мира и свободы, известный под названием «Федерализм, социализм и антитеологизм». Он по-прежнему позитивно отзывается о практике республиканского федерализма (в Швейцарии и США), призывая «решительным образом воспринять североамериканскую политику свободы» и напоминая о том, что Швейцария «успешно применяет» федералистский принцип, «присоединилась к нему без всякого ограничения и приня-

---

[7] Там же. – С. 47–53.

ла его со всеми вытекающими последствиями». Бакунин предлагает Лиге выступить за создание Соединенных Штатов Европы[8].

В то же время, в этом тексте Бакунин уже беспощадно критикует сам принцип государства. Он подчеркивает его исторический характер: «Государство не является непосредственным созданием природы; оно не предшествует, как общество, пробуждению человеческой мысли… Оно стоит над обществом и стремится его полностью поглотить». Государство есть ограничение человеческой свободы, и даже демократическое правление может подавлять эту свободу: «Это целиком будет зависеть от назначения Государства и власти, которую граждане ему предоставят. Республиканское Государство, основанное на всеобщей подаче голосов, может быть очень деспотичным, даже более деспотичным, чем монархическое, если под предлогом, что оно представляет общую волю, Государство будет оказывать давление на волю и свободное развитие каждого из своих членов всей тяжестью своего коллективного могущества»[9]. Другой его порок — это национальная ограниченность, «патриотизм», то есть тенденция принимать во внимание исключительно собственных граждан или подданных, «отрицание человечности», неизбежно порождающее войны. Бакунин видит в государстве проявление принципа «авторитета», то есть идеи, «что массы, будучи *всегда* неспособны к самоуправлению, во всякое время должны пребывать под благотворным игом мудрости и справедливости, так или иначе навязанными им сверху»[10]. В любом государстве всегда управляет привилегированное меньшинство, в ущерб наемным работникам: «Ни одно древнее или современное государство никогда не могло обойтись без принудительного труда наемных или порабощенных масс»[11]. Так обстоит дело во всех государствах, «даже если они наделены самыми демократическими институтами, как, например, Соединенные Штаты Северной Америки и Швейцария… Self-government масс, несмотря на весь аппарат народного всемогущества, является там по большей частью только видимостью»[12].

---

8 *Бакунин М. А.* Федерализм, социализм и антитеологизм // *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика. – М.: Издательство «Правда», 1989. – С. 17–18.

9 Там же. – С. 88–89.

10 Там же. – С. 105.

11 Там же. – С. 97.

12 Там же. – С. 105.

В этой незаконченной рукописи Бакунин не предлагает принципов политического устройства, которым следовало бы, по его мнению, заменить государство (за исключением общего упоминания об интернациональной федерации). Тем не менее, можно отметить, что его антиэтатизм становится здесь более резким, решительным и обоснованным.

Критика в адрес государства и самого принципа государственности нашла отражение и в написанном Бакуниным во второй половине 1860-х гг. проекте «Программа общества международной революции». В нем повторяется ряд положений, намеченных в рукописи «Федерализм, социологизм и антитеологизм». Государство, по мнению Бакунина, это «историческая организация принципа власти и опеки, божеской и человеческой, над народными массами во имя какой-либо религии, либо исключительных привилегий одного или нескольких классов собственников в ущерб тысячам рабочих, подневольный труд которых они жестоко эксплуатируют». Как видим, здесь уже совершенно отчетливо сформулирована анархистская мысль о том, что любое государство неразрывно связано с классовым неравенством и угнетением и не может не быть инструментом классового разделения и господства. «Государство, неизбежно основанное на эксплуатации и порабощении масс и, в качестве такового, угнетающее и попирающее всякую свободу народа и всякую справедливость, неизбежно должно быть грубым, хищническим, грабительским и стремиться к завоеваниям. Государство — всякое государство, безразлично, монархия или республика, есть отрицание человечности»[13].

Наконец, осенью 1868 г. был подготовлен очередной проект программного документа «Интернационального братства», в котором выдвинута цель «радикальной и всемирной, одновременно философской, политической, экономической и социальной революции, с тем чтобы от современного порядка, основанного на частной собственности, эксплуатации одних людей другими, нищете, невежестве и всякого рода авторитетах, не осталось камня на камне». Там же провозглашается «полное уничтожение всякого государства, всякой церкви, всех религиозных, политических, бюрократических, судебных, финансовых, полицейских, экономических, университетских и фискальных учреждений» и захват «коллективом всего социального капитала, земельной собственности, горных промыслов, квартир, общественных зданий, церквей, орудий

---

[13] *Бакунин М. А.* Программа общества международной революции // *Бакунин М. А.* Анархия и Порядок: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 319–320.

производства, сырья, ценных металлов и готовых продуктов». Задача «отмены и ликвидации государства» выдвигается в качестве немедленной. «Мы призываем *анархию*…», — заявлено в этом наброске[14].

Важность этого небольшого текста состоит еще и в том, что в нем впервые (хотя и в самых общих чертах) объясняется, как «организовать анархию», то есть чем надлежит заменить отменяемое государство. Вместо федерального переустройства существующих государств предлагается действовать в ходе восстания «без малейшего внимания к территориальным делениям и существующим государственным границам». Предлагается провозгласить повстанческие «временные общины» и соединить их в федерацию через посредство делегатов с «императивными мандатами». Эти делегаты должны были затем составить «совершенно отдельные и независимые друг от друга комитеты» по конкретным вопросам и отраслям деятельности: «из всего этого составится великий федеративный союз революционной солидарности, все действия которого будут вдохновляться непосредственно народными массами и непосредственно от них получать одобрение». Так осуществится «провозглашение всемирной и солидарной моральной революции»[15].

В конце 1868 г. Бакунин и его сторонники выходят из Лиги мира и свободы и создают Международный альянс социалистической демократии. Хотя в названии организации присутствует слово «демократия», из документов явственно вытекает, что в сам этот термин, по меньшей мере, вкладывался иной, безвластнический смысл. Программа Альянса предусматривала совершение революции, «торжество дела пролетариата против капитала», ликвидацию («уравнение») классов и уничтожение государства: «все ныне существующие политические и авторитарные государства, все больше и больше сокращаясь до простых административных функций социальных служб в своих соответствующих странах, должны исчезнуть во всеобщем союзе свободных ассоциаций, как сельскохозяйственных, так и промышленных»[16]. Дальнейшее развитие взглядов Бакунина происходило уже в рамках Первого Интернационала, куда вступили теперь он и его сторонники.

---

14 Интернациональное братство // Материалы для биографии М. Бакунина… – Т. 3. – С. 114–115.

15 Там же. – С. 116.

16 Programme et Réglament de l`Alliance publique // *Michel Bakounine*. De la guerre à la Commune. – Paris: Édition anthropos, 1972. – P. 583–586.

Можно отметить, что к 1870 г. отношение Бакунина к федеративной модели Швейцарии и всеобщим выборам становится уже резко критическим. В работе «Бернские медведи и Петербургский медведь» он подверг развернутой и уничтожающей критике институты представительной демократии и даже прямую демократию в рамках существующей государственнической системы. Правда, Бакунин по-прежнему противопоставляет автономию кантонов политической централизации и общегосударственному правительству, ибо «всякое правительство, даже самое демократическое — естественный враг свободы, и чем более оно централизовано, чем сильнее, тем оно становится более угнетающим». Но он замечает, что «во всех странах, где существует представительный образ правления, а Швейцария является одной из таких стран, свобода, стало быть, может быть реальной лишь при условии, если этот контроль действительный. Наоборот, если этот контроль только фиктивный, народная свобода становится неизбежно также простой фикцией. Было бы нетрудно доказать, что нигде в Европе нет действительного народного контроля». Бакунин обрушивается и на сам принцип представительства: «Когда было введено всеобщее избирательное право, подумали, что свобода народа теперь обеспечена. Но это была большая иллюзия (…) Вся ложь системы представительного правительства покоится на той фикции, что власть и законодательная палата, выбранные народом, непременно должны, или даже только могут, представлять действительную волю народа». На самом же деле это невозможно, поскольку интересы правящих и управляемых, «опекунов» и «опекаемых» противоположны, между ними не может быть равенства. «Когда есть политическая власть, есть господство. А там, где существует господство, более или менее значительная часть общества необходимо находится в подчиненном положении, те же, кто находится в подчиненном положении, естественно ненавидят тех, кто господствует, тогда как те, кто господствует, должны необходимо подавлять и, следовательно, угнетать тех, над кем они господствуют». Положение не спасет даже создание правительства и парламента из рабочих и социалистов: они вскоре превратятся, даже помимо собственной воли, в новый господствующий слой. Тем более дело обстоит так в буржуазном обществе, где политическое равенство между гражданами является фикцией, поскольку имущий класс пользуется своими возможностями (включая свободное время, знания ситуации, законов и т. д.) для того, чтобы влиять на массы избирателей, которые намного хуже разбираются в делах законодательства и управления. В момент выборов претенденты на власть могут

делать вид, что их интересует мнение простого народа. «Когда выборы закончены, каждый возвращается к своим обыденным занятиям: народ к своему труду, а буржуазия к своим доходным делам и политическим интригам. Они почти не встречаются больше, не знаются друг с другом. Каким образом народ, обремененный работой и не имея понятия о большей части поднимаемых вокруг него вопросов, будет контролировать политические акты своих выборных? И разве не ясно, что контроль избирателей над своими представителями лишь простая фикция? А так как народный контроль в системе представительного правительства является единственной гарантией народной свободы, то ясно».

Бакунин утверждает, что наиболее свободными являются местные (коммунальные) выборы, где народ еще может действительно выразить свою волю и более или менее понимает, за что он голосует. Выборные органы кантонов еще дальше от простого человека, и уж совсем далеки от него национальные парламент и правительство. И даже «*референдум*, или прямое народное законодательство» — «только паллиатив, новая иллюзия, ложь».

Проанализировав политическое устройство Швейцарии, Бакунин приходит к анархистскому выводу: поскольку «вернуться к политической автономии кантонов невозможно», а «сохранить политическую централизацию нежелательно», то «дилемма имеет только одно решение: уничтожение всякого политического государства, как кантонального так и федерального, превращение политической федерации в экономическую, национальную и международную федерацию». «Нужно,— пишет он,— совершенно уничтожить, в принципе и фактически, все, что называется политической властью; потому что пока будет существовать политическая власть, будут всегда господствующие и подчиненные, господа и рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые. По уничтожении политической власти нужно ее заменить организацией производительных сил и хозяйственной жизни страны»[17].

Непосредственное участие Бакунина в коммунальной революции во Франции укрепило его представления о путях радикального разрыва с государством. В конце 1870 г. он пишет проект программы Революционной федерации коммун, которая призвана была заменить Французское государство. Согласно этому документу, революционные коммуны различных городов страны, «которые подготовили и ру-

---

[17] *Бакунин М. А.* Бернские медведи и Петербургский медведь // *Бакунин М.* Избранные сочинения. – Т. III. – Пб.; М.: «Голос труда», 1920.

Харьков. Демонстранты-анархисты несут транспарант со словами М.А. Бакунина «Социализм без свободы — это рабство и скотство» (1989 г.).

ВЛАСТЬ НАРОДАМ, А НЕ ПАРТИЯМ!

НАБАТ

ХАРЬКОВ №3 ОКТЯБРЬ 1989

Конфедерации анархо - синдикалистов

газета выходит 1-2 раза в месяц

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И АНАРХИЯ.

М.А. БАКУНИН: В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ.

Газета «Набат», (№3, 1989 г., г. Харьков)

Идеи М. Бакунина и сегодня популярны в странах Латинской Америки. «Бакунин жив» — написано вдоль дороги в одном из городов Бразилии.

Бразильское полицейское государство само себя выставило на посмешище: полиция Рио де Жанейро разыскивает Михаила Бакунина, анархиста, родившегося 200 лет назад, как потенциального участника протестов против проведения в стране мирового чемпионата по футболу и социальной несправедливости.

Ответная шутка на эту акцию в Интернете

ководят солидарно и координировано революционным движением за свержение императорской тирании», должны были объединиться в федерацию и провозгласить, что их федерация «ЭКСПРОПРИИРУЕТ всю государственную и частную собственность, все предприятия, земли, движимое и недвижимое имущество на территории французской Республики». Должны были быть аннулированы и отменены все долги и ипотеки, право наследования, все прежние законы, декреты и административные распоряжения, налоговая система и т. д. Все государственные учреждения упразднялись. Армия и полиция подлежали роспуску и замене революционным народным ополчением[18].

Наконец, можно говорить о том, что взгляды Бакунина на анархию, то есть безвластие, заменяющее государство и демократию с ее выборными процедурами, окончательно кристаллизировались в ходе полемики с Марксом и его сторонниками в Первом Интернационале.

Опираясь на уроки Парижской коммуны, Бакунин считал, что она подтвердила необходимость уничтожения государственной власти. Марксисты, утверждает он, «полагают, что они должны организовать рабочие силы для того, чтобы овладеть политической властью государств», тогда как сторонники его течения «организуются ввиду разрушения или, выражаясь более учтиво, ввиду ликвидации государства». Равенство должно установиться в мире «путем спонтанной организации труда и общей собственности производственных ассоциаций, организованных и федерируемых в коммуне, и путем столь же спонтанной федерации коммун, но не путем высшего и опекающего действия государства». Социальная революция, доказывает он, во всем отличается от революции политической, она не может «быть декретирована и организована ни диктатурой, ни вышедшим из политической революции учредительным собранием». Ее осуществляют сами трудящиеся, беря в свои руки средства производства и управление собственной жизнью и открывая путь новому общественному устройству. «Будущая социальная организация должна быть создана исключительно снизу вверх, путем свободной ассоциации и федерации трудящихся, сперва в ассоциациях, затем в коммунах, регионах, нациях и, наконец, в великой интернациональной и всемирной федерации»[19].

---

[18] *Бакунин М. А*. Програма на Революционната федерация на комуните // *Михаил Бакунин*. Избрани страници за и от него. – София: ШРАПНЕЛ, 2004. – С. 77–80.

[19] *Bakounine M.* La Commune de Paris et la notion de l`Eta*t* // *Bakounine M.* De la guerre à la Commune… – P. 406–408, 413, 415.

Конгресс бакунистской Юрской федерации в Шо-де-Фон принял резолюцию, в которой выдвигалась задача ликвидации государственной политической власти как таковой. «… Полное освобождение трудящихся возможно только при условии изменения политического общества, основанного на привилегии и власти, в общество экономическое, покоящееся на равенстве и свободе… Всякое правительство, или политическое государство, есть ничто иное как организация эксплуатации, выражением которой является юридическое право», — говорилось в резолюции. Из этих положений делался вывод о том, что «всякое участие рабочих в буржуазной правительственной политике» (то есть, выборах) недопустимо и контрреволюционно, а потому следует «отказаться от всякой деятельности, имеющей целью социальные изменения при посредстве политических национальных реформ» и «перенести свою энергию на устройство федеративных профессиональных союзов — единственного орудия, могущего обеспечить успех социальной революции»[20].

Таким образом, в центре размежевания между марксистами и анархистами («бакунистами») оказался именно вопрос о государстве, различное отношение к которому определяло расхождения и в тактике, и в форме организации. Сам Бакунин в письме к итальянским единомышленникам (январь 1872 г.) описывал эти разногласия так: Маркс «хочет того же, чего хотим мы: полного торжества экономического и социального равенства, — *но в государстве и при посредстве государственной власти, при посредстве диктатуры очень сильного и, так сказать, деспотического, временного правительства,* то есть путем отрицания свободы. Его экономический идеал — государство в качестве единственного владельца земли и всех видов капитала… Мы хотим достичь того же торжества экономического и социального равенства путем уничтожения государства и всего того, что зовется юридическим правом… Мы хотим перестройки общества и объединения человечества не сверху вниз, при посредстве какого бы то ни было авторитета и с помощью социалистических чиновников, инженеров и других официальных ученых; мы хотим перестройки снизу вверх, путем свободной федерации освобожденных от ярма государства рабочих ассоциаций всех видов»[21].

---

20 *Лебедев Н. К.* К истории Интернационала. Этапы международного объединения трудящихся. Изд. 2-е. – М.: КомКнига, 2010. – С. 65–66.

21 *Бакунин М. А.* Письмо Рубикону и всем остальным друзьям // Материалы для биографии Бакунина… – Т. 3. – С. 330.

Кирилл Букетов,
Международный союз пищевиков (IUF)

Мы пришли сегодня к могиле Бакунина, чтобы отметить 200-летие со дня рождения этого необычного человека. Мы принесли с собой двести алых роз. Каждая роза символизирует один год, прошедший со дня появления на свет в селе Прямухино это яркого человека, обладавшего удивительным даром зажигать в сердцах людей пламя борьбы против несправедливости и угнетения.

В работе «Государственность и анархия» Бакунин обвиняет марксистов в намерении создать после революции «переходное» государство, что неминуемо приведет, по его мнению, к формированию нового правящего класса из чиновников и привилегированных специалистов: «Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немыслимо — вот почему мы враги государства»[22]. Он высмеивает представление о том, что вначале необхо-

[22] *Бакунин М. А.* Государственность и анархия // *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика… – С. 482.

димо завладеть государственной властью (путем восстания или выборов), а затем постепенно вести дело к ее «отмиранию», проводя социальные преобразования: «Тут явное противоречие. Если их государство будет действительно народное, то зачем ему упраздняться, если же его упразднение необходимо для действительного освобождения народа, то как же они смеют называть его народным?» — спрашивает он[23].

Как видим, ко времени смерти Бакунина в 1876 г. были в основном сформулированы (при его активном участии) многие фундаментальные положения анархистской революционной «доктрины», такие как концепция социальной (а не политической) революции, отрицание представительной демократии, политических партий и борьбы за власть, упор на социально-экономическую борьбу с государством и капитализмом через рабочие союзы, обобществление собственности в ходе самого революционного переворота путем ее захвата объединившимися и самоорганизованными трудящимися, ликвидация государства с заменой его федерацией коммун и рабочих ассоциаций. Тем не менее, некоторые положения теории все еще имели недостаточно четкий или не вполне последовательный характер. Их доработка происходила уже после кончины Бакунина, в рамках созданного им и его последователями антиавторитарного (федералистского) Первого Интернационала.

Так, опыт Парижской коммуны оставил неразрешенным вопрос о форме организации народного самоуправления в отдельных коммунах. Было неясно, следует ли обновить муниципальный совет, состоящий из выборных депутатов, и наделить его властными полномочиями — или необходимо решительно упразднить сам принцип представительства, заменив власть прямым самоуправлением трудящихся (жителей). Во второй половине 1870-х гг. анархисты окончательно избрали второй путь. Конгресс Юрской федерации (1878 г.) подтвердил принцип «ликвидации государства во всех его формах» и требование «автономии коммун», в которых и следует начинать революционные преобразования. Участники конгресса подчеркнули при этом, что речь ни в коем случае не идет об участии в политике на муниципальном уровне[24]. Коммуны должны были объединяться в свободные федерации.

---

23 Там же. – С. 483.

24 L`Avant-Garde. Organ Collectiviste et Anarchiste. – №32. 12.08.1878.

Позднее анархисты придали этим положениям более четкие формулировки, отделяющие анархизм от федералистского муниципализма: сама местная коммуна должна стать не выборным муниципальным Советом (как это было в Париже 1871 г.), а собранием делегатов от различных групп населения и инициатив, которые будут не управлять, а действовать в соответствии с императивным мандатом от тех, кто их направил[25].

Отныне пути анархистской доктрины и демократии окончательно разошлись. (*Аплодисменты*).

Сидоров И. С. Вопросы, пожалуйста.

Ланевский А. Антоний Каминьский в последнее время любит повторять, что если бы Бакунин жил сегодня, то с удовольствием заангажировался на создание Евросоюза или Соединенных штатов Европы. Как по-вашему мнению, Вадим, так ли это? И если так, то каким образом он это сделал бы?

Дамье В. В. Ну, момента — два. Первое, Бакунин какого периода? Бакунин периода «Лиги мира и свободы», возможно, попытался бы найти в процессе интеграции Европы какой-то позитивный момент. Бакунин более позднего периода, наверное, скептически пожал бы плечами и сказал, что это — верхушечные игры. Но так или иначе, я думаю, что нынешняя форма европейской интеграции вряд ли бы Бакунину понравилась. То есть Бакунина безусловно привлекла бы эта идея союза снизу, единство контактов, даже договоры между отдельными общинами на европейском уровне… Но союз государств, централизованных, могущественных, которые он ненавидел всю жизнь, — не важно, каких — республиканских, монархических — это ему вряд ли понравилось бы, судя по тому, что он писал.

Анго Ж.-К. Когда Бакунин использовал впервые термин «анархизм» или «анархический» — это было в статье, написанной для итальянской газеты в 1867 году — он писал через тире «ан-архический» — так, как это делал Прудон.

Дамье В. В. Спасибо за уточнение.

Прусский Я. Л. Вадим, хотелось бы узнать, что произошло в результате Первой мировой войны, когда часть анархистов стала по другому пути идти. Они не встали над схваткой — тот же Кропоткин, от ко-

---

[25] *Кропоткин П. А.* Речи бунтовщика. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 65, 69.

торого часть анархистов просто отошла в сторону, и он отчасти был одинок, потому что они ему это не простили.

Дамье В. В. Это довольно долгая история, и если сейчас начать ее рассказывать, то мы «утонем»… Но моя точка зрения такова. Сама идея интернационализма возникла не сразу. Она должна была созреть и, как говорил Кропоткин, повторяя известные слова, должна развиться и превратиться в идею-силу. Так вот прежде, чем интернационализм превратился в идею-силу, прошло много времени. Ко времени Первой мировой войны он еще таковой не стал. Даже сами анархисты этого до конца не додумали. У Кропоткина в национальном вопросе всегда были некоторые шатания. У него к национальному вопросу было отношение, скорее, прагматическое. Если мы посмотрим на его работы, связанные с греческим восстанием в начале XX века, то выглядит его позиция примерно так: «Это, конечно, не наше дело, но если это будет способствовать прогрессивному развитию, то можно в этом как-то поучаствовать и придать этому некое социальное звучание». Да, мы можем с высоты XX века сказать, что это была ошибка, и история это подтвердила. Но ему казалось тогда так. Во-вторых, у анархистов не было единой для всех позиции. Они были довольно разношерстной общностью. Поэтому какие-то шатания в 1914 году среди анархистов были достаточно логичными. Но Первая мировая война расставила точки над «i». Но вот есть одно обстоятельство в судьбе Кропоткина, которое для меня является некой загадкой. Если посмотреть на самые его последние годы — годы так называемой изоляции — то оказывается, что изоляция постепенно исчезает. К нему приезжают делегации из заграницы от людей, которые в годы войны его знать не желали. Он контактирует опять с Шапиро, с которым кардинально разошелся в годы войны именно по вопросам интернационализма. Он принимает активное участие в планах по созданию Анархистского Интернационала. То ли этому расхождению перестали придавать значение, то ли он сам в каких-то частных разговорах изменил свою прежнюю позицию. Не знаю. Но это интересно. Если кто-то найдет что-то на эту тему, я буду очень благодарен.

Корнилова А. М. Вадим, вы сказали, что Бакунин ярко показал принципиальную разницу между анархией и политической системой демократии. Тем не менее, в одной из статей нашего коллеги — у Саши Шубина — я прочитала, что путь к анархии лежит через демократию, через ее расширение. Какова ваша позиция?

Дамье В. В. Мы не обязаны быть согласными друг с другом. У Саши Шубина своя точка зрения, у меня — своя. Моя — такая, наверное, более классическая, его, наверное, — более прагматическая. В современном мировом социалистическом движении есть такая точка зрения, что путь к социализму лежит через максимальное расширение существующей демократии, в том числе через расширение демократии на производстве и т. д., и т. д. Это — такая лево-социалистическая, лево-социал-демократическая идея. Как всякая идея, она имеет право на существование. Проблема состоит в том, что были в этом направлении попытки, которые никогда ни к чему не приводили. В этом проявилось противоречие, которое гениально отметил сам Бакунин: пока существуют структуры, в которых сидят освобожденные работники, принимающие решения, обязательные для всех, в этих структурах неизбежно возникает свой интерес — назовите его классовым, бюрократическим, как хотите! — который, в конечном итоге, не позволит государству исчезнуть. Когда-то Конфедерация анархо-синдикалистов — я обычно люблю эту организацию критиковать — выдвинула замечательный лозунг, за который я ей очень благодарен: «Коммунисты, — говорили они в период „перестройки", — когда же ваше государство начнет, наконец, отмирать?» (*Смех*). Это — самый ключевой вопрос. И последняя фраза — человека из другого политического лагеря — Троцкого: «Ни один черт никогда не даст добровольно обрезать себе когти». Спасибо. (*Аплодисменты*).

Сидоров И. С. Мы вынуждены завершить обсуждение. Слово предоставляется Дмитрию Ивановичу Рублеву.

Рублев Д. И.
«Привилегированное науко-политическое сословие»: М. А. Бакунин о роли интеллигенции в социально-политическом развитии общества

Проблема роли интеллигенции в общественно-политической жизни России становится в середине XIX — начале XX вв. одной из определяющих для отечественной публицистики. В начале XX в. в рамках европейской социалистической мысли формируется теория нового правящего класса — «класса бюрократии», как назвал его Роберт Михельс. Некоторые приверженцы концепций «нового клас-

Дмитрий Рублев

Бакунин … постепенно приходит к осознанию роли интеллигенции, как отдельного класса… В среде интеллигенции России и Италии Михаил Александрович также выделял группу, по своему материальному положению приближающуюся к пролетариату и поэтому готовую стать одной из ведущих сил анархистской социальной революции.

са» (Я. В. Махайский, Е. И. Лозинский) выдвигали на эту роль интеллигенцию, чей труд, вследствие развития промышленности, науки и образования, становился всё более востребованным в индустриальных странах. Среди источников подобных идей исследователи называют труды М. А. Бакунина, содержавшие резкие антибюрократические филиппики, прогнозы бюрократизации будущего «государственно-социалистического» общества и критику социально-политической позиции «интеллектуального меньшинства»[1]. В своем докладе мы постараемся проследить развитие взглядов Бакунина на роль интеллигенции в социально-политической жизни общества.

Прежде всего, М. А. Бакунин рассматривал уровень образования и степень интеллектуальности труда как важные признаки социальной стратификации. Эта мысль появляется уже в первых его работах, относящихся к анархистскому периоду творчества (1866–1876 гг.): «Принципы Интернационального Революционного Общества» (1866 г.), «Федерализм, социализм и антитеологизм» (1867 г.), «Программа Общества международной революции» (1868 г.) и «Наша программа» (1868 г.). В первой из них он делит общество на «меньшинство, ныне при-

---

1 *Avrich P*. The Russian anarchists. – Princeton; New Jersey, 1967. – P. 92–95; *Avrich P.* Anarchist Portraits. – Princeton; New Jersey. 1988. – P. 12–13; *Schatz M*. Jan Waclaw Machajski. A radical critic of Russian intelligentsia and socialism. – Pittsburg, 1989. – P. 37–42; *Скирда А*. Социализм интеллектуалов. – Париж, 2003. – С. 40–48.

вилегированное не по закону» и «большинство рабочих по принуждению»[2]. В работе «Федерализм, социализм и антитеологизм» он предлагает иную терминологию («политические классы» и «рабочие классы»). Если первые имеют «привилегии в отношении как земли, так и капитала, или даже только буржуазного образования», то вторые лишены средств производства, капитала, а также «всякого образования и воспитания»[3]. Представителям «политических классов» Бакунин приписывает разного рода «привилегии» и «гибельные соблазны современной цивилизации», такие как «богатство, роскошь, комфорт, благосостояние, семейные радости, исключительная политическая свобода вместе с возможностью эксплуатировать труд миллионов рабочих и управлять ими по своей воле и в своих интересах, все изобретения, все изощрения воображения и мысли… и, вместе с возможностью стать цельными людьми, все язвы человечества, испорченного привилегиями»[4]. Представители «физического труда», напротив, живут в нужде, лишены «даже семейных радостей», невежественные, дикие, влачащие «вынужденное почти животное состояние»[5]. При этом Бакунин идеализирует этих людей, противопоставляя их «здравый смысл» и «веру в жизнь», «чувство справедливости» «доктринерскому» мышлению образованных представителей «политических классов»[6]. В группу рабочих «физического труда», «противополагаемую привилегированным представителям *умственного труда*», М. А. Бакунин включал ремесленников, заводских рабочих и «земледельцев» (к ним он относил и мелких земельных собственников)[7]. В статье «Усыпители» (1869 г.), сравнивая положение двух слоёв населения, Михаил Александрович характеризует «умственный труд» как привилегированный. Поэтому он сам по себе является для человека вознаграждением. В силу этого он осуждает и более высокую оплату за этот «умственный» труд, нежели за «физический»: «Тем не менее, мы признаем, что хотя большая часть умственных работ может производиться и лучше, и скорее коллективно, чем индивидуально, но есть такие, которые требуют единич-

---

2 Материалы для биографии М. Бакунина. – Т. 3. Бакунин в первом Интернационале. Репринтное воспроизведение издания 1928 г. – М., 2012. – С. 56–57.

3 *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика. – М., 1989. – С. 23.

4 Там же. – С. 28.

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же. – С. 27, 28.

ного труда. Что же из этого следует? Уж не то ли, что единичные работы гениальных или талантливых людей, будучи более редки, более ценны и более полезны, чем работы обыкновенных рабочих, должны оплачиваться лучше? На каком основании? Разве эти работы тяжелее ручного труда? Напротив, ручной труд несравненно тяжелее. Умственный труд приятен; он сам в себе носит свою награду и не нуждается в другом вознаграждении. Кроме того, он еще находит вознаграждение в уважении и благодарности современников, в сознании того просвещения и блага, которые он доставляет»[8]. В «Нашей программе» также указаны два основных класса современного общества, различающиеся по своему социально-экономическому положению, характеру исполняемого труда и уровню образования: «Необходимым результатом всего государственного устройства было и должно было быть рабское подчинение чернорабочего и невежественного большинства так называемому образованному эксплуатирующему меньшинству»[9].

Вскоре, однако, в представлениях М. А. Бакунина о социальной стратификации происходят значительные изменения. Так, в работе «Наука и насущное революционное дело» (1869 г.) он делит общество на два разряда («огромную массу, более или менее сознательно эксплуатируемую» и «меньшинство, состоящее из эксплуататоров»)[10]. К первому разряду», по Бакунину, относится теперь «вся многомиллионная масса народа, и даже по многим отношениям значительное большинство образованного и привилегированного сословий и, наконец, даже вся низшая бюрократия и войско»[11]. Далее он корректирует свои представления о социально-классовом делении общества, выделяя «во всех нынешних обществах европейских» уже три категории населения. Прежде всего, это «огромнейшее большинство массы, совсем неорганизованной, *эксплуатируемой*, но не *эксплуатирующей*». Затем следует «довольно значительное меньшинство, обнимающее *все государственные сословия*; меньшинство, в разную меру эксплуатирующее и эксплуатируемое, притеснительное и притесненное вместе». Судя по всему, к ним относится часть представителей интеллектуального труда, занимающая, таким образом, промежуточное положение между другими слоями населения. И наконец, «самое незначительное меньшинство чистых и совершенно

---

8 *Бакунин М. А.* Избранные труды. – М., 2010. – С. 306–307.

9 *Бакунин М. А.* Анархия и порядок. Сочинения. – М., 2000. – С. 348.

10 *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика… – С. 151.

11 Там же. – С. 151.

сознательных и сговоренных между собою эксплуататоров и притеснителей — *верховно-правительственное сословие*»[12]. Таким образом, Бакунин теперь рассматривает положение представителей интеллектуального труда уже не столь однозначно привилегированным применительно к существующей системе общественных отношений.

Одной из основных причин формирования классов, по Бакунину, является разделение «между умственным и физическим трудом, постепенно развившееся и продолжающее существовать и поныне»[13]. Под «умственной» подразумевается «работа воображения, памяти и мысли»[14], «разумная часть работы — приложение к труду научных завоеваний, комбинирование и управление производительными силами»[15]. Этот вид труда имеет привилегированный характер, включая «искусства, мышление, концепцию, изображение, исчисление, управление и общее, а также частное руководство трудом»[16]. «Физический» труд, напротив, характеризуется «механической деятельностью без мысли и идеи»[17]. Он лишён какого-либо интеллектуально-творческого содержания. Нарастающее разделение труда на крупных предприятиях, его машинизация, полагал он, лишь усугубляют эту ситуацию: «одна лишь мускульная, неразумная, механическая часть работы, ставшая с введением машин еще более отупляющей благодаря разделению труда»[18]. Более того, в условиях индустриального производства «физический труд» является вредным для здоровья и физического развития человека: «зачастую, как, например, на всех фабриках, это труд, включающий в работу не всю мускульную систему человека, а развивающий лишь какую-нибудь часть ее в ущерб всем остальным, труд, совершаемый в условиях, вредных для здоровья тела и препятствующих его гармоничному развитию»[19]. Сама организация производства в индустриальном обществе, по Бакунину, воспроизводит деление на «умственный» и «физический» труд. Сложившаяся во второй половине XIX в. система образования, полагал Михаил Александрович,

---

12 Там же. – С. 64.

13 Материалы для биографии М. Бакунина… – С. 56.

14 *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика… – С. 27.

15 Материалы для биографии М. Бакунина … – С. 127.

16 Там же. – С. 57.

17 Там же.

18 Там же.– С. 127.

19 *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика… – С. 27.

также обеспечивала воспроизведение классового деления общества. С одной стороны, он говорит о «буржуазном» образовании. Вероятно, имелось в виду высшее образование и средние учебные заведения, подготавливавшие к поступлению в университеты. Уже обладание им, полагал Бакунин, ставит человека в ряды «политических классов», обеспечивая «получившему его громадную привилегию в вознаграждении за труд»[20]. Элитарным учебным заведениям противопоставлены «народные школы», бесплатные государственные средние общеобразовательные заведения, открытые для низших слоёв населения, но не обеспечивающие своим выпускникам достаточного уровня знаний для освоения интеллектуальных профессий[21].

К основным факторам социально-классового расслоения общества Бакунин относит и социально-экономическое неравенство, результатом которого является «наследственное неравенство в развитии и культуре умов»[22]. Он утверждал, что представители «умственного труда» занимают своё место в обществе, как правило, исключительно по случаю рождения в «привилегированном классе»[23]. Дети же из «рабочих классов» вынуждены зарабатывать на жизнь семье, а потому не могут посвящать достаточно времени учёбе[24].

Таким образом, представители интеллигенции (в числе других работников «умственного» труда) однозначно отнесены Бакуниным к высшему, правящему классу общества. В то же время в его работах появляется мысль об их стремлении к власти. Так, уже в «Программе общества международной революции» (1868 г.) он опасается установления режима «умственной аристократии» — правления, осуществляемого «во имя ли высшего разума или научной истины» «группой признанных интеллигентных и патентованных лиц»[25]. Эту тенденцию он выводит из позитивистской и марксистской концепций, отводивших решающую роль в определении путей общественного развития науке, и противопоставляет ей мысль об ограниченности науки как средства познания мира. Научные концепции не дают истины в последней инстанции, являясь результатом многолетних исследований, сопряжённых с проверкой

---

20 Там же. – С. 23.

21 Там же. – С. 23–24.

22 Там же. – С. 41.

23 Там же. – С. 28.

24 Там же. – С. 23–24.

25 Материалы для биографии М. Бакунина… – С. 119.

многочисленных гипотез, утверждавшихся в качестве истинных, но затем опровергавшихся как ошибочные: «Но и наука подвержена ошибкам; но даже, если бы она их и не совершала, то и в таком случае она не должна присваивать себе право управлять людьми вопреки их убеждению и их воле»[26]. В статье «Наука и народ» (1868 г.) Бакунин проводит мысль о том, что современная ему наука не является политически нейтральной, её целью является идеологическое оправдание существующей системы общественных отношений, «порабощение народной производительной силы в пользу привилегированного и более или менее праздного меньшинства»[27]. Эту мысль он неоднократно повторял и в последующих работах, открыто сравнивая роль «патентованной интеллигенции» с положением и ролью церкви в феодальном обществе[28]. Вместе с тем, Бакунин подверг критике сторонников политического нейтралитета науки, приводя в качестве примера позитивистов, получивших ярлык «*аристократы интеллигенции*, попы науки»[29].

В статье «Усыпители» (1869 г.) Бакунин открыто объявил интеллигенцию отдельным классом, выходящим из среды буржуазии: «Кроме того, из среды буржуазии выделяется особое меньшинство, посвящающее себя исключительно изучению великих вопросов философии, социальной науки и политики и составляющее собственно новейшую аристократию, аристократию патентованной и привилегированной интеллигенции. Это меньшинство — квинтэссенция и сильнейшее выражение духа и интересов буржуазии»[30]. Идея особого класса интеллигенции, стремящегося к власти, развивается Бакуниным в 1870 г. в письме в газету «Volksstaat». Он делает вывод о формировании в странах Западной Европы класса «аристократии духа», в который входят «люди науки» — все, кто получил высшее образование и вследствие этого имеет возможность заниматься «умственным» трудом. По Бакунину, это, преимущественно, выходцы из «детей буржуазии»[31]. Но социальное положение российской интеллигенции он оценивал совершенно по-иному. Бакунин полагал, что в рамках сложившихся в России сословных отношений, они не имели возможности

---

26 Там же.

27 *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика… – С. 34.

28 *Бакунин М. А.* Избранные труды… – С. 309, 310.

29 *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика… – С. 134.

30 *Бакунин М. А.* Избранные труды… – С. 310.

31 Материалы для биографии М. Бакунина… – С. 202.

рассчитывать на карьеру. По этой причине российская интеллигентская молодёжь имела тенденцию к революционизации: «Возвращаясь к русской молодежи, я должен заметить, что большая часть учащихся в наших университетах, гимназиях, академиях и семинариях находится в счастливом положении: перед ними нет никакой карьеры, никаких верных средств к существованию; поэтому они прежде всего революционны вследствие своего материального положения, что является, по моему убеждению наисерьезнейшим и наиреальнейшим способом быть революционером»[32]. Вероятно, речь шла, о студентах-разночинцах. Этот вывод можно сделать из письма к С.Г. Нечаеву (1870 г.), в котором М.А. Бакунин вновь обращается к роли интеллигентской молодёжи в революционном движении России, противопоставляя её революционерам из «привилегированных» слоёв населения стран Западной Европы: «До сих пор на целом Западе помощники революции, выходя из привилегированных классов, оказывались почти всегда ее эксплуататорами. И в этом отношении Россия опять-таки счастливее Запада. В России есть огромная масса в одно и то же время образованных, мыслящих и лишенных всякого положения, всякой карьеры, всякого выхода людей: три четверти по крайней мере ныне учащейся молодежи находится именно в таком положении. Семинаристы, крестьянские и мещанские дети, дети мелких чиновников и разоренных дворян, ну да что говорить»[33]. В «Прибавлении А» к «Государственности и анархии» Бакунин даже выделил эту среду в качестве отдельного класса, получившего название «умственный пролетариат». Эта часть населения по материальным условиям своей жизни находится «в положении социально-революционном, т.е. просто-напросто отчаянном и невозможном»[34]: «Он мог бы, правда, благодаря полученному им образованию, стремиться достать какое-нибудь более или менее выгодное местечко в рядах уже чересчур переполненных и чрезвычайно негостеприимных грабителей, эксплуататоров и притеснителей народа. Но, во-первых, таких мест все остается меньше и меньше, так что они достижимы только для самого малого количества. Большинство же останется только со срамом измены и погибнет в нужде, в пошлости и подлости»[35]. Весьма

---

32 Там же.

33 *Бакунин М.А.* Философия. Социология. Политика… – С. 545.

34 Там же. – С. 523.

35 Там же.

близкие оценки в письме испанским бакунистам (1872 г.) Михаил Александрович дал социальному статусу итальянской образованной молодёжи: «В Италии есть то, что отсутствует в других странах, — пылкая, энергичная, совершенно деклассированная, лишенная всяких видов на карьеру и на будущее молодежь, которая, несмотря на свое буржуазное происхождение, не истощена морально и умственно, как буржуазная молодежь других стран»[36].

Из критики «людей науки», претендующих на власть и в то же время стремящихся к утверждению её внеполитического статуса, М. А. Бакунин выводит противопоставление двух видов мировосприятия — интуитивно-опытного и рационально-логического (научного). Первый путь лучшим образом соответствует познанию «жизни», под которой Бакунин понимал объективную действительность во всех её проявлениях. Жизнь «развивается из своей собственной неиссякаемой глубины, рядом различных фактов, а не рядом абстрактных рефлексий»[37]. Впервые эта мысль получила выражение в работе «Наука и насущное революционное дело» (1869 г.): «Но, к счастью, народы образуются и развиваются, как мы видели, не столько книжною, сколько исторически опытною наукою, многовековою жизнью и испытаниями жизнью»[38]. Далее эта мысль повторялась неоднократно. Так, в книге «Кнуто-германская империя и социальная революция» (1870–1871 гг.) он писал: *«Жизнь доминирует над мыслью и детерминирует волю»*[39]. Интуитивно-опытный путь познания свойственен преимущественно представителям «рабочих классов», «рационально-логический» — является уделом «людей науки». Последние стремятся *«к преобладанию доктрины, науки над жизнью; к преобладанию ученой интеллигенции над обществом»*[40], иными словами — к утверждению собственной власти, положения правящего слоя в обществе. В работе «Государственность и анархия» (1873 г.) Бакунин повторяет утверждение о приоритете «жизни» над «наукой»: «мы утверждаем, что жизнь естественная и общественная всегда предшествует мысли, которая есть только одна из функций ее, но никогда не бывает ее результа-

---

36 Там же. – С. 371.

37 *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика… – С. 437.

38 Там же. – С. 173.

39 Там же. – С. 238.

40 Там же. – С. 173.

том»[41]. Поскольку «жизнь» является производной от «равнодействующей» различных факторов, невозможно и её понимание исключительно «научным» путём. Отсюда Бакунин выводит нежелательность управления общественной жизнью на основе научной теории: «Горе было бы человечеству, если бы когда-нибудь мысль сделалась источником и единственным руководителем жизни, если бы науки и ученые встали бы во главе общественного управления. Жизнь иссякла бы, а человеческое общество обратилось бы в бессловесное и рабское стадо. Управление жизни наукою не могло бы иметь другого результата, кроме оглупления человечества»[42].

Для понимания взгляда М. А. Бакунина на роль интеллигенции в политической борьбе, необходимо раскрыть его видение социально-политического идеала «людей науки». Впервые Бакунин раскрывает их в письме в газету «Volksstaat». Прежде всего, их мировоззрение отличает элитарное отношение к рабочим «физического труда»: «Члены этого класса обычно от всего сердца презирают народные массы. Они, люди науки, презирают их за невежество»[43]. Часть представителей этого класса разделяет социалистические идеи. Но и они, по словам Бакунина, отличаются элитаристским видением роли интеллигенции в общественной жизни, отдавая предпочтение авторитарной модели общественного устройства, «государственному социализму». Поскольку они имеют возможность, благодаря высокому уровню образования, получить высокооплачиваемые места в сфере управления, представители интеллигенции стремятся к сохранению иерархически организованной модели общества. Эту модель может обеспечить лишь сохранение государства: «И даже тогда, когда они называют себя социалистами и революционерами, они хотят этой революции сверху, но не снизу. Они признают себя призванными установить справедливость и считают народ неспособным завоевать и организовать эту справедливость своими собственными силами. Поэтому они мечтают о диктатуре в той или иной форме, или о так называемом рабочем государстве. Для этих детей буржуазии и духовно-привилегированных это является лишь еще одним способом властвовать над народом. Ибо в случае, если останется хотя какое-нибудь государство, то по необходимости должны быть и государственные люди, и в неуклонной последовательности об-

---

41 Там же. – С. 436.

42 Там же.

43 Материалы для биографии М. Бакунина… – С. 202.

разуется государственный класс»[44]. Система парламентаризма, представительной демократии, утверждал Бакунин, также соответствует интересам «интеллектуального меньшинства», позволяя ему легитимно управлять работниками «физического труда»[45].

В 1870-е гг. социально-политический идеал интеллигенции («аристократии духа») открыто отождествляется М. А. Бакуниным с марксистской политической программой. Так, в рукописи «Мои личные отношения с Марксом» (конец 1871 г.) выделяется главенствующая роль интеллигенции в марксистской стратегии общественного переустройства: «Он [Маркс. — *Д. Р.*] авторитарный коммунист и сторонник освобождения и реорганизации пролетариата через государство, следовательно, сверху вниз, благодаря уму и знаниям просвещенного меньшинства, которое естественно обращается к социализму и для блага необразованных и глупых масс воздействует на них своим законным авторитетом»[46]. В письме Л. Набруцци (1872 г.) Бакунин обозначил правящий класс этого общества термином «официальные ученые». К ним он причислял «социалистических чиновников» и инженеров[47]: «Его [Маркса. — *Д. Р.*] экономический идеал — государство в качестве единственного владельца земли и всех видов капитала, государство, обрабатывающее землю с помощью сельскохозяйственных ассоциаций, хорошо оплачиваемых и руководимых инженерами и финансирующих все промышленные и торговые ассоциации»[48]. В одном из писем к испанским бакунистам за 1872 г. Михаил Александрович указывал, что итогом установления государственно-социалистической системы, при серьезном разрыве между меньшинством и большинством в уровне образования, станет приход к власти работников высокоинтеллектуального труда: «Ясно, что система Маркса, как и система Мадзини, ведет к созданию очень сильной, так называемой народной власти, т. е. к господству интеллигентного меньшинства, которое одно в состоянии справиться со всеми сложными вопросами, неизбежно вытекающими при централизации, а следовательно, к порабощению масс и их эксплоатации этим интеллигентным меньшинством»[49].

---

44 Там же. – С.202–203.

45 *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика… – С.302.

46 Материалы для биографии М. Бакунина… – С.298.

47 Там же. – С.330.

48 Там же.

49 Там же. С.368.

В результате критики марксистского социально-политического учения переживают серьёзные изменения и представления М. А. Бакунина о новом правящем классе. Так, в письме в газету «La Liberté» (1872 г.) он предполагал, что в случае осуществления преобразований в духе идей К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассаля правящий класс социалистического государства, помимо интеллигенции, пополнится частью рабочих («должным образом обуржуазившимся меньшинством городского пролетариата»[50]), составляющей «аристократию фабрик и заводов»[51]. Эта мысль получила развитие в работе «Государственность и анархия» (1873 г.) при прогнозировании социального состава правящего класса государственно-социалистического общества, названного «науко-политическим сословием»[52]. Значительную его часть составят бывшие рабочие, занявшие посты чиновников социалистического государства, разорвав со своей средой: «Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй из *бывших* работников, но которые, лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом»[53]. Но основную часть господствующего класса составят «ученые», возглавляемые «учеными социалистами»: «Слова „*ученый социалист*“, „*научный социалист*“, которые беспрестанно встречаются в сочинениях и речах лассальянцев и марксистов, сами собою доказывают, что мнимое народное государство будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новою и весьма немногочисленною аристократиею действительных или мнимых ученых. Народ не учен, значит он будет целиком освобожден от забот управления, целиком будет включен в управляемое стадо»[54]. Вся власть в этом государстве, по Бакунину, сосредоточится в руках К. Маркса и членов «коммунистической партии»[55], управляющих диктаторскими методами под прикрытием демократических форм государства в виде парламента и референдумов: «Пролетариат должен совершить революцию для овладения государством — средство герои-

---

50 Там же. – С.395.

51 Там же. – С.394.

52 *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика… – С.485–486.

53 Там же. – С.483.

54 Там же.

55 Там же.

ческое. По нашему мнению, раз овладев им, он должен немедленно его разрушить, как вечную тюрьму народных масс; по теории же г. Маркса, народ не только не должен его разрушать, напротив, должен укрепить и усилить и в этом виде передать в полное распоряжение своих благодетелей, опекунов и учителей — начальников коммунистической партии, словом, г. Марксу и его друзьям, которые начнут освобождать по-своему. Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ требует весьма сильного попечения; создадут единый государственный банк, сосредоточивающий в своих руках все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производство, а массу народа разделят на две армии: промышленную и землепашественную под непосредственною командою государственных инженеров, которые составят новое привилегированное науко-политическое сословие»[56]. М. А. Бакунин отмечает, что эта модель означает «управление массами сверху вниз, посредством интеллигентного и по этому самому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ»[57].

И всё же, отождествление государственно-социалистической утопии с социально-экономическими интересами интеллигенции, равно как и восприятие «умственного» труда как привилегированного, не привело М. А. Бакунина к идее исключения представителей интеллигенции из рядов рабочего движения. Так, в одном из обращений к членам Юрской федерации (февраль — март 1872 г.) М. А. Бакунин осудил выдвинутое на Женевском конгрессе Международного Товарищества Рабочих (3–8 сентября 1866 г.) французскими делегатами, прудонистами А.-Л. Толеном и Э.-Э. Фрибуром, предложение об исключении из Интернационала «работников умственного труда»[58]. Еще ранее в своих работах Бакунин отмечал необходимость участия представителей интеллигенции в революционном движении. Так, уже в 1866 г. он указал на «интеллектуальное развитие» как одно из основных условий приёма в тайное революционное общество[59]. В тот же период М. А. Бакунин отмечал, что социальная принадлежность к «меньшин-

---

56 Там же. – С.485–486.

57 Там же. – С.314.

58 *Bakounine M*. Aux compagnons de la Fédération des sections internationales du Jur*a* // *Bakounine*. Oeuvres complétes. International Institute of Social History. 2000. [Компакт-диск].

59 Там же. – С.485–486.

ству» не препятствует переходу того или иного человека на сторону «эксплоатируемого большинства». Так, к потенциальным сторонникам либертарно-социалистического общества, помимо трудящихся «физического труда», им относится «интеллигентная и действительно благородная часть юношества, принадлежащая, правда, по своему рождению к привилегированным классам»[60]. Позднее эта категория неоднократно упоминалась в его трудах. Так, в письме в газету «La Démocratie» (1868 г.) М. А. Бакунин возлагал свои надежды на «рабочий класс» и «часть интеллигентной, трудолюбивой, но не доктринерской молодежи, которая сама испытывает потребность раствориться в народных массах, чтобы там почерпнуть жизненную силу»[61]. Более того, он признавал, что хотя революция может быть совершена только «народом» (в лице тружеников «физического труда»), организована «по большей части» она будет как раз «этим юношеством»[62]. Кроме того, Бакунин не отрицал возможность интеграции в революционное движение и представителей интеллектуальной элиты общества. Так, в проекте документов «Интернационального революционного общества» (1866 г.) среди членов подпольной революционной организации он предлагал выделить категорию «почётных братьев», к которым принадлежат в том числе «люди выдающегося интеллектуального развития, занимающие высокое положение, пользующиеся громкой репутацией или научным, бюрократическим, политическим и социальным влиянием»[63]. По мнению Михаила Александровича, они должны были обеспечить консервативное ядро организации, препятствуя излишнему радикализму. Кроме того, они должны были дать экспертные оценки в вопросах «выбора того или другого направления в области политики, разрешения какого-либо вопроса справедливости или общего интереса отдельной страны или всей Европы»[64].

Отметим, однако, что взгляд Бакунина на роль в революции представителей «привилегированных» слоёв населения, в том числе интеллигенции, отличает некоторый скептицизм. Так, в работе «Наука и насущное революционное дело» (1869 г.) он делает оговорку, указывая, что социальное происхождение и «привилегированное» вос-

---

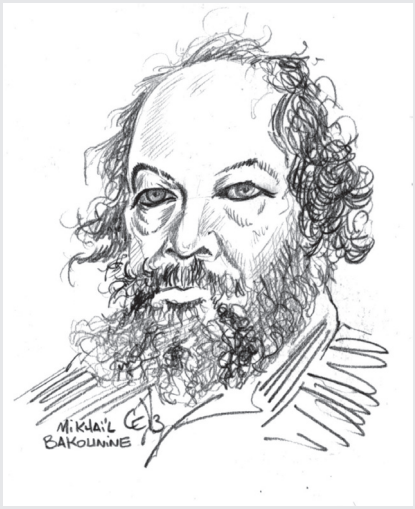
60 Материалы для биографии М. Бакунина… – С. 69.

61 Там же. – С. 73.

62 Там же. – С. 147.

63 Там же. – С. 73.

64 Там же. – С. 85.

М. А. Бакунин.
Рисунок неизвестного автора

Листовка с приглашением к участию в Прямухинской вольной артели . 1995 г.

Журнал «Наперекор»
(№1, 1996 г., г. Москва)

наперекор

Журнал - катализатор умственного брожения
Москва N 1 март-апрель 1996

О ПОЛЬЗЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

Президентские выборы - полезное и благородное начинание.

В самом деле - не будь их, разве вспомнили бы вожди нашего народа о задолженностях по зарплате различными категориями трудящихся? Разве заговорили бы упомянутые вожди о необходимости "как-нибудь" закончить войну на Кавказе? Разве сняли бы с министерских должностей нескольких старых крокодилов и воров, чтобы заменить их новыми? И все это благодаря грядущим президентским выборам!

Вот жаль только, что бывают эти выборы очень уж редко. Хорошо бы сделать их хотя бы ежемесячными, а еще лучше ежедневными. Тогда бы, может быть, и транспорт не дорожал, а шахтерам с учителями бастовать не пришлось бы, и Грачева судили бы и даже расстреляли бы всенародно (а потом распродавали по частям - как берлинскую стену), и войска из Чечни вывели бы в рамках предвыборной кампании, и даже, наверное, на это время самолеты падать перестали бы, а нефтепроводы перестали бы прорываться. А уж сколько храмов Христов Спасителей понастроили, сколько новых линий метрополитена открыли бы в рамках предвыборной кампании!

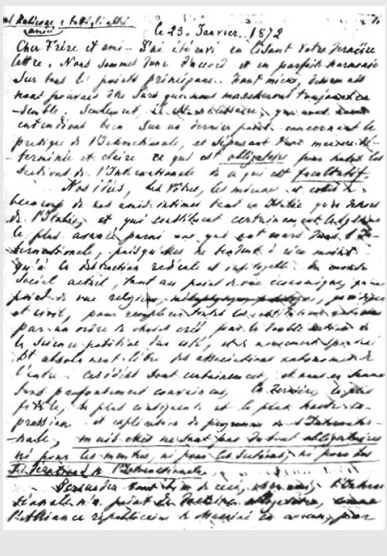
Так что: дважды перманентные президентские выборы!

Полина Елисеева

Ты держишь в руках несколько простых листов бумаги, кое-как скрепленных между собой. Это самиздат, милая (милый). Вероятно, ни тебя еще и в глаза не видели, и не боялись об этом прямо заявить, отбросив всякие там "дорогие читатели" и "просто мы работаем для вас". Всмотрись внимательнее! Перед тобой - катализатор умственного брожения "НАПЕРЕКОР". Он опирается на традиции независимого социалистического вестника "Община" (1987-1993гг.), а дальнейшим развитием и дополнением "Великим Отколом", "Аспирином не поможет", "Вилей", "Вулканом" и "Прямым действием". У нас в редакции есть анархисты различных толков, есть и вовсе беспартийные, есть и те, кого можно определить широким словом "либертарии". Кого мы не любим? Коммунистов, "демократов", фашистов всех мастей, капиталистов и разных прочих государственников. Кого мы любим? Долго рассказывать, быть может, прочтя наш катализатор, ты что поймешь.

Так что читай, лови, пришлой уходи, и, если почувствуешь, что в голове у тебя что-то зашевелилось - не удивляйся и не пугайся. Это мысли.

Автограф письма М. А. Бакунина Набруцци. 1872 г.

питание не дадут возможности представителю «меньшинства» окончательно сродниться с социалистическими идеями: «Существенная разница между образованным социалистом, принадлежащим, хоть даже по одному образованию своему, к государственно-сословному миру, и бессознательным социалистом из чернорабочего люда, состоит именно в том, что первый, желая быть социалистом, никогда не может сделаться им вполне, в то время как последний, будучи вполне социалистом, не подозревает о том и не знает, что есть социальная наука на свете, и даже никогда не слыхал самого имени социализма»[65]. В данном случае он противопоставляет «жизненную необходимость», будто бы всегда определяющую политический выбор рабочего, «отвлеченной мысли, не сопровождаемой жизнью», которой движим интеллигент[66]. Так, утверждая, что «общность мыслей и воли» может быть установлена лишь «из одних и тех же условий жизни и общности интересов»[67], Бакунин требует от представителя «привилегированных слоев» разрыва со своей средой: «Если человек, рожденный и воспитанный в буржуазной среде, хочет искренне и без лишних слов стать другом и братом рабочих, он должен отказаться от условий своей прошлой жизни, от всех буржуазных привычек, чувств и симпатий, решительно порвать с буржуазным миром и, повернувшись к нему спиной и объявив ему беспощадную, непримиримую войну, полностью окунуться, без ограничений и оговорок, в мир рабочих»[68]. Такая позиция, по Бакунину, и отличала представителей русской и итальянской интеллигентской молодежи, примкнувших к революционному движению[69]. Сам Бакунин оказался готов применить этот принцип и к своей жизни. Так, в октябре 1872 г. он обратился к членам швейцарских секций с прощальным письмом, в котором заявил о выходе из МТР и Юрской федерации. Он заявил о невозможности участвовать в рабочем движении, поскольку сам не может вести образ жизни рабочих: «В настоящее время *прежде всего нужна организация сил пролетариата*. Но эта организация должна быть делом самого пролетариата. Если б я был молод, я бы вошел в рабочую среду и, разделяя трудовую жизнь моих собратий, я вместе с ними принял бы также участие в великом труде

---

65 Там же. – С.85–86, 89.

66 Там же. – С.161.

67 Там же.

68 *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика… – С.238.

69 Там же. – С.295.

этой необходимой организации. Но ни мой возраст, ни состояние моего здоровья не позволяют мне сделать это»[70].

Взгляды М. А. Бакунина на роль интеллигенции в социально-политической жизни европейских стран и России второй половины XIX века претерпели серьёзную эволюцию. В первых работах анархистского периода своего творчества Бакунин рассматривает интеллигенцию как часть единого правящего слоя. Постепенно он приходит к осознанию роли интеллигенции как отдельного класса. Критический анализ социально-экономического учения К. Маркса и Ф. Лассаля приводит Михаила Александровича к отождествлению социально-экономических интересов представителей этого класса с «государственно-социалистической» утопией. Вместе с тем, М. А. Бакунин был далёк от отождествления всей интеллигенции с социально-политическими силами, враждебными исповедуемым им идеям анархистского социализма. Показательно, что «науко-политическое» сословие, в его представлении, должно было включать и бюрократию, вышедшую из среды рабочего класса. В среде интеллигенции России и Италии Михаил Александрович также выделял группу, по своему материальному положению приближающуюся к пролетариату и поэтому готовую стать одной из ведущих сил анархистской социальной революции. Не исключал Бакунин и участия представителей интеллигенции в рабочем движении, последовательно выступая против изоляции от него «работников умственного труда». Радикальная критика интеллигенции, содержавшаяся в трудах М. А. Бакунина, во многом повлияла на формирование антиинтеллигентских настроений, достаточно широко распространённых среди российских анархистов начала XX в.[71]

Сидоров И. С. Спасибо! (*Аплодисменты*). Вопросы, пожалуйста.
Федотова И. По терминологии. Я прошу прощения, мне очень не нравится термин «интеллигенты-аристократы». У меня предложение. Все-таки со словом «интеллигенция» связана определенная коннотация. Когда «пролетарий умственного труда» — все понятно. Нам всем уже давно понятно. Но когда «интеллигенты-аристократы»… не заме-

---

70 *Стеклов Ю. М.* Последние годы жизни М. А. Бакунина (К столетию со дня рождения) // Голос минувшего. 1914. Май. № 5. – С. 54.

71 См.: *Avrich P.* The Russian anarchists… P. 92–95.

нить ли западным «интеллектуалы-аристократы»? Может быть, тут сложности перевода?

Рублев Д. И. Мы говорим о точке зрения Бакунина в период, когда терминология еще не сложилась. Да, возможно, неточности перевода. Мы только что обсуждали проблему, как перевести слово «интеллигенция» на английский язык. Такая проблема есть. Термин «интеллигент-аристократ» — не мой. Это — термин, близкий Бакунину. Но и у Бакунина нет устойчивого термина с этим смыслом. От работы к работе он меняется.

Ланевский А. Насколько я понял, у позднего Бакунина идеал интеллигента — это интеллектуал, который работает и физически, да?

Рублев Д. И. Поясняю. С точки зрения Бакунина, существует два вида социалистов. Первый — инстинктивный. Крестьянин, рабочий… Они, переживая различные проблемы жизни, на практике, интуитивно приходят к социалистическим идеям. Второй — это представители привилегированного труда. Они на основе рационального познания окружающего мира постепенно приближаются к социалистическим идеям. В последние годы у Бакунина появляются оговорки: хорошо бы, чтобы человек стал частью рабочего класса. Подобные мысли у русских народников-бакунистов были широко распространены. Хождение в народ преследовало не только цели пропаганды, но это и попытки сблизиться с народом.

Ланевский А. То есть ты думаешь, что если бы сегодня Бакунин посмотрел бы — ну, например, на тебя, — он поддержал бы?

Рублев Д. И. Я не знаю, что бы он сказал. Я знаю, что современное высшее образование в России, это не высшее образование XIX века. Это — стандартизированное образование, подчиненное конвейерной системе. Когда преподаватель читает по четыре пары в день и при этом повторяет одни и те же вещи. Конвейер. Поэтому, что́ бы Бакунин сказал, глядя на это, не знаю. Бакунин жил в другой реальности. Преподаватели университетов в его время если не принадлежали высшему обществу, то были близки к нему.

Рябов П. В. Как известно, Бакунин, в целом, выступал против привилегированной науки, за растворение науки в народе. Можно ли сказать, что у Бакунина есть институциональная — специальная — критика учреждений, где концентрируется это сословие — университеты, академии? То есть развернутая критика структур, институций. Или он ограничивался только общими лозунгами по этому поводу?

Рублев Д. И. У Бакунина, как правило, мысли рассыпаны по различным статьям. Наукой насыщены «Революционное дело», напри-

мер, «Кнуто-Германская империя» — то издание, которое включено в «Государственность и анархию». Там развиваются проблемы мышления людей науки, связь их и отрыв от жизни, привилегированный характер науки, ее роль в светской церкви, которая обосновывает право на существование современных общественных отношений. Что касается институциональной критики, анализа деятельности этих учреждений, то, мне кажется, она носит у него публицистический полемический характер, что Бакунину было свойственно. Он не был ученым социологом, он критиковал…

Рябов П. В. И партийную интеллигенцию критиковал, партии как пристанище и скопище интеллигентов…

Рублев Д. И. Политические партии тогда еще не были реальностью, они только-только появлялись. И еще что замечу. Сильное влияние имели работы Кропоткина по этой тематике. Мы с Вадимом Дамье опубликовали две его рукописи: «Интеллигенты и рабочие» и «Интеллигенты и профсоюзы». В них довольно четко прослеживается мысль: интеллигенция — это то же самое, что и духовенство. В наше время, говорит Кропоткин, это — сословие (даже не класс), которое выполняет функцию контроля за распространением знаний, за формированием взглядов на современное общество в массах и т. д.

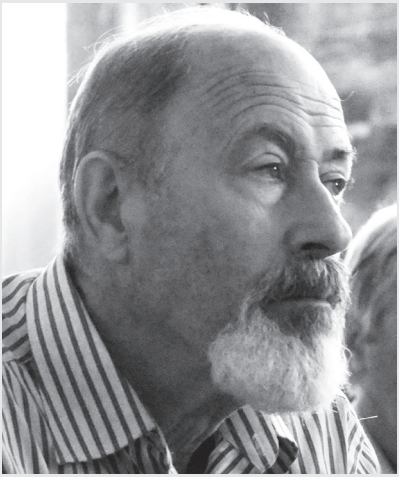
Бородкин А. В. Есть ли у Бакунина соображения по поводу такого нового для того времени сообщества как младо-гегельянцы? С одной стороны, они — интеллектуалы, но в то же время они не вовлечены в научное академическое сообщество. Что-нибудь Бакунин по этому поводу говорит?

Рублев Д. И. Я думаю, в оценке революционной молодежи Бакунин бывал и необъективен, потому что увлекался горячо. Но, если строго говорить, то я исследовал преимущественно мнения Бакунина анархического периода. Младо-гегельянцы — это намного более ранний период. Я им специально не занимался. Спасибо. (*Аплодисменты*).

Сидоров И. С. Слово — Сергею Гавриловичу Корнилову.

Корнилов С. Г.
Мифы о Бакунине

Михаил Александрович Бакунин — один из основоположников учения об анархии — был человек, безусловно, безгранично одаренный, яркий. Исторические документы и воспоминания о нем людей, хорошо его знавших, свидетельствуют о его заразительном темпераменте, его способности глубоко увлекаться и увлекать других свои-

Сергей Корнилов

Я когда-то говорил и теперь скажу: Михаил Александрович Бакунин — подлинный трагический персонаж в мировой истории. Перечисленные мифы, действительное существование которых в прошлом и настоящем, полагаю, невозможно оспорить, — неопровержимое тому доказательство.

ми идеями и планами, его таланте убеждения. Человек живого ума и обширных познаний, он прожил жизнь, полную событий и испытаний. Отверженный за свою революционную деятельность на своей родине и во многих странах Европы, он дважды был приговорен к смертной казни (в Саксонии и Австрии), отсидел в русских казематах семь лет и провел четыре года в ссылке. Бакунин шел по жизни бок о бок с такими выдающимися людьми, как Герцен, Огарев, Тургенев, Белинский, Прудон, Маркс, Вагнер, Мадзини, Руге и многими другими. Он был человек разносторонних дарований и разносторонних же противоречий. Его называли великим бунтарем. Он много творил и много совершал ошибок. Быть может, нет такого второго персонажа в истории XIX века, вокруг которого слагались бы в громадном количестве различные мифы, плодились слухи и сплетни. Многие из этих мифов дожили до наших дней и до сих пор сопровождают его в исторической памяти. Большей части из них Бакунин сам давал повод к возникновению в сознании и восприятии людей. О некоторых из них скажу здесь и отмечу их психологическую природу.

Наиболее яркий и неожиданный из мифов — Бакунин как прототип Николая Ставрогина в романе Ф. Достоевского «Бесы».

В 1923–1924 гг. возникла дискуссия между литературоведом Леонидом Гроссманом и историком, исследователем творчества М. Бакунина Вячеславом Полонским о том, является ли Бакунин прототипом Ставрогина. Сама по себе мысль интересна, оригинальна.

Ее рождение, безусловно, — творческий акт Гроссмана. В силу ее яркости и броскости, она сходу вызывает интерес и принятие, хотя это не более, чем анекдот. Вячеслав Полонский вполне убедительно доказал, что, если преодолеть поверхностное сходство, Бакунин не может быть прототипом Ставрогина — по психологии, по биографии, характеру, по человеческому содержанию, по характеру деятельности и т. д. Более того, Гроссман практически признал правоту Полонского, вскоре выдвинув в качестве прототипа Ставрогина петрашевца Спешнева, с которым в молодости Достоевский был знаком лично и сильное влияние которого на себя признавал. Однако миф о Бакунине как прототипе Ставрогина жив до сих пор. Здесь *срабатывает преимущество образа (художественного) перед правдой.*

«Исповедь» Бакунина, написанная во время отсидки в Петропавловке по требованию царя, породила еще один миф, история которого интересна по-своему. Это миф о предательстве Бакуниным своих революционных идеалов, совершенном им в «Исповеди». Ее текст стал известен много лет спустя после ее написания, в 1921 году (отрывки появились в 1919 г.). К этому времени русское общество было совсем не похожим на то, каким оно было в 1849 году, однако, как оказалось, не более просветленным. Революционное сообщество раскололось на два противоположных лагеря в оценке «Исповеди». И даже таким известным революционерам, как Вера Фигнер, недостало проницательности, чтобы уловить подлинный смысл «покаяния» Бакунина.

Всей своей жизнью после отсидки в Петропавловке и Шлиссельбурге, начиная с побега из России, Бакунин доказал, что в «Исповеди» скрыл свое подлинное человеческое содержание и свои жизненные цели, направленные на достижение более справедливого устройства общества. Тон «Исповеди», избранный Бакуниным, внешне, действительно, покаянный, как того от него и ждали Николай I и граф Орлов, и другим он и не мог быть. Тон искренний и откровенный — объясняющий, что якобы по молодости и незрелости он встал на путь революционной борьбы за права людей. В то же время он убедительно показал, что пороки политико-правовых систем в России и в других странах толкают тысячи людей на этот путь. Он написал откровенно, что не может быть предателем по отношению к своим товарищам по борьбе и не назвал никого из них. По существу Бакунин не столько каялся, сколько призывал царя прислушаться к голосу разума и со своей стороны менять политическую систему в России в верном направлении. Ставшие недавно известными записки Бакунина,

переданные родным при личном свидании в Петропавловской крепости в 1854 году, не оставляют никаких сомнений в подлинном смысле написанного в «Исповеди». Однако, миф о предательстве Бакуниным своих революционных убеждений живет до сих пор как следствие нежелания (или неумения) прочесть между строк. *Злорадство обывателя при виде гения, якобы запятнавшего себя трусостью или низостью, то есть тем, чем отличается он сам, сильней всего — сильней его самого.*

Сюда же относится миф о развале Бакуниным Первого Интернационала. По сути, это — история противостояния Бакунина и Маркса.

Смысл конфликта в том, что Маркс стремился направить революционное рабочее движение к захвату государственной власти и установлению диктатуры пролетариата, т. е. к той форме государственности, при которой пролетариат имеет монополию власти. Бакунин как апологет анархии, звал к безгосударственному обществу, в котором жизнь людей основывается на принципах самоорганизации и самоопределения населения. Он предупреждал, что государство «рабочих» будет ничем не лучше, чем государство буржуазии, и даже стократ жесточе и страшней. Что и подтвердилось в последующем. Бакунин указывал на опасность подмены «диктатуры пролетариата» диктатурой партийной верхушки. И это также подтвердилось. Но, несмотря на печальный опыт построения социализма в СССР, учение Бакунина об анархическом — безгосударственном — устройстве жизни остается под спудом. О нем знают единицы. Сам Михаил Александрович неоднократно отвергал приписываемую ему «честь» развала Интернационала, отмечая, что развал произошел по сумме многих внутренних и внешних причин, в результате изменившейся международной ситуации. Но и сегодня слышны обвинения в адрес Бакунина на этот счет — чаще всего со стороны приверженцев марксизма-ленинизма. *Этот миф — результат яростной борьбы власти как таковой с идеей анархии — единственной идеей, противостоящей любой власти — и с Бакуниным как наиболее ярким ее автором и проводником.* Идеология и практика большевизма в СССР, например, помимо физического уничтожения инакомыслящих (анархистов, прежде всего), помимо уничтожения миллионов ни в чем не повинных людей, оболгала и самого Бакунина, и анархию, и собственно историю.

Сюда же относится миф о приверженности Бакунина практике подпольных революционных организаций, т. е. нелегальщине и тому подобному.

Михаил Бакунин выступает на Базельском конгрессе Первого Интернационала 1869 г.

Могила М.А. Бакунина на кладбище Бремгартен в Берне. На камне начертано: «Помните о том, кто пожертвовал всем ради свободы своей страны».

Действительно, был период, когда подобные формы борьбы использовались Бакуниным и не только им. Но кто изучал жизнь Бакунина основательно, тот знает, что Бакунин всерьез опасался и предостерегал, что нелегальщина сама по себе подталкивает к формированию «штаба», центра, лидеров, руководителей и т. д., которые могут встать над движением со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но эти «знатоки» Бакунина не замечают пророческих предостережений Бакунина. *Этот миф питает поверхностность знаний и оценок, весьма распространенная среди людей.*

Сюда же относится миф о единстве идей и методов их реализации у Бакунина и Нечаева.

Да, Бакунин был очарован Нечаевым, поверил в его боевой энтузиазм и энергию. Сергей Нечаев, молодой социалист, приехал из России в Швейцарию специально для привлечения Бакунина, Огарева и Герцена к деятельности революционных организаций в России, якобы сформированных и готовых к выступлению. Однако, через некоторое время Бакунин и Огарев (Герцен раньше) разглядели подлинную суть Нечаева — его лживость, авантюризм, макиавеллизм и беззастенчивость в средствах достижения целей. Бакунин разошелся с ним, резко и недвусмысленно дав ему отповедь, — см. письмо М. А. Бакунина к С. Г. Нечаеву от 2 июня 1870 г. Однако и сегодня множество «специалистов» ставят ему в упрек этот жизненный эпизод, *игнорируя в Бакунине присущую ему доверчивость, открытость, способность увлекаться людьми.*

Сюда же относится миф о половом бессилии Бакунина.

Казалось бы, какое это вообще имеет отношение к революционеру, мыслителю, агитатору, пропагандисту? Но и сегодня бытует миф, согласно которому Бакунин — импотент (его жена Антония Квятковская родила троих детей от другого мужчины) и, значит, он является импотентом и в политике, и в философии тоже. Эти знатоки проталкивают мысль о том, что человек, не способный создать нормальную семью, не сможет создать и достойное государство. Или — был бы нормальным мужиком, не полез бы вообще в политику… Но общеизвестно, что тысячи революционеров и тогда, и сегодня сознательно отказываются от семейных отношений, не желая подвергать опасности других — самых близких людей. В этом случае, граничащем с бедностью ума и души, *на миф работает воинствующая людская пошлость и страсть копаться в чужом белье.*

Сюда же относится миф о нечистоплотности Бакунина в отношении возврата занятых у людей денег.

Действительно, с ним это бывало в жизни не раз и не два. Он практически никогда не возвращал занятых денег, впрочем, никогда не обещая их вернуть. Поначалу никто из его кредиторов не предполагал в нем такого отношения к деньгам, но, столкнувшись, уже и не одалживал. Давали немногие: Тургенев, Герцен, некоторые другие. Эти факты сегодня общеизвестны, о них чаще других негативных качеств Бакунина можно услышать. Но почему-то никто не хочет знать, что Бакунин отдавал нуждающимся людям все, что имел, оставляя себе лишь на курево и на чай. И занимал он в первую очередь не для себя, а для революционных нужд. Это столь же достоверный факт, как и его невозвращение долгов. Мне кажется, этот *миф базируется на том, что́ острее всего задевает обывательское сознание.* Обыватель далек от понимания человека, готового отдать нуждающемуся все, что имеет. Но не отдавать долги?! — это аморально и это понятно всем. В Бакунине совмещалось и то, и другое. Да, такой он был человек.

Есть миф о том, что Бакунин, родившись в родовитой дворянской семье в сельской глуши и прожив в Прямухине детские и юношеские годы, не знал ничего о жизни крестьян и их труде.

Может такое быть? Сильно сомневаюсь. Хотя бы потому, что отец семейства Александр Михайлович Бакунин приучал всех детей к физическому и умственному труду. Ничего не известно о какой бы то ни было сознательной изоляции детей Бакуниных от окружающей сельской жизни. Может быть, именно это соприкосновение с бытом и трудом крестьян, крепостных Бакуниных, находившихся далеко не в самых худших условиях по сравнению с крепостными других помещиков, дало толчок Мишелю к пониманию их бесправия, темноты и в то же время — к осознанию их силы и социальной потенции. Этот *миф жив застрявшими в нас из прошлого идеологическими клише:* помещик — значит, кровопийца, угнетатель, эксплуататор. Стоит ли доказывать, что жизнь многообразна и что помещик помещику — рознь.

Существует еще один интересный и неоднозначный миф об антисемитизме Бакунина.

Любопытно, что он сам в этом признавался, но всегда, говоря об этом, не был агрессивен и говорил с иронией на свой счет. Почти всегда этот мотив возникал в какой-либо связи с Марксом. Известный конфликт между Бакуниным и Марксом подливал масло в огонь. Здесь дело не только в том, что Маркс — еврей и противник, весьма нечистоплотный в методах противоборства. Гораздо бóльшую роль играло существенное расхождение между Бакуниным и Марксом

в национальном вопросе в широком смысле. Маркс считал, что нации, отставшие в своем экономико-политическом развитии от наций передовых европейских стран — и якобы отстающие от них по своей «революционности» — должны быть ассимилированы, подчинены, присоединены более продвинутыми нациями с целью «ускорения» и усиления революционного потенциала отстающих. Это неоднократно звучало из уст Маркса и его сторонников по отношению к славянам. Хотя в то же время известно одобрение Марксом военной агрессии Пруссии против Шлезвиг-Гольштейна, где речь шла не о славянах, а о вполне развитых немцах и датчанах. Несогласие Бакунина с Марксом в этом вопросе и довольно системные усилия Бакунина по активизации освободительного движения в среде славянских народов, включая Россию, породили миф о панславизме Бакунина. И, как оборотная сторона медали — миф о его национализме. Бакунин не раз бросал реплики о своей нелюбви к немцам. Он, безусловно, отдавал предпочтение французам. (Я, например, не считаю симпатию Бакунина к французам предосудительной, как не считаю предосудительной подобную симпатию у Гейне, Ницше, молодого Вагнера, Борового и др.). Свое особое внимание к развитию освободительного движения славянских народов — поляков, чехов, словаков, сербов, русских, украинцев и белорусов, валахов и др. — сам Бакунин объяснял тем, что при удачном развитии революций в среде славян уничтожались три империи — Российская, Австро-Венгерская и Османская. Да еще, вдобавок, могла быть потрясена и Пруссия.

Нельзя не сказать о мифе, связанном с фразой, которой завершается его ранняя статья «Реакция в Германии» 1842 года: *«Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!»*. Пожалуй, это выражение Бакунина является одним из самых известных и породивших горы разноречивых комментариев. Сама мысль вполне ясна: разрушение того, что изжило себя, что мертво, фальшиво и морально устарело, хоть и привычно, есть неотделимая часть творческого, созидательного процесса. В ней Бакунин как бы защищает разрушение, напоминая, что оно принадлежит творчеству и созиданию. Однако, миф, порожденный этой фразой, базируется исключительно на разрушении — в отрыве от второй половины фразы. За Бакуниным прочно — навечно — закрепился ярлык «разрушителя». Он и не возражал. Более того, он, действительно, считал: чтобы дать место новому, надо прежде убрать, разрушить старое. И сделать это можно путем социальной революции, способной решительно и в сжатый срок разрушить отжив-

шее. Бакунин считал именно так, он был революционером. Сегодня многие склоняются к тому, что в короткий срок, путем социальной революции, этого сделать невозможно. И у них есть, разумеется, серьезная аргументация на сей счет. Но не будем забывать, что Бакунин жил и действовал 150 лет назад. В этом году ему исполняется 200!

Казалось бы, ничего страшного нет в том, что ему пришили ярлык разрушителя. Но в струю попали и другие ярлыки, как-то: бунтарь, поборник насилия и т. д. Творчество, опущенное в скобках создателями мифа, ушло из трактовки его бунтарства, его отношения к насилию… А это не что иное, как ложь — и в первом, и во втором случае, и т. д. Бунт по Бакунину — это синоним творчества человека, это органически присущее человеку стремление к совершенству как личному, так и социальному. Насилие? О нем даже смешно всерьез говорить, ибо анархия основывается на полном освобождении личности. Свобода одного не может существовать за счет свободы другого! Анархия отвергает государство именно как систему подавления и насилия над личностью. Казалось бы, ничего страшного нет… Но благодаря именно этому мифу, образ Бакунина предстает в глазах потомков как образ безумного фаната разрушения и насилия, очень далекий от подлинного Бакунина.

Легко ли противостоять мифам? На это способны лишь отважные Дон Кихоты, которых, увы, сегодня что-то не видно…

И, наконец, быть может, самый важный и чувствительный миф — миф о слабости Бакунина как философа и мыслителя, миф о неспособности его к системному мышлению и неспособности завершить начатое в теоретических разработках.

На мой вкус, то, что Бакунин не стал философом, как собирался в молодости, а стал революционером и пропагандистом — это его достоинство, а не слабость. Попутно добавлю к этому: из Гегеля, Канта, Фихте, к примеру, я воспринимаю не более десятой доли их творческого наследия, а Бакунина изучаю с удовольствием. Бакунин, действительно, разочаровался в философии как носительнице знаний о жизни. Жизнь во всем ее многообразии, неожиданности и емкости была для него выше науки, была высшим критерием и феноменом всего сущего. Он отдал предпочтение перед философией живому делу преображения и преодоления несовершенства системы человеческого бытия. Безусловно, можно ставить в упрек Бакунину незавершенность многих начатых им теоретических трудов. Можно сетовать на распыленность его внимания и отсутст-

вие строгой системности в изложении своих взглядов. Но неплохо бы не упускать из виду то обстоятельство, что он не был кабинетным ученым, а, напротив, метался по земле, стараясь быть в гуще революционных событий, не имея постоянного места жительства и своего угла. Жизнь, освободительная борьба, возникающие революционные ситуации заставляли Бакунина переключать внимание с теоретических трудов на живое дело. Боюсь, что отмеченные выше претензии к Бакунину исходят именно от кабинетных ученых. Это их стараниями жив сей миф, он — на их совести. Я повторюсь: согласен с тем, что Бакунин — не философ, но то, что он поразительный по силе и энергетике мыслитель, идеи которого не потеряли своего значения до наших дней, очевидно.

Мне кажется, что корни всех выше перечисленных мифов растут из одной и той же почвы. Я когда-то говорил и теперь скажу: Михаил Александрович Бакунин — подлинный трагический персонаж в мировой истории. Перечисленные мифы, действительное существование которых в прошлом и настоящем, полагаю, невозможно оспорить, — неопровержимое тому доказательство. (*Аплодисменты*).

Прусский Я. Л. Как вы относитесь к пьесе Стоппарда, который, кстати, использовал эти мифы в ней? Хотя, казалось бы, ему, чтобы быть оригинальным, надо было бы развенчать их. В частности, миф, о котором вы не сказали. Миф о том, что Бакунин бесцеремонно вмешивался в жизнь своих братьев и сестер и разрушал их.

Корнилов С. Г. Я за неимением времени многого не сказал. Действительно, Том Стоппард не был озабочен тем, чтобы быть достоверным и точным в обрисовке Бакунина. Да и не только Бакунина. Это — хороший пример того, как авторы используют мифы и сами способствуют существованию их. На наших Чтениях однажды шел разговор о трилогии Стоппарда. Мнения тогда разделились. Кому-то она показалась оскорбительной, а кому-то — ничего, смешно.

Рябов П. В. Огромное спасибо за страстную апологию Бакунина, и у меня к вам — два связанных вопроса. Они оба — глобальные, по всему вашему докладу. Во-первых, причины мифов о Бакунине. В конце вы попытались об этом сказать, но я хочу продолжить вашу мысль вопросом. Как говорил по другому поводу кадет Милюков: «Что это — глупость или измена?» В этих мифах, в их тиражировании чего больше — злонамеренного, идущего от власть имущих, врагов Бакунина — это понятно, так как Бакунин — это важнейшая часть

мифа об анархизме как хаосе и разрушении? Или это наша инерция, наша неготовность к свободе, о которых вы сказали? Это — первый вопрос. И сразу второй. Вы используете слово «миф» как ругательство, штамп, обман. Но ведь есть и миф положительный. Как сказал Александр Ланевский о восприятии Бакунина польскими анархистами: «Они его не знают, но отождествляют с революцией, бунтом, восстанием». На ваш взгляд, можно ли говорить о положительном мифе о Бакунине, о Бакунине, которого люди мало знают, но связывают с ним образ свободы? Это тоже некий миф, героизация. Можно ли говорить о таком мифе?

Корнилов С. Г. Спасибо за вопрос. То, что мифы о Бакунине со знаком минус, обыгрывающие, абсолютизирующие его негативные черты, черты, которые, безусловно, у него были, то, что эти мифы возникали и продолжают возникать и жить, это, по моему глубокому убеждению, следствие сплоченных усилий, во-первых, власти — в самом широком смысле слова, ибо власти как всеобъемлющему глобальному социальному институту противостоит одна единственная идея — анархия, безгосударственность. И власть использует в противостоянии Бакунинской идее всю свою мощь, где главная ее сила — во лжи и разложении человеческой личности, разложении достоинства человека. У власти много холуев, ею вскормленных, именно эта среда, по моему мнению, — второй всеобъемлющий фактор, плодит и пестует различные слухи и мифы о Бакунине. Что касается положительного мифа о Бакунине лучезарном, светоносном…

Рябов П. В. Таком, каким его изобразил Блок.

Корнилов С. Г. Да. Это — Блок. Но я такого мифа не вижу и не знаю. Нет такого мифа. Лиц, которые в состоянии более глубоко проникнуть в биографию, характер Бакунина, суметь отделить негативное от положительного в нем, верно оценить то и другое, таких лиц мало — их единицы. И, как сам Бакунин, они тоже пребывают во враждебной среде. Их позиция остается фактом их биографии, дальше узкого круга его последователей она не распространяется, увы.

Талеров П. И. Сергей Гаврилович. Тема, с которой вы выступили, — не новая. Об этом много было рассуждений, споров, материалов. В частности, известная книга Борового и Отверженного «Миф о Бакунине». Как вы к ней относитесь?

Корнилов С. Г. Никак. Я не знаю этой книги, не читал. Хотя о споре Гроссмана с Боровым и Отверженным в 1923 году знаю, я говорил в докладе. В свое время об этой дискуссии шла речь на наших Чтениях.

Тогда доклад делал Миша Цовма. Книга Борового и Отверженного мне в руки не попадала.

Цовма М. А. И это очень характерно, потому что книгу Гроссмана и Полонского знают все — и это хорошо, — а книгу Борового и Отверженного не знают.

Талеров П. И. К сожалению.

Корнилов С. Г. Спасибо за внимание. (*Аплодисменты*).

Сидоров И. С. Следующий докладчик — Иван Евдокимович Задорожнюк.

Задорожнюк И. Е.

200-летний юбилей трёх последовательных борцов с самодержавием: Лермонтов, Шевченко, Бакунин

2014 год — время двухсотлетних юбилеев трех великих отвергателей идеи и практики самодержавия: поэтов М. Лермонтова и Т. Шевченко и политического мыслителя М. Бакунина. Такое совпадение времени их рождения трудно объяснимо, хотя здесь возможны самые разные гипотезы — например, то, что они появились в год «усталости от победы» в войнах 1812–1813 гг., не принесших свободы России. Однако общие черты в их тяжелых судьбах, в присущей лишь им последовательности мысли и дела, в непримиримости к любым формам угнетения и в любви к свободе обнаружить можно.

Конечно, Шевченко и Бакунин знали о свободолюбии Лермонтова, первый ставил поэта выше А. Пушкина именно за то, что он безоговорочно выражал чаяния свободы. Поиск глубинных связей по линии Бакунин — Шевченко, особенно в русле их социального идеала на началах свободы, только начинается, но еще в XIX веке М. Драгоманов считал, что идеи демократического славянского федерализма были присущи им обоим. Особенно сложен вопрос о государственничестве Шевченко: несомненно, он был патриот и стремился к своему национальному государству — то отыскивая его контуры в прошлом (в чем-то идеализированном), то намечая их в будущем (с «вольными и веселыми селами») и предпочитая республику монархии, и никто так, как он, происходя из крепостных крестьян, последовательно не выступал против самого принципа царизма, ратуя за то, что ныне именуют гражданским обществом. Современные авторитетные исследователи при этом утверждают, что Шевченко был не чужд и анархизм. Особенно в его «апофеозе идеального сообщества», он, следуя традиции романтизма,

Иван Задорожнюк

Современные авторитетные исследователи утверждают, что Шевченко был не чужд и анархизм. Особенно в его «апофеозе идеального сообщества», он, следуя традиции романтизма, не абсолютизировал ценности государства как такового, а надстраивал над ними ценности духовные.

не абсолютизировал ценности государства как такового, а надстраивал над ними ценности духовные[1]. Для всех трех важнее мощного государства, особенно имперского, была Россия как «отчизна духа, а не отчизна силы» — даже с учетом того, что Лермонтов был обречен воевать за вторую[2]; ключевая же задача властей, по их убеждению,— обеспечение свободы личности, а не мощное ее подавление, особенно в низших классах (да и — по инерции, механизм которой так удачно описан в поэме Шевченко «Сон» и политических рассуждениях Бакунина о «кнутогерманской империи» — в высших тоже). То, к чему призывали в поэтических творениях Лермонтов и Шевченко, прорабатывал на уровне концепций Бакунин, так или иначе адресуясь к своим ровесникам-поэтам.

Не нужно прибегать к сверхтщательному анализу, чтобы обнаружить: отсутствие указанного страха перед самодержавием обнаруживается уже у 16-летнего Лермонтова, написавшего пророческие стихотворение «Предсказание» о том, что «царей корона упадет/Забудет чернь к ним прежнюю любовь». Началом автономии личности, первенствующим перед принципом самодержавия, наполнены многие

---

1 *Нахлік Є. К.* Доля — Los — Судьба: Шевченко і польські та російські романтики. — Львів, 2003. – С.83, 84.

2 Там же. – С.85.

его творения: достаточно вспомнить стихотворение «1 января», поэму «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», драму «Маскарад» и роман «Герой нашего времени». Относительно первых трех можно утверждать наличие некоторых аллюзий на неприятие деспотизма, причем лермонтоведами высказывались предположения о том, что сам Лермонтов пренебрегал вниманием к нему со стороны особ царской крови[3], а царь, прочитав «Героя нашего времени» (по настоянию супруги), охарактеризовал метания Печорина как «кошачьи стенания» и пожалел, что главным героем произведения не стал Максим Максимыч[4] — завоеватель Кавказа. Остается добавить, что в «Измаил-бее» Лермонтов до Шевченко затронул сюжет о мученичестве Прометея на Кавказе; общи двум поэтам мотивы принятия судьбы — в восточном варианте — в «Валерике» первого и поэме «Кавказ» второго. Поэма выступает в трактовке украинского литературоведа И. Дзюбы как картина общего состояния миропорядка, что и подвигает Шевченко на «прю» с Богом, сродную с мотивами богоборчества и у Лермонтова. Признавали некую сакрализацию Кавказа, хотя выделяли неплохо и изнанку кавказского мифа, все три ровесника: Лермонтов, Шевченко и Бакунин. На это обращал внимание позже и Толстой, подчеркивая, что это место, где губят лучших со всех сторон: того же Лермонтова или, с другой стороны, Хаджи-Мурата — в повести о нем ощущаются импульсы от «Кавказа». Дзюба отмечал: «По существу Шевченко едва ли не первым так принципиально поднялся над рутинным делением народов на великие и малые, исторические и неисторические, цивилизационные и нецивилизиционные,— „снял“ это деление обращением к священному праву каждого народа устраивать свою жизнь… На высоте этой истины и этого мирочувствования он отбросил европоцентричную и христианскоцентричную картину мира — хотя одновременно подоснову для отбрасывания этого „геополитического“ христоцентризма ищет у самого Христа»[5]. Перед этим в своей книге он же отмечал, что по сути первым подобную тему поднял как раз Лермонтов, хотя ему в силу принадлежности к «офицерско-дворянской касте» это было сделать куда труднее[6].

---

3 *Геритейн Э.* Судьба Лермонтова. — М., 1964. – С.8, а также глава «Лермонтов и двор».

4 Там же. – С.101.

5 *Дзюба І.* Тарас Шевченко. — Київ. 2005. – С.358.

6 Там же. – С.340.

Лермонтовские мотивы отразились в творчестве Шевченко и до написания поэмы «Кавказ» — даже в стихотворениях, вошедших в так называемый «малый Кобзарь». Что касается стихотворения «Валерик» и поэмы «Кавказ», то их сегодня могли бы прочитать как свой текст многие народы Азии, Африки и Латинской Америки.

Гибель личности (украинца с французскими этническими корнями Я. де Бальмена, памяти которого и был посвящен «Кавказ»; а также многих русских, подданных России с немецкими этническими корнями и других) за империю — сквозной сюжет русской литературы, но лишь Шевченко удалось выявить сущностные сочетания трагизма этого треугольника: народ — империя — личность, а заодно стать на «прю» с Богом. «Кавказ» противостоит государственным генераторам тьмы, которые прятали смысл тамошних событий, — тьмы, поддерживаемой на уровне разработки кавказской темы теми же А. Пушкиным, Ф. Тютчевым, В. Белинским и другими мыслителями и поэтами с расходящимися политическими позициями.

Если выстраивать более четко геометрию отношений между названными поэтами и мыслителями, то надо признать, что Лермонтов практически ничего не знал о Бакунине и Шевченко. Украинский же поэт постоянно обращался к творчеству Лермонтова. Бакунин также тянулся к нему, обращаясь, как отмечает польский исследователь А. Каминьский, к обсуждению творений Лермонтова с членами кружка Н. Станкевича и с В. Белинским[7]. А. Амфитеатров даже писал о некой преемственности аристократического анархизма у Лермонтова с демократическим у Бакунина[8].

Надо сказать, что Белинский явился ключевой фигурой для трактовки отношений между Бакуниным и Шевченко и в то время, когда первые два находились в Париже, а третий — в ссылке в Орской крепости. Так, в августе 1847 г., считает В. Прийма, вопрос о Кирилло-Мефодиевском братстве — организации, ставящей цель освобождения славянских народов от имперского (не только российского, но также австрийского и турецкого) гнета — мог обсуждаться на встречах в Париже с участием П. Анненкова, М. Бакунина, В. Белинского и А. Герцена. На одной из них Бакунин называл Шевченко «человеком достойным и прекрасным», «мучеником свободы», доводя такие

---

7 *Kamiński A. A.* Michaił Bakunin. Życie i myśl. Od religii miłości do filozofii czynu (1814–1848). T. 1. — Wrocław, 2012. S. 156, 177.

8 *Амфитеатров А.* Святые отцы революции. — СПб., 1906. – С.5–6.

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841) «Вульфертовский портрет». Автор неизвестен (Портрет назван по имени последнего владельца).

Михаил Александрович Бакунин (1814–1876)

Тарас Григорьевич Шевченко (1814–1861) — украинский поэт и прозаик, художник. Автопортрет

характеристики также до польских друзей[9]. Такая оценка разделялась далеко не всеми участниками встреч, хотя они разделяли чувства сожаления по поводу разгрома в марте — апреле Кирилло-Мефодиевского общества, сами будучи изгнанниками или находясь под подозрением.

Все же один из участников встреч — В. Белинский — в частном письме (от 1–7 декабря 1847 г.) к другому — П. Анненкову — выразил острую и, по многим причинам, трудно понимаемую неприязнь к уже арестованному поэту Шевченко. Поначалу он повторяет высокие оценки его Бакуниным — не приводя из осторожности его имя, а лишь отмечая: «верующий друг мой, говоря, что он *верит* Шевченко — человек достойный и прекрасный. Здравый смысл должен видеть в Шевченко осла, дурака и пошлеца». Но в дальнейшем русский критик — как бы его не аттестовали: в качестве западника, либерала и даже революционного демократа — ничтоже сумняшеся утверждает недопустимость малороссийского сепаратизма; добавлены «сало и галушки», то, что Шевченко — «любитель горелки по патриотизму хохлацкому» и другие атрибуты, не раз пережевываемые другими критиками «малороссийского сепаратизма», а также едва ли не личная обида за императрицу. В конце Белинский еще раз осуждает веру своего друга как «поблажку праздным фантазиям» и «страшную глупость»[10].

Естественно, такое письмо делает мало чести Белинскому. Что касается отношения к Шевченко Бакунина, то оно сохранялось на долгие времена; есть основания предполагать, что именно он побуждал глубже всматриваться в творения Шевченко и Герцена, в частности, в его статьях в «Колоколе». Два русских политических мыслителя выдвигали идею федерации славянских народов не без воздействия идеологов Кирилло-Мефодиевского общества, из которых Шевченко стоял на наиболее радикальных позициях.

Остается поставить вопрос: почему поэзия Шевченко была враждебно встречена передовой русской литературной критикой в лице В. Белинского? Его логику можно попытаться понять: только-только русская литература в лице А. Пушкина явила высоты духа и формы, совсем рядом начался ее гоголевский период (с его таким милым «малороссийством») — и как бы вдруг появляется поэт, представляющий,

---

9 *Прийма Ф. Я.* Шевченко и русская литература XIX века. – М.–Л., 1961. – С. 87; атмосфера и тематика этих встреч описана и А. Каминьским (*Kamiński A. A.* Michaił Bakunin… – Т. 1. – С. 307–308).

10 *Белинский В. Г.* Полн. Собр. Соч. – Т. 2. – М., 1956. – С. 435–436.

казалось бы, преодоленную языковую стихию, да еще и пишущий на «примитивные» темы.

Критики демократического толка, кроме этого, чрезмерно увлекались немецкой философией, стремящейся ввысь, а здесь — обращение к гуще народной жизни. Не удивительно, что творения о ней не входят в рамки этой философии, поэтому стихи Шевченко полнее и адекватнее оценивали критики консервативного лагеря, поначалу не замечавшие его стихийного демократизма.

Правда, более углубленные изыскания, проведенные львовским ученым Е. Нахликом, указывают, что именно идеи Гегеля, адекватнее воспринятые Бакуниным (едва ли не первым из мыслителей России), оказывали косвенное влияние и на творчество Шевченко по историософской схеме: «первобытная воля — современный деспотизм — будущая свобода», даже несмотря на разность интерпретаций указанной схемы[11]. Ее как раз во многом и выстраивал Бакунин на другом материале.

В середине 1950-х годов ленинградский литературовед Ю. Марголис наметил еще один пункт схождения идей Шевченко и Бакунина (совместно с Герценом): «Закон божий — документ Кирилло-Мефодиевского общества — пронизан идеей Гегеля о том, что любой народ имеет свое призвание в истории — идеей, перенесенной на украинскую почву»[12]. И сколь бы ангажированным ни было суждение Марголиса: «Объективно революционно-демократическая концепция славянского единства, развиваемая Шевченко в 40-х годах XIX века, была направлена против панславизма — как русского, так западноевропейского (одним из представителей которого был Ф. Палацкий)»[13] — большая доля истины в нем есть, и в этом плане Шевченко выступает как весомый политический деятель, на что впервые указывал еще Герцен.

В этом плане правомерно обратить внимание на представление преемником идей Шевченко — поэтом и ученым И. Франко — документа «Основи нової слов'янської політики Бакуніна». Он представляет собой первопубликацию программной статьи Бакунина по национальному вопросу на языке оригинала[14]. Оригинал статьи попал

---

11 См.: *Нахлік Є. К.* Доля — Los — Судьба…

12 *Марголис Ю. Д.* Проблема единения славянских народов в политической программе Т. Г. Шевченко/Вестник Ленинградского университета. 1958. № 14. – С. 68.

13 Там же. – С. 70.

14 Впервые — в «Наукових записках товариства Шевченко». 1912. – Т. 109. – Кн. 3. – С. 155–165.

к И. Франко от участника съезда в 1848 г. в Праге И. Борискевича. Ее идея — славянское братство, выразителем которого должен был стать всеславянский собор (съезд) в качестве посредника — не была принята австрийскими славянами. Франко отмечает ее преемственность с Кирилло-Мефодиевским братством[15], но последнее идентифицирует лишь с Н. Костомаровым. Комментируя текст Бакунина, Франко пишет: «Мало знакомому с историей славянских племен русскому энтузиасту всемирной свободы и братства сразу вообразилось, что все славяне в один момент могут подавить в себе взаимно все обиды, забыть всю неправду, свести все исторические счеты и превратиться в одну громадную семью»[16]. На наш взгляд, такая трактовка связана скорее с поэзией Шевченко, чем программами Костомарова — даже с учетом того, что наиболее яркое выражение идеи всеславянства в поэме «Еретик» стало известным лишь позже.

Интересно в этом ракурсе и мнение Драгоманова, отмечавшего: «Для меня темно происхождение славянофильства Бакунина, который пишет, что оно началось в 1846 г. Тогда он был в Париже, где по-своему славянофильствовал Мицкевич»[17]. Тогда же в Париже были и русские, те же Герцен и Тургенев, позже заезжали Анненков и Белинский. От них славянофильских идей Бакунин получить не мог — в числе же поляков Драгоманов косвенно упоминает еще и польского революционера Т. Вишньовского. На наш взгляд, можно было бы в числе вдохновителей этой идеи назвать и украинца Шевченко, в которого, по свидетельству Белинского, так истово верил Бакунин.

Конечно, идея славянского братства не исчезла у Шевченко и после ссылки. Более того, она приобрела новые истолкования. Так, Д. Мордовцев в «Русской газете» за 2 декабря 1859 г. опровергал националистические измышления польской аристократической партии («белых»), будто произведения Шевченко (а также Кулиша и Костомарова) направлены на «разъединение народностей». Польские же демократы («красные») активнее транслировали идеи об их единении, при этом Шевченко представал своеобразным посредником всех славянских народов. Так что поляки полякам рознь, а сам Шевченко — вместе с дворянином М. Бакуниным — не отказывался от идеи «хлопской революции».

---

15 *Франко І.* Зібрання творів у пятидесяти томах. – Т. 47. – Київ, 1986. – С. 406.

16 Там же. – С. 415.

17 Там же. – С. 508.

Дальнейшие исследования данного текста Бакунина и выражаемых им идей — отдельная задача. Остается добавить, что одним из адресатов И. Франко был М. Драгоманов — наиболее авторитетный исследователь творчества Бакунина в XIX веке. Он обратил внимание на то, что еще в 1850-е годы украинская писательница Марко Вовчок выступила своеобразным посредником между Бакуниным и Шевченко. Именно она способствовала знакомству И. Тургенева с Шевченко — и как раз она «взамен» просила первого свести ее с Бакуниным (что, кстати, напугало этого бывшего соратника по «гегелизму»). Позже Марко Вовчок писала бунтарские прокламации в духе Бакунина, которые не обошлись без влияния духа Шевченко[18].

И еще: Е. Нахлик в своем фундаментальном исследовании рассматривает метафору топора («сокири»), так тревожащую и до сих пор отечественных историков и публицистов. Она есть у Герцена (в знаменитой опубликованной им в «Колоколе» прокламации); к ней прибегал еще Пушкин (в стихотворении «Андрей Шенье»), да и радикальные декабристы до (и народники — после) Герцена; даже у Достоевского («Братья Карамазовы») в одном из видений топор кружится вокруг земли. То, что топор попадал в поле зрения послереволюционного пятнадцатилетия в России (1848–1863), было, по наблюдению Е. Нахлика, связано со знаменитой речью «московита» Бакунина перед поляками в Париже 29 ноября 1847 г. Как бы откликом на данную речь явились упоминания топора в поэтическом творчестве — и особенно Ю. Словацкого (а также А. Мицкевича и даже консерватора З. Красиньского; с их творчеством был знаком и Шевченко). Конечно, прямого заимствования данной метафоры (в знаменитом стихотворении «Я, чтоб не сглазить, не хворая» — «Я не нездужаю, ніврокy», написанном, кстати говоря, ровно через 11 лет после речи Бакунина 22 ноября 1858 г., но уже в Петербурге) можно и не постулировать. Все же перекличка трех упомянутых представителей славянства о топоре весьма значима[19], а поиск такого рода перекличек можно и нужно продолжить.

Общее суждение в ракурсе поднятой темы будет таким: Лермонтов отвергал принцип самодержавия на основе начал автономии личности; Шевченко — апеллируя к автономии национального начала, связываемого им с освобождением одного из наиболее угнетаемых

---

18 Листування Івана Франка і Михайла Драгоманова. – Львів. 2006. – С. 58.

19 *Нахлік Є. К.* Доля — Los — Судьба… – С. 30, 59; Словацкий вдохновил на написание гимна «Вічним революціонером» и поэта Франко.

социальных слоев — крепостных; Бакунин ратовал за автономию общества от государства, особенно того, которое было возглавляемо в «кнуто-германской империи» с Гольштейн-Готторопами на троне, Чингис-ханами с телеграфом.

Есть и еще одна общая платформа двух последних: идеал — федерация славянских народов; но важно следующее: все трое преодолели мистический страх перед самодержавием как государствоустроительным институтом, страх, присущий либералам — от В. Белинского вплоть до «Вех», страх, рудименты которого можно отыскать и сегодня — в кривляниях перед принципом монархизма и т. п.

Присущее трем выдающимся поэтам и мыслителям отвержение принципа самодержавия на основе начал автономии личности, национального начала и (гражданского) общества в целом от любого государственного диктата (формы которого модифицируются постоянно, что демонстрирует, например, казус Сноудена) приводит к заключению, что они значимы не только для своего времени, но и для хода истории в целом. В XX веке личности приходилось испытывать сверхдавления от самодержавия толпы, выдвигавшей своих кумиров, в новом веке это — диссипативная власть все того же самодержавничества в мнимо демократических облачениях. Важно поэтому, что Лермонтов, Шевченко и Бакунин и сегодня позволяют преодолевать мистический страх перед самодержавием в любых его проявлениях.

Отсюда и значимость выявления связей между ними — как на уровне творческих перекличек (Шевченко не раз подчеркивал свое преклонение перед «нашим великим Лермонтовым» именно за то, что он помогал ему «не унизить в себе человеческого достоинства»[20]), так и на уровне пересечения личностных оценок (с учетом их зашифрованности, так как упоминание имен Шевченко после 1847 г. и Бакунина после 1848 г. в России не приветствовалось). Есть основания предполагать, что на этом пути отыщутся новые свидетельства таких связей, интересных не только в юбилейный год. (*Аплодисменты*).

Рябов П. В. Времена настали такие, что юбилеи трех демократов отмечаться у нас не будут. Шевченко объявлен бездарным поэтом враждебного народа, Бакунин игнорируется, Лермонтова тоже едва ли вспомнят, так что в этом смысле они тоже — товарищи по несчастью.

---

20 *Шевченко Т.* Повне зібрання творі в. Т. 3. – Київ, 1963. – С. 79, 90.

Прусский Я. Л. Петя, а почему Лермонтова не будут вспоминать? Он вроде бы ни в чем не провинился.
Рябов П. В. «Прощай, немытая Россия…» (*Смех*).
Сидоров И. С. Лермонтова все-таки отмечают. Не так широко, как хотелось бы…
Талеров П. И. Да, все-таки были конференции — были, были…
Сидоров И. С. Небольшой перерыв, а после него первый доклад — Вячеслава Александровича Должикова.

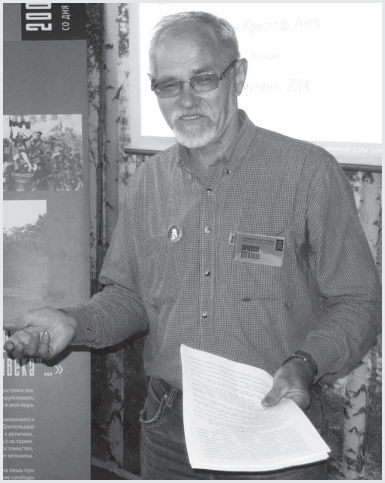
Должиков В. А.
«Примирительная» тенденция в политической деятельности М. А. Бакунина 1830–1860 гг.

Русская национальная философия выдвинула в лице Михаила Александровича Бакунина «одного из самых ярких политических мыслителей Европы второй половины XIX века»[1]. Тем не менее, даже в современной отечественной литературе он характеризуется зачастую как бескомпромиссный «революционер» и маргинальный «утопист». Ориентиром здесь поныне служит оценочный материал, заимствованный из русофобских публикаций доморощенных и зарубежных авторов. «Бакунин представляется в их работах, — справедливо заметила Л. Г. Сухотина в свое время, — личностью, которая не могла бы появиться в условиях нормальной общественной жизни. Его изображают авантюристом, теоретические работы которого были лишь незначительными „умственными эпизодами“, являющими собою смесь лжи и правды»[2]. При этом исследователями напрасно игнорируется ранний период политической деятельности М. А. Бакунина (1837–1839 гг.), когда впервые он выступил с оригинальной публичной инициативой компромиссного «примирения» русской дворянской общественности и верховной императорской власти. Данный концепт был унаследован от А С. Пушкина, безвременно погибшего в самом начале 1837 г. и не успевшего закончить с императором Николаем I свой диалог, целью которого была полная амнистия друзьям-декабристам.

---

1 *Баглай М. В.* Дорога к свободе. – М.: Международные отношения, 1994. – С. 93.

2 *Сухотина Л. Г.* Проблемы русской революционной демократии в современной английской и американской буржуазной историографии. – Томск, 1983. – С. 105.

Вячеслав Должиков

В ряде моих работ доказывается, что «примирительная» тенденция в тактике действий М. А. Бакунина преобладала до момента ситуационной развязки системного кризиса (1862–1863 гг.). Перелом наступил, когда уже в пореформенной России началась повторная консервативная стабилизация политической системы архаичного абсолютистского режима.

Вводная статья Михаила Бакунина к переводу «Гимназических речей» Г.-В. Ф. Гегеля, опубликованному в первой книжке «Московского наблюдателя» за 1838 г., и представляла собой «манифест примирения». Обращаясь к фрондирующей постдекабристской дворянской элите, молодой философ высказывал надежду, что «новое поколение сроднится, наконец, с нашею прекрасною русскою действительностью»[3]. Образцом для такого выбора, по его мнению, должен стать великий Поэт, политическая биография которого также начиналась «прекраснодушною борьбою с действительностью». Но «Пушкин, — замечает М. А. Бакунин, — не мог долго оставаться в этой призрачности: его гениальная субстанция вырвала его из этой бесконечной пустоты духа и насильно вела его к *примирению с действительностью*»[4] [выделено мной. — *В. Д.*]. Еще в сентябре 1831 г. юный воспитанник артиллерийского училища обратил внимание на пушкинский памфлет «Клеветникам России». «Эти стихи прелестны, — с восторгом замечает Михаил Бакунин в одном из своих писем, — не правда ли, дорогие родители? Они полны огня и истинного патриотизма, вот каковы должны быть чувства русского!»[5]. Кроме очевидного влияния со стороны А. С. Пушкина, другим фактором, способствовавшим ге-

---

3 *Бакунин М. А.* Анархия и Порядок: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 30.

4 Там же. – С. 28–29.

5 *Бакунин М. А.* – С. 54.

незису «примирительной» тенденции в идейно-политическом инструментарии мыслителя, была, как известно, его страстная увлеченность в конце 1830-х гг. философией Гегеля.

Рассматриваемый сюжет необходимо, считаю, соотносить с периодом консервативной политической стабилизации в России (1831–1847 гг.), когда взаимное примирение между русской дворянской общественностью и верховной властью в лице императора Николая I могло бы реально состояться. А связана была такая альтернативная возможность с 25-летием великой победы 1812 г., в честь которой проводились общегосударственные юбилейные торжества (1837–1839 гг.) по случаю открытия мемориального памятника на Бородинском поле и закладки фундамента Храма Христа-Спасителя[6]. Именно в этот момент формировался базовый миф национальной политической культуры: патриоты, представлявшие все сословия русского общества, смогли же во время Отечественной войны объединиться вокруг верховной власти, чтобы противостоять сильному внешнему врагу. Почему бы им вновь не сплотиться ради будущей гражданской консолидации? Так или приблизительно так мыслили тогда сторонники внутриэлитного политического компромисса.

Об этом, в частности, свидетельствуют встречные шаги к сближению позиций. Вслед за А. С. Пушкиным («Бородинская годовщина») со стороны интеллектуальной элиты таким же образом действовали М. А. Бакунин, В. Г. Белинский, М. И. Глинка («Иван Сусанин»), М. Ю. Лермонтов («Бородино»). Заметный подъем патриотических настроений охватил и какую-то часть правительственной бюрократии (С. С. Уваров с его «триадой»). Но, к сожалению, идея политического компромисса не поддерживалась большинством европеизированной дворянской интеллигенции, видевшей в Николае I только деспота и «коронованного палача декабристов». Император также не смог преодолеть «постдекабристский синдром». Реализация романтической мечты о публичном примирении «отца нации» со своими «детьми» в итоге не состоялась. Системный сбой данной альтернативы обусловил идейный кризис раннего российского либерализма и последующее политическое размежевание первых его адептов на соперничающие группировки «западников» и «почвенников» («славянофилов»).

---

6 *Познанский В. В.* Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX в. – М., 1975. – С. 152, 177.

Современными исследователями недооценивается вклад М. А. Бакунина в разработку оригинальной русской версии гегельянства — общей философской основы «доктринерно-книжного» западничества и «славянофильского» почвенничества. *«Я говорю об этом знаемо, потому что в тридцатых годах*,— акцентирует мыслитель данный факт своей биографии в статье „Наука и насущное революционное дело“ (1869 г.),— *увлеченный гегельянизмом, сам участвовал в этом грехе»*[7] [выделено мной.— *В. Д.*]. Здесь он имеет в виду просветительскую деятельность знаменитого литературно-философского объединения — «кружка Н. В. Станкевича». Вместе с М. А. Бакуниным в московских идеологических дискуссиях участвовали К. С. Аксаков, П. В. Анненков, В. Г. Белинский, В. П. Боткин, Т. Н. Грановский, А. П. Ефремов, К. Д. Кавелин, М. Н. Катков, Н. А. Мельгунов, И. С. Тургенев, А. С. Хомяков и др.[8]

По свидетельству очевидца, «либерализм безличного дружеского кружка» 1830-х гг. фиксировал «тогдашнее интеллектуальное состояние образованной молодежи, у которой все виды направлений жили еще как в первобытном раю, [бок] о бок друг с другом, не находя причин к обособлению». Будущих «либералистов», «консерватистов» и «прогрессистов» (по тогдашней терминологии) соединяла «одинаковая любовь к науке, свету, свободной мысли и родине». Все они *«ждали переворота в области литературы и мышления»* [выделено мной.— *В. Д.*]. Такие ожидания были связаны именно с философским творчеством Михаила Бакунина, первые статьи которого начинали публиковаться в «Московском наблюдателе» и «Отечественных записках». При этом «по способу понимания целей и задач жизни» будущий основатель русского гегельянства, как вспоминает П. В. Анненков, «конечно, стоял неизмеримо выше того грубого способа их представления, который царствовал у большинства современников»[9]. Эмоциональный срез настроений московской философствующей молодежи тех лет прекрасно выразил К. С. Аксаков, посвятивший Бакунину свою поэму «Молодой крестоносец»[10].

---

7 *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика. – М.: Правда, 1989. – С. 186.

8 *Чижевский Д. И.* Гегель в России. – СПб.: Наука, 2007. – С. 66–71, 179–181, 250–254.

9 *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. – М.: Правда, 1989. – С. 115, 131–134, 137–138.

10 Публикацию см.: *Стеклов Ю. М.* М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность. В 3-х т. – М.–Л., 1926. – Т. 1. – С. 68–72.

Открытка, выпущенная к 200-летию М.А. Бакунина посольством Швейцарии в России

Согласно точке зрения автора цитируемых выше мемуаров, М. А. Бакунин должен быть признан «*отцом русского идеализма*» [выделено мной. — *В. Д.*]. Ведь это благодаря стремительному прорыву его творческой мысли в будущее современникам открылось «*безбрежное море гегелевской философии*»[11] [выделено мной. — *В. Д.*]. Но заурядной популяризацией основ учения немецкого классика Бакунин вовсе не ограничился. «Будучи еще совсем молодым человеком, — констатирует Л. Г. Сухотина, — он не застыл в немой почтительности перед своим философским кумиром и интеллектуальной славой века — Гегелем»[12]. По определению А. Камю, русский мыслитель-бунтарь вложил «в эти абстракции всю безмерную силу своей страстности», превращая их в действенный инструмент реальной политики[13].

---

11 *Анненков П. В.* Литературные воспоминания… – С. 135–136.

12 *Сухотина Л. Г.* Проблемы русской революционной демократии… – С. 174.

13 *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990. – С. 234.

С творческим вкладом М. А. Бакунина в национальную философию связаны формирование, дифференциация и дальнейшая эволюция фактически всех разновидностей русского гегельянства. Начиная с «правой», охранительно-государственнической версии (М. Н. Катков, Б. Н. Чичерин) и заканчивая леволиберальными и леворадикальными его вариантами (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, Н. П. Огарев). Не являлись исключением и будущие вечные оппоненты западников. Например, «справа» от Бакунина идеолог славянофильского почвенничества К. С. Аксаков реконструировал отечественную историю в своей диссертации о Ломоносове по канонам гегелевской диалектической методологии. Те же самые принципы использовались им при составлении грамматики русского языка[14].

«В дальнейшем развитии Бакунина,— ошибочно полагает Д. И. Чижевский, автор монографии, посвященной русскому гегельянству,— примирение „с нашей прекрасной действительностью“ не играло никакой роли»[15]. На самом же деле «примиренческий» концепт возобновлялся им позже неоднократно. Выразительным в этом отношении был так называемый сибирский период биографии М. А. Бакунина, почти целиком совпадающий с эпохой первой политической «оттепели» 1856–1862 гг. Неслучайно данный отрезок отечественной истории сам он определяет в переписке с Герценом и Огаревым как *«время компромиссов»*[16] [выделено мной.— *В. Д.*]. Подтверждая точность такого определения, Г. А. Лопатин вспоминал о том же «времени, когда *„Современник“, с Чернышевским во главе, верил еще в реформы сверху, когда Герцен обращался к императору, а Бакунин проповедовал „крестьянского царя“*»[17] [выделено мной.— *В. Д.*].

В ряде моих работ доказывается, что «примирительная» тенденция в тактике действий М. А. Бакунина преобладала до момента ситуационной развязки системного кризиса (1862–1863 гг.)[18]. Перелом

---

14 *Чижевский Д. И.* Гегель в России… – С. 192–194, 199–203.

15 Там же. – С. 117.

16 *Бакунин М. А.* Письма к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. – Женева: Украинская типография, 1896. – С. 175.

17 *Лопатин Г. А.* Автобиография. Статьи и стихотворения. – Пг., 1922. – С. 130.

18 Подробнее см.: *Должиков В. А.* М. А. Бакунин и Сибирь (1857–1861 гг.). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993; *Должиков В. А.* М. А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). – Барнаул: Изд-во Алт. госуд. ун-та, 2000; *Должиков В. А.* М. А. Бакунин об альтернативных вариан-

наступил, когда уже в пореформенной России началась повторная консервативная стабилизация политической системы архаичного абсолютистского режима. Во многом это стало возможным благодаря периферийному конфликту в Польше (1863–1864 гг.), который был спровоцирован, а затем довольно успешно использован верховной центральной властью в интересах самосохранения.

И можно лишь удивляться прозорливости М. А. Бакунина, который предвидел, что «русско-польский вопрос» будет играть ключевую роль в условиях «оттепели», реформ «сверху» и последующих возвратных «заморозков», инициированных правительством Александра II. «Этот вопрос для внешней жизни России,— констатировал мыслитель в самом начале 1859 г.,— то же, что вопрос о крестьянах и об эмансипации всех классов — для внутренней»[19].

Решение данной проблемы опальный политик считал приоритетным. «Освобождение Польши,— отмечал он еще в тюремных записках 1850 г.,— является также и освобождением России». По его мнению, «польский народ только в согласии с русским народом может освободить себя»[20]. Поэтому Бакунин всегда выступал за максимальное сближение с представителями польской национальной элиты. «Хотят они, не хотят,— считал русский политик,— *мы должны для нашего обоюдного спасения помириться, побратоваться*»[21] [выделено мной.— *В. Д.*]. Во всяком случае, все годы своего сибирского изгнания он руководствовался данным императивом последовательно и твердо.

«В Томске, в продолжение этого времени,— вспоминает М. А. Бакунин,— я успел познакомиться с несколькими замечательными людьми, возвращавшимися из ссылки на родину»[22]. Самые яркие впечатления в его памяти оставила беседа с другом декабриста М. С. Лунина — «патриархом польской свободы» Петром Высоцким. Взаимопониманию

тах политического процесса в России (идеология «Народного дела» 1860-х гг.) // Вопросы политологии. Сборник статей. – Вып. 4. – Барнаул: Изд-во Алт. госуд. ун-та, 2011. – С. 45–61.

19 *Бакунин М. А.* Материалы для биографии М. Бакунина / Под ред. В. П. Полонского. – Т. 1. – М.– Пг., 1923. – С. 11.

20 Материалы для биографии М. Бакунина / Под ред. В. П. Полонского. – Т. 1. – М.– Пг., 1923. – С. 11.

21 *Бакунин М. А.* Собрание сочинений и писем… 1935. – Т. 4. – С. 346, 371.

22 Там же. – С. 295.

между ними способствовал и тот факт, что Бакунин приходился близким родственником генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву-Амурскому, который защищал польскую диаспору ссыльнопоселенцев от притеснений со стороны местных жандармов. «Муравьев помирил нас, — передает М. А. Бакунин слова самого Высоцкого, — и с русскими и с именем Муравьева»[23]. Следует иметь в виду и «полонофильство» Бакунина, влиявшее даже на его личную жизнь. В 1858 г. он, как известно, породнился «с милым польским семейством» Квятковских[24]. Так что неудивительно, если знаменитый сибирский изгнанник все-таки сумел «убедить лучших и сильнейших из них в невозможности для поляков оторвать свою жизнь от русской жизни, а потому и в необходимости *примирения* с Россиею»[25] [выделено мной. — *В. Д.*].

Среди тех, с кем Бакунин сблизился и подружился сразу после своего переезда из Томска в Восточную Сибирь (начало 1859 г.), особый интерес представляют Агатон Гиллер и Генрих Краевский. Согласно биографическим справкам Ю. М. Стеклова и В. А. Дьякова, после своего возвращения на родину в 1860 г. оба они как представители Центрального национального комитета «партии красных» («Ржонд Народовый») участвовали в русско-польских переговорах (ноябрь 1862 г., Лондон). На них обсуждался план солидарных действий против репрессивной политики правительства Александра II[26]. «В Лондоне под председательством Бакунина, — сообщал Л. Бржзовский друзьям-эмигрантам в Париж, — было собрание членов Центрального Комитета Варшавского в квартире Зенковича, которое продолжалось с 20 по 23 ноября, оканчиваясь в час ночи». По сведениям автора письма, на этих самых переговорах М. А. Бакунин был избран *«главным секретарем Польского Центрального Комитета»*[27] [выделено мной. — *В. Д.*].

«Примирительная» идеология, которой руководствовался М. А. Бакунин в конце 1850-х – начале 1860-х гг., воспринималась лучше всего польскими «сибиряками» (так именуются недавние ссыль-

---

23 Там же. – С. 350.

24 Там же. – С. 367–368; подробнее см.: *Должиков В. А.* М. А. Бакунин и Сибирь… – С. 45–48.

25 *Бакунин М. А.* Собрание сочинений и писем… 1935. – Т. 4. – С. 368.

26 *Стеклов Ю. М.* Комментарии // *Бакунин М. А.* Собрание сочинений и писем… 1935. – Т. 4. – С. 579; *Дьяков В. А.* Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии. 1856–1865 гг.: Биобиблиографический словарь. – М.: Наука, 1967. – С. 39.

27 ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 63 (1). Л. 48.

нопоселенцы в документах III Отделения). «Тайною полицею было не однажды, а много раз доносимо, что так называемые Сибиряки, т. е. люди возвратившиеся из Сибири, — фиксируется в справке жандармского ведомства, — пользуясь именно по той причине особенным влиянием между революционерами <…>, принимают деятельное участие во всех выходках партии красных»[28]. А вот какими, например, словами раскрывает политический смысл своей деятельности в Варшаве 1860–1861 гг. один из молодых сибирских друзей М. А. Бакунина — Генрих Краевский: «Принимал я участие в делах общественных, — сообщает он 16 февраля 1862 г. в Прямухино, — не иначе как с разрешения правительства, получал его одобрение, в городе стал известен как *человек умеренный с примирительными наклонностями*»[29] [выделено мной. — *В. Д.*].

Не только на диаспору польских сибиряков была, конечно, сориентирована стратегия М. А. Бакунина тех лет. В «примирительном» духе он стремился влиять на различные группировки русской дворянской интеллигенции: начиная от сторонников М. Н. Каткова и почвенников–славянофилов и заканчивая конституционалистами-западниками, связанными с ним либо земляческими, либо родственными узами (А. М. Унковский, Н. А. и П. А. Бакунины). В особенности же эффективно концепт «примирения» был задействован в отношении лондонских «старых товарищей», т. е. А. И. Герцена и Н. П. Огарева, с авторитетным мнением которых тогда были вынуждены считаться либералы всех оттенков и даже министры из правительства Александра II. Тем более, идейные позиции М. А. Бакунина были понятны молодому поколению «кающихся дворян» (В. Ф. Лугинин, Л. И. Мечников, М. И. Михайлов, Н. А. Серно–Соловьевич и др.). Наконец, и во властных структурах имперской бюрократии существовала тогда влиятельная реформаторская группировка (Н. Н. Муравьев-Амурский, Н. П. Игнатьев, Н. А. Орлов и др.), представители которой в 1857–1862 гг. явно симпатизировали М. А. Бакунину.

В «примирительном» тоне выдержаны публицистические сочинения М. А. Бакунина, которые печатались за границей сразу же после его нашумевшего бегства из России. Среди них особое место занимает программная работа 1862 г. «Народное дело: Романов, Пугачев или Пестель?». В ней опальный политик убеждал импера-

---

28 ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 37. Ед. хр. 97. Л. 25 об.

29 РО ИРЛИ. Ф. 16. Оп. 9. Ед. хр. 157. Л. 29.

тора Александра II лично возглавить «земскую» освободительную «революцию „сверху“» в России[30]. Многим исследователям она кажется «странной», малопонятной. Очень жестко, например, эту брошюру критикует А. Янов. Прямолинейно сближая идейные позиции М. А. Бакунина, Ф. М. Достоевского и К. Н. Леонтьева, данный автор утверждает, что всем трем русским мыслителям якобы присуща «методология, которую уместно было бы определить как *реакционно-демократическую*» (?!)[31] [выделено мной. — *В. Д.*].

В период второй эмиграции (1862–1876 гг.) концепт компромиссного «примирения» у Бакунина трансформировался в идею «альянса», то есть согласия, достигаемого между субъектами политического процесса на основе взаимных уступок. «Отсюда следовал, универсальный по своей значимости факт, — отмечает Л. Г. Сухотина, — *не отчуждение и отрыв социальных структур, как и отдельных индивидов друг от друга, но их тесное взаимодействие обуславливают поступательный ход общественно-исторического процесса*»[32] [выделено мной. — *В. Д.*]. Действуя снова на европейской авансцене, чтобы найти адекватную сферу приложения собственных сил, на рубеже 1860-х — 1870-х гг. М. А. Бакунин заключал временные политические альянсы с близкими по духу радикальными социалистами и бунтарями-анархистами ряда стран Запада. Не был исключением из этого правила и К. Маркс. Взаимоотношения с ним Бакунин пытался также строить на основе «примирительного» компромиссного согласия. Подобная тактическая линия вполне соответствовала установке на блокирование с возможными союзниками в интересах «общего дела». Сблизившись со многими представителями западноевропейского анархизма и «пролетарского» коммунизма, к концу 1860-х гг. М. А. Бакунин уже в качестве признанного лидера левых радикалов континента возглавил входивший в состав I Интернационала Международный союз социалистической демократии (пресловутый «Альянс»).

---

30 *Бакунин М. А.* Анархия и Порядок… – С. 322–345; подробнее см.: *Должиков В. А.* М. А. Бакунин об альтернативных вариантах политического процесса в России… – С. 45–61.

31 *Янов А.* Три утопии (М. Бакунин, Ф. Достоевский и К. Леонтьев) // Двадцать два. – Москва – Иерусалим – Тель-Авив, 1978. Вып. 4. («Далет»). С. 208.

32 *Сухотина Л. Г.* Рец. на кн.: Н. М. Пирумова. Социальная доктрина М. А. Бакунина. – М., 1990 // Вопросы истории. 1992. – № 1. – С. 174.

Итак, если в 1837–1839 гг. своими публичными обращениями к императорской власти и дворянской общественности М. А. Бакунин предпринимал целенаправленную попытку инициировать внутриэлитное «примирение сверху», то позднее, в 1860-е гг., он был вынужден перейти на «низовой» уровень практической реализации концепта. В этот раз как политик он делал свой окончательный выбор, формулируя для авангардного меньшинства национальной элиты новаторскую идею «*сближения и примирения с народом*»[33] [выделено мной. — *В. Д.*]. Иначе говоря, отказываясь от идеи компромисса с абсолютистской верховной властью, он переходил к полному ее диалектическому отрицанию, пропагандируя альтернативный вариант гражданской общественной консолидации «снизу» при активном инициативном участии русского европеизированного «образованного класса» и с опорой на крестьянское трудовое большинство народа России.

Сидоров И. С. Спасибо! (*Аплодисменты*). Вопросы, пожалуйста.
Рябов П. В. Вячеслав Александрович, у меня — два вопроса в порядке оппонирования. Во-первых, вы употребляли слово «компромисс», говоря о 1830-х годах. Компромисс возможен между какими-то общественными субъектами, ведущими диалог или борющимися. Бакунин тогда был членом кружка Станкевича — философского направления. Примирение происходило у него в голове. Это — не компромисс. Была бы возможность для компромисса, если бы он общался с обществом, но общество никак не оформлено и не ведет никакой полемики. В данном случае это была гегельянская концепция. Так он понял тезис Гегеля о разумности действительного. Насколько здесь речь идет о компромиссе? Это — некоторая философская тема, которую тогда Бакунин так истолковал. Это — первый вопрос. И второй — по поводу 1860-х годов. Я процитирую примерно, наизусть… Вчера был прекрасный доклад о книжке Александра Корнилова. Там приводится письмо Бакунина к Герцену, которое он написал в сибирский период. Вы этот период тоже назвали «примирительным». Письмо, которое Бакунин переправил на Запад, написано в1860-е годы, но описывается в нем положение Бакунина еще в крепости. Он пишет: «Я потерял зубы, заболел цингой, я думал

---

[33] *Бакунин М. А.* Русским, польским и всем славянским братьям // Колокол. 1862. 15 февраля. – № 122–123. – Вып. V. – С. 1024; *Бакунин М. А.* Анархия и Порядок… – С. 335.

даже о самоубийстве, но стремился всей душой к одному: не примириться, сохранить святое чувство бунта». О каком же примирительстве Бакунина речь идет в период сидения в крепости и в период сибирской ссылки? Это — второй вопрос.

Должиков В. А. Что касается первого вопроса. О компромиссе. Да, по крайней мере, теоретическая возможность оставалась все равно. То есть попытка компромисса была, мне кажется. Диалог с обществом — может быть и внутренний. Теперь — о примирении. Оно тоже бывает разное. Примириться — это не значит полностью отказаться от убеждений. Все сложно. Да, сказал в заключении. Он так и этак поворачивается. Я считаю, что примирительная тенденция все-таки была. И не только в отношении императора, а и в отношении общественной деятельности. В тех или иных вариантах это присутствует. Давайте вспомним Маркса. Ведь не скажешь, что Маркс и Бакунин были враги. Они были и партнеры, были, как сиамские близнецы,— не разлей вода. Их нельзя разделить. Я считаю, что Маркса без Бакунина невозможно понять, а Бакунина — без Маркса. Люди и идеи во времени видоизменяются.

С места. А как вы смотрите на письмо Бакунина к Жорж Санд по поводу того, что Маркс назвал Бакунина русским агентом?

Должиков В. А. Ну и что? В полемике всякое бывает.

С места. Вы это примирением называете?

Должиков В. А. Я не отрицаю того, что Бакунин — принципиальный, что он — супер-революционер. Но натура его многогранна. В нем много чего можно найти — что угодно.

Сидоров И. С. Переходим к следующему докладу. Слово Жану-Кристофу Анго.

Жан-Кристоф Анго

Бакунин о революционной роли деклассированных

Я хотел бы в этом выступлении рассмотреть один из аспектов в работах Бакунина, который находит резонанс и в современном революционном движении,— ту революционную роль, которую он признает за социальными и национальными группами, на которые обычно не обращали внимания социалисты его времени и которые, в целом, игнорировались на протяжении истории марксизма. С социальной точки зрения, я имею в виду крестьянство, молодежь и преступные элементы, тех, кого марксизм обычно обозначал единой унизительной

категорией *люмпен-пролетариата* (то есть субпролетариата или пролетариата в лохмотьях), и тех, кого сам Бакунин называл деклассированными. С национальной точки зрения, это соответствует странам, в которых эти социальные слои представлены в значительной мере, а также это относится к странам, которые не совсем интегрировались в систему капиталистического господства.

Я решил рассмотреть Бакунина не столько как мыслителя и представителя теоретического анархизма, сколько как представителя революционного анархизма. Я имею в виду не только то, что Бакунин понимает анархию как свободную организацию общества, освобожденного от государства, как цель революции, но также то, что он рассматривает анархию как акт, который собственно и составляет сам революционный процесс. На самом деле, удивительно, что Бакунин никогда не пытался написать изложение своих политических и философских идей, которое существовало бы отдельно от практических нужд непосредственного момента, и что он посвятил большинство своих работ тому, чтобы найти революционный потенциал, который таила в себе та или иная историческая ситуация, с которой ему приходилось сталкиваться. Я считаю важным вернуться к этому аспекту теоретической деятельности Бакунина, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, в этот юбилейный год мне кажется важным избежать всякой канонизации этой поистине крупной фигуры исторического анархизма и, в особенности, избежать того, чтобы вырывать

Жан-Кристоф Анго

Я имею в виду не только то, что Бакунин понимает анархию как свободную организацию общества, освобожденного от государства, как цель революции, но также то, что он рассматривает анархию как акт, который собственно и составляет сам революционный процесс.

из его работ что-то похожее на оригинальную теорию общества, экономики, политической организации и т. д., так как все эти вещи там, без сомнения, очень сложно найти. Во-вторых, то, что Бакунин пишет о революционных процессах, мне кажется особенно интересным в случае, если мы пытаемся понять революционные или протестные движения, которые с различной силой потрясли разные части света в последние годы: «арабская весна», само название которой напоминает ту «весну народов» 1848 г., в которой Бакунин был одной из эмблематических фигур, а также движение «возмущенных» («Движение 15 мая») в Испании, «Оккупай» в США, политические протесты в России и совсем недавний общественный подъем на Украине.

Марксизм о классах и революции

Интересно попытаться прояснить наше понимание этих движений, исходя из того, что Бакунин писал о том, как он понимал революционный процесс, в том числе потому, что мы живем в эпоху, когда сложно разделять марксистскую теорию революции в различных ее вариантах. Последняя, кстати, была в значительной мере опровергнута теми формами, которые принимали упомянутые мною движения последних лет. Рискуя слишком упростить, излишне гомогенизировать и вследствие этого скрыть то, что могло бы еще быть интересным для нас в теориях Маркса, нужно сначала напомнить несколько основополагающих тем в рамках марксистских концепций революции и революционного субъекта, которые позволят нагляднее показать методом от противного оригинальность и плодотворность бакунинских концепций. Опять же, эти концепции могут быть реконструированы как в масштабе одной конкретной страны, то есть с точки зрения социальных классов, которые ее составляют, так и в международном масштабе, при рассмотрении стран, в которых, как считается, может произойти революция. Ясно, что первый метод рассмотрения определяет в значительной части (но не полностью) второй. Для Маркса и Энгельса, по крайней мере — со времен «Манифеста Коммунистической партии» (1847), история всего общества определяется борьбой за господство между социальными классами, которые его составляют. Это означает, что общества, которые не имеют классовой структуры, находятся вне истории и в них не может произойти революции без того, чтобы угнетенные классы свергли господство, которому они подчиняются. Разрыв, который все больше преобладает в истории обществ, поскольку эта история склоняется

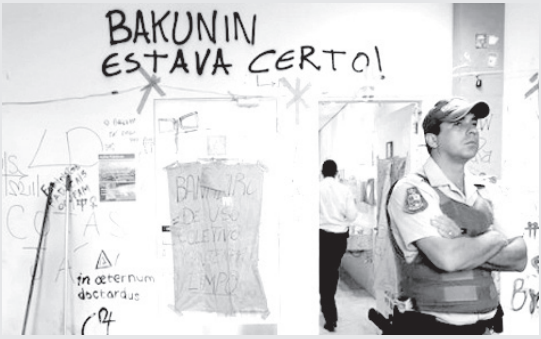
к триумфу капиталистического способа производства, разделяет собственников средств производства и тех, кто не имеет ничего, кроме своей рабочей силы, и кто поэтому вынужден ее продавать. Эта точка зрения опирается на прогноз, утверждающий, что промежуточные социальные классы будут все больше включаться в два основные класса, которые Маркс и Энгельс называют буржуазией и пролетариатом: например, независимые производители (мелкие ремесленники, торговцы, крестьяне) обречены в значительной степени влиться в ряды пролетариата, который является угнетенным классом и который может стать революционным субъектом. С международной точки зрения, признание этой исторической тенденции также имеет непосредственные последствия: естественно, у нас больше всего шансов встретить революционные движения с коммунистическими тенденциями в тех странах, где промышленный капитализм активно развился и где поэтому разрыв между буржуазией и пролетариатом становится структурирующим для общества.

Теперь нужно указать на несколько элементов, которые осложняют эту схему, а также подчеркнуть те политические проблемы, которые эта схема в себе несет. Во-первых, разделение общества на два антагонистических класса не совсем завершилось в тот момент, когда Маркс и Энгельс о нем писали; можно утверждать, что оно все еще не завершилось и сегодня в силу различных причин. На самом деле, сегодня все еще существует класс независимых производителей, будь то в ремеслах, торговле или сельском хозяйстве. Этот факт, который Маркс и Энгельс отчасти осознавали, заставлял их спрашивать себя, каким могло и должно быть политическое отношение к этим социальным группам, которые не интегрированы ни в буржуазию, ни в промышленный пролетариат. Но, помимо этого, дальнейшее развитие капитализма привело к возникновению социальных слоев, которые, по всей видимости, относятся к пролетариату или салариату и все-таки имеют при этом менее четкий статус, — это произошло из-за развития третьего сектора, а также сферы общественных услуг. Каков, например, статус студентов, учителей или всего интеллектуального пролетариата? Для всех этих слоев населения (возникающих или сопротивляющихся), которые могут, в конце концов, стать большинством по отношению к промышленном пролетариату в некоторых странах, возникает острая политическая проблема — должны ли они отказаться от революции, ожидая, что объективные условия, как говорится, «созреют»? Проблема также осложнена тем, что Маркс и Энгельс

констатируют существование деклассированного населения, которое они иногда называют *люмпен-пролетариатом* (или «пролетариатом в лохмотьях»), хотя этот слой включает в себя элементы из совершенно разных социальных сред (безработных, воров, сутенеров и т. д.).

Второй элемент, осложняющий эту общую схему, заключается в принятии в расчет национального фактора. По сути, хотя точка зрения, принятая Марксом и Энгельсом, начиная с «Манифеста», является по сути своей глобальной («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»), сохраняется проблема того, что, как это вскоре показали события 1848 г., революции продолжают возникать в национальных рамках. Маркс и Энгельс без колебаний поддерживают борьбу, которая стремится создать такие рамки (в Италии и, в особенности, в Германии), отстаивая идею о том, что создание национального централизованного государства, по необходимости, способствует взятию власти революционным пролетариатом. (Это — та же логика, которая позже заставит их в некоторых обстоятельствах поддерживать всеобщее избирательное право как способ прихода к власти пролетариата через посредство избирательных урн.) Таким образом, необходимо применить политический анализ в классовых терминах к ситуации в каждой стране, как Маркс, например, попытался сделать это в двух своих текстах, написанных сразу после французской революции 1848 г. («Классовая борьба во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»). В этом случае необходимо не прогнозировать, что революция в будущем принесет победу пролетариату над буржуазным господством, а предлагать анализ в классовых терминах той революции, которая происходит. Это то, что заставляет Маркса приписывать каждому классу или социальной группе предопределенное поведение: если соответствующее поведение дворянства, буржуазии и промышленного пролетариата подтверждает анализ, сделанный в «Манифесте», то в случае с крестьянством, представителями независимых профессий и, в особенности, теми, кого Маркс называет люмпен-пролетариатом, есть сложности в приложении этой схемы, увязывающей политическую позицию с принадлежностью к определенному классу.

Но принятие в расчет особенностей стран не ограничивается национальными рамками, в которых происходит революция, оно простирается до более широких геополитических соображений. Так же, как некоторые классы кажутся Марксу и Энгельсу обреченными быть помощниками реакции (крестьянство), выполнять ее грязную работу

«Бакунин был прав!»

Портрет Михаила Бакунина работы знаменитого художника-анархиста Флавио Костантини

(люмпен-пролетариат) или колебаться между буржуазией и пролетариатом (мелкая буржуазия), некоторые нации кажутся обреченными на то, чтобы не испытать демократической и социальной революции и быть в состоянии принять прогресс только извне или, если этого не происходит, поставлять войска для уничтожения демократических выступлений. Это становится очевидным, в частности, из ответа, написанного Энгельсом на «Воззвание к славянам» Бакунина в начале 1849 г.: единственный способ для славянских народов пережить экономическую и политическую модернизацию — это принять немецкое господство и распространение капитализма; не сделав этого, они будут всего лишь инструментами европейских монархических дворов, как это доказывает их призыв в российскую и австрийскую армии. Также очевидна идея, в соответствии с которой Германия должна быть передовым отрядом цивилизации в Центральной Европе в силу того, что капиталистическая современность находит свое выражение в ней, что только и может способствовать созданию класса пролетариата, несущего потенциал коммунистической революции.

Эта концепция отношений между классами и революцией создает, как минимум, три проблемы. Во-первых, она пропитана очень жесткой историософией, которая хочет, чтобы направление движения истории было ориентировано телеологически к окончательному триумфу коммунизма. Для того же, чтобы это пришествие могло прои-

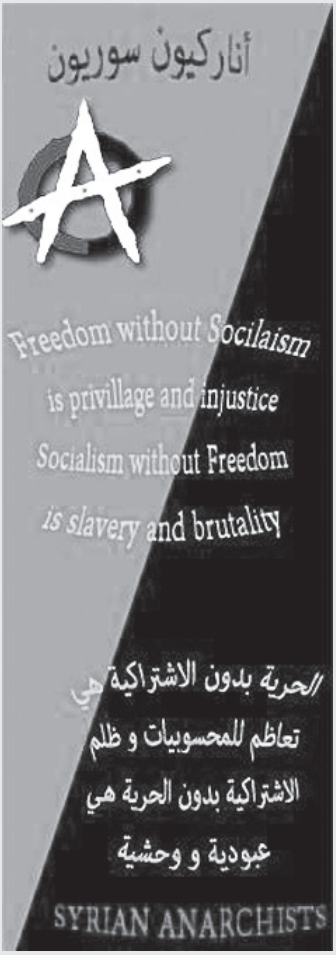
зойти, необходим капиталистический способ производства, так что все, что противоположно этому обязательному направлению истории, отвергается, в лучшем случае, как непродуктивная ностальгия и бесполезное и смешное сопротивление, а в худшем случае,— как объективная реакция.

Во-вторых, такая концепция является парализующей с точки зрения революционного действия: она не предлагает другой перспективы странам, которые сейчас переживают индустриализацию, кроме как ждать развития промышленного пролетариата и его организации в ходе самого процесса концентрации капитала с тем, чтобы объективные условия наконец созрели бы и революция стала возможна. Эта концепция не предлагает другой перспективы странам, которые не интегрированы в процесс индустриальной модернизации, кроме как подчиниться ей, чтобы участвовать в мировой истории. Иными словами, ее парадоксальный и очень деморализующий итог состоит в том, что она предполагает триумф капитализма (предположительно, временный).

В-третьих, как показывает эволюция Маркса от «Манифеста» до его текстов, посвященных революции 1848 г., такая концепция не может объяснить хода реальных революций (а не тех, о которых мечтают Маркс и Энгельс). То, что было верно для революций, которые случились на протяжении жизни этих двух авторов, также относится к тем, которые произошли после их смерти и о которых было заявлено, что они являлись «марксистскими» (в двух главных странах, которые объявляли себя марксистскими, преобладали крестьяне и батраки), и особенно верно для тех революций, которые мы видим сегодня.

Бакунин — от национального вопроса к социальному: статус крестьянства

Я попытаюсь теперь представить вам то, как Бакунин смог предложить альтернативную концепцию действующих сил в любом революционном процессе. Для этого я начну с того, что является постоянно присутствующим элементом на протяжении всего политического пути Бакунина, то есть с его приверженности революциям, которые затрагивали бы не только самые развитые страны, идущие по пути индустриальной цивилизации. Это действительно является одним из постоянных мотивов интереса Бакунина — он пытался задумываться об условиях революции, в особенности в России, но также, в более широком смысле, в обществах, которые в слабой степени были включены в систему промышленного капитализма. Эта озабочен-

«Свободны от догм. Еретики — всегда». Демонстрация Федерации анархистов Италии

Плакат сирийских анархистов с цитатой из М. Бакунина

Анархо-синдикалисты их НКТ и CNT-AIT и «Движение 15 мая» во время массовых выступлений протеста против новой программы сокращений и «жесткой» экономии в Испании

ность характерна не только для Бакунина, который никогда не переставал надеяться, что его родина когда-нибудь переживет революцию. Эта озабоченность также опиралась на осознание того факта, что значимость крестьянства в большинстве европейских стран заставляет революционеров принять в расчет его требования. Если нужно ждать, пока крестьянство изменится в ходе расширения капитализма, несколько поколений будут принесены в жертву этому процессу. Поэтому требование революции, которая была бы не только рабочей, является отказом от тактики ожидания (аттентизма). Когда миллионы людей страдают от угнетения, ни в коем случае нельзя ждать, пока социальные условия якобы созреют и позволят революции свершиться.

В первый период его революционной деятельности эта привязанность к демократической революции, которая не будет ждать капиталистического развития, проявлялась у Бакунина, чаще всего, в связи со славянским вопросом, особенно в период революций 1848 г. Эти революции были не только демократическими и рабочими выступлениями (как это было во Франции, Германии и Австрии), но также национальными выступлениями для реализации проекта политического объединения раздробленных наций (Германия и Италия) или для освобождения от империалистического господства (народы, подчиненные Австрии и России). Они сразу создали проблему соединения между разными революционными измерениями и риск инструментализации одного измерения в ущерб другим. Именно об этой проблеме говорится в «Воззвании к славянам» Бакунина, в котором он подчеркивает, что социальный вопрос (поскольку именно он создавал рабочее движение) мог быть использован консерваторами для противостояния революции или что национальные устремления славян могли быть использованы против стремлений немцев или венгров. Ясно, что единоличная попытка самого Бакунина соединить все эти составляющие революции 1848 года была неудачной и что он лично очень сурово поплатился за это восемью годами заключения в разных крепостях (1849–1857), а потом четырьмя годами ссылки в Сибири (1857–1861). Мне все-таки кажется, что эта неудача, какова бы ни была в ней роль химерических устремлений русского революционера, также должна оцениваться и как результат отказа подчиняться исторической необходимости.

Продолжая эти ранние попытки, Бакунин возвращается в конце 1860-х годов к своему поиску возможных условий революции в странах, которые являются все еще по преимуществу аграрными. Это касается славянских стран, но также и такой страны, как Италия.

В своем письме в редакцию брюссельской газеты «La Liberté» 29 августа 1871 г. он начинает с того, что признает запоздалое «развитие производства монополистического капитала» в Италии. Но это запаздывание не предотвращает, с его точки зрения, социальную революцию в этой стране, которая опирается на поддержку крестьянства, чьи антигосударственные настроения сильны. Два года спустя в заключительной части книги «Государственность и анархия» он развивает этот вопрос, критикуя исключительно рабочую ориентацию революции, которую замышляет Маркс и которая заставляет крестьян находиться под управлением рабочих: «если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, этому новому государству. Например, хотя бы крестьянская чернь, как известно, не пользующаяся благорасположением марксистов, и которая, находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом; или, если взглянуть с национальной точки зрения на этот вопрос, то, положим, для немцев славяне по той же причине станут к победоносному немецкому пролетариату в такое же рабское подчинение, в каком последний находится по отношению к своей буржуазии».

Если в 1840-е годы для Бакунина могло быть соблазнительным предложить аналогию между славянами и пролетариатом, в том смысле, что этот класс и эта нация последними приобретают свою политическую роль, а также, что этот класс и эта нация дальше всего идут в своей эмансипации, то в период, когда он занимал уже отчетливо анархистскую позицию, Бакунин всего лишь рассматривал с двух разных точек зрения один и тот же крестьянский вопрос. Внутри каждой нации диктатура пролетариата, так как он ее понимает, приведет, в конце концов, к диктатуре по отношению к крестьянству. Но поскольку некоторые страны — более аграрные, чем другие, она обязательно приведет к диктатуре самых развитых стран, в которых рабочий класс пришел к господству, над опоздавшими в развитии странами, где все еще преобладает крестьянство. Если все-таки есть элемент непрерывности между этими двумя периодами революционной позиции Бакунина, то он заключается в идентификации цивилизации с буржуазией и с теми странами, в которых она преобладает, в связи с чем появляются классы, не интегрированные в капитализм, а страны, в которых эти классы преобладают, представляют собой элемент варварства, которое может возродить цивилизацию.

Ответ Маркса на это обвинение, когда он о нем узнает, прочитав напрямую по-русски «Государственность и анархию», позволяет оценить разницу между тем, что он сам утверждает, и тем, что Бакунин ему приписывает, а также разницу, существующую между этими двумя авторами. Во-первых, Маркс отрицает, что крестьянство входит в пролетариат, кроме таких стран, как Англия, где преобладает капиталистическая эксплуатация земли и где крестьян заменили сельскохозяйственными наемными работниками. В связи с этим возможны три сценария в случае пролетарской революции. Первый — тот, который имел место во Франции: крестьянство объединяется с господствующими классами, чтобы остановить революцию. Для Маркса это — случай напомнить об исторически реакционной роли, которую играло крестьянство. Второй сценарий, который Маркс рассматривает более благосклонно, состоял бы для новой рабочей власти в том, чтобы принять меры, привлекательные для крестьянства с тем, чтобы убедить его перейти на сторону революции, но меры, которые «одновременно упрощают переход от частного владения землей к коллективному владению так, чтобы крестьянин сам дошел до него по экономическому пути»[1]. Последний сценарий — тот, который поддерживает Бакунин: отмена права наследования и упразднение больших землевладений с тем, чтобы раздать землю крестьянам. Для Маркса первая из этих мер имеет смысл только там, где сельские наемные работники уже заменили крестьянство; а вторая приводит к «укреплению мелкого землевладения» и поэтому следует быть против этой меры.

В отличие от бакунинского портрета Маркса, как человека, неискоренимо враждебного крестьянству, здесь видно, что оба автора согласны, по крайней мере, в одном: очень важно убедить крестьянство поддержать социальную революцию, а последняя не может произойти без «как минимум, благосклонного нейтралитета крестьянства». Они расходятся именно в вопросе о способе обеспечения благосклонности крестьянства. Бакунин считает, что лучший способ — это удовлетворить первоочередные нужды крестьян и возбудить несогласие в деревне, направив враждебность крестьян против крупных землевладельцев. Но более фундаментально они расходятся в вопросе о роли политики. Для Маркса переход от частного землевладения к коллективному подразумевает политическое вмешательство и меры, которые его обеспечивают. Для Бакунина, на которого,

---

1 *Marx / Bakounine*. Socialisme autoritaire ou libertaire. – T. 2. – Paris: UGE, 1975. – P. 376.

возможно, оказали влияние общинные структуры, преобладавшие в России, этот метод состоит в раздаче земли крестьянам, в сохранении от собственности как таковой только того факта, что личное владение землей позволит крестьянам свободно ассоциироваться между собой. И поскольку работа в кооперации более эффективна, чем изолированная работа, крестьяне, стремящиеся к заработку, незамедлительно объединятся в кооперативы. В противовес государственному волюнтаризму Бакунин предлагает спонтанное развитие социальных форм.

Однако Маркс выступает именно против слепого волюнтаризма Бакунина по отношению к славянским странам. Утверждая, что социальная революция возможна в славянских странах, Бакунин якобы совершает «глупую ошибку школьника», поскольку «радикальная социальная революция связана с особенными историческими условиями экономического развития, которые являются ее предпосылкой». Главное условие заключается в том, что «промышленный пролетариат занимает, по крайней мере, очень важное место в массе народа». Поскольку Бакунин отказывается принять в расчет эти условия, он «совершенно ничего не понимает в социальной революции»; отсюда же его резкое заключение: «*воля*, а не экономические условия являются базой социальной революции»[2]. Но можно также перевернуть эти аргументы и критиковать позицию Маркса как выжидательную. По мнению Бакунина, ожидать развития в славянских странах промышленного пролетариата, вызванного расширением капиталистического производства в деревне, значит допускать принесение в жертву нескольких поколений, что особенно тяжело, если принять в расчет нищету, которая сопровождает развитие городского пролетариата, например, во Франции и Англии. Тем не менее, эти критические записи не представляют собой последнего слова Маркса в этом вопросе, поскольку в конце своей жизни он все же смог представить себе, что социальная революция может произойти до того, как промышленный пролетариат займет преобладающее положение среди народа. Но эти поправки появятся именно по отношению к России[3]. Со своей стороны, Бакунин снова начал пропаганду, направленную на Россию, после 1868 года именно потому, что считал, что социальная революция там

---

2 Ibid. – P. 376–377 (выделено Марксом).

3 См. письма Маркса к В. Засулич и Н. Михайловскому (см.: *Marx K.*, Œuvres. – T. II. – Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade. – P. 1555–1557).

возможна. Эта деятельность не прерывалась на протяжении последующих лет и являлась важной частью его работ и переписки[4].

Разбойный мир, молодежь и деклассированные: внеклассовая революция

Более глубинно на последних страницах работы «Государственность и анархия» Бакунин расходится с Марксом в двух пунктах по вопросу о диктатуре пролетариата: с одной стороны, по поводу исторической роли рабочего класса, с другой стороны, но менее отчетливо, чем можно предположить, по поводу самого вопроса о диктатуре. Есть глубокое несогласие между Марксом и Бакуниным по отношению к революционному характеру того или иного социального слоя. По этому поводу Маркс всего лишь настаивает на необходимости возрастания роли промышленного пролетариата, что заставляет его отрицать со стороны крестьянства любую возможность революционной инициативы, а также отвергать низшие слои пролетариата, которые он уничижительно называет люмпен-пролетариатом или пролетариатом в лохмотьях. В нескольких текстах Бакунин нападает на это отрицание, которое он считает проявлением привязанности Маркса к буржуазной цивилизации. Какова бы ни была ценность этой критики, она показывает реальное несогласие между двумя авторами. Бакунин, например, объясняет в своем пространном письме Нечаеву от 2 июня 1870 г., что революционные активисты не могу игнорировать «мир бродяг, разбойников и воров, коренной в нашей народной жизни и составляющий один из ее главных феноменов». Разумеется, оговаривается Бакунин, «использовать мир разбойников как инструмент для народной революции <…> — сложное дело» и он признает, что люди его поколения и воспитания „на это не способны“ именно из-за своего воспитания, но чуть дальше он объясняет, что означает это революционное использование преступников:

«Идти к разбойникам не значит — самому сделаться разбойником и только разбойником, не значит делить с ними все их [неспокойные] страсти, бедствия, часто гнусные цели, чувства, действия; — но значит дать им новую душу и возбудить в них другую, всенародную

---

[4] См. два тома собрания сочинений Бакунина (Œuvres completes) издательства Champ Libre, посвященные связям Бакунина со славянскими странами. Один из них посвящен работе «Государственность и анархия» (т. VI), другой — отношениям с С. Нечаевым (т. V).

цель — у этих диких и до жестокости грубых людей натура свежая, сильная, непочатая и неистощенная и, следовательно, открытая для живой пропаганды, если пропаганда, разумеется, живая, а не доктринерская, посмеет и сумеет подойти к ним»[5].

Даже если такой проект имел в виду российскую социальную действительность, в нем можно увидеть источник часто встречающейся у Бакунина переоценки «народных низов». Начиная с 1868 года, Бакунин также выступает против тех революционеров, «которые так сильно привыкли к порядку, созданному высшей властью и имеют такой огромный страх перед тем, что им кажется беспорядком и что есть на самом деле искреннее и естественное выражение народной жизни, и которые еще до того, как возникает хороший и спасительный беспорядок, созданный революцией, уже мечтают о его окончании и усмирении с помощью действий какой-нибудь власти, которая является революционной только по названию». Революция же, напротив, должна определяться как «высвобождение того, что сегодня называется дурными страстями» и как «разрушение того, что называют, „общественным порядком"»[6].

Интерес, который Бакунин проявляет к уголовным элементам, которые могли бы воплощать негативную сторону революции, является частью его более широкого интереса к элементам, которые нереволюционны из-за своей принадлежности к определенному классу. Также можно заметить, что Бакунин осторожно сопротивляется пролетаристскому стремлению части Интернационала, которая высказывалась против вступления работников умственного труда в эту организацию. Хотя этот отказ от вступления в Интернационал элементов, не принадлежащих к рабочему классу, отстаивали делегаты, которых Бакунин недолюбливал (в особенности, правого прудониста Толена), он признавал, что это рабочее недоверие исходит из социалистического инстинкта пролетариев, потому что действительно «очень сложно выходцу из буржуазии честно хотеть всех условий и всех последствий справедливости и равенства». Но Бакунин в неменьшей степени выступает против несправедливости того, что он считал предрассудком[7], что позволяло ему выдвинуть на первый план рево-

---

5 Œuvres completes… T. V. P. 115–116.

6 Programme et objet de l'organisation révolutionnaire des Frères internationaux (automne 1868). P. 4.

7 Другой предрассудок, против которого выступает Бакунин, касается богатства:

люционный характер элементов, которые не принадлежат в полном смысле слова к рабочему классу: крестьян, субпролетариата, молодежи и деклассированных.

Так, по поводу Италии он отмечает, что рабочие ассоциации начинают избегать мадзинистского влияния, разворачивают политические вопросы в свою сторону и «внутренне усваивают социалистические идеи». Следовательно, чтобы Интернационал мог основательно укрепиться на Апеннинском полуострове, «не хватает только инициаторов, сеятелей и именно их нужно подготавливать». Для этой цели Бакунин рассчитывает на элементы образованной молодежи, которые ушли от своего социального круга:

«Сегодня в Италии существует огромная масса людей, родившихся в буржуазном классе, которые не нашли себя в служении государству, не могут найти себе места ни в промышленности, ни в торговле, и потому полностью лишены своего места и дезориентированы.

Они затронуты духом века, они устали от созерцания мистической красоты Данте и величия Древнего Рима, они в массе своей становятся свободомыслящими к вящему неудовольствию Мадзини. От свободомыслия до социализма всего один шаг и надо помочь им его сделать»[8].

Именно эту точку зрения отстаивают многочисленные обращения, которые Бакунин адресует к итальянской молодежи, а также к разночинной и образованной молодежи России[9]. Подобное отстаивание важности политической роли молодежи, возможно, отражает жиз-

---

«Так что давайте не будем клеветать на богатство, это условие нашей человечности, и без него мы не смогли бы достичь какого-либо прогресса. Что деморализует, так это скопление богатства в привилегированных и *обязательно праздных* руках, а также положение, когда материальные, интеллектуальные и моральные удовольствия не сопровождаются трудом или превышают количество, интенсивность и стоимость этого труда». (см.: Œuvres completes… T. I. P. 263) В своем «Обращении» (L'Adresse), написанном в феврале 1872 года, он возвращается в тех же терминах к теме участия в Интернационале элементов, происходящих из буржуазной среды. (см.: Œuvres completes… T. III. P. 74–75).

8 См. также письмо к Франческо Мора от 5 апреля 1872 года: «В Италии есть то, чего не хватает в других странах: горячая, энергичная молодежь, *не имеющая места в жизни, без карьеры, находящаяся в тупике*, которая несмотря на свое буржуазное происхождение не исчерпала себя морально и интеллектуально, как буржуазная молодежь других стран» (выделено Бакуниным).

9 «Несколько слов к молодым братьям в России». *Quelques paroles à mes jeunes frères en Russie* (septembre 1869)//Le socialisme libertaire. Paris: Denoël, 1973. P. 205.

ненный путь самого Бакунина, молодого дворянина, который оставил армию, карьеру чиновника, отказался заниматься семейным имением, предпочтя философию, а затем жизнь революционера. Проекты Бакунина, касающиеся молодежи, основаны на констатации того, что все бóльшая часть этой молодежи не находит своего места в обществе и, следовательно, готова подвергать сомнению весь социальный порядок. Один фрагмент «Политической теологии Мадзини» определяет роль молодежи по отношению к пролетариату:

«Окунитесь в народ, живите вместе с ним, живите для него. Откройте свое сердце его несчастьям и боли, смотрите на него не как на необходимый инструмент для реализации ваших политических идей, но как на конечную цель ваших усилий. Научитесь любить и уважать его, поймите, что вам еще многое нужно взять от него. В обмен на идеи, которые вы ему принесете, он даст вам жизнь. Из союза вашей мысли с его врожденным инстинктом родится народная жизнь».

Бакунин здесь представляет революционную роль итальянской молодежи аналогично тому движению, которое начинает распространяться и в русской молодежи и чьему развитию он немало способствовал,— движения, которое заключалось в «хождении в народ»[10]. Нужно не убеждать молодежь становиться рабочими или крестьянами, как это делала часть протестующей молодежи во Франции после мая 1968 года. Необходимо, наоборот, чтобы произошла встреча между жизнью и теорией, между народными инстинктами, которые единственные несут в себе социальную жизненность, и их формулированием. Для Бакунина эта встреча не является ни для одной из этих двух групп более выгодной, чем для другой, поскольку она позволяет и народу высказать свои стремления, и молодежи участвовать в «живом и ныне набирающем силу движении подлинного народного освобождения». Обращение Бакунина к русской молодежи включает следующую рекомендацию: «Покиньте эти университеты, эти академии и школы, в которых нет ничего, кроме того, что отделяет вас от народа. Идите в народ. Там вы найдете свое дело, свою жизнь, свою науку». Но эта рекомендация не означает, что студенты должны сами превратиться в работников физического труда, потому что то, что нужно понять «внутри этих масс с руками, загрубевшими от работы», заключается как раз в том, как можно «служить делу народа». По этому поводу

---

[10] Ibid. –P.210: «*Союз этой молодежи с народом — вот залог торжества народа*» (выделено Бакуниным.)

Бакунин утверждает уже в 1869 г. по отношению к России ту роль, которую он также придает два года спустя итальянской молодежи:

«Братья, поймите, что образованная молодежь не должна быть ни хозяином, ни защитником, ни благодетелем, ни диктатором по отношению к народу, но только акушером его спонтанного освобождения, объединителем и организатором всех народных сил. <…> Официальная наука должна погибнуть вместе с миром, который она объясняет и который она поддерживает; замените ее новой наукой, разумной и живой после победы народа на фундаменте освобожденной от оков народной жизни»[11].

Образованная молодежь, действительно, представляет собой теорию, даже если народнические и нигилистские тенденции приводят к ее исключению из университетов, в то время как народ — воплощение практики, спонтанного развития социальной жизни вне зависимости от какой-либо теории. Единственное объединение, которое тогда возможно между теорией и практикой, могло бы заключаться в том, что образованная молодежь выражала бы стремления пролетариата и вносила вклад в разработку этой живой социальной науки, которая бы честно отражала спонтанную экономическую и социальную эволюцию. Этот способ служить народу или пролетариату не ставит образованную молодежь позади пролетариата, при условии, что стремления, которые она выражает, не являются смертоносными желаниями, которые иногда имеет народ.

Настойчивость Бакунина в вопросе о революционном направлении образованной молодежи, субпролетариата и крестьянства подвергает сомнению марксистскую схему, утверждающую, что разделение общества на классы превращает борьбу между этими классами в двигатель исторического развития. Она особенно интересна для нас сегодня. Несомненен тот факт, что значительная часть населения имеет высокий уровень образования и не может найти своего места в обществе. Это составляет очень мощный фактор революции. Действительно, в Египте и Тунисе это были, в том числе, образованные молодые люди из средних классов, переживавших кризис, они спровоцировали падение основанных на произволе и коррупции режимов. Это сближает анализ Бакунина с тем, который предложили в 1960-е годы Маркузе и ситуационисты по поводу того, возможна ли все еще революция, если современный капитализм, как кажется,

---

[11] Ibid. –P.210–211.

представляет собой интегрирующую машину, а промышленный пролетариат, особенно в лице своих политических и профсоюзных организаций, отказался от намерения ниспровергнуть капиталистическое господство. В работах Бакунина, действительно, присутствует изобличение тенденции к обуржуазиванию некоторых частей рабочего мира, тенденции, которую нужно понимать не столько в социальных, сколько в политических терминах: обуржуазивание здесь означает принятие правил игры буржуазной демократии. В то же время существование все более широких социальных групп, которые не интегрированы в игру переговоров, выборов, поиска работы, составляет один из факторов революции. Но не нужно никогда забывать, что появление этих групп также связано с тем, что государство во всех странах характеризуется все более хищническим поведением: хотя революция может превратиться в праздник, она никогда не вспыхивает из-за веселых вещей. (*Аплодисменты*).

Сидоров И. С. Есть ли вопросы? Нет. Тогда слово — Павлу Ивановичу Талерову.

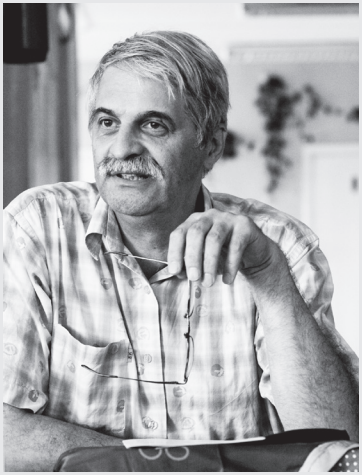
Талеров П. И.

И. С. Книжник-Ветров — сподвижник П. А. Кропоткина, исследователь М. А. Бакунина

Иван Сергеевич Книжник-Ветров (1878–1965) сегодня — уже позабытый историк, но и при жизни о нём знал весьма ограниченный круг лиц. Тем не менее, нужно признать, что он был писателем, оставившим значительное научное литературное наследие[1]. Один только его фонд

---

[1] См.: *Зегжда Н А.* Список научных печатных работ Ивана Сергеевича Книжника-Ветрова. — Л., 1960. В списке, отражающем период с 1902 по 1947 гг.,— 373 публикации, основная часть которых — статьи — приходятся на предреволюционные и послереволюционные годы (до начала 1920-х гг.). Из крупных работ (книг и брошюр): «Смысл пьесы Горького “На дне”: Криминальные намеки в пьесе “На дне” (Одесса, 1903), «Анархизм, его теория и практика» (СПб.,1906), «Очерк социальной экономии с точки зрения анархического коммунизма» (1908), «Общедоступное учение о праве» (СПб., 1906), «Ливадия и ее герои: [Полит. реплики]» (Berlin, 1903), «Речи к гражданам обновленной России о текущем моменте» (Пг., 1913), «Подготовка к Учредительному собранию» (Пг., 1913), «Новая Россия и евреи: Книжка религ. -ист. для солдат, рабочих и крестьян и для духовенства всех религий» (Пг., 1917), «Пётр Лаврович Лавров: [Его жизнь и деятельность]» (М., 1930), «А. В. Корвин-Круковская (Жаклар) — друг Ф. М. Достоевского»

Павел Талеров

В архивном фонде Дома Плеханова мною обнаружены гранки большой статьи «М. А. Бакунин и Парижская коммуна 1871 г. (По новым материалам)»,. так и не увидевшей свет. Всем известно, что Бакунин не принимал непосредственного участия в Парижской коммуне… Тем не менее влияние бакунинских анархических идей на весь ход парижских событий весной 1871 г. было более, чем значительным.

№ 352 в Доме Плеханова (Отдела рукописей Российской национальной библиотеки) насчитывает более 1740 единиц хранения. А есть ещё отдельные документы в фонде № 668 Рукописного отдела Пушкинского дома (ИРЛИ). К сожалению, многое, что было написано Иваном Сергеевичем, так и осталось неизданным, хотя автором предпринимались неимоверные усилия публиковаться. Причин отказам было несколько, главная из которых — суровая сталинская цензура и жёсткая советско-партийная идеология, не допускавшая каких-либо отклонений от генеральной линии. Даже в эпоху «хрущёвской оттепели» консервативные партийные кадры ставили заслон пробивающимся «чужакам». Нельзя, по-видимому, сбрасывать со счетов и негласно существовавший антисемитизм, и непролетарское мелкобуржуазное происхождение…

Чем же может быть интересен Книжник-Ветров нашему современнику? Последние годы жизни Иван Сергеевич посвятил написанию мемуаров, небесталанно по крупицам описав свой непростой жизненный путь, совпавший с самыми трагическими страницами истории

(–М., 1931), «Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской коммуны. Е. Л. Дмитриева, А. В. Жаклар, Е. Г. Бартенева» (–М.–Л., 1964) и др. Кроме того, И. С. Книжник-Ветров подготовил к печати избранные сочинения П. Л. Лаврова на социально-политические темы в серии Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев «Классики революционной мысли домарксистского периода» (М., 1934; вышло 4 тома из намеченных 8 томов] и двухтомник избранных произведений П. Л. Лаврова «Философия и социология» (М., 1965).

нашей страны XX века. Эти воспоминания, озаглавленные автором «Записки восьмидесятилетнего», так и остались в рукописях. Не смог Иван Сергеевич и защитить докторскую диссертацию, в которой исследовал историю участия русских революционеров в западноевропейском революционном движении: в I Интернационале и Парижской коммуне, хотя защита кандидатской, подготовленной на архивных материалах о жизни Елизаветы Дмитриевой, в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена в 1945 г. прошла вполне успешно.

Прожил Иван Сергеевич долгую и удивительную жизнь. В интернетовской «Википедии» можно прочитать далёкие от полноты и достоверности общие сведения о биографии Книжника-Ветрова, по-видимому, большей частью взятые из статьи В. В. Кривенького в известной энциклопедии «Политические партии России конца XIX — начала XX вв.». Проблемы начинаются уже с имени нашего героя. Настоящее его имя-отчество — Израиль Самуилович[2] (отца звали — Книжник Самуил Александрович, мать — Хазан Ита Шабсовна). Родился 7 (20) июня 1878 г. в бедной многодетной еврейской семье кустаря-переплётчика[3] (никак не «бедного» раввина) в г. Ананьеве Херсонской губернии (после революции город стал относиться к Одесской области). Иваном Сергеевичем Израиль Самуилович стал после крещения в Петрограде в 1915 г. и женитьбе на православной Аристовой Марии Никитичне (1890 г. р., родом из г. Короче Курской губернии). После этого Иван Сергеевич в своих анкетах стал указывать себя русским, хотя в конце 1940-х однажды в пресловутой 5-й графе «национальность» написал «еврей».

Казусом стало упоминание в биографиях, будто бы его настоящая фамилия — Бланк. А «Википедия» даже поёрничала, ссылаясь в рубрике «Курьёзы» на описанный в «Книжном обозрении» 1980-х гг. случай: когда Книжник «нашёл в „Словаре псевдонимов" И. Ф. Масанова своё настоящее имя — Израиль Самойлович Бланк, он высказал своё искреннее недоумение: он давно привык считать себя русским человеком». К сожалению, автор заметки не стал докапываться до сути, которая, как оказалось, лежала на поверхности: фамилией Бланк Книжник воспользовался в начале XX в., когда был заграницей, где занимался революционной деятельностью на полулегальном положении. Тем не менее, полиции эта его деятельность была хорошо извест-

---

2 И ни Самойлович, ни Соломонович, как описáлись биографы.

3 Отсюда, по-видимому, и пошла фамилия «Книжник».

на и в соответствующих отчётах, поступающих от агентов в Россию, писалась как его подлинная фамилия, так и по паспорту, по которому он тогда жил[4].

Действительно, И. С. Книжник-Ветров крайне удивился (если не сказать — возмутился), увидев такой казус в словаре у Масанова[5] да ещё и в «Летописи жизни и творчества А. М. Горького»[6]. Всё это подвигло Ивана Сергеевича обратиться с письмом к директору Института мировой литературы с просьбой исправить ошибку: «Я жил в эмиграции в 1905–1909 гг. по паспорту Бланка. Покойный Масанов на этом „основании" приписал мне в 1-м томе „Словаря псевдонимов" эту фамилию. Но в 3-м томе это недоразумение исправлено в ‚дополнениях'[7], а у Вас этого не заметили. Прошу Вас в 4-м томе „Летописи" поместить заметку, исправляющую эту ошибку. Моя фамилия Книжник, старейший псевдоним — Ветров, с 1930 г. я подписываюсь Книжник-Ветров»[8]. И на самом деле, в 4-м выпуске «Летописи» (С. 720) такое исправление было сделано.

Иван Сергеевич, подписывая свои статьи, пользовался многими псевдонимами: Сергей Верусин, Андрей Кратов, И. Надеждин, И. Исаев, И. В., «бывший юрист», «интеллигент из народа» и др. Но ближе других ему был «И. Ветров». Интересную историю этого литературного псевдонима, органично затем вписавшегося и в саму фамилию историка, можно узнать из заметки исследовательницы Н. А. Зегжды[9]. Взял этот псевдоним Книжник после того, как 19-летним впечатлительным юношей узнал о произошедшей 8 февраля 1897 г. в Петербурге трагедии и последовавшими за ней событиями. Мария Федосеевна Ветрова, курсистка Высших женских курсов, активно участвовала в работе подпольной Лахтинской типографии, после разгрома которой летом 1896 г. была арестована и после безу-

---

4 ГАРФ. Ф. 102. ДП-ОО. Оп. 1908. Ед. хр. 12. Т. 1. Ч. 2. Л. 237 (ссылка любезно предоставлена Д. И. Рублёвым).

5 *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. В 4-х т. – Т. 1. – М., 1956. – С. 238.

6 Летопись жизни и творчества А. М. Горького. – Вып. 3. 1917–1929. – М., 1959. – С. 63 (запись от 7.01.1917 о статье Книжника «Интеллигент из народа» о Горьком в газете «Правда»).

7 *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов… – Т. 3. – М., 1958. – С. 357.

8 ОР РНБ, Дом Плеханова. Ф. 352. Ед. хр. 1643. Л. 6.

9 *Зегжда Н. А.* История одного псевдоним*а* // Смена (Л.). 1958. 24 апреля. – № 96. – С. 2.

спешных допросов в Доме предварительного заключения переведена в одиночную камеру Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Тяготы тюремного пребывания, постоянные унижения со стороны жандармов, глубокий психологический стресс привели, в конечном счёте, к нервному срыву — Мария опрокинула на себя керосиновую лампу и через четыре дня мучений скончалась от ожогов. Об этом происшествии стало известно в студенческой среде, и по всей стране прокатились выступления против властей, известные как «ветровские демонстрации».

В августе 1897 г. И. Книжник стал студентом историко-филологического факультета Киевского университета св. Владимира и с этого момента «поклялся неустанно бороться против царского самодержавия и всех его гнусностей и решил сохранить для этой борьбы имя Ветровой в качестве псевдонима». Имя девушки связывалось у него «с могучим и вольным ветром революционной борьбы, который веял над всей страной»[10].

В студенческие годы И. Книжник овладевал не только знаниями научных дисциплин (а с 1898 г. он учился ещё и на юридическом факультете), но и методами протестных движений в студенческой среде, что, в конечном счёте, завершилось арестом и заключением в Лукьяновскую тюрьму[11] в Киеве в феврале 1902 г. и высылкой в мае того же года на родину под надзор полиции. И здесь он нашёл себе общественную работу, организовав социалистический кружок среди народных учителей и земских служащих. Вместе с тем, благодаря ходатайству одного из профессоров Киевского университета, Книжнику удалось сдать экстерном экзамены за университетский курс юрфака и получить диплом о высшем образовании.

Социалистическую пропаганду И. Книжник не оставил даже тогда, когда его, в связи с началом войны с Японией, осенью 1904 г. призвали на военную службу и послали в Кишинёв в 14-ю артиллерийскую бригаду. Правда, уже в октябре он, предупреждённый о грозящем аресте и военном суде, бежал за границу. В Париже Книжник примкнул к группе анархистов-коммунистов П. А. Кропоткина, вёл агитацию среди рабочих-эмигрантов, участвовал осенью 1907 г. в из-

---

10 Там же.

11 Интересный эпизод об И. Книжнике этого времени можно прочитать в воспоминаниях О. Пятницкого (см.: *Пятницкий О. А.* Записки большевика. Изд. 5-е. – М., 1965. – С. 31–32.

вестном съезде анархистов-коммунистов в Лондоне, работал в редакции «Листков „Хлеб и воля"», о чём подробно поведал в 1922 г. в «Красной летописи»[12]. Свои воспоминания И. Книжник завершил панегирически: «Уверен, что и моё поколение и ближайшие два–три, чем более будут знать Кропоткина и дело его жизни, тем более будут его любить и ценить»[13].

В феврале 1909 г. Книжник приехал в Петербург для ведения революционной анархической работы, но уже 22 марта был арестован, как выяснилось позже, по доносу небезызвестного Д. Богрова, убившего впоследствии П. А. Столыпина. Более того, паспорт, по которому И. Книжник нелегально вернулся в Россию, предоставил ему как раз тот же Дмитрий Богров[14]. Сосланный на три года в Тобольскую губернию, Книжник столкнулся с совершенно далёкими от социализма анархистами-экспроприаторами, взгляды и действия которых разочаровали его в идеологии анархизма.

Об этом И. С. Книжник-Ветров написал в своей автобиографии 1934 г.[15]. Год написания говорит сам за себя, если вспомнить этот сложный исторический период, предшествующий особо жёстким сталинским репрессиям, не обошедшим стороной и героя настоящей статьи[16]. А вот сочувствие к анархистским идеям и к их носителям ещё долгое время оставалось в душе Ивана Сергеевича. Интересовался он и взглядами Л. Н. Толстого, его анархо-христианскими взглядами. Но серьёзного увлечения, судя по воспоминаниям, так и не возникло. Ещё в эмиграции толстовцы в своём парижском журнале «Ere Nouvelle» («Новая эра») опубликовали доклад о русском анархизме, с которым Книжник-Ветров выступал в рабочем кружке. Этот до-

---

12 *Книжник И. С.* Воспоминания о П. А. Кропоткине и об одной анархистской эмигрантской группе (Страница из истории нашего революционного движения)// Красная летопись. 1922. – № 4. – С. 28–51.

13 Там же. – С. 51.

14 Запись офицера охранки донесения Д. Богрова от 27 марта 1908 г.: «Ветров в России, внутренний паспорт его на имя Розенблюма выдан в Красноярске 15 ноября 1906 г., еврей» (см.: *Струмило Б.* Материалы о Дм. Богрове // Красная летопись. 1923. – № 9. – С. 185; *Книжник И.* Воспоминания о Богрове, убийце Столыпина // Красная летопись. 1923. – № 5. – С. 287–294).

15 ОР РНБ, Дом Плеханова.– Ф. 352. – Ед. хр. 1. – Л. 25–27.

16 И. Книжник был арестован 23.09.1938 г. в связи с несуразным обвинением в подготовке покушения на И. В. Сталина, но после почти годового следствия 17.08.1939 г. был освобожден и реабилитирован (см.: РНБ, Дом Плеханова. – Ф. 352. – Ед. хр. 1626. – Л. 1).

И. С. Книжник-Ветров (1878–1965)

П. А. Кропоткин (1842–1921)

Календарь с портретом Михаила Бакунина. 1992 г.

клад тогда же был перепечатан в итальянских и немецких анархистских журналах. А в Петербурге толстовцы «по недоразумению»(как высказался сам автор) выпустили в 1906 г. в своём издательстве «Обновление» брошюру И. Ветрова «Анархизм, его теория и практика», которая как резюмировала изученную автором литературу на эту тему, так и включала его впечатления от встреч с анархистами разных толков. На этом издании тогда, по словам В. Г. Черткова, настоял Пётр Прокофьевич Картушин, который когда-то сидел вместе с Книжником в киевской тюрьме[17].

Надо сказать, с анархистами и толстовцами Книжник активно знакомился и общался в эмиграции в Париже, когда около года посещал народный университет 14-го округа французской столицы и когда работал в группе анархистов-коммунистов П. А. Кропоткина. Кроме входивших в эту группу российских эмигрантов М. И. Гольдсмит, В. И. Фёдорова-Забрежнева, И. С. Гроссмана-Рощина и др., Ветров познакомился тогда и с зарубежными анархистами Ж. Гравом, А. Дюпуа, Д. Гильомом, М. Неттлау, а также с известными поэтами и сторонниками религиозного социализма, мистицизма, символизма Д. С. Мережковским, Д. В. Философовым, Н. М. Минским, К. Д. Бальмонтом, А. Белым и др. В эти и последующие годы И. С. Книжник явно находился в состоянии идейного поиска (если не сказать — идейных метаний и разочарований[18]), стараясь утвердиться, найти своё место, в разношёрстном, раздираемом противоречиями русском обществе начала XX в.

Вернувшись в 1912 г. в Петербург из ссылки, Книжник стал посещать заседания Религиозно-философского общества. С детства впитавший религиозные предрассудки своей семьи, он, по его собственному признанию, присоединил затем к ним «идеалистические философские и религиозные предубеждения, воспринятые на лекциях профессоров Г. И. Челпанова и князя Е. Н. Трубецкого в Киевском университете и от чтения философских сочинений Вл. Соловьева

---

17 ОР РНБ, Дом Плеханова. – Ф. 352. – Ед. хр. 170. – Л. 56, 58.

18 Известный советский диссидент-советолог М. С. Агурский, защитивший в Иерусалимском университете диссертацию об И. С. Книжнике-Ветрове («A Millenarian pilgrim's progress trough the Russian revolution. Ivan Knizhnik-Vetrov: Jew, Religious Anarchist, Catholic, Bolshevik, Historian»), такой эпитет дал своему герою этого времени: «любопытный, но ещё не признанный религиозный искатель» (см.: Великий еретик (Горький как религиозный тип) // Вопросы философии. – М., 1991. – № 8. – С. 58).

и Бергсона»[19]. Вместе с тем, вряд ли можно считать временные увлечения Книжника религиозными теориями, обсуждаемыми в РФО, серьёзными: в его статьях, заметках и записках этого периода можно услышать нотки скептицизма и разочарования в религии, так же как и в отношении толстовства, и анархистского коммунизма. Так, побывав на собрании РФО 15 декабря 1912 г., он написал в газету «Речь» заметку под заголовком «Борьба за религию», в которой критически описал обстановку, сложившуюся в Обществе: доклад И. Д. Холопова был длинён, изобиловал цитатами, и публика, слушая его, изрядно скучала. Оживление вызвали прения, в которых выступили Е. П. Иванов и Д. С. Мережковский, обвинившие докладчика «в рационализировании того, что иррационально», но по существу ничего докладчику не возразили и даже «не постарались помочь публике понять его». Такая обстановка подвигла Книжника резко высказаться в отношении РФО: было проведено шесть заседаний, но «в пёстром чередовании докладов нет плана и связи. На каждом собрании вся деятельность общества начинается как бы с самого начала и ничем за вечер не кончается». В борьбе за религию, по мнению автора, РФО «только топчется на одном месте». Занятия в Обществе «могли бы много выиграть в основательности и продуктивности своего влияния на русскую интеллигенцию», делает вывод автор, при «некоторой планомерности в чередовании докладов и при более внимательном отношении к каждому докладу в отдельности»[20].

В 1916 г. Книжника призвали на военную службу и зачислили нестроевым писарем околотка в 178-й запасной пехотный полк, дислоцирующийся в Старой Руссе. К 1917 г. Иван Сергеевич всё больше симпатизирует большевикам, активно пропагандируя социализм среди солдат. После Февральской революции его посылают от полкового комитета делегатом в Петроградский совет, и уже Октябрьский переворот он принимает с большим энтузиазмом и почти с первых дней начинает сотрудничать в газете «Правда», публикуя статьи с поддержкой новых властей в их кардинальных преобразованиях российского общества. Как пропагандист с большим стажем практической деятельности, он активно включается в распространение и воспитание коммунистического мировоззрения среди народа. В послужном спи-

---

19 Цит. по: *Книжник-Ветров И. С.* Три встречи с Горьким // Вестник молодых ученых (Серия: Филологические науки). 2000. – № 8. – С. 78.

20 Речь. 1912. 19 декабря. – № 348. – С. 4.

ске Книжника в первые послереволюционные годы — заведывание отделом народного образования в Петроградском райсовете, работа в Петроградском пролеткульте, в котором он возглавлял литературно-научный отдел, был членом редакции журнала «Грядущее», организовывал студию пролетарских писателей[21]. Одновременно читал курс политграмоты и курс «Основы коммунизма и Советской конституции» в школе красных командиров, в студиях Пролеткульта, в рабочих клубах, с осени 1922 г. преподавал историю рабочего движения в Военно-хозяйственной академии, затем — в Петроградском гос. университете и в комвузе имени Сталина, короткое время в 1925-м был директором Института книговедения, а по общественной линии активно работал в Петроградском научном обществе марксистов на должности председателя ревизионной и библиотечной комиссий. И, вместе с тем, писал и помещал свои статьи в различных газетах и журналах: «Книга и революция», «Юный пролетарий», «Красная газета», «Красная летопись» и др. Несколько раз Книжник, изживая в себе «мелкобуржуазную стихию философского идеализма и мистицизма»[22], подавал заявление в партию, но всякий раз ему отказывали из-за прошлого увлечения анархизмом. Но, как высказывался сам Иван Сергеевич, он считал себя «непартийным» большевиком. Вместе с тем его дочь Любовь (1919 г. рождения) состояла в ВКП (б).

В 1925 г. Книжник-Ветров, по его словам, «вплотную приступил к научной творческой работе», собирая разнообразные сведения о деятелях I Интернационала и Парижской коммуны в архивах и иностранной прессе. Этой теме он посвятил остальные 40 лет своей жизни. Он публиковал статьи и новые материалы о П. Л. Лаврове, Е. Л. Дмитриевой, Луизе Мишель, о супругах Жаклярах, о Е. Г. Бартеневой и др. Дополненная ещё в 1958 г. этими материалами вышеупомянутая защищённая кандидатская диссертация вышла только после вмешательства директора Института истории АН СССР В. М. Хвостова в 1964 г. в виде монографии «Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской коммуны. Е. Л. Дмитриева, А. В. Жаклар, Е. Г. Бартенева». Интересный факт: после выхода этой книги внучка Бартеневой, про-

---

21 Некоторые эпизоды этой работы освещены в диссертации: *Левченко М. А*. Поэзия пролеткульта: Идеология и риторика революционной эпохи: Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. филол. наук / РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб., 2001.

22 Цитата из очередного заявления — от 9 апреля 1943 г. (ОР РНБ, Дом Плеханова. – Ф. 352. – Ед. хр. 1. – Л. 37 об.).

живающая в Москве, передала автору некоторые личные архивы, среди которых были воспоминания её бабушки о М. А. Бакунине. И. С. Книжник расшифровал рукопись, подготовил машинописные копии, но так и не успел издать эти весьма интересные мемуары о знаменитом русском анархисте-бунтаре[23].

В том же архивном фонде Дома Плеханова мною обнаружены гранки большой (около 3,5 п. л.) статьи «М. А. Бакунин и Парижская коммуна 1871 г. (По новым материалам)»[24], подготовленной к печати ещё в далёком 1929 г., но так и не увидевшей свет. Всем известно, что Бакунин не принимал непосредственного участия в Парижской коммуне, уйдя к этому времени в тень революционной деятельности из-за неудачи возглавлявшегося им Лионского восстания в сентябре 1870 г. Тем не менее, влияние бакунинских анархических идей на весь ход парижских событий весной 1871 г. было более, чем значительным. На основе скрупулёзного анализа разнообразных опубликованных и архивных материалов Книжник делает целый ряд интересных выводов. В частности, говоря о том, что хотя и трудно было определить расстановку сил между представителями различных партийных группировок среди деятелей Парижской коммуны, «влияние Маркса, Прудона и Бланки не могло быть значительным <…> среди парижских рабочих». Вместе с тем автор пытается «рассеять некоторые традиционные представления о Бакунине как анархисте, противопоставив им фактические справки о том, как он относился к рабочему классу и к политической деятельности накануне Коммуны, как он представлял себе задачи социальной революции, почему не удовлетворялся деятельностью I Интернационала, хотя и высоко ценил его; почему считал себя обязанным создать новую международную организацию „Альянс“, как он относился к крестьянству и, наконец, в чём заключались своеобразные особенности „анархизма“ Бакунина, позволявшие ему относиться положительно к деятельности „революционного государства“, каким была Парижская коммуна». И, наконец, в заключение автор приходит к выводу, который накануне 1930-х гг. в СССР вряд ли мог быть обнародован: «по иронии истории, оказалось, что от имени Генерального совета заявил о своей солидарности со всеми

---

23 Эти воспоминания публикуются в Приложениях к настоящему сборнику.

24 На полях первого листа гранок карандашом написано: «Звезда № 8» — возможно, что именно для этого журнала планировалась публикация. Один лист в гранках (с главой «Бакунин, как анархист») отсутствует.

актами Коммуны, поставил ей величайший памятник, дал ей наилучшую оценку и анализ её деятельности не Бакунин, бывший её вдохновителем, а Маркс, который считал её до её возникновения „безумием отчаяния“. История оказалась в данном случае справедливой, ибо Бакунин ничему от Парижской Коммуны не научился, а Маркс извлек из её анализа новые полезные уроки для пропаганды пролетарской революции на основах научного коммунизма»[25].

Перед самой войной И. С. Книжник-Ветров работал в Ленинграде в Архиве Октябрьской революции старшим научным сотрудником и заведующим библиотекой и читальным залом. В августе 1941 г. учреждение было «свёрнуто» из-за войны и только через год (с 16 сентября 1942 г.), пережив самую страшную блокадную зиму, Книжник получил работу в Библиотеке Академии наук СССР в качестве старшего библиотекаря. Здесь же и в той же должности стала работать и его супруга — Мария Никитична, которая до войны работала товароведом на тюлевой фабрике им. Самойловой.

Уже в весьма солидном возрасте (в 1949–1950 гг.) И. С. Книжник-Ветров сделал неудачную попытку на материалах своих многолетних изысканий защитить докторскую диссертацию на тему «Первый Интернационал, Парижская коммуна и русские революционеры — их участники. Очерки и материалы о мировом влиянии марксизма в 1860-е годы». Два объёмных тома он послал в один из московских вузов (МГПИ им. В. И. Ленина), откуда получил разгромную рецензию и отказ в допуске к защите. Попытки апеллировать в ВАК также не принесли успеха[26].

С 1909 г. и до последних своих дней И. С. Книжник-Ветров жил в Петербурге — Петрограде — Ленинграде. После ссылки Иван Сергеевич жил в Петербурге на снимаемых квартирах (один из его адресов: Фурштатская ул., 9, кв. 37), с 1914 г. до начала 1920-х гг. располагался с семьёй в Доме писателей на наб. р. Карповки, 19, затем переехал на ул. Красных Зорь (позже — пр. Кирова, ныне — Каменностровский пр.), дом 26–28, кв. 96. Последний адрес, куда, по-видимому, перебрались в годы войны, — в том же районе: Кронверкская ул., 23/59, кв. 28.

В настоящем докладе автор не ставил перед собой задачи подробно, досконально рассказать о позабытом учёном, историке или просто о человеке с интересной судьбой, но хотел привлечь внимание

---

25 ОР РНБ, Дом Плеханова. – Ф. 352. – Ед. хр. 449. – Л. 2 и посл.

26 ОР РНБ, Дом Плеханова. – Ф. 352. – Ед. хр. 133.

не только к нему, но и к его научному наследию, которое ждёт своего скрупулёзного исследователя.

Сидоров И. С. Спасибо, Павел Иванович! (*Аплодисменты*). Вопросов, я вижу, нет. Тогда переходим к заключительному докладу нашей конференции — на тему, которая у нас, ни разу не звучала. Олег Семенович Сафронов, пожалуйста!

Сафронов О. С.

Вопросы истории первобытного общества в трактовке М. А. Бакунина

Взгляды Бакунина на проблемы всеобщей истории до сих пор оставались неизученными. Между тем, знакомство с его литературным наследием свидетельствует о большом внимании, которое он уделил всемирной истории.

Выступая против государственной власти, Бакунин интересовался вопросами генезиса государства; являясь противником любого государства, включая средневековое, он внимательно изучал историю крепостнического государства и католицизма; неоднократно пытаясь вызвать революцию, он с большим воодушевлением исследовал роль и значение капиталистических революций.

Его привлекали к себе эпохи первобытного общества, Средневековья и, конечно, Нового времени. Ознакомление Бакунина

Олег Сафронов

Истоком, подтолкнувшим Бакунина к решению данной проблемы, стали труды Ж. Ж. Руссо. Напомним, что первобытный мир трактовался французским просветителем как золотой век, период полной свободы человека. Бакунин, проводя с ним заочный диспут, напротив, был убежден, что первобытный период был периодом рабства человека.

с передовой исторической мыслью Европы содействовало формированию у него прогрессивных взглядов на проблемы всемирной истории.

Проблемы первобытного общества занимают в осмыслении проблематики всемирной истории в трудах Бакунина большое место. В периодизации исторического процесса Бакунина эпоха первобытного общества, называется им фазой «животности или естественного рабства». Именно в этом времени Бакунин искал ответы на вопросы, послужившие базисом для его дальнейшего анализа всемирно-исторического процесса.

Как появился человек? Когда сформировалось общество? Какова роль религии в процессе генезиса государства? Как возникло государство? Эти вопросы истории первобытного общества были для Бакунина базисными, смыслообразующими.

Проблемы первобытного общества изложены Бакуниным, в основном, в произведениях «Федерализм, социализм и антитеологизм», «Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке», «Протест Альянса», «Письма о патриотизме».

Проблему антропогенеза Бакунин решал, исходя из посылки о необходимости освобождения человека от рабства природы.

В традиции революционной исторической мысли России именно Бакунину принадлежит приоритет в постановке проблемы антропогенеза. Бакунин придерживался материалистической парадигмы и, в отличие от тогдашней официальной науки, которая, по инструкции Министерства духовных дел и народного просвещения, должна была показывать, как человечество появилось от Адамы и Евы, решал данную проблему в свете теории Ч. Дарвина. Бакунин писал: «Ибо человек, по своему происхождению, если не прямой потомок гориллы, то двоюродный брат, его [т. е. процесс исторического развития. — *О. С.*] начал с глубокой ночи животного инстинкта, чтобы постепенно достичь света разума. Это нам вполне объясняет все его прошедшие нелепости и утешает нас отчасти в его настоящих заблуждениях»[1]. Однако, как человекообразная обезьяна стала человеком?

Истоком, подтолкнувшим Бакунина к решению данной проблемы, стали труды Ж. Ж. Руссо. Напомним, что первобытный мир трактовался французским просветителем как золотой век, период полной свободы человека. Бакунин, проводя с ним заочный диспут, напротив,

---

[1] *Бакунин М. А.* Федерализм, социализм и антитеологизм // *Бакунин М. А.* Избранные сочинения в 5 тт. – П.– М.: Голос труда, 1920. – Т. 3. – С. 159.

был убежден, что первобытный период был периодом рабства человека, полной зависимости от природы. Первоначально этот человек-обезьяна отличался от своих сородичей только большей свирепостью, жестокостью и прожорливостью. В работе «Письма о патриотизме» (1869 г.) Бакунин писал: «Вначале человек, это всеядное животное, жил подобно другим животным, плодами и овощами, охотой и рыбной ловлей. В продолжении многих веков, без сомнения, человек охотился и ловил рыбу так, как это делают и ныне животные, т. е. без помощи других орудий, кроме тех, которыми его одарила природа»[2].

Однако, в отличие от других животных, он обладал разумом. Благодаря таким элементам разума, как мышление и познание, человек-обезьяна стал открывать впервые законы природы. «Мышление есть сущность Духа, — считал Бакунин, — через мышление человека <…> Сознание отделяет человека от животного, для которого нет объекта»[3]. Но мышление само по себе не могло освободить человека-обезьяну от гнета природы. Вторым элементом, по мнению Бакунина, способствующим освобождению человека от угроз природы и приведшим к переходу от человека-обезьяны собственно к человеку, стал сознательный труд. Бакунин считал, что труд присущ и животным. Этот животный труд проявлялся в деятельности животных по обеспечению своей жизни, т. е. в добывании себе пропитания, сохранении потомства и т. д. Но человек, обладающий разумом, превратил животный труд в сознательный труд. Бакунин писал: «Кроме того, это знание законов, направляющих развитие естественных явлений, примененное к его мускульному, первоначально чисто инстинктивному или животному труду, позволяет ему постоянно извлекать пользу из этих же самых естественных явлений и всех вещей, совокупность которых составляет внешний мир, который первоначально был столь враждебен ему, но который затем благодаря этой научной краже в конечном счете мощно способствует осуществлению его цели»[4]. Человек стал превращать разрушительные явления природы в созидательные. Ветер, разрушавший жилища, стал молоть зерно; огонь, убивавший

---

2 *Бакунин М. А.* Письма о патриотизме // *Бакунин М. А.* Избранные сочинения в 5 тт., – Т. 4. – С. 107.

3 РО ИРЛИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 18. Л. 6.

4 *Бакунин М. А.* Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке // *Бакунин М. А.* Избранные философские сочинения и письма. – М.: Мысль, 1987. – С. 385.

все живое во время пожара, стал обогревать пещеру, обрабатывать пищу, отгонять диких зверей и т. д.

Но сознательный труд, по мнению Бакунина, отличается от животного труда не только наличием мышления. Потребовался еще и третий элемент, способствующий освобождению от рабства природы, — это инструменты деятельности, т. е. орудия труда. Человек не только эпизодически использовал камень или палку, как обезьяна, но стал постоянно ими работать и усовершенствовать их. Бакунин писал: «В первый раз, как он воспользовался самым грубым орудием, простой палкой или камнем, он совершил акт мышления и выказал себя, разумеется, нисколько этого не подозревая, животным мыслящим — человеком. Ибо даже самое простое орудие должно соответствовать намеченной цели и, следовательно, пользование им предполагает известную сообразительность ума, которая существенно отличает человека-животного от всех других земных животных. Благодаря этой способности мыслить, обдумывать, изобретать, человек усовершенствовал, правда очень медленно, в продолжении многих веков, свои орудия, и, превратился в охотника или вооруженного дикого зверя»[5].

В целом, по мнению Бакунина, разум, сознательный труд и орудия труда, в процессе борьбы против рабства природы, превратили человека-обезьяну в настоящего человека. Однако, считал Бакунин, решение проблемы антропогенеза, понимаемое им как избавление от внешнего рабства, не освобождает человека полностью. Разум, освободивший человека от внешнего рабства, одновременно привел к внутреннему рабству, тесно связанному с проблемой социогенеза.

Проблема социогенеза важна для Бакунина, поскольку он отрицал тождественность общества и государства. Он был убежден, что общество и государство — это совершенно разные явления, имеющие различные цели и интересы. Истоком для решения данной проблемы послужили взгляды Ж. Ж. Руссо, Г. Гегеля.

В традиции революционной исторической мысли России Бакунин продолжил анализ проблемы социогенеза, начатый декабристами П. И. Пестелем[6] и Н. И. Тургеневым[7]. Для решения проблемы социогенеза в интерпретации Бакунина сначала следует понять логику его мышления. Первый период исторического процесса, называемый

---

5 *Бакунин М. А.* Письма о патриотизме … – С. 107.

6 *Пестель П. И.* Русская Правда. – СПб., 1906. – С. 1.

7 *Тургенев Н. И.* Опыт теории налогов. – М., 1937. – С. 7.

Бакуниным эпохой «животности или естественного рабства», понимался им как время зависимости человека от природных условий жизни. В этот период жизнь человека была под угрозой внешних по отношении к нему факторов, таких как холод, голод, пожар, наводнение, хищники и т. д. В понимании Бакунина это означало зависимость от природы или, как он говорил, «естественное рабство». Поэтому главным смыслом человеческой деятельности в эту эпоху должно было стать освобождение от природного рабства. Бакунин писал: «Значит, этот мир или эту внешнюю природу человек, оснащенный способностями и свойствами, которыми его одарила всеобщая природа, может и должен победить, может и должен побороть; рожденный в первоначальной квазисовершенной зависимости от внешней природы, он должен, в свою очередь, покорить ее и отвоевать у нее свою собственную свободу и свою человечность»[8].

Проводя сравнение Бакунина с Н. К. Михайловским, уделившим в своем творчестве большое внимание проблемам первобытного общества, мы находим определенное сходство только при выделении ими первобытного периода в отдельную стадию развития человечества, только Бакунин называл этот период эпохой «естественного рабства», а Н. К. Михайловский стадией — «объективного антропоцентризма». Однако, если Бакунин понимал данный период как время полной зависимости человека от природы и, соответственно, видел необходимость борьбы за освобождение от нее, то Н. К. Михайловский понимал его сущность как объединение интересов индивидуальностей, расцвет принципа солидарности и коллективистского сознания. «Все члены его занимаются одними и теми же делами,— писал Н. К. Михайловский,— обладают одними и теми же сведениями, имеют одни и те же нравы и обычаи»[9]. Для Н. К. Михайловского в это время существуют условия, при которых личность может развиваться целостно и всесторонне[10]. Бакунин, напротив, говорит о крайне тяжелых для человека обстоятельствах жизни и, соответственно, об отсутствии условий для свободного развития личности.

Бакунин начинает решать проблему социогенеза, исходя из посылки, что мышление, развитое человеком в процессе борьбы про-

---

8 *Бакунин М. А.* Философские рассуждения о божественном призраке… – С. 384.

9 *Михайловский Н. К.* Полное собрание сочинений: В 10 т. – Т. 1. – СПб., 1906. – С. 48.

10 Там же.

тив внешнего рабства, приводит к осознанию личностью наличия в себе животного и духовного начал. Животное начало, т. е. физические, умственные и нравственные рудименты, доставшиеся человеку от его предка человека-обезьяны, Бакунин называл внутренним рабством. Бакунин писал: «Это иго представляется ему сначала в форме его несовершенств и слабостей или даже его индивидуальных как телесных, так и умственных и нравственных болезней; затем в более общей форме своей дикости или своей животности»[11].

Почему Бакунин считал, что мышление приводит к осознанию личностью наличия внутреннего рабства? Он полагал, что мышление проявляется не только в виде обобщения конкретных явлений, приводящего к открытию законов природы, но и в виде отвлечения, посредством которого человек получает возможность посмотреть на себя со стороны. «Поскольку есть разум,— писал Бакунин,— способный отвлечься от своего собственного тела и своей собственной личности и рассматривать ее как внешний объект, человек, постоянно побуждаемый присущей его существу потребностью, применяет тот же способ, тот же метод для изменения, для исправления, для совершенствования своей собственной природы. Он представляет собой естественное внутреннее иго, которое человек также должен сбросить»[12]. Человек начинает осознавать себя как личность и оценивать себя. Оценивает же себя он с точки зрения, возникшей, под влиянием сознательного труда и коллективного развития социальной среды, человечности. Следует обратить внимание на появление в логической цепочке рассуждений Бакунина социального фактора. Получается, по мнению Бакунина, что общество способствует генезису внутреннего рабства. Бакунин писал, что внутреннее рабство возникает «перед лицом своей человечности, поскольку последнее осуществляется в нем поступательно посредством коллективного развития его социальной среды»[13].

Как же бороться с внутренним рабством? Бакунин считал, что для этого необходимо использовать науку, познающую естественные законы, т. е. законы мировой причинности. Науку, по его мнению, следует использовать в двух направлениях — индивидуальном и социальном развитии. Под индивидуальным развитием Бакунин понимал

---

11 *Бакунин М. А.* Философские рассуждения о божественном призраке… – С.386.

12 Там же.

13 Там же.

физическое, интеллектуальное и нравственное самосовершенствование личности. Под социальным развитием он подразумевал постепенное усовершенствование социальной организации. Бакунин писал: «Чтобы победить это внутреннее рабство, у человека нет также никакого иного средства, кроме науки о естественных законах, которая направляет его индивидуальное и его коллективное развитие, а также приложение этой науки как к его индивидуальному воспитанию (гигиеной, гимнастикой своего тела, своих чувств, своего ума и своей воли и посредством разумного образования), так и к постепенному преобразованию социального порядка»[14].

Важно, что общество у Бакунина не только является одним из факторов, породившим внутреннее рабство, и не только одним из способов освобождения от него, но и третьим видом рабства человека. Бакунин писал: «он [человек. — *О. С.*] освобождается от тройного ига, которое ему навязывают сначала внешняя природа, затем его собственная природа и, наконец, общество, продуктом которого он является»[15].

В отличие от П. И. Пестеля, Н. И. Тургенева, которые решали проблему социогенеза в рамках концепции Общественного договора, Бакунин критикует ее. Он отрицает тезис Ж. Ж. Руссо, согласно которому общество возникло лишь на определенном этапе исторического развития из соединения разрозненно бродящих дикарей. Бакунин писал: «Большой ошибкой со стороны Ж. Ж. Руссо было предположение, что первобытное общество было основано посредством свободного договора, заключенного дикарями между собой»[16]. Также он считал ошибочным тезисы теологов, гегельянцев и натуралистов. Бакунин писал: «Большинство современных юристов и публицистов, из школы Канта или из всякой другой индивидуалистической и либеральной школы, не признающие ни общества, основанного на божественном праве теологов, ни общества, определяемого гегелианской школой как более или менее мистическую реализацию объективной морали, ни первобытно-животного общества натуралистов, берут volens nolens и за неимением другого основания, — за свою исходную точку молчаливый договор»[17].

Бакунин не может принять эти точки зрения, так как они узаконивают приоритет государства над обществом, т. е. над свободой. Ведь

---

14 Там же.

15 *Бакунин М. А.* Философские рассуждения о божественном призраке… – С. 387.

16 *Бакунин М. А.* Федерализм, социализм и антитеологизм … – С. 184.

17 Там же. – С. 184.

М.А. Бакунин. Фото 1869 г.

сообразно теории Общественного договора появление общества фактически означало возникновение государства, т. е. общество и государство тождественны. Бакунин писал: «Согласно этой теории, стало быть, человеческое общество начинается лишь с заключения договора. Но тогда что такое это общество? Это чистое, логическое осуществление договора со всеми его предначертаниями и законодательными и практическими следствиями, — это Государство»[18].

На самом деле, считал Бакунин, человек является общественным существом, поэтому человеческое общество довольно долго существовало без государства. Ведь общество — это органическая форма существования человечества. Оно возникло естественным путем из природы так же, как и физический, химический, растительный, животный и другие миры. Бакунин писал: «Поскольку, следовательно, базис человека, рассматриваемого как индивид, представляется, таким образом, полностью животным, базис человеческого общества также не мог бы быть иным, как животным. Но так как разум человека-индивида — это прогрессирующий разум, организация этого общества также должна быть прогрессивной»[19]. Следует пояснить, что Бакунин

---

[18] Там же. – С. 185.

[19] *Бакунин М. А.* Философские рассуждения о божественном призраке… – С. 387.

понимал природу как всемирную совокупность взаимосвязей и причин, которая порождает миры и проявляет себя в этих мирах. Бакунин писал: «Разумеется, объясненная таким образом мировая взаимосвязь не может иметь характера абсолютной и первой причины; напротив, она — лишь равнодействующая, постоянно порождаемая и заново воспроизводимая одновременным действием бесконечного числа частных причин, совокупность которых как раз составляет мировую причинность, сложное единство, постоянно воспроизводимое неопределенной совокупностью бесконечных превращений всех существующих вещей и в одно и то же время порождающее все эти вещи; при этом каждая точка воздействует на целое (в этом состоит производный характер мироздания) и целое воздействует на каждую точку (в этом мироздание проявляет себя как производитель и творец)»[20].

Общество, считал Бакунин, прошло в своем развитии ряд этапов. За критерий развития он взял экономический фактор, т. е. использовал хозяйственную деятельность первобытных людей. Первая форма общества, по его мнению, заключалась в групповой деятельности охотников. Бакунин писал: «Достигши этой первой ступени цивилизации, маленькие группы людей, естественно, могли питаться с большей легкостью, убивая живые существа, не исключая людей, тоже служивших им на пищу, чем животные, лишенные орудий охоты и войны»[21]. Использование усовершенствованных орудий труда, развитие мышления, памяти, улучшение способов охоты привело к демографическому росту. По мнению Бакунина, животные, в условиях резкого роста численности, не могут найти себе новые источники пропитания, вследствие чего происходят мор, голод, эпидемии и другие естественные бедствия, регулирующие количество животных. Но человек, в отличие от животных, обладает разумом. Поэтому, столкнувшись в первый раз с проблемой обеспечения пропитанием возросшего населения, человек начинает думать и замечает, что животных можно не только сразу убить, но и выращивать, разводить. Это открытие приводит ко второй форме общества — скотоводческой. Бакунин писал: «Но благодаря этой драгоценной способности, позволяющей ему познавать, размышлять и понимать, человек может перешагнуть чрез эту естественную грань, останавливающую развитие всех других животных пород. Когда естественные источники истощились, он создал искусственные.

---

20 Там же. – С.345.

21 *Бакунин М. А.* Письма о патриотизме… – С.107.

Пользуясь не своей физической силой, но превосходством своего ума, он начал не просто убивать животных, чтобы их немедленно пожрать, а подчинять их, приручать, и как бы воспитывать, чтобы сделать пригодными для своих целей. И таким образом, на протяжении веков еще группы охотников превращаются в группы пастухов»[22].

Скотоводческая форма общества, по мнению Бакунина, резко повысила шансы людей в борьбе за выживание. Соответственно, это выразилось в росте численности населения. Вновь возникла естественная преграда, состоящая в необеспеченности пропитанием возросшего населения. Но человек уже знал, что в данной ситуации надо использовать разум и искать новые способы обеспечения питания. Поэтому постепенно человек перешел к третьей форме общества — земледелию. Бакунин писал: «Этот новый источник пропитания, естественно, еще умножил человеческую породу, что привело ее к необходимости создать новые средства к поддержанию жизни. Когда эксплуатация животных стала недостаточной, люди стали эксплуатировать землю. Таким образом, бродячие и кочевые народы обратились на протяжении многих других веков в народы земледельческие»[23].

В целом, по мнению Бакунина, общество как совокупность людей-обезьян, возникло еще в животном мире. Но в дальнейшем, по мере превращения человека-обезьяны в человека разумного, животное общество перевоплощалось в человеческое. Общество как социальная форма прогрессивно развивалась, пройдя охотничий, скотоводческий и земледельческий этапы.

В трактовке эволюции социальных форм Бакунин существенно расходился с Н. К. Михайловским, уделившим в своем творчестве большое внимание проблемам первобытного общества. Н. К. Михайловский считал, что вначале «в ту неизмеримо далекую от нас пору личность утопала отнюдь не в семье (как думает Тэн), и даже не в такой определенной общественной единице, как русская община, горский род или цыганский табор, а в чем-то таком, чему мы и имени не знаем. Это было нечто вроде стада»[24]. В дальнейшем, по мнению В. В. Блохина, Н. К. Михайловский считал, что стадо сменилось родом и племенем[25].

---

22 Там же. – С. 108.

23 Там же. – С. 108.

24 *Михайловский Н. К.* Полное собрание сочинений… – Т. 1. – С. 488.

25 *Блохин В. В.* Историческая концепция Николая Михайловского. – М.: Пробел-2000, 2001. – С. 137.

Совсем иначе, чем Бакунин, решал проблему социогенеза представитель юридической школы историографии Б. Н. Чичерин. Под обществом он понимал «совокупность частных отношений между людьми, подчиняющимися общей политической власти»[26]. Соответственно определению, с распадом родовых отношений образуется бесформенная масса и только посредством государства образуется единство, т. е. общество[27].

Представляется, что, в то время как Б. Н. Чичерин фактически подменял общество государством, Бакунин, с естественно-исторической позиции проводил различие между ними. В то же время, эволюция социальных форм показана Бакуниным только с экономической точки зрения, а Н. К. Михайловский применил лишь социальный критерий. Думается, что применение обоих критериев позволяет более полно увидеть развитие социальных форм.

Проблема генезиса государства особенно сильно волновала Бакунина, так как именно государство мешает реализации смысла существования человечества, т. е. процесса очеловечивания, движения по пути освобождения от рабства во всех его проявлениях к свободе личности в свободном обществе.

В российской революционной мысли Бакунину принадлежит приоритет в постановке проблемы генезиса государства. Эта проблема заинтересовала Бакунина в 1830-е гг., когда он изучал философию в кружке Станкевича. В 1836 году Бакунин пишет работу «Древняя история» по книге Геерена «Руководство всеобщей истории». В данном произведении Бакунин обращает внимание на государство. Он приходит к выводу о решающем влиянии на возникновение государства насилия и завоевания[28].

В 1860-е гг. Бакунин выделяет ряд факторов, приводящих, в конечном счете, к генезису государства. Это — борьба за существование, инстинкт власти, социальная апатия народных масс, естественное развитие форм общества. На его теорию повлияли взгляды Ч. Дарвина, Ж. Ж. Руссо, Г. Спенсера, Г. Гегеля.

Бакунин, в свете дарвиновской теории, признавал борьбу за существование, которая проявлялась не только в животном мире, но и среди людей. В работе «Протест Альянса» (1870) он писал: «Эта борьба между людьми началась с людоедства; потом, продолжаясь в течение

---

26 *Чичерин Б. Н.* Курс государственной науки. – М., 1894. – Ч. 2. – С. 2.

27 *Чичерин Б. Н.* Философия права. – М., 1900. – С. 309, 317.

28 РО ИРЛИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 41. Л. 5 об.

веков под различными религиозными лозунгами, она последовательно прошла,— и иногда даже как бы возвращаясь к своему первоначальному варварству,— через все формы рабства и крепостничества»[29]. Однако, в отличие от социал-дарвинистов, считавших закон борьбы за существование одинаково главным, как у животных, так и среди людей, он по-разному оценивал влияние этого закона на общественную сферу в зависимости от периода исторического процесса. В частности, во время естественного рабства борьба за существование, по его мнению, имела ярко выраженный животный характер. Бакунин писал: «Рассматриваемый с такой точки зрения естественный мир представляет нам губительную и кровавую картину ожесточенной и непрерывной борьбы, борьбы за жизнь. Не только человек вынужден бороться: все животные, все живые существа, да что там говорить,— все существующие вещи, несущие в себе, как и человек, хотя и более или менее видимым образом, зародыш своего собственного разрушения, или, если можно так сказать, своего собственного врага — ту самую естественную фатальность, которая их порождает и вместе с тем сохраняет и разрушает,— все они борются против него, причем каждая категория вещей, каждая растительная и животная разновидность живет только тем, что уничтожает все остальные; одно пожирает другое таким образом, что, как я уже сказал в другом месте, „естественный“ мир может рассматриваться как кровавая бойня, как мрачная трагедия, порождаемая голодом. Он представляет собой постоянное поле беспощадной и непрестанной борьбы»[30]. Однако в период цивилизации борьба за существование проявляется в двух видах. Первый олицетворяет гнет буржуазии над наемными работниками, а второй выражен в угнетении личности со стороны государства. Бакунин писал: «В настоящее время она происходит двояким образом: в виде эксплоатации наемного труда капиталом и в виде политического, юридического, гражданского, военного, полицейского угнетения государством и государственною официальною церковью, продолжая вызывать всегда во всех личностях, рождающихся в обществе, желание, потребность, иногда необходимость повелевать другими и эксплоатировать их»[31].

---

29 *Бакунин М. А.* Протест Альянс*а* // *Бакунин М. А.* Избранные сочинения в 5 тт.– Т. 5. – П.–М.: Голос труда, 1921. – С. 6.

30 *Бакунин М. А.* Философские рассуждения о божественном призраке… – С.353.

31 *Бакунин М. А.* Протест Альянса… – С.6.

Данная борьба, по мнению Бакунина, привела к возникновению инстинкта власти, т. е. наследственно передаваемого стремления людей к обладанию властью. В данном тезисе видно влияние Мирового Духа Г. Гегеля, который Бакунин трансформировал в государственный дух. Бакунин писал: «Мы видим, что инстинкт повелевать другими, в своей первоначальной сущности, плотоядный инстинкт, животный, инстинкт дикаря. Под влиянием умственного развития людей, он в некотором роде облагораживается, принимает менее грубые формы, являясь орудием разума и преданным слугой той абстракции или той политической фикции, которая называется общественным благом; но по существу он остается таким же зловредным, он даже становится вреднее по мере того как, благодаря применению науки, действие его расширяется и усиливается. Если есть дьявол во всей человеческой истории, так это этот властнический принцип»[32].

Инстинкт власти, по мнению Бакунина, может привести к генезису государства только при условии социальной апатии народных масс. Здесь, очевидно влияние его теории революции, согласно которой, народ всегда готов восстать против власти. Бакунин писал: «И этот проклятый принцип неизбежно существует, как естественный инстинкт, в каждом человеке, не исключая самых лучших людей. Каждый носит в себе его зародыш»[33].

Основным фактором, определяющим направление развития инстинкта власти, по мнению Бакунина, является отношение народных масс. Если общество активно следит за соблюдением условий свободного существования, то инстинкт власти превращается в созидательную для общества энергию. Бакунин писал: «в обществе сознательных людей, с живым умом, ревниво оберегающих свою свободу и готовых в каждый момент выступить на защиту своих прав, самые большие эгоисты, самые зложелательные личности, становятся хорошими. Такова власть общества, в тысячу раз более сильная, чем власть самых сильных личностей»[34].

Однако, если народ пассивен, то инстинкт власти, вырвавшись из-под контроля, превращает индивида в своеобразного демона, стремящегося во чтобы то ни стало завладеть властью. В этом случае, группа людей, одержимых инстинктом власти, захватывает власть, и образуют

---

32 Там же.

33 Там же.

34 *Бакунин М. А.* Протест Альянса… – С.7.

публичные органы власти, превращая, таким образом, свободное общество в государство. Бакунин писал: «известно, что каждый зародыш [инстинкта власти. — *О. С.*], в силу основного закона жизни, должен необходимо развиваться и расти, если только он находит в окружающей среде благоприятные условия для своего развития. Эти условия в человеческом обществе — тупость, невежество, безразличное ко всему отношение, апатия и рабские привычки масс; так что можно с полным правом сказать, что сами эти массы рождают этих эксплоататоров, угнетателей, деспотов, палачей человечества, чьими жертвами они являются. Когда они безмятежно спят и терпеливо переносят свое унижение и рабство, лучшие люди, рождающиеся в их среде, наиболее умные, наиболее энергичные, те, которые в иной среде могли бы оказать огромные услуги человечеству, становятся неизбежно деспотами. Они становятся ими, часто ошибаясь на свой собственный счет и думая, что работают на благо тем, кого они угнетают»[35]. Эту же мысль Бакунин подчеркивал и в другом произведении, обосновывая отрицательную роль государства в историческом процессе. Он писал: «Так же обстоит дело с фактами, совершающимися в истории: самые отвратительные так называемые божественные и человеческие институты; все прошлые и настоящие преступления вождей, этих так называемых благодетелей и опекунов нашего бедного человеческого рода, безнадежная тупость народов, подчиняющихся их игу; нынешние подвиги Наполеонов III, Бисмарков, Александров II и многих других суверенов или политических и военных деятелей Европы; невероятная подлость буржуазии всех стран, которая их одобряет и поддерживает, ненавидя их до глубины души; все это представляет ряд естественных фактов, порожденных естественными причинами, и, следовательно, фактов очень логичных, что не мешает им быть исключительно пагубными для человечества»[36].

Отдельным фактором генезиса государства, по мнению Бакунина, являлся естественный процесс смены экономических форм общества. Общество прошло в своем развитии охотничий, скотоводческий, земледельческий этапы. На скотоводческой стадии человек понял пользу эксплуатации как явления. Величайший открытием для него стало осознание выгоды использования чужого труда вместо своего. Человек понял, что можно заставлять трудиться животных вместо себя. Бакунин писал: «Но, когда они начали понимать всю выгоду за-

---

35 Там же. – С.6–7.

36 *Бакунин М. А.* Философские рассуждения о божественном призраке… – С.351–352.

ставлять животных служить себе и эксплуатировать их, а не убивать сейчас же, то они должны были скоро понять, какую пользу они могли извлечь»[37]. Но в скотоводческой стадии исторического процесса данное знание еще не стало источником социального изменения. По мнению Бакунина, труд пастухов был легким и простым. Другое дело — работа земледельца. Она — тяжелая, ежедневная, тягостная. В этой связи человек вспоминает о своем знании эксплуатации животных и, используя мышление, развивает его до эксплуатации человека. Человек становится домашним животным, т. е. рабом. Бакунин писал: «Люди, бывшие самыми что ни на есть дикими зверями, начали с пожирания убитых ими или взятых в плен неприятелей». Но в дальнейшем «они должны были скоро понять, какую пользу они могли извлечь из услуг человека, самого умного из земных животных. Побежденный враг перестал быть пожираем, но становился рабом, принужденным исполнять работу, необходимую для пропитания своего хозяина <…> Вьючное животное, одаренное умом, принужденное нести всю тягость физической работы, дает своему господину возможность досуга и интеллектуального и морального развития»[38]. В итоге, возникает новая форма социального угнетения — государство, в форме рабовладения: «В этот-то период истории и устанавливается, собственно говоря, рабовладельчество»[39].

В целом, государство, как вторая, после религии, форма социального рабства, по мнению Бакунина, возникло в результате совместной деятельности ряда факторов. Действие закона борьбы за существование приводит к появлению инстинкта власти. Данный инстинкт, при условии социальной апатии народных масс, обусловленной религиозным влиянием, на земледельческой стадии развития общества приводит к образованию государства. Бакунин считал, что генезис государства обусловлен именно причинами внутреннего развития, в результате которого государственное начало становится преобладающим среди населения. В дальнейшем государственный дух приводит к образованию государства. Однако Бакунин не отрицал и внешнюю причину. По его мнению, народ, обладающий сильным государственным началом, мог сам создать себе государство, а мог и захватить этнос с народным духом и создать государство.

---

37 *Бакунин М. А.* Письма о патриотизме… – С. 108–109.

38 Там же.

39 Там же. – С. 108.

Бакунин существенно расходился с представителем юридической школы историографии Б. Н. Чичериным, считавшим, вслед за Г. Спенсером, что генезис государства обусловлен лишь внешним завоеванием. Господствующее племя, по его мнению, приобретает власть, а вместе с нею и политическое сознание[40]. Бакунин, соглашаясь с внешним завоеванием, все же основной упор делал на внутренних причинах.

Думается, что социально-психологическая теория происхождения государства Бакунина имеет не меньшую степень научности, чем теория внешнего завоевания Г. Спенсера, поддержанная в России Б. Н. Чичериным.

Проблема роли религии в процессе генезиса государства была особенно важной для Бакунина, поскольку он видел, что в современных государствах религиозные организации обязательно поддерживают государственную власть. Следовательно, и в начале исторического развития религия сыграла важную роль в судьбе человечества.

В традиции революционной мысли России Бакунину принадлежит и приоритет в постановке проблемы роли религии в процессе генезиса государства. Эту проблему анархист решал, исходя из посылки, что развившееся в процессе борьбы против внешнего ига мышление становится источником религиозного рабства. Он писал: «существование Бога логически связано с самоотречением человеческого разума и человеческой справедливости; оно является отрицанием человеческой свободы и необходимо приводит не только к теоретическому, но и к практическому рабству»[41].

Бакунин считал, что предпосылки религии заложены уже в мире животных и проявляются в чувстве страха перед мощными и необъяснимыми для них явлениями природы. В той же работе он пишет: «Кто не знает, какое влияние и впечатление производят на всех живых существ, не исключая даже растений, великие регулярные явления природы, каковы восход и заход солнца, лунный свет, повторение времен года, чередование холода и тепла, особенные проявлении жизни океана, гор, пустыни, или же естественные катастрофы, каковы бури, затмения, землетрясения, а также столь разнообразные отношения различных животных пород между собой и к растениям и их взаимное истребление. Все это составляет для каждого животного сово-

---

40 *Искра Л. М.* Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве, истории. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. – С. 95.

41 *Бакунин М. А.* Федерализм, социализм и антитеологизм … – С. 150.

купность условий существования, характер, природу и, у нас почти является желание сказать, особенный культ, ибо у всех животных, у всех живых существ, вы найдете своего рода обожание природы, смешанное со страхом и радостью, надеждами и беспокойством, и которое, как чувство, очень похоже на человеческую религию»[42].

Человек, по мнению Бакунина, отличается от животного главным образом разумом, способностью мыслить и рассуждать. Эта способность ведет человека, с одной стороны, к свободе, к очеловечиванию, но, с другой, именно разум приводит человека к новому рабству. Освобождаясь от рабства природы, человек попадает в рабство религии. Приводит его в религиозное рабство способность к воображению. Бакунин писал: «Когда она [способность к отвлечению. — *О. С.*] начинает действовать в человеке, медленно освобождаясь от пелены животных инстинктов, она вначале проявляется не в виде логического мышления, имеющего сознание и познание о своей собственной деятельности, но в виде мышления вообразительного, или неразумного рассуждения. Как таковая, она освобождает человека, от естественного рабства, тяготеющего над ним с колыбели, лишь ценой немедленного подчинения его новому рабству — рабству религии»[43].

Именно «вообразительное мышление» и страх перед природными явлениями приводит, по мнению Бакунина, к появлению первой формы религии — фетишизму. Он писал: «И игрою своей невежественной фантазии, которую нам было бы очень трудно в настоящее время понять, он переносит это всемогущество на этот кусок дерева, этот сверток тряпок, этот камень <…> это чистый фетишизм, самая религиозная, т. е. самая нелепая из всех религий»[44].

В дальнейшем или почти одновременно с фетишизмом появляется, по мнению Бакунина, вторая форма религии — культ колдунов. В отличие от фетишизма, колдун сам представляет в себе сверхъестественную силу. Бакунин писал: «В культе первобытного колдовства, божество или это неопределимое всемогущество, является вначале нераздельной с личностью колдуна; он сам Бог, подобно Фетишу»[45]. Но колдуну становится трудно воплощать в себе Бога постоянно, и он переходит к кратковременным исполнениям роли божества.

---

42 Там же. – С. 167.

43 Там же. – С. 172.

44 Там же. – С. 172.

45 Там же. – С. 173.

Теперь колдун в состоянии показывать сверхъестественную силу только эпизодически, когда в него входит божественная сила. Это решение позволяет колдуну вести себя в повседневности как обычному человеку и одновременно находиться в привилегированном положении. Бакунин писал: «Колдун остается для народа сверхъестественным существом, но только в некоторые минуты, когда он одержим духом»[46]. Это приводит общинников к вопросу о местонахождении божества в то время, когда оно не вселяется в колдуна.

Поиск божественной силы вне фетиша и колдуна привел человека к третьей форме религии — к отождествлению бытия и Бога. Бакунин писал: «Теперь он первый раз полагает всемирное божество: Существо Существ, сущность и творец всех ограниченных и обособленных Существ, всемирная душа всей вселенной, Великое Все. Начинается настоящий Бог и вместе с ним настоящая религия»[47].

Несмотря на негативное отношение к современной ему религии, Бакунин считал ее закономерным явлением в историческом процессе. Именно благодаря религии человек вышел из первого периода исторического процесса «естественного рабства» и вполне естественно перешел во второй период — «религиозного рабства». Причем второй период стоит выше на пути к свободе, чем первый. Бакунин писал: «Религия, как мы сказали, это первое пробуждение человеческого разума в форме божественной неразумности, это первый проблеск человеческой истины сквозь божественные покровы лжи: это первое проявление человеческой морали, справедливости и права сквозь исторические несправедливости божественной благодати; наконец, это школа свободы под унизительным и тягостным игом божества, игом, которое, в конце концов необходимо надо будет свергнуть, чтобы на самом деле завоевать разумный разум, настоящую истину, полную справедливость и действительную свободу»[48].

В целом, религия, по мнению Бакунина, являлась первым проявлением социального рабства. Роль религии в процессе генезиса государства заключалась, по его мнению, в идеологической обработке населения, оправдании захвата власти привилегированным сословием, духовной защитой государственной власти. Вторым, более важным проявлением социального рабства, Бакунин считал государство, в об-

---

46 Там же. – С.173.

47 Там же. – С.174.

48 Там же. – С.182.

разовании которого религия сыграла существенную роль. Однако религия для него — не единственный фактор образования государства.

Не так смотрел на роль религии Б. Н. Чичерин, видевший в церкви опору нравственности и политического порядка. По его мнению, церковь нуждается в государстве, поскольку последнее поддерживает церковную организацию и юридически, и материально. Но и государство также нуждается в религии, так как именно вера, через нравственность, формирует у граждан убежденность в поддержании политического порядка[49].

Думается, что оба мыслителя верно подчеркнули, что религия играла существенную роль в процессе генезиса государства.

В заключение, отметим, что Бакунин первым среди российских мыслителей-революционеров обратил свое внимание на проблему антропогенеза. Поскольку он считал государство главным виновником социальной несправедливости, ему было крайне важно определиться с причинами возникновения как государства, так и человека. Бакунин, решая проблему антропогенеза, в отличие от тогдашней официальной науки, отрицал религиозную парадигму и придерживался эволюционной теории Ч. Дарвина. Основными факторами эволюции человекообразной обезьяны Бакунин считал развитие разума, сознательный труд и процесс совершенствования орудий труда. В качестве причины этого процесса, он называет необходимость борьбы против рабства природы. В отличие от Ж. Ж. Руссо, Бакунин не считал, что человечество находилось в золотом веке. Иначе не было бы развития. По мнению Бакунина, только в процессе борьбы человекообразная обезьяна успешно победила зависимость от природы и стала человеком.

Оригинальность взглядов Бакунина проявилась при решении проблемы социогенеза. Критикуя теологическую парадигму официальной науки, Бакунин отрицательно отнесся и к теории Общественного договора Ж. Ж. Руссо, столь популярную, в свое время, в среде декабристов. Бакунин категорически против и теории объективного идеализма Г. Гегеля, считавшего общество порождением объективной морали. Все эти теории, по мнению Бакунина, говорят об одном — как одиноко бродящие дикари образовали общество-государство. Анархист не мог согласиться с тем, что люди добровольно создали государство. Данную проблему Бакунин решал редукционистским способом с позиции биологизма. Общество как явление, по его мнению, зародилось

---

[49] *Чичерин Б. Н.* Собственность и государство. – М., 1883. – Ч. 2. – С. 219–220; *Он же.* Философия права. – М., 1900. – С. 274.

еще в животном мире. В дальнейшем, по мере эволюции человекообразной обезьяны в человека, общество трансформировалось в форму человеческого общежития. Бакунин, применяя экономический критерий, выделял разные виды общества — охотничье, скотоводческое и земледельческое.

Своеобразие воззрений Бакунина проявилось и при решении проблемы генезиса государства. Он первым среди представителей революционной исторической мысли поднял эту проблему. Этот интерес был обусловлен его политическими взглядами. Бакунин как теоретик анархизма, естественно, не мог обойти эту проблему, так как считал государство основной формой социального рабства. Его не устраивала теологическая теория генезиса государства, принятая современной ему наукой, объясняющая этот процесс провиденциализмом. Не мог согласиться Бакунин и с Ж. Ж. Руссо, подменявшим общество государством. Не удовлетворяла Бакунина и теория завоевания, предложенная Г. Спенсером и пропагандируемая в России Б. Н. Чичериным, сводящая весь процесс к внешнему фактору. Решая данную проблему, Бакунин предложил многофакторную теорию. По его мнению, борьба за существование, открытая Ч. Дарвином, привела к инстинкту власти. Однако данный инстинкт, по мнению Бакунина, негативно проявляет себя только в случае социальной апатии народных масс, обусловленной отрицательным действием религии. Распространение инстинкта власти, считал он, приводит к преобладанию в обществе государственного духа. На земледельческой стадии социогенеза господство государственного начала, по мнению Бакунина, и приводит к образованию государства. В то же время, Бакунин не отрицал и второй — внешний — способ генезиса государства. Народы с преобладанием государственного начала, по его мнению, могли захватить общество с народным духом и образовать государство.

Решая проблему генезиса государства, Бакунин рассматривал и вопрос о роли религии в данном процессе. Как и историк государственной школы Б. Н. Чичерин, Бакунин уверен, что религия сыграла существенную роль в процессе появления государства. Однако анархист Бакунин, считавший государство олицетворением всемирного зла, не мог согласиться с положительной оценкой религии этатистом Б. Н. Чичериным. Религия, по мнению Бакунина, была формой духовного рабства. Именно религия, считал он, сыграла существенную роль в возникновении и существовании государства.

В целом, эпоху первобытного мира Бакунин, в отличие от Ж. Ж. Руссо, понимал не как «золотой век человечества», а как период «естественного рабства». Бакунин был не согласен и с народником Н. К. Михайловским, который, называя первобытный период стадией «объективного антропоцентризма», понимал его как расцвет коллективистского сознания. По мнению Бакунина, в этот период человек находится в состоянии тройного гнета — внешнего, внутреннего и социального. Внешнее рабство означает зависимость человека от природных условий. Внутреннее рабство понимается Бакуниным, как подчиненность человека атавизму прежнего животного существования. Социальное рабство существует в двух взаимосвязанных видах — религии и государства. Религия, по его мнению, подчиняет человека духовно, а государство — физически.

Сидоров И. С. Спасибо, Олег Семенович! (*Аплодисменты*). Вопросы, пожалуйста.

Сидоров А. Н. Я правильно понял, что у Бакунина в понимании идеалов безгосударственного общества нет ничего, что связывает его с прошлым, потому что сзади нет ничего хорошего? Все идеалы, что составляют его сущность, — все впереди?

Сафронов О. С. Да, совершенно верно. В отличие от Кропоткина, который идеализировал первобытное общество, Бакунин воспринимал его как период тройного рабства — рабства природного, внутреннего и социального. В дальнейшем рабство человека трансформировалось в рабство от государства и от религии. В этом отличие. Кропоткин, Руссо идеализировали первобытное общество. Бакунин был реалистичней. Боязнь природы, стремление ее объяснить со временем привели человечество к возникновению религии, которая стала еще одним источником рабства — духовного.

Рябов П. В. Как известно, Бакунин считал в истории есть три движущие силы — животность, мысль и бунт. По поводу первобытного общества можно найти у Бакунина прямо или косвенно проявление этих трех сил? Эта идея уже присутствует у него или ее еще нет?

Сафронов О. С. В общем, да. Я встречал. Но, в целом, Бакунин рассматривал движение истории как процесс освобождения. Рассматривая проблемы детерминизма в истории, он придерживался многофакторной теории. В нее включены как материальные, так и духовные причины. По мнению Бакунина, человек, родившись в условиях угнетения и пытаясь освободиться и освободившись от чего-то одного, попадает под гнет чего-то другого.

Цовма М. А. Вы сказали, что представленный доклад является параграфом большой работы, в которой вы рассматриваете Бакунина, Кропоткина и неоанархистов. А кого из неоанархистов вы рассматриваете?

Сафронов О. С. Ну, в частности Боровой. По поводу первобытного общества я вижу у Борового близость к точке зрения Михайловского, а не Кропоткина, кстати. Индивидуализм, обращение особого внимания на индивидуальность сближает их. По их мнению, в первобытном периоде больше свободы. Бакунин более трезв, чем они. А Кропоткин, идеализируя первобытное общество, считал первобытную родовую общину наиболее высокой в истории человечества формой общежития.

Цовма М. А. При этом вы ограничиваетесь в своих исследованиях русскими анархистами конца XIX — начала XX века. В то время, как есть антропологические исследования второй половины XX века, которые утверждают если не теорию Золотого века, то на основе последних научных данных дают более позитивную картину первобытного общества. Хотя там тоже есть свои проблемы.

Сафронов О. С. Мне было интересно проследить по данной теме мнения представителей анархической идеологии конца XIX — первой четверти XX века.

Приложения

Артемов В. М.

Нравственное измерение философии свободы М. А. Бакунина и современность

Одной из важнейших качественных характеристик человека как человека всегда выступала и выступает до сих пор свобода. Речь, разумеется, идёт не о внешнем понимании последней, когда всё сводится к дарованным кем-то, например, государством, правам и свободам как неким цивилизационным достижениям. Незрелые в личностном отношении люди, как правило, либо не умеют ими пользоваться, наполняя привлекательные формы псевдоценностным или даже антиценностным содержанием (отрицательный пример — партия «Свобода», представители которой варварски крушили всё и вся в Киеве и не только), либо попросту равнодушны к самим возможностям осуществления свободы как таковой. В первом случае, к примеру, свобода митингов и собраний зачастую превращается в разнузданный и разрушительный хаос. Во втором, — можно констатировать обывательское равнодушие и апатию к какой-либо социально значимой деятельности.

В условиях своеобразного безвременья, когда отсутствует какая-либо определённость относительно социальных ориентиров достойного уровня актуализируются классические варианты понимания освобождения личности и общества. Интерес к философии свободы М. А. Бакунина как основателя русского классического анархизма обусловлен, прежде всего, смелой и своеобразной попыткой разрешения основного внутреннего противоречия свободы как таковой: между страстной творческой спонтанностью личностного и социального бытия, с одной стороны, и упорядочивающей силой разума и нравственности, — с другой.

Да и в целом, тот или иной характер решения проблемы свободы позволяет вскрывать самые глубинные пласты философии любого крупного мыслителя. Основатель русского классического анархизма называл себя «фанатичным приверженцем свободы, видящим в ней единственную среду, где может развиться ум, достоинство и счастье людей»[1], и мы находим у него теоретически выверенную позицию по проблеме, опирающуюся как на классические подходы и идеи (про-

[1] *Бакунин М. А.* Избранные сочинения. – Пг.; М., 1920. – Т. 4. – С. 250.

светители, И. Г. Фихте и др.), так и на результаты собственных наблюдений за людьми и отношениями в обществе.

К числу значимых особенностей современного общества нельзя не отнести усиление правовой составляющей в общем механизме социального регулирования отношений между людьми. Примечательно, что в работе «Кнуто-Германская империя и социальная революция» М. А. Бакунин признавал, что «известная дисциплина, не автоматическая, а добровольная и разумная, в полном согласии со свободой индивидов, остаётся и всегда будет необходимой во всех случаях, когда множество свободно объединившихся индивидов займётся какой-либо работой»[2]. Однако в последние десятилетия, особенно на Западе, имеет место своего рода политический и юридический «пир». Так как последний происходит на фоне непрекращающегося всеохватного кризиса, который коснулся не только экономики, но и всех сфер жизни, напрашивается метафора пресловутого «пира во время чумы».

В настоящее время ситуация ещё больше усугубляется дефицитом духа и высокой морали, что порождает их искусственные заменители. Налицо минимизация нравственности в больном обществе, о чём свидетельствуют многочисленные сообщения о вопиющих случаях полицейских издевательств над неоправданно задержанными людьми, обеспечения юридических, в частности, прокурорских «крыш» для организаторов преступной деятельности и т. п. Принципиальная неприменимость подходов, которые предполагают уничтожение государства, что называется, здесь и сейчас в современной ситуации заставляет искать более адекватные средства социальных изменений, проникать в глубинные основания идеи и практики подлинной свободы.

При этом расчёты на создание и функционирование сугубо государственной юридической машины, способной обслуживать всех и вся, решать абсолютно все социальные и индивидуальные проблемы не только не состоятельны теоретически, но и вредны практически, причём это понимают и сами юристы, относящиеся к своему делу как к социальной миссии. Они, в частности, понимают, что право не может заменить нравственные регуляторы жизни общества. Вместе с тем, будучи, прежде всего, явлением политико-юридическим, правовая жизнь гражданского общества не может развиваться вне моральных

---

[2] *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика. – М., 1989. – С. 194.

категорий гуманизма, справедливости, совести и чести, добра и человеческого достоинства, свободы и ответственности.

Важным показателем состоятельности личностного и социального бытия выступает своеобразная гармония свободы и нравственности. Представляя просвещение как «выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине», И. Кант подчёркивал, что свобода имеет для человека преимущественно нравственное и правовое значение, а сам моральный закон прямо ведёт к понятию свободы. По всей видимости, в настоящее время требуется новый ценностный прорыв в «совершеннолетие», исключающий какие-либо откаты в состояние варварства.

В известном смысле, указанный прорыв в, преимущественно, нравственном ключе совершался и многими представителями русской философской и общественной мысли. Так, философия свободы М. А. Бакунина формировалась и зрела в русле практически-нравственной ориентации русской философии и культуры в целом, всегда стремившихся к неким высоким личностным и социальным результатам.

Первыми её проявлениями были, к примеру, попытка достижения лидерства в ситуации решения внутрисемейных проблем, нуждавшихся в коррекции с позиций приоритета любви и справедливости (сёстры, отец и др.); необычайно сильная увлечённость глубокими философскими идеями, носители которых претендовали на преображение человеческого и социального мира (И. Кант, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегель и др.); безудержное стремление к независимому образу жизни и деятельности на основе собственных знаний и возможностей (попытки давать уроки математики в условиях, когда это считалось унизительным для дворян и т. п.). В целом, можно говорить об активности М. А. Бакунина в плане многоаспектного самоутверждения в социокультурном пространстве с целью существенного его преобразования в русле приближения к более высокому идеалу.

Пройдя этапы увлечения немецким идеализмом и политическим радикализмом (непосредственное участие в революционных событиях в Европе), М. А. Бакунин, в конечном счёте, останавливается на необходимости поисков более глубоких оснований переделки наличной действительности в самой жизни, в большом человеческом потенциале, который нуждается в своеобразном окультуривании. Западное влияние на его теоретическую концепцию выразилось, в частности, в своего рода синтезе антропологического (Л. Фейербах) и социально-критического (К. Маркс) подходов, осуществлённом в парадигме

предпочтений реальной, а не формальной свободы в обществе, прежде всего, применительно к России. Хотя отношение русского мыслителя к немецким теоретикам было весьма сложным, основные достижения последних признаются и переосмысливаются в конструктивном ключе. Известный позитивистский крен не был сколько-нибудь глубоким и долговременным. Широта духовно-нравственных предпочтений русского философа в принципе чужда какой-либо теоретической и методологической узости. Это, кстати, в полной мере относится и к П. А. Кропоткину, которого в позиции М. А. Бакунина в основном заинтересовала именно указанная широта.

По указанной же причине принципиально чужд для русского философа крайний индивидуализм М. Штирнера. Свобода не может быть выведена из своеобразия и эгоизма индивида. Она изначально социальна, что проявляется даже на уровне страсти как некоего чувства, предполагающего отношение к кому-либо из окружающих человека людей. Сами по себе индивид (в-себе) и, тем более, его собственность, по определению, не могут вызвать устремлённость к подлинно человеческой жизни в русле максимального самоутверждения по направлению к идеалу. По М. Штирнеру же, «своеобразный человек — свободный по природе»[3]. Такой подход расходится с ключевой идеей М. А. Бакунина о том, что освобождение может и должно состояться в результате личностных и коллективных усилий нравственно полноценных и социально активных субъектов общественно-политической жизни.

Свобода завоёвывается и отстаивается, а не даётся в готовом виде как некая вещь. При этом абсолютно исключаются макиавеллистские приёмы и безнравственные подходы, которые, как известно, применял воспользовавшийся доверием М. А. Бакунина авантюрист С. Г. Нечаев. Показательно, что увлёкшись альтруистической этикой, ориентирующей на добровольное подчинение нравственной необходимости, М. А. Бакунин пытался дополнить её оригинальной теорией гармонии, или Любви[4]. Согласно этой позиции, нравственность заключает в себе жизнеутверждающее начало Любви и по определению ориентируется на некую гармонию, которая имеет земное, а не небесное происхождение. Соответственно, человек всегда действует согласно собственному свободному выбору, в котором внутренним образом присутствует хотя бы общее представление о должном.

---

3 *Штирнер М.* Единственный и его собственность. – Харьков, 1994. – С. 153.

4 См.: *Бакунин М. А.* Собр. соч. и писем. – Т. 1. – М., 1934. – С. 301.

Нельзя не подчеркнуть, что важным индикатором развивающейся философии свободы М. А. Бакунина является нравственно-философская экспертиза того, что происходило с ним самим (и в мыслях, и в действиях). В данном отношении весьма серьёзный интерес вызывает его знаменитая и зачастую несправедливо осуждаемая «Исповедь», где вырисовывается метафизическая потребность в преодолении всяческих границ в отношениях между людьми, даже принципиальными соперниками и врагами. Последняя, на мой взгляд, является показателем зрелости свободы, а не признаком слабости и малодушия, что иногда неоправданно приписывают страдающему арестанту Петропавловской крепости. Признавая себя преступником перед тогдашним российским императором Николаем I, в известном смысле воплощающим авторитаризм как таковой, он демонстрирует свою свободу и принципиальную духовно-нравственную невиновность перед социумом в целом. Смелый автор «Исповеди» и последующего письма Александру II не столько раскаивается (хотя момент признания ошибок и имеет место), сколько пытается, в конечном счёте, отстоять свою свободу в противостоянии с исторически сложившейся машиной насилия.

Подчёркивая, что государственное насилие является средством против «удовлетворения народной страсти и народных требований», направленных против «имущих классов и управляющих» («Государственность и анархия»), русский анархист не исключает минимизацию указанного насилия благодаря нравственным качествам самих представителей власти самых разных уровней, включая наивысший. Данное обстоятельство рассматривается как дополнительный фактор реализации потенциала свободы в человеке и обществе. Как было отмечено выше, он даже не исключал возможности проявления милосердия со стороны царя и его окружения.

Постепенное осознание невозможности быстрых социальных преобразований общества в связи с неготовностью самих масс (патриархальность, поглощение лица миром, вера в царя и т. п.) и даже инициаторов революционности (авантюризм Нечаева и т. п.) привело М. А. Бакунина к идее последовательной образовательной и воспитательной работы с ними. Это свидетельствует о том, что свобода мыслится им в связи с достаточно высоким духовно-нравственным уровнем её носителей. «Но этот мир, — подчёркивает он, — надо действительно организовать и морализовать», хотя «настоящей нравственности очень немного»[5].

---

5 *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика… – С. 545.

Исходным же основанием философии свободы остаётся творческий потенциал человека как человека, рассматриваемого в качестве высшего природного и социального существа, в конечном счёте, способного воспитать самого себя, быть на должном уровне разумного руководства собственной и социальной жизнью. Только на этой основе можно рассчитывать на указанную морализацию мира через «возбуждение в нём прямо, сознательно и укрепление в его уме и сердце единой, всепоглощающей страсти всенародного общечеловеческого освобождения» (письмо М. А. Бакунина к С. Г. Нечаеву 2 июня 1870 г.)[6]. Очевидно, что здесь нет даже намёка на исключительность какой-либо одной из социальных групп или одного народа. Свобода, таким образом, выступает в качестве общечеловеческой ценности.

Вслед за К. Марксом, русский мыслитель и революционер в качестве основного средства освобождения общества рассматривает «коренную реформу экономических условий» («Федерализм, социализм и антитеологизм»)[7]. В качестве важнейших составляющих будущего общества выступают равенство и справедливость, которые несут, прежде всего, нравственную нагрузку. Социальный идеал предполагает самоуправление, автономию и свободную федерацию индивидов, общин, провинций и наций. В данном контексте подчёркивается неразрывное единство социализма и свободы.

Отправным же пунктом философии свободы является неисчерпаемый потенциал самого человека как высшего природного и социального существа, способного стать своим собственным воспитателем («Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке»). Отсюда и подчёркивание значимости образования. Только знающая и воспитанная молодёжь может стать гарантом прочного социального порядка.

Одним из важнейших факторов освобождения (в широком смысле слова) выступает у М. А. Бакунина философия, которая не просто тяготеет к идее справедливого устройства общества (сущность христианства, коммунизм), но и обосновывает её теоретически («Реакция в Германии (Очерк француза)»). Да и сама философия как духовная реальность (соответствующие поиски, мысли, теоретические конструкции и проекты) выступает мощным фактором свободы и освобождения.

---

6 Там же. – С. 546.

7 Там же. – С. 29.

Свобода также внутренне предполагает чувство и понимание справедливости, осознание значимости преодоления препятствий на пути к ней, действия, направленные на её достаточно полную реализацию. Социальный философ, человек действия, М. А. Бакунин, последовательно развивает теорию и практику освобождения. В свою очередь, последние осмысливаются и переосмысливаются в связи с постоянными изменениями социокультурной и политической реальности.

В настоящее время особенно востребована сама по себе уверенность в том, что человек и один, и, особенно, в союзе с другими людьми способен, опираясь на собственные силы, многое изменить в себе, вокруг себя, в обществе в целом. Заново поверив в это, важно определиться относительно самого вектора дальнейшего развития и совершенствования и адекватных средств решения насущных проблем. Успех в указанных моментах выступает в качестве важнейшего показателя зрелости свободы, её состоятельности и запаса прочности.

Если попытаться ответить на вопрос о возможности хотя бы относительного единства между свободой, нравственностью и правом (государством), то в целом вырисовывается утвердительный ответ. Однако указанное единство возможно только в случае последовательной и целенаправленной этизации права, соответствующих структур и отношений. Кроме того, оно может стать результатом достаточно длительной, хорошо бы бескровной, борьбы противоположностей — власти и народа, политики и нравственности, безответственности и ответственности. Последняя, по существу, выступает оборотной стороной свободы, соединённой с нравственностью.

Гончарок М.

Рудольф Роккер и публикации о М. А. Бакунине в журнале «Жерминаль» (Лондон)

Международное еврейское анархистское движение, использовавшее в своей пропаганде и повседневном общении язык идиш, существовало на протяжении приблизительно столетия — с 80-х гг. XIX в. до второй половины 80-х гг. XX в. За это время печатными органами и книгоиздательствами, принадлежавшими различным группам движения, были опубликованы сотни книг и тысячи статей, посвящённых различным аспектам теории и практики анархизма. В их числе были и переводы работ Бакунина, и материалы о жизни и творчестве

Михаила Александровича. Особенно выделялось в отношении этих публикаций «Литературное общество им. Кропоткина» («Кропоткин литератур-гезелшафт», 1913–1975) в Лос-Анджелесе, а кроме того — книгоиздательства групп «Фрайе арбетер штиме» в Нью-Йорке (1890–1977) и «Арбейтер фрайнд» в Лондоне (1885–1932), располагавшие также одноимёнными газетами.

В издательстве «Арбейтер фрайнд», среди прочего, увидели свет произведения Кропоткина, воспоминания Луизы Мишель, проза и поэзия Давида Эдельштата, пьесы Г. Ибсена, романы М. Горького, рассказы А. П. Чехова, А. Франса, О. Уайльда и др. На протяжении 10 лет в книгоиздательстве вышли книги и брошюры общим тиражом свыше 80 тысяч экземпляров.

При издательстве «Арбейтер фрайнд», кроме газеты, существовал также ещё один печатный орган — журнал «Жерминаль», название которого связано с известным романом Эмиля Золя.

Создателем и редактором журнала был легендарный Рудольф Роккер (1873–1958), один из лидеров международного анархо-синдикалистского движения. В Лондон Роккер приехал из Парижа, где впервые столкнулся с кругами еврейских радикалов. В Лондоне он работал в непосредственной связи с еврейским анархистским рабочим движением — вплоть до Первой мировой войны. Там же нашёл подругу жизни — Милли Виткоп, иммигрантку с Украины.

Рокер был воспринят еврейскими иммигрантами Ист-Энда (Восточного Лондона), особенно молодыми, как духовный руководитель. Сэм Дрин, активист анархистского движения, который был в то время «зелёным» иммигрантом, рассказывал: «Он собирал нас, наполнял революционной энергией, погружался с головой в наши проблемы, обсуждал с нами литературу и проблемы культуры. Он был нашим *ребе*»[1].

К этому нужно добавить, что Роккер изучал идиш (как при помощи жены, так и самостоятельно), и в конечном итоге, спустя годы, освоил его до такой степени, что писал на нём статьи, доклады, исследования, вошедшие в «золотой фонд» еврейского анархистского движения. До самых последних лет существования «идише анархистише бавегунг» Роккер являлся наиболее чтимой международным идишеязычным анархо-движением личностью, наравне с П. А. Кропоткиным[2].

---

1 *Fishman William Y.* East End Jewish Radicals 1875–1914. – London, 1975. P. 254.

2 *Mina Graur*. An Anarchist «Rabbi». The Life and Teachings of Rudolf Rocker. – New York: St. Martin's Press; Jerusalem: The Magnes Press, The Hebrew University, 1997.

Писатель на иврите и идиш, еврейский общественный деятель Реувен Брайнин встречался с Роккером во время своего пребывания в Лондоне в 1908 г. Он писал:

«Еврейские анархисты в Лондоне представили мне своего руководителя, учителя и ребе, Рокера. Несколько часов я беседовал с ним, и он произвёл на меня лучшее впечатление, чем все анархисты, с которыми я встречался в течение жизни. Роккер — нееврей, христианин, немец, из Рейнской области… Он производит впечатление очень здорового духом и телом человека… Прекрасный литературный язык… Красивый голос… Он отличный оратор, не имеющий никакого желания покрасоваться перед собеседником. Прирождённый оратор и интересный человек. Он гой, в его сердце нет ни капли еврейской крови, и в прежней жизни своей он не встречал евреев. При его превращении в отличного и учёного анархиста он учил еврейский жаргон, чтение и письмо на нём, и сейчас является редактором анархистского еженедельника на идиш. Он уже напечатал и распространил несколько больших книг в переводах с нескольких языков (так как знает многие языки). Переводил на идиш крупнейшие труды Кропоткина и Элизе Реклю, так же как и крупные научные работы других учёных-анархистов. Распространил перевод на идиш с немецкого книгу Ницше „Так говорил Заратустра“. Рокер сказал мне, что выучил приблизительно сто пятьдесят слов на иврите, требующихся ему при издании газеты и книг на идиш. Он говорит на чистом, красивом и богатом немецком языке; он сказал мне, что в своих выступлениях перед обществом евреев-анархистов пользуется лёгким немецким языком с применением идишских и иногда также ивритских слов. Передо мной он извинился: „Я могу писать на идиш, но мне труден разговор на этом языке. Это тяжело немцу по рождению…“ Его жена — еврейка, происходящая из ортодоксальной религиозной семьи. Я говорил с ним несколько часов на темы анархизма. Его речь ясна и четка, он знаком с анархистской литературой, изданной на большинстве европейских языков. Роккер — гой — был первым „еврейским анархистом“, у которого я нашёл глубокие и обширные познания в теории анархии… Объясняет он очень красиво… Ссылается на Макса Штирнера и считает его крупнейшим философом прошлого века, которого, к сожалению, до сих пор не исследовало и не изучало большинство мудрецов и мыслителей — как он того заслуживает. Его товарищи — еврейские анархисты — очень любят Роккера и называют его — в лицо — „рабби“.

Действительно, отношение еврейских анархистов в Лондоне к немцу-христианину Рокеру я нашёл в точности отношением хасидов к своему ребе, цадику. Рокер же относится к своим хасидам не как рабби, а как друг и товарищ»[3].

Кроме «Жерминаля» Роккер долгие годы возглавлял редакции таких изданий идишеязычного анархистского движения, как газеты «Арбейтер фрайнд» («Друг рабочего», Лондон, с перерывами в 1898–1932 гг.) и «Дос фрайе ворт» («Свободное слово», Ливерпуль, 1898)[4].

Большая часть анархистских газет и журналов на идиш последней четверти XIX в., выходивших в Европе и Америке, освещали повседневную жизнь рабочих и радикальных движений того периода, сообщали новости и обсуждали перспективы скорой революции. Роккер понимал, что для формирования интеллектуальной элиты нового мира этого совершенно недостаточно. Постепенно назрела необходимость в выпуске нового регулярного периодического издания. Таковым и стал «Жерминаль». Он начал выходить в свет 16 марта 1900 г., раз в две недели, на 16 страницах небольшого формата. Последний номер журнала вышел в мае 1909 г.

Роккер хотел, чтобы материалы нового органа были посвящены в основном теоретическим проблемам анархизма, общественным отношениям, социологии, вопросам философии, а также темам, связанным с литературой и искусством. Этим была бы достигнута цель заинтересовать круги идишеязычной интеллигенции и, одновременно, образования еврейских рабочих.

Газета «Арбейтер фрайнд» апеллировала к широким народным массам, обсуждала почти исключительно сугубо практические вопросы и проблемы и, вследствие этого, использовала очень простой разговорный идиш. «Жерминаль», напротив, обращался к образованному обществу.

На его страницах можно найти переводы на идиш различных литературных произведений европейских авторов, оригинальные вещи еврейских писателей, литературно-критические рецензии, стихи, исторические очерки. Здесь печатались статьи о философии Руссо и французских энциклопедистов, о полемике между марксистами

---

3 *Брайнин Реувен*. K'tavim nivharim [избранные сочинения]. «Сифрият поалим», издание «ha-кибуц ha-арци — ha-шомер ha-цаир», 1965. – С.553–554 (иврит).

4 *Мина Граур*. ha-итонут ha-анархистит бе-идиш бе-Англия (Анархистская журналистика на идиш в Англии, 1885–1914 гг.). – «Кешер», журнал Института исследований еврейской прессы при Тель-Авивском университете. 1989. – №6 (ноябрь).

и анархистами. Роккер редактировал «Жерминаль» и писал для него статьи. Вся работа делалась у него дома — в целях экономии средств. Можно сказать, что редакция находилась у него в спальне.

Первые 12 выпусков «Жерминаля», как видно из надписей крупным шрифтом на первых страницах каждого номера, выходили раз в пятнадцать дней (16 марта 1900–25 января 1901). С выпуска № 13 журнал выходил раз в месяц (май 1901–май 1909). № № 1–20 (до августа 1902 г.) имеют пространный эпиграф из Ницше. Художественное оформление «Жерминаля» достаточно эстетично. Объявления и реклама, связанные с публичными мероприятиями анархистов, красиво оформлены. Часто публиковались фотографии известных деятелей движения, портреты писателей, поэтов, художников. Вид заголовка журнала на протяжении лет несколько раз менялся.

С начала 1906 г. внешний вид и периодичность журнала меняются. Уменьшается формат издания (при увеличении количества страниц — с апреля 1906 г. — 48 с., в апреле 1908 г. — 50, в сентябре 1908 г. — 92, в апреле 1909 г. — 104 с.), появляются разные виды шрифта; иногда «Жерминаль», к 1908 г. приобретший вид солидного общественно-литературного альманаха, выпускался не ежемесячно, а раз в два месяца. В последние полтора года существования журнала временные промежутки между выпусками составили шесть месяцев (сентябрь 1908–март 1909 г.). Последний известный нам выпуск «Жерминаля» датируется маем 1909 г. и насчитывает 48 страниц. В нём присутствуют следующие материалы: «Наследие революции» (глава из книги Кропоткина «Французская революция»); статья Филиппа Кранца, написанная им в апреле 1909 г. в Нью-Йорке; «Русский кризис» — статья В. Черкезова; биографическая статья «Пьер-Жозеф Прудон», написанная Роккером; литературоведческая статья о творчестве Артюра Рембо (автор — д-р А. Эрлисер); «Вопрос жизни» Генриха Манна (перевод Авраама Фрумкина). Последним материалом, опубликованным в последнем выпуске «Жерминаля», был перевод на идиш краткого эссе Фридриха Ницше[5].

На протяжении девяти лет существования журнала в нём было помещено около 15 крупных публикаций, посвящённых М. А. Бакунину. Это и переводы его работ, иногда печатавшиеся с продолжением из номера в номер, и материалы о нём самом. Среди переводов значительная

---

5 *Гончарок М.* Цум hундертстн юбилей фун «Жерминаль» (К столетнему юбилею «Жерминаля»). – Нью-Йорк: Форвертс, 31.03.2000.

часть — главы из книги «Бог и государство», написанной Бакуниным в 1871 г.: «Бог и человеческая свобода»[6], «Власть»[7], «Власть науки»[8], «Парижская коммуна и понятие государства»[9].

Июльский, седьмой выпуск 1906 г. открывается пространной статьей Роккера «Михаил Бакунин как социально-политический писатель (к 30-й годовщине со дня его смерти)»[10]. Окончание статьи было опубликовано в следующем номере журнала[11]. С апрельского по сентябрьский выпуски 1908 г. в «Жерминале» были опубликованы «Четыре речи Михаила Бакунина»[12] (произнесённые на конгрессе «Лиги мира и свободы» в Берне в 1868 г.). Имени переводчика ни в одном случае упомянуто не было, но мы полагаем, что им был сам Р. Роккер.

Июльский выпуск «Жерминаля» за 1905 г. (24 страницы) почти целиком посвящён личности М. А. Бакунина[13].

Номер открывается большой биографической статьёй «Михаил Бакунин», написанной в июне 1905 г. по просьбе редакции П. А. Кропоткиным (с. 1–3).

Рассказывая о деятельности Бакунина в эмиграции, Кропоткин отмечает, что усиление влияния литературного наследия революционера на интеллектуалов и рабочее движение было связано, не в последнюю очередь, с обаянием и личностными качествами самого автора. Упоминает Кропоткин и о противниках Бакунина, которых именует «личными врагами», однако не приводит конкретных имён, а лишь выражает уверенность в том, что история расставит всё по своим местам, и Бакунин займёт в ней приличествующее ему место.

Далее следует статья — воспоминания Джеймса Гильома (1844–1916) «Три дня с Михаилом Бакуниным (в Ле-Локль, Швейцария — февраль 1869 г.)» с обстоятельными комментариями автора, товарища Бакунина по Первому Интернационалу (с. 4–5). Редакция журнала отмечает, что данный материал «является выдерж-

---

6 «Жерминаль», 04.05.1900, 18.05.1900.

7 Там же, 01.06.1900.

8 Там же, 14.12.1900.

9 Там же, январь 1902 (Vol. I, № 16), март 1902 (Vol. I, № 17), июнь 1902 (Vol. I, № 18), июль 1902 (Vol. I, № 19), август 1902 (Vol. I, № 20).

10 Там же, июль 1906, Vol. IV, № 4.

11 Там же, август 1906, Vol. V, № 5.

12 Там же, апрель 1908, Vol. V, № 10 – сентябрь 1908, Vol. V, № 11–12.

13 Там же, июль 1905, Vol. III, № 7 («*Бакунин-нумер*»).

ישערמינאל

GERMINAL

אנארכיסטישע־אראנאי.

זשערמינאל

GERMINAL

אראנאי פיר אנארכיסטישע וועלט־אנשויאונג.

זשערמינאל.

מיכאאיל באקונין.

Журнал «Жерминаль»
(№1, 16 марта 1900 г., Лондон)

«Жерминаль» (июль 1905 г.). Весь выпуск журнала почти целиком посвящён личности М. А. Бакунина. Номер открывается большой биографической статьёй «Михаил Бакунин», написанной в июне 1905 г. по просьбе редакции П. А. Кропоткиным

ками из рукописи книги, которую Гильом, один из старейших борцов Юрской федерации, намерен скоро издать в Париже»[14].

Страницы 6–8, набранные мелким шрифтом, занимает обзорная статья «Представление Михаила Бакунина», написанная безымянным автором (как и в большинстве случаев, когда материал, помещённый в «Жерминале», не подписан, его авторство принадлежит, вероятно, редактору журнала). Речь в статье идёт, в частности, о том, что во время событий Парижской Коммуны 1871 г. Бакунин был одним из организаторов восстаний в Лионе и Марселе. Страницы 9–11 за-

[14] Речь идёт о работе «Документы и воспоминания, вклад в историю Интернационала». См., например, издание: *Guillaume James*. L'Internationale / Documents et souvenirs, présentation par Marc Vuilleumier, Premier volume: 1864–1872; Second volume: 1872–1878, index et bibliographie. – Paris: éditions Gérard Lebovici, 1985.

нимает материал «Бакунин о марксизме». В комментариях сообщается, что данная статья представляет собой выдержки из большого манускрипта, который Бакунин написал в октябре 1872 г. и направил в редакцию бельгийской газеты «Liberté», Брюссель. В ней Бакунин признаёт заслуги Маркса перед социалистическим движением и частично принимает его взгляды относительно классовой борьбы и природы капитализма, однако считает марксизм односторонним учением, а его методы — губительными для социальной революции. Особенно резко автор выступает против концепции диктатуры пролетариата, указывая на опасность авторитаризма. Приводится известное высказывание — «если взять самого пламенного революционера и дать ему абсолютную власть, то через год он будет хуже, чем сам царь».

Страницы 12–16 номера отданы под перевод на идиш известного письма Бакунина Герцену и Огарёву от 19 июля 1866 г., написанного на итальянском курорте Искья. На страницах 16–18 помещён материал «Роль Бакунина в майской революции в Дрездене» (речь идёт о вооружённом восстании, происходившем в Дрездене 3–9 мая 1849 г. на завершающем этапе революции 1848–1849 гг. в Германии). На страницах 18–21 опубликованы две части исследования творческого и революционного пути Михаила Александровича — «Ниспровергатель Бакунин»; работа подписана «К. Морли». В ней, помимо прочего, помещены отрывки из воспоминаний о Бакунине Рихарда Вагнера и приводятся цитаты из второй части тетралогии Вагнера «Кольцо Нибелунга». Тематически к этому материалу примыкает следующая за ним статья П. А. Кропоткина «Рихард Вагнер как революционер», написанная князем и присланная в редакцию «Жерминаля» специально для опубликования в этом номере журнала. И из статьи, и из комментария к ней Роккера явствует, что упор в ней Кропоткин сделал на том влиянии, которое Бакунин оказывал на всех интеллектуальных деятелей, с кем сталкивала его жизнь, и что именно Бакунин вдохновил Вагнера на создание образа неистового Зигфрида (с. 22–24).

Завершает июльский выпуск «Жерминаля» статья «Бакунин как заключённый», в которой комментируются отрывки из воспоминаний Бакунина о годах, проведённых в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, в частности, приводятся извлечения из «Исповеди».

Ни в одном материале, помещённом в «бакунинском» выпуске «Жерминаля» (равно как и в других номерах журнала), нет ни малейшего указания на тот известный факт, что знаменитый революционер был юдофобом. Нет сомнения в том, что на рубеже XIX–XX вв. эти

взгляды Бакунина были известны многим, в том числе и участникам революционного движения разных стран. Мы можем допустить, что данным знанием обладали не широкие слои рабочих, примыкавших к социалистическим группам, а, в первую очередь, интеллектуалы движения, отнюдь не стремившиеся популяризировать это знание в массах. Возможно и то, что нееврейским пролетариям эта черта мировоззрения Бакунина была попросту безразлична. С другой стороны, историческая наука знает, что во второй половине XIX в. интернационализм отнюдь не являлся категорическим императивом социализма, и в рядах революционеров ксенофобия была распространённым, в значительной степени даже заурядным явлением. Пламенному социалисту Джеку Лондону, к примеру, были в одинаковой степени свойственны искренняя вера в идеалы прогресса и романтическая страсть к идее «бремени белого человека».

Итак, на страницах «Жерминаля», «Арбейтер фрайнд» и других анархистских периодических изданий на идише в ту эпоху встретить упоминания об антисемитизме Бакунина практически не представляется возможным. Более того, нет упоминаний и о куда более известных ксенофобских взглядах и высказываниях Прудона и Вагнера, материалами о личностях которых полна революционная печать того времени. Стеснялись ли редакторы, в том числе Роккер, юдофобии кумира революционных кругов, или не желали акцентировать внимание масс на этой теме, опасаясь взрыва эмоций и скандалов в среде еврейских рабочих, делавших первые шаги в рядах анархо-движения? Вполне возможно и скорее всего, Роккер считал шовинизм издержкой, свойственной времени, в котором жил, частной неприятной чертой, которая непременно исчезнет в светлом будущем человечества, — и именно поэтому делал в своей работе всё, чтобы не оттолкнуть еврейских пролетариев от движения и не представить его связанным с черносотенством.

Упоминания о юдофобских взглядах Бакунина, как и о явлении антисемитизма в революционных кругах вообще, начинают появляться в анархистской литературе на идише гораздо позднее — в основном, после осмысления известных трагических событий 1930-х–1940-х годов прошлого века, и тема эта, имеющая отношение к области социальной психологии, выходит за рамки нашего исследования.

В разночинский период русского освободительного движения лишь незначительное число евреев участвовало в революционной деятельности, хотя в кружках бакунистов их было немало, особенно в юго-западных районах империи. Лишь позднее, в период активной деятель-

ности П. А. Кропоткина за границей, в первую очередь — в Англии, евреи массами «пошли в революцию». Именно опальный князь заметил этот потенциал бедняцких, бывших местечковых, слоёв, бежавших от погромов и беспросветной нужды в демократическую Европу. Высочайшая личная порядочность и отсутствие национальных предрассудков у Петра Алексеевича безусловно располагали их к Кропоткину.

Антиеврейские настроения Прудона и Бакунина, не видевших в 1850-х–1870-х годах революционного потенциала в «народе-паразите», состоявшем тогда из «торговцев и разносчиков», постепенно сменились в международном анархистском движении ярко выраженным «интернационализмом для всех»[15].

В заключение хотелось бы отметить, что, хотя специфическая ветвь движения, «идиш-анархизм», на протяжении всего времени своего существования, в публикациях и симпатиях, в силу определённых причин значительно больше тяготел к личности П. А. Кропоткина, чем М. А. Бакунина, переводы работ Бакунина и публикация статей о нем занимают значительное место в изданиях движения.

Джокович М.

Актуальность мысли Бакунина об укреплении государства и о Новом мировом порядке

В конце XX и начале XXI веков, когда уже казалось, что учение анархизма потерпело свое теоретическое и практическое поражение, на мировой политической сцене произошли два заметных социальных феномена. С одной стороны произошел развал марксистской концепции социализма (распад СССР, «самоуправленческого социализма» Югославии и др.), а с другой происходило быстрое укрепление мощи небольшого числа буржуазных государств во главе с одной сверхдержавой — США, воплотившей в себе экономическую, военную и политическую мощь. Общественная мысль и международные политические отношения выдвинули на первый план идеи создания «нового мирового порядка» и «глобализации мира» — как универсальные идеи, благодаря которым государства и человечество, наконец, обретут условия для экономического процветания, защиты прав человека и граждан-

[15] Подробнее см.: *Silberner Edmund*. Western Socialism and the Jewish Question. – Jerusalem: Bialik Institute, 1955. – С. 287–293 (О взглядах Бакунина по еврейскому вопросу).

ских свобод, и при этом, предположительно, будут реализованы личные и коллективные интересы государств, народов и отдельных лиц.

Самым большим сюрпризом для марксистской политической теории был развал СССР: попытка создать универсальную концепцию и универсальную практику социализма в современном мире, на чем настаивали основоположники марксизма и их последователи, провалилась. Сравнивая марксизм с христианством, Фредерик Джеймсон указывает на то, что у марксизма и христианства есть общие черты. Это прежде всего — их историческая суть, потому что сегодня марксизм также стремится к универсальности и пытается утвердить универсальную культуру, как это было в период распада Римской империи и в период Средневековья[1]. Этого не произошло. В 1973 году, обращаясь к присутствующим в аудитории в Нью-Йорке, Даниэль Герен отметил, что Бакунин «четко представлял себе далекое будущее»[2] и «появление на сцене красной бюрократии». Он также предсказывал тиранию, которую однажды лидеры Третьего Интернационала установят над мировым рабочим движением[3]. И действительно, даже самые большие противники социализма не могли предсказать, каким путем пойдет первая страна социализма после Великой Октябрьской революции и построения социализма под руководством Ленина и большевистской партии. Мощь советского государства невиданно выросла, особенно при Сталине, а рабочий класс, вместо того, чтобы стать творцом изменений, превратился в класс, послушный государственному бюрократическому аппарату, так что любой бунт против власти был неудачным, а «забастовки в СССР происходят очень редко и могут быть крайне жестоко подавлены, как это произошло в Новочеркасске в 1962 году»[4].

Основная идея Октябрьской революции — захват власти рабочим классом через диктатуру пролетариата, укрепление социалистического государства как переходной формы на пути к коммунизму, как наконец-то найденной форме человеческой эмансипации, потерпела на исторической сцене фиаско. Идея Маркса, изложенная в «Капитале», утверждавшая, что принцип коммунистического общества — свобода каждого индивида и полное освобождение человека

---

1 *Џејмсон Ф.* Марксизам и форма. – Београд: Нолит, 1974. – С.130.

2 *Жерин Д.* Анархизам. – Загреб: Напријед, 1980. – С.177.

3 Там же. – С.177.

4 *Заславски В.* Неостаљинистичка држава. – Загреб: Напријед, 1983. – С.36.

от всех форм отчуждения, после семидесяти лет строительства социализма в СССР потерпела поражение, причем именно тогда, когда советское государство было на пике своей военной и экономической мощи. Самая большая страна в мире по площади, военная сверхдержава была разрушена не внешним воздействием или внутренним бунтом. Она рухнула сама по себе, оставив многие вопросы без ответа.

Последовательный критик современного американского государства и его политической элиты, которая делает все, чтобы держать под своим контролем «остальные страны мира», анархист Ноам Хомский считает, что большевики виноваты в провале социализма, потому что «большевики сразу начали с уничтожения всех важных элементов социализма»[5]. Хомский упоминает предсказания Михаила Бакунина, согласно которым современная история движется в направлении создания псевдосоциалистической и капиталистическо-управленческой бюрократии. Он так пишет об этом: «Такой ход событий не удивил ведущих марксистских интеллектуалов, которые годами критиковали учение Ленина (как, например, Троцкий), которое вело к централизации власти в руках одной партии и ее лидеров. На самом деле, несколько десятилетий назад анархист и мыслитель Бакунин предсказал, что новый интеллектуальный класс пойдет по одному из двух направлений: или попробует воспользоваться борьбой народа, чтобы захватить всю государственную власть, превращаясь в беспощадную, насильственную, красную бюрократию; или они превратятся в менеджеров и идеологов государственно-капиталистических обществ, если народная революция потерпит неудачу»[6]. Как раз это сегодня и произошло в России. Выдающийся русский писатель, который был жертвой сталинизма и диктатуры пролетариата в СССР, Александр Солженицын, считает, что разрушение Великой Социалистической Империи привело к новому кризису, из которого трудно найти выход: «Сегодня большинство русского народа подавлено из-за своей беспомощности, ограбленности и бедности. Но нам не избежать узнать самое страшное: в течение XX века русский народ в целом потерпел исторический, духовный и материальный ущерб. В течение многих десятилетий мы платили за национальное бедствие в 1917 году, и сегодня мы, также катастрофически, отдаем все, чтобы

---

5 *Чомски Н.* Шта то хоће Америка. – Београд: Никола Пашић, 1999. – С. 89.

6 Там же. – С. 89.

выйти из него. Мы разрушили не только коммунистическую систему, но мы даже разрушим и остальную часть нашего жизненного фундамента»[7].

Как только советский государственный аппарат (со своей партийной олигархией) стал независимым по отношению к широким народным массам, настаивая на государственной централизованной экономике вместо рыночной, государственный социализм превратился в этатизм — высшую степень государственности, что объективно привело к развалу социализма «по всем швам» — от экономики до прав человека, отставания в военной сфере, идеологической неполноценности и самой государственности. Конечно, это только начало дискуссии о падении и кризисе социализма, что требует особых критических исследований. Трагедия России заключается в том, что «не важно, вызывала ли Россия эти несчастья сама или терпела их, ее никогда не удовлетворяли маленькие несчастные случаи»[8]. После падения советской системы, как считает Хомский, появляется возможность возрождения идеи подлинного свободного социализма, которая ранее была не в состоянии бороться с доктринальными и жестокими нападениями больших мощных систем[9]. В России развалился социализм и однопартийная система коммунистической партии, и это привело к расслоению общества и ослаблению экономической и военной мощи. Это привело, в свою очередь, к тому, что ее международное положение стало маргинальным.

После распада Советского Союза на политической карте мира осталась только одна доминирующая сверхдержава США и при ней НАТО — со стремлением контролировать все части мира под предлогом борьбы с угрозами ключевым национальным интересам США.

11 сентября 1990 года американский президент Джордж Буш (старший), выступая в Конгрессе США, употребил термин «новый мировой порядок», излагая концепцию формирования мира в соответствии с американскими ценностями. «Новый мировой порядок» претендует на то, что он представляет собой триумф свободного мира и наилучшую социальную форму для развития прогресса и демократии, прав человека и гражданского общества. Поставив глобализацию в центр

---

7 *Солжењицин А.* Русија у провалији. – Београд: Paideia. – С.163.

8 *Сиоран Е.* Русија и вирус слободе, Човек Европе (пер. Т. Гаврић). – Нови Сад: Прометеј, 1994. – С.134.

9 *Чомски Н.* Шта то хоће Америка… – С.90.

американской победы, Збигнев Бжезинский отмечает: «С развитием глобализации Америка возьмет на себя роль мирового лидера, она существенно укрепится, и у нее будет нимб нравственного авторитета»[10]. Она будет навязывать «американский взгляд на мир».

Объясняя феномен глобализации, доктор Смиля Аврамов отмечает, что «концепция глобализации подразумевает объединение социально-экономических перемен в мире в целом, отбрасывая государство и государственные границы как существенные факторы для решения глобальных проблем»[11]. В этом процессе наиболее важными являются глобализация производства и финансов, которыми управляют мощные транснациональные корпорации, и которые не признают межгосударственных границ, формируя глобальную мировую экономику и защищая свои интересы. Глобализация включает в себя экономический, политический, правовой и культурный аспекты, при чем политику осуществляют с помощью «репрессивного аппарата государств-членов НАТО»[12]. У Трехсторонней комиссии, в отличие от других традиционных международных институтов, свой собственный режим работы, свои «каналы ее работы, видимые и невидимые»[13].

Одной из причин появления «нового мирового порядка» является стремление государств-членов НАТО к применению силы ради установления полного господства над всем земным шаром: «Они заставляют другие страны воспринять и признать интересы доминирующих стран Нового мирового порядка как свои собственные»[14].

Агрессия девятнадцати государств НАТО, без официальной санкции ООН, против Югославии в 1990 году, а также введение многолетних экономических, военных и политических санкций против Сербии являются классическим примером навязывания силы и господства «нового мирового порядка» ради достижения долгосрочных стратегических интересов на Балканах. Они совершали нападение с безопасной высоты, с моря. Для агрессии они использовали авиацию, управляемые ракеты, спутники и высокие технологии. Нападение длилось 78 дней, и оно является подтверждением мысли Бакунина, что лю-

---

10 *Бжежински З.* Друга шанса Америке. – Београд: Службени гласник, 2009. – С.24.

11 *Аврамов С.* Трилатерална комисија. – Ветерник: Идиј, 1998. – С.76.

12 Там же. – С.95.

13 Там же. – С.45.

14 *Симеуновић Д.* Нови светски поредак и национална држава. – Београд: Ферко, 1995. – С.19.

бое злодейство и преступление оправдываются государственным интересом: «Честность, честь, правда, право, а даже и само сожаление исчезают, а с ними и логика и здравый смысл: черное превращается в белое, белое — в черное, мерзость — в человеческую гуманность, а самое трусливое вероломство и самое кровавое преступление становятся заслуженными делами»[15].

В контексте современных международных политических, экономических и военных отношений и в связи с изменением геополитической картины мира становится ясным, что далеко идущие мысли Михаила Александровича Бакунина, анархического философа и наиболее последовательного революционера, были точными.

Бакунин пророчески предсказал, что государство будет становиться все более тоталитарным.

Силы мировой контрреволюции, по его словам, будут опираться на огромные бюджеты, на постоянную армию, на бюрократию, вооруженную всеми средствами, которые ей предоставляет современное централизованное государство с его безграничной властью.

Он отрицал государство (его репрессивную функцию, авторитарную, насильственную роль и роль завоевателя), которое будучи синонимом зла и несправедливости угрожает свободе и создает правителей и подданных. Бакунин не только проповедовал необходимость уничтожения государства. Он, понимая природу государственной власти, диалектически анализировал, в каких направлениях государство будет развиваться, если оно не будет уничтожено. Он подчеркивал, что «государство самое очевидное, циничное и полное отрицание человечности»[16]. Вникнув в суть структуры государства, сравнивая его различные проявления, он попытался раскрыть будущее государства, различая буржуазные и социалистические государства, пытаясь понять их историческое движение. Независимо от их устройства, государства по своей природе стремятся к постоянному укреплению и достижению абсолютной власти: «Несмотря на то является ли оно федерально устроенным или нет, каждое государство, если не хочет исчезнуть, должно стремиться стать более мощным. Оно должно поглотить, если не хочет быть поглощенным, завоевывать, если не хочет быть завоеванным, порабощать, если не хочет быть порабощенным, потому что две подобные силы, и в то же вре-

---

15 *Бакуњин М.* Држава и слобода. – Загреб: Глобус, 1979. – С.257.

16 Там же. – С.256.

мя чужие, вместе не смогут сосуществовать так, чтобы друг друга не уничтожили»[17].

Поместив большие и могущественные государства под исследовательскую лупу, он отмечает, что Макиавелли прав, утверждая, что эти государства держатся только на «ужасных преступлениях»[18], в отличие от маленьких государств, которые являются честными «только из-за своей слабости»[19].

В политологии Бакунин ввел термин «политический класс», который является синонимом «граждан», а когда проводит различие между правящим и угнетенным классами, он утверждает, что «ни одно государство, ни древнее, ни современное»[20], не сможет существовать без тех, которые «будут работать для других»[21] и тех, кто будет «жить чужим трудом»[22]. Эксплуатация одной части народа другой присуща каждой стране. При этом он остается верным своим рассуждениям, что государство создают народы-завоеватели, прямо называя среди них немецкий народ, чьи завоевательные стремления описаны в книге «Кнуто-германская империя и социальная революция» (1871).

«Мир политики»[23] и «общественный интерес»[24] — определяющие факторы государственной политики с начала истории, и они употребляются для оправдания несправедливости и преступлений, которые совершили представители власти (короли, министры, государственные деятели, бюрократы, дипломаты, воины) во имя государства или его ничем не ограниченной власти.

Бакунин критиковал не только реализованные формы государственного устройства, но также и марксистскую концепцию социалистического государства, где после недолгой свободы и революционного празднования граждане этого государства вновь проснутся в качестве рабов, орудий и жертв каких-то новых амбициозных людей[25].

---

17 Там же.

18 Там же. – С.258.

19 Там же.

20 Там же. – С.260.

21 Там же.

22 Там же. – С.257.

23 Там же. – С.258.

24 Там же.

25 *Бакуњин М.* Писмо часопису «Слобода». – Видици, 5/82, – С.22.

Определяя наличие различных государственных интересов и подчеркивая, что «человечество делится на ряд взаимно чужих, враждебных и угрожающих государств»[26], русский анархист пророчески указал на образование различных форм международных организаций.

Бакунин верил, что можно добиться более свободного и более справедливого мира в международных отношениях. Он критически оценивал отношения между государствами, вводил принцип федерализма, благодаря которому могут регулироваться равноправные отношения между государствами Европы, как прообраз новой, свободной и объединенной Европы. Русский анархист предсказывал образование Соединенных Штатов Европы, с целью «достижения победы свободы, справедливости и мира в международных отношениях в Европе» и «предотвращения гражданской войны между различными нациями, которые составляют европейскую семью»[27].

Эта организация сможет реализоваться, когда «чудовищное неравенство во власти будет отменено»[28], т. е. когда у каждого государства будет приблизительно одинаковая степень экономического развития и социальных стандартов, как это мы видим сегодня в Европейском Союзе, члены которого должны выполнить ряд условий, от экономических до культурных, чтобы стать членами международного сообщества, первого в своем роде сообщества в истории цивилизации. Однако члены этого сообщества не могут осуществлять самостоятельную внешнюю политику.

Каждое государство, как считал Бакунин, если хочет стать полноправным членом Соединенных Штатов Европы, должно удовлетворять тринадцати критериям. Все члены этого альянса должны приложить все усилия, чтобы попытаться преобразовать свои государства так, чтобы «старый порядок, установленный сверху вниз на насилии и принципе власти, заменить новым»[29]. Отдельные люди объединялись бы в общины, общины — в регионы, а регионы — в Соединенные Штаты Европы.

После входа в Европейский свободный альянс, каждый народ имеет право на получение полной автономии, право на «свободу отделения»[30] и право на «свободу объединения»[31]. Таким образом сфор-

---

26 Бакуњин М. Држава и слобода… – С.256.

27 Там же. – С.189.

28 Там же.

29 Там же. – С.190.

30 Там же. – С.191.

31 Там же.

мированный альянс будет поддерживать каждое народное восстание, если его целью является борьба против любого вида угнетения. В новых Соединенных Штатах Европы будет предоставлено право на самостоятельное развитие каждого народа, который является «исключительным и отдельным фактом»[32]. Бакунин считал, что ни одно централизованное бюрократическое и военное государство не станет членом Соединенных Штатов Европы.

Судя по текущему балансу политической власти в мире, Европейский союз, который объединяет самые передовые страны на этом континенте, является наиболее близким к предложенным Бакуниным «Соединенным Штатам Европы». С другой стороны, ЕС является «отрицанием сообщества свободных государств» Бакунина из-за своей военной и экономической централизации и унификации.

Радикальный критик американской внутренней и внешней политики, Ноам Хомский, на основе обширных исследований утверждает, что, с юридической точки зрения, есть серьезные основания, чтобы судить любого американского президента за военные преступления после Второй мировой войны. Хомский является не просто теоретиком, он также — бунтарь и интеллектуал, практический революционер, который давал советы недовольному народу, как выступить против власти США и ее стратегов. Бакунин не мог предвидеть важную роль средств массовой информации в формировании общественного мнения и анипулирования гражданами. Хомский же сделал вывод, что средства массовой информации служат интересам власти, и что они являются «лишь одной из частей более крупной системы»[33]. Он считает, что не надо быть пассивным, предлагает разнообразные способы выражения бунта и протеста, при чем самое главное — это гражданское неповиновение. Необходимо принимать участие в демонстрациях, писать письма-протесты, петиции, влиять на общественность, так как «любая система правления чувствительна к протестам общественности»[34].

Когда дело дошло до мирового финансового кризиса неолиберальной концепции социального развития, в США и в Европе, а потом и во всем мире, возникли многочисленные антиглобалистские движения, среди которых самым известным было движение протеста «Оккупируем Уолл-стрит» в Нью-Йорке в 2011 году. Одним из главных

---

32 Там же. – С.192.

33 *Чомски Н.* Шта то хоће Америка… – С.91.

34 Там же. – С.96.

лозунгов недовольных граждан по всей Америке был «Капитализм — это организованное преступление», а среди главных участников народного бунта были анархисты со своими флагами и символами. В целях сохранения социального мира, смягчения недовольства бедных против жадности богатой «управленческой мафии» и спасения банков от банкротства, государства благодаря своим интервенциям «закачали» в последние десятки миллиардов долларов и евро.

Одновременно с укреплением государства и его репрессивных органов анархистские идеи в свою очередь приобрели актуальность во всем мире. Новый тип анархизма требует теоретического создания таких понятий и определений анархистской мысли, которые будут отвечать на вызовы глобализации и «нового мирового порядка», в соответствии с изменившимися социально-историческими условиями в мире XXI века (который еще не имеет адекватной социальной парадигмы прогресса).

Заключение

В начале третьего тысячелетия человечество и наука сталкиваются с кризисом функционирования государства и с его неспособностью удовлетворить потребности и мечты большинства людей нашей планеты, независимо от того, основаны ли действия государства на капиталистической, социалистической или любой другой концепции человеческого сообщества.

Восток и Запад, социализм и капитализм, как преобладающие формы государственного устройства, не смогли удовлетворить все потребности и возможности человека в поисках свободы. Если свобода является способностью человека по своей воле выбирать между двумя или несколькими видами деятельности, между двумя или несколькими возможностями, то существующее государство не обеспечило основу для свободы человеческой личности.

Человеческая мечта о возможности существования справедливости, равенства, выбора между несколькими вариантами, создания сообщества без насилия, войн, без хозяев и государства, как системы господства, основанной на силе власти,— оказалась нереализованной. Человек социализма и капитализма в конце второго тысячелетия почувствовал себя обманутым.

Попытка построения «социализма с человеческим лицом» в первой стране социализма оказалась неудачной. Октябрьская революция, замечательная идея и практика коммунистического движения пре-

вратилась в свою противоположность. Разрушен миф, который пропагандировали марксистские мыслители, что только авангард рабочего класса в виде коммунистической партии может привести пролетариат из мира эксплуатации в мир экономического процветания и свободы. Государственные институты социализма, несмотря на экономический и военный прогресс, стагнировали, они не смогли обеспечить развитие общества и народа.

Социализм как многогранный и противоречивый теоретический процесс оказался нежизнеспособным, потому что сильное государство проигнорировало основные потребности человека: права человека, свободу печати, свободу передвижения, интеграцию с окружающим миром, преодоление разделения на противоборствующие блоки.

С другой стороны, и капитализм, хотя он показал бóльшую способность приспособления к общественным переменам, чем социализм (благодаря рыночной экономике и бóльшим гражданским свободам), не выполнил все ожидания современной цивилизации. Государство при капитализме все больше выступает против человека и угрожает окружающей среде в беспощадной борьбе за господство на рынке и за большую прибыль.

США и НАТО пытаются с помощью глобализации и планетарной индоктринации человечества навязать большинству мира свою систему ценностей и государственного устройства, используя экономические санкции и военную силу.

Предсказания Михаила Бакунина о том, что история цивилизации движется в направлении создания псевдосоциалистических и управленческо-капиталистических государств, оказались во многом точными, особенно с возникновением глобализации и «нового мирового порядка».

Бакунинская концепция государства дает возможность для нового понимания места и роли государства в современном мире, потому что социализм и капитализм — в серьезном кризисе, и не существуют других альтернативных форм государственного устройства.

Теория государственной политики, которую предложил русский анархист, развивалась как критический ответ на социалистическую концепцию развития общества, а также как критическая оценка буржуазного государства. И капитализм, и социализм создавались на фундаменте сильных государств и их репрессивных институтов, в отличие от анархического общества, которое отрицает и отвергает авторитарные государственные институты. Учитывая, что идея сво-

боды человека является движущей силой творческой практики человека и общества, анархизм является «путеводной звездой» современной цивилизации, которая указывает выход из многих противоречий нашего времени.

Несмотря на то, что многие заявляют, что анархизм носит утопический характер (говоря гипотетически), анархия все-таки станет одной из предпочтительных форм будущего сообщества. В поисках себя, при критической оценке общества, в котором люди живут, у них будет больше шансов быть личностью, а не человеческой единицей в институтах капиталистического и социалистического государства. В отличие от современного государственного устройства, надо стремиться к новому, свободному обществу, в котором будет достигнута бóльшая свобода человека (основанная на социальной концепции Бакунина, дающей возможность для осуществления гуманистического идеала общества), несмотря на то, что в своем нынешнем историческом развитии такое общество носит характер утопического проекта. Если человек перестанет мечтать о будущем, будет жить без идеалов, он перестанет жить и быть человеком.

Ильин А. А

Органическая метафора и позитивная свобода у Бакунина

Призыв к междисциплинарному синтезу уже долгое время звучит среди историков и, можно сказать, стал привычным явлением. Некоторые из них давно и успешно используют теоретические обобщения и методы различных социальных наук от социологии до культурной антропологии. Одним из перспективных направлений заимствования может быть признана и политическая философия[1]. Настоящая работа предлагает возможный ответ на вопрос, в какой степени полезен подобный синтез, а именно, что могла бы дать для изучения творчества Михаила Александровича Бакунина современная политическая философия: дисциплина, занятая осмыслением наиболее общих вопросов о свободе, справедливости, праве и т. д. Так же в статье будет показано, какой вклад этот подход мог бы внести в историографические дискуссии вокруг М. А. Бакунина последних десятилетий, прежде всего, вокруг фрейдистских интерпретаций Артура

[1] *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии. – М., 2012. – С. 406.

Менделя и ориентированных на историю философии работ Эйлин Келли, Пола Маклафлина и других[2].

Не будет оригинальным начать с утверждения, что важнейшим понятием для Бакунина является «свобода». Хотя проблеме свободы в теории Бакунина посвящено несколько специальных исследований[3], сохраняется пространство для новых интерпретаций. Возможно, продуктивным станет рассмотрение этого понятия по частям, как это показал Исайя Берлин в своей известной статье «Две концепции свободы»[4]. Он предположил, что существует позитивная и негативная свобода, свобода от и свобода для. Например, свобода человека от вмешательства государства или каких-либо еще внешних сил в его частное пространство и свобода для самоуправления и самоопределения. Второй важной предпосылкой для нашего рассмотрения является наблюдение, что основой многих процессов мышления и речи является метафора, которая может пониматься шире, чем средство выразительности. Метафорические переносы часто помогают создавать новые теории и доказывать свою точку зрения, в том числе, и в политической сфере. Узнав, на каких образах, метафорах и задаваемых ими предпочтениях основывался тот или иной автор, мы лучше поймем написанное им[5].

Отправным пунктом рассмотрения понятия свободы у Бакунина может быть противоречие, которое попадает в поле зрения комментаторов, начиная с Маркса и его «Конспекта „Государственности и анархии“». Сочетание жесткой дисциплины тайных организаций[6], иерархичности будущего свободного общества[7] с требованиями

---

2 См.: *Frank J.* Through the Russian Prism: Essays on Literature and Culture. – Princeton, 1990. – P. 209–212.
См. обзор историографии: *Leier M.* Bakunin: The Creative Passion — A Biography. – New York, 2011. – P. 333–335.

3 См.: *Юдин А. И.* Проблема свободы в творчестве Бакунина М. А.: к 125-летию со дня смерти // Вестник Тамбовского Государственного Университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2002. – Вып. 1. – С. 16–21. *Артемов В. М.* Проблема свободы: нравственно-философские поиски М. А. Бакунина // Россия. Духовная ситуация времени. 2000. – № 3–4. – С. 48–62.

4 *Berlin I.* Two Concepts of Liberty / *Berlin I.* Four Essays on Liberty. – Oxford, 1969. – P. 1–32.

5 См. напр.: *Harvey A. D.* Body Politic: Political Metaphor and Political Violence. – Cambridge, 2007.

6 *Marshall P.* Demanding the Impossible: A History of Anarchism. – London, 2010. – P. 272.

7 *Маркс К.* Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» // Собр. соч. 2-е изд. – М., 1961. – Т. 8. – С. 615.

абсолютной свободы — одна из наиболее явных проблем[8]. Маркс и другие указывали на то, что Бакунин хотел жесткими авторитарными методами добиться абсолютной свободы. Особенно ярко эта тенденция проявилась в анархический период деятельности Михаила Александровича. Тогда Бакунин приходит к выводу о необходимости создания тайных организаций под влиянием неудач национального движения в Польше и других странах, а также знакомства с устройством мадзинистских организаций в Италии[9]. Одно из наиболее ярких выражений эта противоречивая тенденция получила в известном фрагменте из письма к С.Г. Нечаеву. Там он описывает иерархию во главе с ЦК, ради оправдания которой он использует типичный образ «одного тела и прочно связанного целого», который не предполагает наличия автономии участников. В рамках этой предполагаемой системы Бакунин требует соблюдения «строгой дисциплины всех членов в отношении к комитетам», которая позволяет использовать «насилие, хитрость и обман»[10].

Между тем, для самого автора и для большей части его аудитории вышеназванного противоречия не существовало. Можно предположить, что они использовали не всегда очевидные для нас способы концептуализации и вербализации определенных проблем. В основе одного из этих способов лежит то, что многие анархисты[11], в том числе — Бакунин, в большинстве случаев выступали не против власти вообще, а только против авторитарной и принудительной власти, как бы парадоксально это ни звучало. То есть, при некоем достаточно широком определении, возможно представить себе власть, не мешающую свободе. Примером такой допустимой власти является, с некоторыми оговорками, власть врача над пациентом или наставника над учеником, или, например, власть, которую получает любой просящий, если собеседник соглашается выполнить просьбу. Ключевым пунктом тут является то, что властный субъект получает желаемое, не прибегая к каким-либо предосудительным средствам, при этом свобода объекта

---

8 См. также: *Блюм Р.Н.* Поиски путей к свободе: Проблема революции в немарксистской общественной мысли XIX века. – Таллин, 1985. – С. 94–95.

9 *Пирумова Н.М.* Бакунин. – М., 1970. – С. 228–234.

10 *Бакунин М.А.* Письмо к С.Г. Нечаеву 1 июня 1870 г. // *Бакунин М.А.* Философия, социология, политика. – М., 1989. – С. 556.

11 См.: *Sylvan R., Sparrow R.* Anarchy // A Companion to Contemporary Political Philosophy. – Oxford, 2007. – Vol. 1. – P. 258–259.

не ограничивается. Бакунин часто обращался к подобным ситуациям, осмысляя их через органическую метафору, то есть подобие природе. Он часто обращается в своих размышлениях к естественным потребностям, природе человека, естественному порядку вещей и т. д.

Бакунин тесно связывает «человеческую природу» со свободой. Важно отметить, что в метафорическом пространстве она находится «внутри», а не «снаружи» человека. Тогда как внешними проблемами и ограничениями для свободы в таком случае становятся государство, религия, современная наука. Избавление от внешних ограничений дает негативную свободу. По его мысли, после снятия внешних ограничений должна реализоваться позитивная свобода действовать, принимать участие в чем-либо, самому управлять собой. Когда гнет государства и других современных институтов прекратится, наступит время самореализации. В позитивной свободе все зависит от личных свойств и желаний индивида, в том числе — некоторые ограничения, налагаемые на его действия, в этом случае исходят только от самого субъекта действия. Если на этом этапе его что-то ограничивает, то только потому, что это соответствует неким его собственным устремлениям и свойствам.

Как уже говорилось выше, Бакунин стремился избавить от внешних ограничений способности человека, чтобы они свободно развивались, но не стремился исключить дисциплину тайных обществ и многое другое. Эти ограничения не обязательно являются внешними, а, вероятно, помещаются им «вовнутрь», делаются частью «человеческой природы» и дополняют свободу, делаются ее условием, или фоном, наряду с другими чертами его естества. Можно кратко ответить на вопрос об описанном выше противоречии: члены тайных обществ свободны, поскольку добровольно возложили на себя ответственность и согласились на дисциплину, поэтому идея таких организаций не противоречит стремлению к абсолютной свободе. Дисциплина является чем-то естественным и необременительным, не вступающим в конфликт с другими ценностями. В таком духе, например, Бакунин пишет о французских рабочих: «Что в них особенно поразительно, это — глубокий инстинкт дисциплины; в казармах их не могло существовать ни установленного порядка, ни законов, ни принуждения»[12]. Тем не менее, этот, казалось бы, простой ответ поднимает ряд дальнейших вопросов и не избавляет от изначальной критики. Следующая часть статьи будет посвящена попытке более детального прояснения понятия свободы в текстах Бакунина.

---

[12] *Бакунин М. А.* Исповедь. – М., 1921. – С. 65–66.

С одной стороны, подобный подход применялся не одним Бакуниным и иногда считается неотъемлемой и общепризнанной частью политической культуры Нового времени как такового. Филипп Петти, политический философ, настаивает, что в европейской культуре, начиная с Томаса Гоббса, существует два основных вида свободы и несвободы. Первый вид — когда тело связывают или сковывают, что прямым образом ограничивает движение. Второй вид — добровольное ограничение собственной свободы в результате заключения контракта. Он называет это «телесной» и «договорной» несвободой. Второй вариант — гораздо более распространенный вид несвободы, более незаметный, чем грубое ограничение[13]. Эта «договорная» несвобода является, по его мнению, важнейшим компонентом социальных и политических взаимодействий. Петти таким образом иллюстрирует незамысловатую мысль: наше общество построено на ограничениях иногда даже в тех случаях, когда, на первый взгляд, индивиды в нем свободны. Мы, часто даже не задумываясь, принимаем некоторые правила, которые ограничивают возможность нашего действия.

Возможно, это наблюдение требует некоторых уточнений. Термин из либеральной теории «контракт» не очень удачен для случая Бакунина, и уместнее было бы говорить не о договорном, а «инстинктивном» ограничении собственной свободы. Тем не менее, идея, что добровольная несвобода распространена и важна для многих сообществ, хорошо сочетается, в частности, с цитировавшимся выше пассажем об «инстинкте дисциплины» французских рабочих.

С другой стороны, у этого распространенного способа показания и оправдания ограничений есть и ряд явных недостатков. Встает вопрос: если для доказательства того или иного положения дел, во многих дискурсах XVII–XX вв. было достаточно указать на «естественность» защищаемого в споре предмета, то чем, например, ограничены утверждения, что государство также возникло и существует добровольно, потому что люди сами отдали часть своей власти суверену ради безопасности? Любой, использующий эту модель доказательства, быстро сталкивается с проблемой, что «естественным» можно назвать что угодно, с одинаковым успехом отрицая или защищая любое теоретическое положение. Следовательно, необходимо найти причину выбора именно свободы из всех возможных оснований по-

---

13 *Pettit Ph*. Made with Words: Hobbes on Language, Mind, and Politics. – Princeton, 2008. – P. 134–139.

литической теории, которые, не имеют очевидных преимуществ друг перед другом и все легко доказываются.

Бакунин, как известно, настаивал, что люди искренне могут желать только стать свободными, и желание подчиняться является следствием заблуждения, тайных угроз или манипуляции, которые он так часто обнаруживает и обличает в самых разных сферах жизни общества. Можно искать разные причины такого внимания Бакунина к свободе: от подсознательных в духе Артура Менделя[14] до рационально-метафизических. Вторая часть причин часто связывается с интересом Бакунина в 1830-х годах к немецкому идеализму. Эдвард Карр, Эжен Пицур, Эйлин Келли постарались показать, что причина интереса Бакунина к свободе связана с увлечением в юности Фихте, что повлияло на всю его последующую интеллектуальную биографию[15]. В 1836 году он пишет сестрам: «Все что живет, что существует, что прозябает, что просто даже находится на земле, должно быть свободно, должно достигать самосознания, возвышаться до божественного центра, который одушевляет все сущее. Абсолютная свобода и абсолютная любовь — вот наша цель; освобождение человечества и всего мира — вот наша назначение»[16]. Интерпретаторы, принадлежащие к этой группе, подчеркивают, что Фихте стремился вывести все части своей философской системы, в том числе — объяснение внешнего мира и необходимости, из понятия «Я». Одним из важнейших свойств Я является свобода и спонтанность. Таким образом, субъект с его свободой является фундаментальным, а все остальное, в том числе — необходимость, только производные от свободы. Не сложно заметить тут параллель с более поздними высказываниями Бакунина о ценности субъекта и его свободы в философском, политическом и обыденном смыслах.

Один из современных исследователей творчества Бакунина, упоминавшийся выше Пол Маклафлин настаивает, что помимо Фихте существенный след в творчестве Бакунина оставил и Гегель и, возможно, его влиянием можно объяснять многие детали в понимании свободы.

---

14 См.: *Mendel A*. Mikhail Bakunin: Roots of Apocalypse. – Westport, 1982; *Marshall P*. Demanding the Impossible: A History of Anarchism. – London, 2010. – P. 266.

15 *McLaughlin P*. Mikhail Bakunin: The Philosophical Basis of His Theory of Anarchism. – New York, 2002. – P. 26.

16 *Бакунин М. А*. Письмо сестрам Татьяне и Варваре 10 августа 1836 год*а* // *Бакунин М. А*. Собрание сочинений и писем: в 4-х т. – Т. 1. – М., 1934. – С. 329.

Маклафлин предполагает, что поиски параллелей между текстами Гегеля и Бакунина могут оказаться более продуктивными, чем исследование влияния Фихте. Остановимся на некоторых существенных для дальнейшего рассмотрения моментах. Маклафлин связывает с ранним Гегелем бакунинский образ государства-механизма, которое направленно против свободы[17]. Дело в том, что для Гегеля одной из важнейших идей относительно свободы было то, что главный путь человека к ней — осознание своего окружения, причин воздействия на себя и т. д. То, что раньше воспринималось как внешнее и мешающее, может быть осмыслено и гармонизировано с волей людей. Этот процесс осмысления позволяет привнести свою субъективность вовне и, таким образом, расширить пространство своей свободы. То, что его угнетает как нечто внешнее и непонятное, может стать внутренним и ясным и тогда перестанет угнетать. Но в этой линии рассуждений есть некоторые важные предположения. Свобода дается с помощью осмысления, но для осмысления, стало быть, и свободы, требуется некий предмет, мы всегда осмысливаем что-то. Например, нельзя составить утверждение, в котором не было бы субъекта, подлежащего. Другими словами, для свободы нужна идея, умственная сущность, которая выступит предметом осмысления. На этом этапе возникают некоторые трудности. Гегель не готов признавать что все, что, с нашей обыденной точки зрения, существует, есть идея, может быть в должной мере осмыслено. Например, он настаивает в «Первой программе системы немецкого идеализма» 1796 г., что не существует идей машины и государства. Это можно интерпретировать, как утверждение, что в них нельзя найти основу для осознания: в государстве и машине нет ничего, что бы можно было осознать. Так происходит, потому что машина и государство находятся вне естественного порядка вещей, это скорее некие иллюзии или обман, а не подлинные идеи. Причины, по которым Гегель неприязненно относится к этим двум явлениям, во многом схожи. Рассмотрим случай машины. Десять лет спустя, в «Иенской реальной философии» 1805–1806 гг., Гегель пишет, что машина во многом основана на обмане, когда природу заставляют работать саму на себя без активного участия человека. Хотя эта уловка удается людям в частных случаях, природа, по мысли Гегеля, все же сохраняет свой порядок и на глобальном уровне «компенсирует» то, что у нее сумели отобрать: «чем больше труд становится машинным, тем меньшей становится

---

17 *McLaughlin P.* Mikhail Bakunin… – P. 26.

его стоимость, и человек должен в этих условиях работать больше»[18]. Существует некий естественный баланс, нарушение которого приводит лишь к тому, что человеку рано или поздно приходится «расплачиваться» за содеянное. Можно продолжить эту мысль — на раннем этапе творчества и государство понималось им сходным образом. Государство, так или иначе, неестественно, выпадает из нормального порядка вещей, не является реальной идеей, поэтому человек не может в нем самореализоваться, развивать в нем свою свободу и т. д. Эта интерпретация, конечно, далека от хрестоматийных утверждений зрелого Гегеля из Философии права о том что «Государство само по себе есть нравственное целое» и «Существование государства, это — шествие бога в мире»[19]. Тем не менее, она показывает, что система философии Гегеля может стать источником и для младогегельянских антиэтатистских аргументов, к которым зачастую прибегал Бакунин.

Между тем, Бакунин заимствует свои идеи о естественности и свободе не только из философии и элитарной культуры, но использует и более приземленные идеи. В частности, можно проследить связь его мысли с процессом «морализации» различных социополитических понятий, которая происходила на протяжении XIX в. Так, Уильям Сьюэлл показывает, что в 1830-е годы, на фоне борьбы рабочих за свои права в период Июльской революции, происходит моральный поворот в значениях многих выражений. Например, эксплуатация — использование материалов, инструментов и машин — ранее нейтральный термин, приобретает моральную окраску. Возникает идея дегуманизирующей эксплуатации человека человеком[20]. В социалистической печати утверждается идея, что рабочие являются лишь инструментами для буржуа, которые отказывают первым в человеческой ценности. Также морализации многих прежде нейтральных понятий способствовала важная для научной и художественной литературы середины XIX в. идея, что все, нарушающее законы природы, является аморальным и греховным. «Монструозность» как отклонение от нормы в физическом развитии детей и девиантное поведение взрослых до начала Нового времени воспринималась всего лишь как по-

---

18 См.: *Лукач Д.* Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. – М., 1987. – С. 368.

19 *Гегель В. Ф.* Сочинения: В 14-ти т. – Т. 7. – М.–Л., 1934. – С. 267–268.

20 *Sewell W. H.* Work and Revolution in France: the Language of Labor from the Old Regime to 1848. – Cambridge, 1980. – P. 200–201.

учительный пример. «Монстр» средневековой культуры происходит от латинского нейтрального глагола monere — напоминать, обращать внимание. От него, в свою очередь, в русском происходит, например, слово «демонстрация». В Средние века всё неправильное и выпадающее из обычного круга вещей считалось полезным как поучительный образец. С приходом Нового времени «монстры» и отклонение от нормы вообще начинают восприниматься исключительно негативно. В XIX в. «монстром» могли назвать политически неблагонадежного подданного, или так мог быть назван непослушный ребенок в руководстве по воспитанию[21]. Это наблюдение из истории риторики и поэтики показывает, что в культуре XIX в. следование нормам зачастую жестко насаждалось и поддерживалось, отказ от следования маркировался как сугубо отрицательный. Бакунин заимствует этот авторитарный риторический прием для того, чтобы перевернуть его и использовать для оправдания ценности свободы.

В текстах Бакунина встречается множество примеров из этого ряда, когда несвобода называется неестественной, аморальной и, в некоторых случаях, греховной. Так, Бакунин отказывается от предложения генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорда поступить на гражданскую службу, поскольку, по его словам, боялся потерять «свою чистоту и невинность»[22]. Позже, в «Государственности и анархии» он пишет о том, что «капиталистическая монополия, везде и всегда сопровождающая усиление и расширение государственной централизации», привела к тому, что «стоит только читать немецкие журналы, самые консервативные и умеренные, чтобы встретить везде ужасающие описания разврата, овладевшего немецкою публикою», и к тому, что «теперь немцы станут филистерами»[23]. Более известна цитата из той же работы: «Мы действительно враги всякой власти, ибо знаем, что власть действует столь же развратительно на тех, кто обличен ею, сколько и на тех, кто принужден ей покоряться»[24]. Таким образом, Бакунин доказывал, что именно свобода является основной целью и ценностью политической деятельности, и старался показать,

---

21 Подробнее истории изменения значения понятия см.: *Gill M*. Eccentricity and the Cultural Imagination in Nineteenth-Century Paris. – Oxford, 2009. – P. 73, 208–211.

22 *Бакунин М. А*. Собрание сочинений и писем. – Т. 4. – М., 1935. – С. 362.

23 *Бакунин М. А*. Государственность и анархия // *Бакунин М. А*. Избранные сочинения. – Пг., 1919. – Т. 1. – С. 248–249.

24 Там же. – С. 189.

почему именно она достойна этой роли, а не, например, справедливость или безопасность.

Следует отметить, что апелляция в споре к природе является только одним из многих возможных вариантов, наряду с аргументом о политической репрезентативности, этической и эстетической предпочтительности и т. д. Аргумент о репрезентативности был одним из тех, с которыми часто сталкивались социалистические критики общества. Ф. Гизо и многие другие европейские политики второй четверти XIX в. склонялись к мысли о предпочтительности опоры на третье сословие при построении политической системы. Они аргументировали это не тем, что третье сословие, буржуа, «естественны», а другие нет. Избегая бинарных оппозиций, они признавали право на существование других групп, но говорили о том, что буржуа, являются золотой серединой, juste milieu[25]. Они находятся посередине и представляют интересы всех членов общества, включая тех, кто находится на крайних флангах политического спектра, в то время как другие группы способны выражать лишь частные интересы. Соблюдение интересов буржуа и обращение к ним как источнику компромисса представлялось необходимым для решения возможных конфликтов.

Теории политической репрезентации и компромисса предполагают механистическую метафору, широко применяемую в эпоху Просвещения. Бакунин воспринимает природу и, зачастую, социальные структуры, скорее, как медленно растущее, неподвластное нашей воле и пониманию живое тело, в противовес ясной картине мира механицизма. В этом вопросе он сближался с политическими теориями романтизма начала XIX в., возникшими на волне реакции на революционные события и теории общественного договора. Политическим процедурам Французской революции и представлениям, что государство создается разумом и волей, был противопоставлен органицизм. Государство и общество в текстах множества авторов от Э. Берка до Ф. Шлейермахера стали сравниваться с живыми существами, которые развиваются по внутренним законам и неподвластны разуму и воле отдельных субъектов[26]. Вторым важным источником этого интереса к метафоре тела была физиология, одна из наиболее быстро развивавшихся и популярных наук

---

25 *Maza S.* The Myth of the French Bourgeoisie: An Essay on the Social Imaginary, 1750–1850. – Cambridge, 2005. – P. 6.

26 *Femia J. V.* Against the Masses: Varieties of Anti-Democratic Thought since the French Revolution. – Oxford, 2001. – P. 21.

первой половины XIX в. Мир живого уподобляется социальному; одно часто понимается через другое, в это время получили широкое распространение «физиологические» описания разных общественных явлений. Популярные французские работы о различных городских типах, вроде «Физиологии фланера» или «Физиологии льва», одним из примеров этому является «Физиология Петербурга», изданная в 1845 г. Н. А. Некрасовым. Физиологические теории делаются популярными далеко за пределами научных дисциплин, например, М. Ф. К. Биша среди прочего читает в 8-й главе Онегин. Через П. Ж. Ж. Кабаниса, А. Сен-Симона и некоторых других идеи физиологов, например, витализм, проникают в европейскую социальную теорию[27]. Физиология давала уверенность в «научности» и строгости предложенных текстов, обещала проникновение в суть вещей, поэтому многие авторы были склонны называть свои очерки «физиологиями». Вслед за этим, в социальном воображении современников все более прочно утверждалась мысль, что общество подобно живому телу. Это общее представление разделял и Бакунин, так или иначе затрагивая его в своих текстах.

После описания контекста существования понятия свободы возникает необходимость показать, как в конкретных случаях этот контекст воспринимался и адаптировался Бакуниным. Этому и будет посвящена заключительная часть статьи.

При рассмотрении того, как именно формируется связка природы и свободы, как именно он объясняет одно через другое, возникает парадокс подобный парадоксу стремления получить свободу через авторитарные тайные общества, который был описан во вступительной части. Можно сказать, что в теории Бакунина природа «заставляет» принять свободу. Природа принуждает нас противостоять любому принуждению. Природа вторгается в наши дела только для того, чтобы напомнить, что над нами нет и не должно быть власти, в определенном смысле, мы свободны. Это природное стремление столь сильно, что может существовать даже будучи неосознанным. «… свобода, равенство, братство всего человеческого рода […] Они легли в основание новой социальной веры и социально-революционной страсти французских работников, стали, так сказать, их природою и определили, даже помимо их сознания и воли, направление их мыслей, их стремлений и их предприятий»[28].

---

27 *Manuel F. E.* The New World of Henri Saint-Simon. – Cambridge, 1956. – P. 297–300.

28 *Бакунин М. А.* Государственность и анархия… – С. 61.

Другими словами, воля людей зависит (характер этой зависимости может быть разным) от некоторых факторов, которые во многом объединяются понятием природы. Природа не может предоставить такие условия, чтобы люди захотели несвободы. Такая ситуация возможна только в качестве шутки. Так, Бакунин отказывает немцам в способности быть свободными, поскольку: «У немцев же все есть, и глубокомысленное мышление и возвышенные чувства, только нет природы и если есть, то холопская»[29].

Следует обратить внимание на то что, для Бакунина важно, что природа не является потоком случайностей, она движется по законам. Уже в ранней статье 1842 г. «Реакция в Германии» он распространяет детерминизм даже на традиционную область случайностей — политическую жизнь. Провал политической партии в текущей борьбе обусловлен некими законами истории, которые повторяют по форме законы природы, открытые естествознанием и философией[30]. В дальнейшем позиция Бакунина менялась таким образом, чтобы предоставить и сохранить место для свободного действия субъектов в обществе. Тем не менее, речь не шла о простом ограничении сферы действия законов, они оставались для него важной составляющей природной реальности, которые сложным образом способствуют и существованию свободы.

Можно заметить, что «закон» делается важнейшей составной частью природы в теории Бакунина. Понятие закона в естествознании было заимствовано из юриспруденции[31], что дает возможность объяснить одно через другое. Так, в юридическом законе важно то, что он имеет некоторую силу, но его действие не является актом подчинения, поэтому нейтральный закон часто рассматривается не как ограничитель свободы, а как фон для нее, они вполне могут уживаться в рамках одной теории. Природа, зависимая от подобных законов так же делается нейтральным фоном, который не мешает свободе, не делается серьезной помехой. Описывая устройство будущей славянской федерации, Бакунин замечает: «Между ними [славянами] нет никакого неравенства, кроме того, какое создала природа»[32].

---

29 Там же. – С. 194.

30 *Бакунин М. А.* Реакция в Германии // *Бакунин М. А.* Анархия и порядок: Сочинения. – М., 2000. – С. 106–107.

31 *Burke P.* Western Historical Thinking in a Global Perspective — 10 Theses // Western Historical Thinking: An Intercultural Debate. – Oxford, 2002. – P. 24.

32 *Бакунин М. А.* Внутреннее устройство славянских народов // *Бакунин М. А.* Из-

Вторым, важным для настоящего исследования понятием, о котором коротко уже говорилось выше, является власть. Одним из основных ее свойств является то, что она всегда есть исполнение возможности, это не просто линейная последовательность событий. Существует следующий философский пример: у тирана есть возможность казнить своих подданных, но если каждый раз это будет происходить обязательно, линейно, то важная деталь во власти потеряется, это будет уже просто неким нежелательным событием. Важно именно то, что тиран волен делать, что угодно, может передумать и отказаться. Именно его возможность исполнять свою изменчивую волю так пугает подданных и заставляет говорить о его власти над ними, а не неприятность его действий сама по себе[33]. Сложно найти подобное свойство где-либо в неживой природе, она действует на нас, но у нее нет воли и нет возможности принимать и менять свои решения, так что ее воздействие на нас сложно считать полноценной властью. Она безлична и не может быть активным агентом, который принуждает нас делать что-либо. Поэтому может не быть проблемой то, что окружающий нас мир влияет на наши действия, — это просто некое необходимое условие для деятельности, хотя, конечно, оно тоже нуждается в осмыслении.

Таким образом, мы видим, что политическая теория и рассматриваемые понятия предлагают нам пути обхода того, что рассматривалось многими критиками Бакунина как основное противоречие в теории Бакунина — стремление добиться свободы авторитарными методами. Можно суммировать основные тезисы: в текстах Бакунина важную роль играет образ природы. Природа представлена в его текстах через органическую метафору, то есть, уподобление политических институтов, социальных норм и взаимодействий живому телу и организму. Эта метафора нужна, в том числе, чтобы разделить этически нейтральные условия и неприемлемые ограничения свободы. Бакунин показывает, что некоторые факты не мешают нам быть свободными, а, являясь основой человеческой природы, скорее, делают свободу возможной, помогают ей. Например, природа человека способствует его стремлению к самореализации, но нельзя говорить о навязывании стремления, скорее стоит воспринимать это как необходимое условие нашей активности. Таким образом, с помощью органической метафоры, некоторые

бранные сочинения. – Пг.–М., 1920. – Т. 3. – С. 68.

33 *Lovett F.* Power // A Companion to Contemporary Political Philosophy. – Oxford, 2007. – Vol. 1. – P. 711.

явления помещаются «вовнутрь» человека, делаются его основанием и естеством. Другие же, признанные неестественными, например, государство, оказываются внешними факторами, что делает их внешними ограничениями для нашей свободы. Воспользовавшись терминологией Исайи Берлина, можно сказать, что сам Бакунин скорее основывал свою теорию на позитивной свободе, в то время как его оппоненты, от современников до сегодняшних исследователей, хотели бы показать, что либертарная теория Бакунина является лишь противоречивой теорией негативной свободы. Они имеют в виду, что, когда Бакунин требует дисциплины и подчинения, он навязывает своим сторонникам жесткие внешние правила, то есть мешает их негативной свободе, свободе от любого внешнего вмешательства в их жизнь и деятельность. Тем не менее, то, как Бакунин говорит о природе, и общий культурный и философский контекст его теории позволяют нам предположить, что альтернативная интерпретация во многом более оправданна, и Бакунин говорит в большинстве случаев о позитивной свободе, основанной на внутренних естественных условиях человеческой деятельности. Люди в поисках свободы готовы принимать некоторые ограничения, поскольку эти ограничения и так уже с ними, они необходимы и естественны. Все это заставляет говорить о внутренних условиях, свойствах личности, а не о внешних нормах.

Сразу следует оговориться, что представленная выше реконструкция не претендует на исключительную истинность и всесторонний охват. В работе лишь дается попытка подчеркнуть одно из направлений мысли Михаила Александровича Бакунина.

Мы можем критиковать такое теоретическое положение, считать его этически неоправданным или фактически ложным, но не можем не замечать его и утверждать, что Бакунин никак не пытается рационально объяснить свою точку зрения, что провал и разрыв в аргументации ведет к противоречию в его теории. Это противоречие выглядит настолько очевидным, что заставляет предположить, что только действительно экспрессивный и иррациональный человек, мог бы его не замечать. Таким образом, фокус объяснения смещается на личность, заставляет искать самые разные объяснения в диапазоне от эдипова комплекса и семейных конфликтов[34] до юношеского увлечения Фихте. Не умаляя важности созданных обстоятельных психобиографий и сугубо биографических иссле-

---

[34] См.: *Катлер Р.* Бакунин и психобиографы: Анархист как мифический и исторический объект // Клио. 2010. – № 2. – С. 115–124.

дований вообще, можно предположить, что более перспективно сделать шаг назад и обратить внимание на предыдущую ступень в реконструируемой линии аргументации Бакунина. Сконцентрироваться на рациональном объяснении фрагментов его теории, а не на личностных и иррациональных объяснениях их возможного отсутствия.

Катлер Р.

Неизвестная встреча М. А. Бакунина с графом М. Н. Муравьевым-Виленским

Посвящается памяти С. В. Утехина[1]

Здесь публикуется документ, имеющий отношение к жизни и деятельности Михаила Бакунина, сохранившийся в коллекции Родичева[2] из Бахметевского архива (Колумбийский университет, Нью-Йорк)[3].

---

1 Сергей Васильевич Утехин родился в 1921 г. под Казанью в учительской семье. Рос в Казани и Караганде. В 1939–1941 гг. учился на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. С сентября 1941 г. — преподаватель средней школы в Краснодарском крае; летом 1942 г. сдал экстерном экзамены в Краснодарском педагогическом институте. Попал под фашистскую оккупацию, в 1943 г. был вывезен в Германию и до конца войны находился в лагерях принудительного труда под г. Килем; освобожден британской армией. В 1945–1949 гг. учился в Кильском университете, в 1950–1953 гг. — в Оксфордском. В 1953 г. работал на Би-Би-Си, с 1958 г. — в университетах Лондона, Оксфорда и Глазго. В 1962 г., при содействии Л. Шапиро и И. Берлина, Утехин возвращается в качестве исследователя в Оксфорд в колледж Св. Антония, потом, с 1965 г., работает лектором по русской истории и советологии в университете Глазго в Шотландии. В 1968 г. стал профессором в Пенсильванском государственном университете. В 1984 г. вышел в отставку и поселился в г. Менло Парк (штат Калифорния) недалеко от Стэнфордского университета. В августе 1992 года приехал в Россию. В 1992–1993 гг. преподавал историю русской политической мысли и философию права в Российском государственном гуманитарном университете и в Новом гуманитарном университете Н. Нестеровой в Москве. В 2003 г. — создатель Синегетического виртуального университета (СВУ), в котором вскоре занял должность ректора, а затем декана гуманитарного факультета. Скончался в 2004 г. после инсульта в Стэнфордской университетской больнице. Автор настоящей статьи был учеником Утехина в Пенсильвании.

2 Родичев, Фёдор Измайлович (1854, Тверь – 1933, Швейцария) был русским политиком и членом Государственной Думы I, II, III и IV созывов (1906 – 1917). Член Прогрессивного блока в Думе с 1915 г. и позже – сторонник генерала Л. Г. Корнилова, он эмигрировал в Париж, а затем в Лозанну, где отказался от политической деятельности.

3 Коллекция «Rodichev Family Papers», кор. 7.

В данном письме, в частности, Родичев рассказывает историю, переданную ему братом анархиста Павлом Александровичем, о встрече между Михаилом и его родственником графом М. Н. Муравьевым-Виленским в середине 1860-х годов. Письмо было адресовано Е. А. Извольской[4] в связи с ее исследованиями для биографии Бакунина, опубликованной на французском языке[5].

Известно, что Муравьев-Виленский формально оставил свои обязанности генерал-губернатора 17 (29) апреля 1865 года, а умер в Санкт-Петербурге 31 августа (12 сентября) 1866 года. Кроме того, также известно, что племянник Муравьева-Виленского и двоюродный брат Бакунина В. П. Безобразов, который устроил встречу и участвовал в ней, был отправлен 22 мая 1865 г. из России на четыре месяца за границу для ознакомления с практикой акционерных поземельных банков[6]. Поэтому состоявшуюся встречу можно датировать летом 1865 г.

---

4 Извольская, Елена Александровна (1896, Япония — 1975, США), дочь русского дипломата, была российской писательницей, переводчицей и журналисткой. Родилась в Япония в семье русского дипломата Александра Петровича Извольского (1856–1919). К началу Первой мировой войны (1914) оказалась в Берлине, откуда выехала во Францию. С 1914 по 1941 гг. проживала в Париже. Во время войны ухаживала за ранеными. Сотрудничала во французских журналах духовного направления, занималась переводами с русского на французский и английский, с французского на русский. Переводила Гончарова и Ремизова, Пастернака и Мандельштама, философскую прозу Бердяева. Приняла католичество (1923). В 1941 г. переехала в США. Присоединилась к американскому социально-христианскому движению «Католический Работник» («Catholic Worker»). Незадолго перед смертью приняла монашество в бенедектинском монастыре Регина Лаудерс (США) с именем Ольга. Скончалась в декабре, накануне праздника Рождества Христова, в больнице неподалеку от г. Колд Спринг.

5 *Iswolsky Hélène*. La vie de Bakounine // Vie des hommes illustres. – № 44. – Paris: Gallimard, 1930. Архивариус посчитал, что письмо написано было в тридцатые годы и проставил дату «193- г.», но биография была опубликована в 1930 году, поэтому переписка, вероятно, датируется этим же годом.

6 Безобразов, Владимир Павлович (1828, Владимир на Клязьме — 1889, Москва), русский экономист, академик (1867). По политическим взглядам — дворянский либерал. Преподавал финансовое право и политэкономию в Александровском лицее (1868–1878). В период подготовки реформ 1860-х гг. был одним из организаторов Политико-экономического комитета Русского географического общества. Служил в министерствах финансов и государственных имуществ. Выступал против крепостничества, за буржуазные реформы в интересах помещиков. (См: Русский биографический словарь в 25 тт. под набл. А. А. Половцова. – СПб., 1896–1918. – Т. 2. – С. 648, кол. 2, – С. 649, кол. 1.)

Это забавная история иллюстрирует серьезный взгляд Бакунина, изложенный в его нашумевшей статье «Реакция в Германии» (1842), что надлежащая диалектическая связь между Отрицательным и Положительным (т. е. между революционерами и реакционерами) не оставляет абсолютно никакого места для «соглашателей» на одной или другой стороне.

Интересно, что это не был первый случай, когда Бакунин встречался с Муравьевым. В январе 1835 г. Муравьев уже встречался с Бакуниным в Гродно и пытался убедить его отказаться от взглядов на Польшу, на тот момент уже хорошо сформировавшихся[7].

Письмо отпечатано на четырех страницах. На первой странице и большей части второй страницы Родичев пересказывает, по просьбе Извольской, известную точку зрения Натальи Герцен относительно «Нечаевского дела». История указанной встречи начинается в нижней части второй страницы и продолжается до середины третьей страницы. Остальная часть письма снова посвящена делу Нечаева и завершается наилучшими пожеланиями корреспондентке.

Ниже приводится полный текст письма в дореволюционной орфографии.

[с. 1] «Многоуважаемая Елена Александровна!

Еще раньше, чѣмъ Наталья Александровна Герценъ получила отъ своего племянника, Эдуарда Герценъ, ваше письмо, она просила меня изложить ея разсказъ объ ея отношеньяхъ къ Бакунину и Нечаеву. Разсказъ этотъ я много разъ слышалъ раньше.

Я написалъ его очень скоро, но не отправлялъ его въ печать, потому-что, во-первыхъ №№ Колокола, изданныхъ Бакунинымъ и Нечаевымъ и нашелъ ихъ въ библіотекѣ — на нихъ имени Натальи Александровны нетъ.

Затѣмъ я не такъ ужъ торопился, п. ч. не хотѣлъ отправлять голаго разска [за] о Нечаевѣ, имѣя кое-что разсказать о Бакунинѣ. Я былъ близокъ съ его братьями, особенно съ Павломъ Александровичемъ, и любилъ ихъ. Кромѣ того у меня живое представленье о Нечаевскомъ дѣлѣ: юношей я присутствовалъ при разбирательствѣ дѣла о первой группѣ обвиняемыхъ (тут были и обвиняемыя в убійствѣ) и о второй группѣ… Тутъ не было серьозныхъ людей, думаю не было и никакого преступленья. Судьи съ очевидной неохотой присуждали обвиняе-

---

7 *Корнилов А. А.* Молодые годы Михаила Бакунина. – М.: Изд. Сабашниковых, 1915. – Т. 1. – С. 88–89.

мыхъ къ нисшимъ мерамъ наказанья. Недоволенъ, увы, былъ только Императоръ Александръ IIй.

Помню, как одинъ изъ судей, Царско-сельскій Предводитель Дворянства Платоновъ отъ души обнялъ оправданнаго Бутурлина и за это будто претерпѣлъ выраженье неудовольствія.

Здесь, в эмиграціи я встрѣтилъ старика Тейтеля, который студентомъ присутствовалъ на разборѣ дѣла Нечаева по обвиненью въ убійствѣ студента Иванова (по уговору съ Швейцаріей къ Нечаеву было предъявлено только уголовное, а не политическое обвиненье). Нечаевъ могъ объяснить руководившіе имъ мотивы, могъ въ последнія минуты свободы держать себя какъ герой, какъ некогда Барбесъ, какъ убийца Орсини… Онъ держалъ себя как герой кабацкій, кричалъ судьямъ: „рабомъ Вашего деспота я быть пересталъ…“ Публику выставили изъ залы…

Вообще, Вы напрасно думаете, что въ этой исторіи, въ этой личности было что-то демоническое, сатанинское. Правильнѣе всѣхъ характеризовал Нечаева — Спасович назвавшій его дѣятельность „Хлестаковщина“.

Хлестаков отъ революціи всѣмъ лгалъ и имѣлъ успехъ, благодаря бездонному невѣжеству среды въ которой онъ дѣйствовалъ, благодаря безграничной глупости своих жертвъ.

А какже онъ обошелъ умнаго Бакунина?

Бакунинъ вѣрилъ, п. ч. онъ хотѣлъ вѣрить. Это съ нимъ бывало. Онъ в [с. 2] Швеціи разсказывалъ о силѣ, вліяніи, численности „Земли и Воли“ Герценъ въ письмѣ смѣялся надъ этимъ хвастовствомъ „и всѣ в заговорѣ: люди и стихіи и пчелы“ так кажется онъ писалъ въ письмѣ, а в разсказѣ для печати написалъ: „вѣрилъ, потому-что хотѣлъ вѣрить“.

Въ дѣлѣ съ Нечаевымъ былъ для вѣры и другой мотивъ — знаменитый фондъ, который Герценъ не давалъ „Убакунивать“, предпочитая просто давать Бакунину денегъ безъ отдачи, изъ своихъ. А Огаревъ уже почалъ фондъ для Бакунина. Лисица видитъ сыръ, лисицу сыръ плѣнилъ. Чтобъ овладѣть фондомъ нужна наличность революціоннаго комитета. И Бакунинъ верилъ въ комитетъ, потому-что хотелъ вѣрить… Я не могу сказать, что Бакунинъ сознательно хотѣлъ выморщить деньги, а такъ вышло, какъ у него постоянно выходило съ деньгами, имъ безъ основанья полученными. Онъ гордо бросалъ въ лицо обѣщанье отдать деньги… и не отдавалъ, как объявилъ заказавшему переводъ Маркса, Любавину.

Но было-же что-то въ Нечаевѣ, какая-то сила. Была сила: „отсутствіе зазрѣній совѣсти и зазрѣній ума“. Онъ дѣйствовалъ на несмысленковъ, не передъ чѣмъ не останавливаясь, ни передъ какою ложью. Эта исторія съ Нечаевымъ — одно изъ паденій Бакунина — ихъ было не мало, наприм [ер] просьба о присылкѣ денегъ, обращенная къ Каткову из Сибири.

Тургенев, не разъ деньгами помогавшій Бакунину, и въ отместку скомпрометированный имъ въ письмахъ, захваченныхъ русской полиціей, видѣлъ въ Бакунинѣ только эти паденья и отрицалъ въ немъ всякое благородство. Герценъ, писавшій ему очень ядовитыя обвиненья (увы правду) въ концѣ концовъ признавалъ въ немъ рядомъ съ множествомъ мелкихъ недостатковъ, огромныя достоинства — „у людей, какъ у вина есть кряжъ особенно удачный — неизвѣстно почему. Бакунинъ родился подъ кометой“.

Рядомъ съ людьми негодующими на Бакунина были люди все прощавшіе ему, ради его беззлобнаго добродушія. Я здѣсь еще засталъ въ живыхъ члена федерального суда Рейхеля, сына стараго друга Бакунина. Онъ съ восхищеньемъ говорилъ о добротѣ Бакунина, вовсе не одобряя его политической дѣятельности.

А знаете-ли Вы, что знаменитый Муравьевъ, Михаилъ Николаевичъ, вѣшатель, добро относился къ Бакунину, въ молодости жившему подъ покровительствомъ этаго своего рода дяди. Послѣ отставки изъ Вильны, Муравьевъ уѣзжалъ въ Швейцарію, гдѣ встрѣтился съ племянникомъ, академикомъ Безобразовымъ, двоюроднымъ братомъ Бакунина. По просьбѣ Муравьева, Безобразовъ [с. 3] устроилъ общій обѣдъ въ гостинницѣ. Дядюшка и опасный племянникъ встрѣтились очень добродушно и дружелюбно.– „А что, дядюшка, если бы я попался вамъ въ руки въ Литвѣ, что-бы вы со мной сдѣлали?“

— „Что-за вопросъ — конечно повѣсилъ-бы“.

— „Люблю правду, отвечалъ Бакунинъ — ведь и я бы васъ повѣсилъ“.

— „А что-бы мы сдѣлали съ Владиміромъ Павловичемъ, который хочетъ податься одновременно и вправо и влѣво?“

Оба отвѣчали: „повѣсили-бы“ и расхохотались.

Этотъ разсказъ я слышалъ отъ Павла Александровича Бакунина, который, кстати сказать, никогда не сидѣлъ въ крѣпости, какъ вы думаете. Сидѣли въ крѣпости Николай Александровичъ и Алексѣй Александровичъ. Одни изъ всехъ 13 ти Мировых посредниковъ Тверскихъ, они не просили помилованья…

Вотъ примѣрно что я хотѣлъ написать. Это было-бы мнѣ не легко, ибо я рѣшительно не хотѣлъ полемизировать съ Вами, привыкнувъ относиться съ уваженьемъ къ имени которое Вы носите. Мнѣ было это нелегко и потому, что я не хотѣлъ-бы — какъ еслибъ Павелъ Александровичъ былъ живъ,— задѣть его чувствливость какимъ-нибудь словомъ, слишкомъ рѣзкимъ.

Ваше письмо освобождаетъ меня отъ полемики съ Вами. Смотрите какъ наростаетъ легенда о Натальѣ Александровнѣ. Бакунинъ пишетъ о ней какъ о будущемъ адептѣ, котораго Огаревъ долженъ помочь ему завербовать. А Стекловъ разсказываетъ, какъ будто все это и совершилось не въ желаемомъ и ожидаемымъ, а въ настоящемъ… А Сажинъ и Ралли разсказываютъ всѣ сплетни, ходившія въ кругахъ Герценамъ враждебныхъ. А Вы всему повѣрили. Вы не хотите полемики, дабы она Вамъ не повредила. Боже сохрани. Но вѣдь Натальѣ Александровнѣ въ Декабрѣ будетъ 86 лѣтъ. Надо торопиться опровергнуть легенду, иначе она еще болѣе укоренится.

Разве полемика если возродится — повредит книге?

Всякій шумъ ей только на пользу. Но на моихъ глазахъ по случаю написаннаго о Натальѣ Александровнѣ сразу куплено четыре экземпляра. Здѣсь в Лозаннѣ книга идетъ отлично. Въ одномъ магазинѣ мнѣ объявили — „все продано,— будетъ после завтра“. У Пайо я виделъ большую полку заставленную Вашей книжкой. Полемика будетъ не съ Вами, а съ Вашими источниками… Стекловымъ (его подлинная фамилія Нахамкисъ, он содержал институт красоты) — конечно я этаго не скажу, какъ не напомню письма Бакунина къ Сажину, съ просьбой побороть свою лживую природу.

[с. 4] Развѣ страшны грозящія нападки Нетлау въ защиту Бакунина, непріятнаго буржуямъ? Бакунинъ велъ себя не какъ врагъ буржуевъ, а какъ подлинный русскій баринъ, знавшій что у него есть подвластный, а „ёнъ достанетъ“.

Вы пишете, что вамъ грозитъ семья Бакунина. Какая семья?

Номинально у Бакунина остался сынъ, который въ началѣ столѣтья прошумѣлъ очень дурно… На что онъ можетъ претендовать? На то что Вы сказали, что онъ сынъ не Бакунина, а Гамбуцци?

Да вѣдь еще жива Александра Васильевна Гольштейнъ, (авеню де ла Турькъ, № 106). Точный адресъ ее извѣстенъ въ редакціи Возрожденія. Редакторъ Юрій Семенов — зять Ммъ Гольштейнъ (только не напишите Гольдштейн, она обидится). Александра Васильевна,

есть та самая Баулер которая написала о послѣднихъ дняхъ Бакунина. Вамъ ничего не стоитъ подтвердить правду того что Вы написали.

Въ концѣ концовъ Вы хорошо сдѣлали, что написали свою книгу для французовъ, которые о Бакунинѣ ничего не знали, какъ ничего не знаютъ о всемъ, что происходитъ внѣ Франціи. (Нѣмцы все-таки интересовались Бакунинымъ — вожди их соціалъ-демократовъ клеветали на него) И для Русскаго читателя, зарубежнаго, книга цѣнная своими сообщеньями объ „исповѣди“ Бакунина и его обращеніи къ Александру IIму. Это „исповѣданье“ передъ царями стоитъ ровно столько [сколько] его честное слово Корсакову не бѣжать, собираясь въ путь именно для этаго.

Вотъ примерно все, что я собирался сказать. Не думаю, чтобъ это могло Вамъ повредить. Нѣтъ, не только не думаю, а просто убѣжденъ въ этомъ.

Я хочу васъ защищать, а не обвинять».

Мартынов М. Ю.

«Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть».

Тексты М. А. Бакунина как источник прецедентности в русском анархизме

Основная цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на примере работ М. А. Бакунина проследить некоторые особенности феномена прецедентности в русском анархическом дискурсе. Во-первых, мы обратимся к анализу известного высказывания Бакунина: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть» — и покажем, что оно является прецедентным. Во-вторых, основываясь на положении, что для прецедентных феноменов характерна многомерность и продуктивность (на их основании продуцируются новые смыслы), проследим дальнейшее развитие в русском анархизме идеи творчества, утверждаемой этим высказыванием.

В современной научной литературе можно выделить несколько подходов к изучению прецедентных феноменов. Наиболее значимыми являются лингвистический, литературоведческий[1] и философский[2] подходы. Прежде всего, мы будем основываться на теоретических по-

---

1 *Михновец Н. Г.* Явление прецедентности: лингвистический и литературоведческий подходы // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. – № 7 (21): Общественные и гуманитарные науки. – Ч. 2. – С. 41–50.

2 *Шарнаускене Т. В.* Прецедент как феномен социокультурной реальности. Автореф. дисс. на степень кандидата философских наук: 09.00.11. – М., 2012. 22 с.

ложениях лингвистического подхода, хотя в определенной степени для нас будут значимы методологические установки каждого из названных. В понимании сущности прецедентных феноменов мы будем исходить из широко известного определения Ю. Н. Караулова: «Назовем прецедентными — тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности»[3]. Мы будем также опираться на теоретические положения, выдвигаемые в работах Н. М. Азаровой, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. Б. Гудкова, Л. И. Гришаевой[4].

Высказывание Бакунина, как известно, появляется в последнем абзаце его статьи «Реакция в Германии», напечатанной в журнале А. Руге в октябре 1842 г. под псевдонимом Жюль Элизар[5]. Статья произвела тогда очень сильное впечатление и наделала много шума как в Германии, так и в России. Если сама статья была через какое-то время забыта, то высказывание Бакунина получило широкую известность среди анархистов самых разных направлений (и не только среди анархистов) и явилось основой известных лозунгов: «Дух разрушения есть дух созидания», «Разрушение есть созидание» и др.

Прецедентное высказывание не должно иметь узких границ функционирования, оно должно быть известно и понятно не только определенному сообществу (в данном случае — анархическому), но также и тем, кто не разделяет анархических взглядов. Иными словами, в основании прецедентного феномена должен находиться определенный об-

---

3 *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – С. 216.

4 Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. Вып. первый. – М.: Гнозис, 2004. 318 с.; Феномен прецедентности и преемственность культур. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. 312 с.; *Азарова Н. М.* «Ode Marítima» Фернандо Пессоа как прецедентный текст // Сборник по материалам Круглого стола «Язык и литература в контексте культурной динамики». 13–14 ноября 2013. Институт языкознания РАН. – М., 2014 (в печати).

5 «Дайте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно созидающий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!»; см.: *Бакунин М. А.* Реакция в Германии // *Бакунин М. А.* Собрание сочинений и писем. 1828–1876 гг. В 4 т. Т. 3. Период первого пребывания за границей. 1840–1849. – М., 1935. – С. 148.

щекультурный инвариант, делающий понятным данное высказывание всем представителям конкретной культуры. Согласно Ю. Н. Караулову: «Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры»[6]. Прецедентные тексты являются своего рода маркерами общих фоновых знаний. Если бы прецедентные феномены были понятны только анархистам, то для вновь вступивших в их ряды требовался бы комментарий и расшифровка, что характеризовало бы высказывание не как прецедентное.

По-всей видимости, в основе высказывания «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!» лежат общеизвестные мифологические представления о порождающем хаосе: в мифе Космос рождается из Хаоса. Мифологическая сторона высказывания включена здесь в структуру общих фоновых знаний. Иным словами инвариантный смысл не является собственностью анархистов и высказывание М. А. Бакунина — это удачная вариация названной мифологической конструкции[7].

Статья Бакунина была в основном посвящена рассмотрению диалектики отрицательного и положительного в связи с политической жизнью Германии. Отметим один существенный момент, связанный с отличием отрицательного от положительного. Согласно Бакунину, отрицательное определяет жизнь положительного, а не как-то иначе, т. е. подлинным существованием обладает одно только отрицательное. Положительное, «взятое само по себе, не имеет права на существование; оно приобретает его лишь в той мере, в какой отрицает покой отрицательного»[8]. Отрицательное существует только как «безоглядное отрицание» и только как таковое имеет право на существование и «абсолютное оправдание».

Мысль о том, что разрушение есть созидание, встречается и в других работах Бакунина. Например, в «Кнуто-германской империи и социальной революции» он утверждает, что одним из важнейших условий всякого человеческого развития является бунт. Человек «начал свою историю и свое чисто человеческое развитие актом непослушания и науки, то есть бунтом и мыслью»[9].

---

6 *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность… – С. 216.

7 Другой вариацией можно считать выражение «анархия — мать порядка», на котором мы здесь останавливаться не будем.

8 *Бакунин М. А.* Реакция в Германии. – С. 140.

9 *Бакунин М. А.* Избранные сочинения. В 5 т. – Т. 2. Кнуто-германская империя и социальная революция. – Петербург; М., 1919. – С. 147.

При этом важно отметить, что по своей сути эти сложные диалектические построения Бакунина, обеспеченные хорошим знанием философии Гегеля, не являются условием прецедентности. Инвариант высказывания, о котором мы говорили выше, не был порожден этим текстом и, возможно, — предшествовал ему. На это указывает и то, что бакунинский текст-источник был в последующем забыт, и то, что очень часто это высказывание использовалось в качестве эпиграфа к листовкам анархистов различных групп и направлений. Эпиграф в тексте занимает сильную позицию и как бы настраивает все последующее изложение в определенной анархической тональности. Последнее возможно при условии автоматического считывания смысла эпиграфа, что не присуще философскому тексту, и в частности, философскому тексту Бакунина. «Философский текст характеризуется напряженным антиавтоматизмом восприятия. Предельность философского текста (каждый философский текст нарушает предыдущую конвенцию) обуславливает невозможность подойти к восприятию текста исходя из каких-либо известных предварительных посылок, в том числе исходя из знакомства с другими философскими текстами»[10].

По всей видимости, философский текст заставляет прецедентное высказывание функционировать по-другому, производить другие смыслы, отличные от общеизвестных (философский текст в этом смысле аннулирует прецедентность). Например, в тексте современного философа Х. Хофмайстера разбираемое нами высказывание функционирует уже не как прецедентное — оно лишено автоматизма: «не заключена ли в деструкции, совершаемой насилием, сила производить что-то новое. Не потому ли „удовольствие от разрушения должно быть одновременно и созидающим удовольствием“»[11].

В научном тексте, напротив, бакунинское высказывание функционирует как прецедентное. На это указывает, например, отсутствие обязательной для научного текста ссылки на источник, что характеризует фразу как общеизвестную. Например, «Синергетика позволяет

---

[10] *Азарова Н. М.* Конвергенция философского и поэтического текстов XX–XXI вв. Дисс. на степень доктора филологических наук: 10.02.19 – Теория языка. – М., 2010. – С. 172.

[11] *Хофмайстер Х.* Воля к войне, или бессилие политики. Философско-политический трактат / Пер. с нем. и послесл. О. А. Коваль. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2006. – С. 45.

понять разрушение как креативный принцип, а „страсть к разрушению как творческую страсть“, о чем писал М. Бакунин, ибо только освободившись от прежнего, повернув процессы в обратную сторону, на противоположный режим, на осколках старого может быть создано что-то новое, привлекающее внимание»[12].

Автоматизм восприятия прецедентного высказывания «Разрушение есть созидание» подтверждается и почти полным отсутствием его критики; в текстах русских анархистов она встречается в очень редких случаях. Например, в текстах А. А. Борового можно найти следующее замечание: «Убеждение, столь распространенное и столь легко дающееся, что само дерзание родит свободу, что акт разрушения уже сам по себе — есть сущность анархического самоутверждения — находится в зияющем противоречии с основными принципами анархизма»[13]. Боровой не приемлет дух разрушения в чистом виде. Он называет его «погромным духом» и отождествляет со «случайными и бесцельными взрывами толпы»[14].

Как известно, точность цитаты не является обязательным условием прецедентности, в отличие от узнаваемости цитаты, т. е. узнаваемость является сущностной характеристикой прецедентности. Различные варианты цитаты в условиях узнаваемости инвариантного смысла характеризует высказывание как прецедентное. Узнаваемость прецедентного высказывания всегда эксплицитна, так как оно является частью не только текста-источника, но также и частью общих фоновых знаний. Именно такие условия функционирования высказывания Бакунина мы и обнаруживаем в текстах русских анархистов.

Среди 500 различных источников, собранных в двухтомнике анархистских документов и материалов, вышеприведенная фраза Бакунина встречается, по нашим подсчетам, 59 раз в 17 различных вариантах. Встречаются конструкции от максимально упрощенных («Дух разрушения — дух созидания»), до развернутых («Наши противники великолепно знают, что в общественной жизни, как и в природе, нет разрушения без созидания, что каждая критическая, негативная сторона содержит еще в себе прямую, позитивную сторону, что разрушая — созидаем»[15]).

---

12 *Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 65.

13 *Боровой А. А.* Анархизм / Вступ. ст. П. Рябова. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – С. 103.

14 Там же. – С. 20.

15 Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 т. – Т. . 1883–1916 гг. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 344.

Среди исследованных нами текстов не было выявлено ни одного случая указания на текст-источник («Реакция в Германии»). В целом для прецедентных высказываний характерно, что текст, породивший прецедентное высказывание, может забываться. Как отмечает Ю. Н. Караулов, отрыв цитат от своих корней, т. е. «не прямое, а косвенное указание на ее источник либо отсутствие всякого указания», является признаком вхождения в «корпус генерализованных высказываний»[16]. Обращение к прецедентному высказыванию «дух разрушения — дух создания» или никак не атрибутировано или атрибуция осуществляется при помощи указания на авторство.

Ссылка на Бакунина при этом не является обязательной и не определяет опознаваемость этого высказывания. Ссылка на Бакунина дается в 29 случаях из 59 (преимущественно в эпиграфах), при этом она иногда дается за счет использования образных средств языка, за счет эпитетов, отражающих константное восприятие Бакунина в общественно-политической жизни («Время, когда бурливая, шумная, живая жизнь сломает мертвые формы прошлого, тогда человек поймет всю глубину слов великого разрушителя: „Дух разрушения есть в то же время созидающий дух“»[17]).

Прецедентное высказывание неизбежно порождает новые культурные смыслы, которые могут сопровождать относительно стабильный инвариантный смысл высказывания. Например, «страсть к разрушению» у Бакунина — творческая. Этот смысловой компонент может выступать в различных отношениях. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, творчество осмысляется как несовместимое с властью. Творчество и власть исключают друг друга. «Всякая власть бессильна в деле творчества и сильна только в деле угнетения»[18]. «Мы не признаем за властью творческой силы. Власть может только приписать себе народное творчество»[19]. «Мы — анархисты — не верим в творческую силу правительственной власти, даже искренно революционной»[20]. «Всякая власть, как бы ни видоизменялась она, всегда являлась помехой для творческой деятельности коллектива»[21].

---

16 *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – С. 231.

17 Анархисты. Документы и материалы… – Т. 1. – С. 79.

18 Анархисты. Документы и материалы… – Т. 2. 1917–1935 гг. – С. 444.

19 Там же. – С. 173.

20 Там же. – С. 65.

21 Анархисты. Документы и материалы… – Т. 1. – С. 491.

Условием творчества является не власть, а свобода. В антииерархическом персонализме Н. Бердяева творческая активность личности есть сопротивление тяжести мира, благодаря творчеству возможно «торжество свободы над рабством мира»[22]. «Рабство есть пассивность. Победа над рабством есть творческая активность»[23]. При этом свобода ни в чем не укоренена — ни в бытии, ни в Боге; она, согласно Бердяеву, безосновна, ее источник — чистое ничто.

Очень похожие размышления встречаются в текстах А. А. Борового: «Творческий акт есть преодоление, победа, победа творящего над первоначальной косностью, проникающей мироздание, выход его из пассивного состояния в положение борющегося „я“»[24]. Между концепциями творчества Бердяева и Борового существуют, правда, и несколько важных отличий. Если у Бердяева творчество не связано с властью, то Боровой, напротив, говорит о воле творца к власти: «Творческий акт есть воля к жизни и воля к власти — власти над окружающим»[25]. Кроме этого, победа над косностью мира, согласно Боровому, предполагает и необходимую жестокость: «океаны жестокости заключены в решимости творца, его революционных открытиях»[26]. Эта жестокость, впрочем, оправдана и необходима: «Что стал бы мир без дерзновения. […] Плоды его [творца] „жестокости“ освятят миллионы человеческих существований, им же послужат оправданием»[27]. Понятно, что логику подобного необходимого насилия очень сложно согласовать с основными положениями персонализма Н. Бердяева.

Во-вторых, творчество может пониматься как созидание. «Правительства обладают силой разрушения, но они не творят. Творят только массы, своим действием выковывая свою многогранную жизнь»[28]. «На анархистах […] лежит обязанность ясного выявления перед ищущими массами новых путей самостоятельного и безвластного революционного творчества и созидания»[29]. «На всякой улице,

---

22 *Бердяев Н.* О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической философии). – Paris: YMCA-PRESS, 1939. – С. 23.

23 Там же. – С. 60.

24 *Боровой А. А.* Анархизм… – С. 158.

25 Там же. – С. 159.

26 Там же.

27 Там же.

28 Анархисты. Документы и материалы… – Т. 1. – С. 533.

29 Анархисты. Документы и материалы… – Т. 2. – С. 338.

во всякой деревушке, в каждой группе людей, сгруппировавшихся около фабрики или железной дороги, должен проснуться творческий, созидательный и организационный дух»[30].

В-третьих, творчество осмысляется как разрушение. Разрушительную энергетику творчества можно обнаружить у многих футуристов: «Видя в футуризме бунт, мы больше ничего не видим, и приветствуем его как бунт, приветствуем революцию, и тем самым требуем уничтожения всего и всех основ старого, чтобы из пепла не возникли вещи и государство»[31]. Связь анархии и разрушительной силы творчества ощущается и современной анархической мыслью. В небольшой заметке «Творческая страсть», опубликованной в анархической газете «Ситуация», творчество максимально сближается с разрушением: творчество — это преимущественное право тех, «кто разрушает все, что связано с определенностью. […] Творчество штука бескомпромиссная. И разрушать надо до конца, раз уж взялся. […] Разрушение вообще дело веселое. Творческое»[32].

В-четвертых, творчество может быть связано с идеей «неприятия мира», бегства от мира. Вообще, как отмечает Н. М. Азарова, «творчество, начиная с начала XIX века, мыслит в основном оппозициями, прежде всего оппозициями миров — мира творчества и иного мира. В идее творчества заложена идея *освобождения от* и как частный случай идея освобождения от мира»[33]. Идея освобождения от мира близка анархизму, особенно мистическому анархизму, который, как известно, своим существованием обязан творчеству Г. Чулкова.

«Идея неприятия мира — идея мистико-анархическая […]. Мистический анархизм до конца утверждает свою подлинную сущность только в этом споре *против мира данного* во имя мира, долженствующего быть, — так что идея неприятия является ближайшим определением мистического анархизма»[34].

---

30 *Кропоткин П. А.* Анархия, ее философия, ее идеал // *Кропоткин П. А.* Сочинения. – М.: Эксмо, 2004. – С. 673.

31 *Малевич К.* Собрание сочинений в пяти томах. – Т. 1. Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. (1913–1929). – М.: Гилея, 1995. – С. 60–125; 330–349.

32 Творческая страсть // Ситуация. 2003. – № 2. – С. 4.

33 *Азарова Н. М.* Рождение и творчество // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук: Материалы конференции. – М., 2008. – С. 149.

34 *Иванов В. И.* По звездам. Борозды и межи. – М.: Астрель, 2007. – С. 98.

В. И. Иванов оценивал скитальчество, бродячий образ жизни в качестве идеала «анархического отрицания общественного строя»[35]. Об этом он говорил, разбирая поэму «Цыганы» и называя ее анархической поэмой. Табор цыган у Пушкина есть идеальный анархический союз, идеальная анархическая община. При этом скитальчество как отрицание мира и как достижение вольности обеспечено религиозным началом.

Эти размышления можно продолжить, приняв фундаментальное для религиозного сознания противопоставление Бога и мира. С. Булгаков в «Свете невечернем», характеризуя это противопоставление, отмечает, что вместе с открытием Бога открывается и новое ощущение мира как противоположного Богу, как удаленного от него, хотя от него зависящего, — и в этой удаленности происходит открытие несовершенства мира, его «относительности и греховности», в связи с чем «одновременно зарождается и стремление освободиться от „мира“, преодолеть его в Боге»[36]. С таким ощущением мира Булгаков связывает пессимизм, «мировую скорбь», но такой пессимизм в религиозном мироощущении — не самодостаточен, так как должен вести к пробуждению «от сна самодовольства и миродовольства».

Ортодоксальная линия православной веры не допускает абсолютного отказа от этого мира, и феномен ухода связан с трансформациями православной веры. Например, в старообрядчестве, среди беспоповцев, существовали так называемые странники или бегуны, посвятившие свою жизнь странству, взявшие на себя крест странства в поисках безгреховного рая. При этом крест странства мог быть даже выше креста Христа[37]. Их бегство было связано с неприятием власти гражданской и церковной, которая, например, согласно основателю согласия бегунов Евфимию, имела природу Антихриста. Бегство от мира, означало, по сути, бегство от власти Антихриста. Анархизм в данном случае — это не активная борьба с властью, а пассивное неприятие — бегство от власти русской церкви и русского государства.

В этом же ряду можно рассматривать и бегство от мира (в том числе и буквальное) Л. Н. Толстого, разделявшего анархические взгляды. Избавление от мира может пониматься и в духе К. Малевича, как беспредметность, которая так же по своей сути несет анархическое начало.

---

35 Там же. – С. 139.

36 *Булгаков С. Н.* Свет невечерний. Созерцания и умозрения. – М., 1994.

37 *П. А.* Анархические устремления в русском сектантстве XVII I– XIX вв. // Очерки истории анархического движения в России: сб. ст. – М.: Голос труда, 1926. – С. 24.

Супрематизм Малевича, связанный с анархизмом, можно рассматривать как борьбу с государством: «как бы мы ни строили государство, но раз оно — государство, уж этим самым образует тюрьму»[38].

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что язык русских анархических текстов на уровне функционирования отдельных прецедентных высказываний имеет одним из своих источников тексты М. А. Бакунина. При этом по причине определенной специфики принципов анархического миросозерцания (отрицание авторитетов, субординации, иерархий, централизации и др.) речь здесь идет именно о прецедентности, которая в данном случае не совместима с каноничностью, с различными клише и штампами. Высказывание Бакунина не является четко установленным образцом для подражания, оно задает лишь некоторый дискурсивный способ осмысления ключевых идей анархизма, в рамках которого, как в примере с «творчеством», возможна бесконечная вариативность.

Сидоров А. Н.

Французский анархист Гастон Леваль и дискуссия об отношении Бакунина к науке

В наши дни любят говорить о так называемой меритократии (буквально «власть достойных», от лат. meritus — достойный и др. — греч. κράτος — власть, правление). Как защитники «реального социализма», так и сторонники капитализма оправдывают деление общества на господствующие и управляемые слои тем, что у власти находятся самые умные, образованные и способные граждане. Существует также теория, согласно которой в грядущем постиндустриальном информационном обществе власть будет принадлежать уже не капиталистам и не бюрократам, а интеллектуалам. Впрочем, впервые эту идею выдвинул еще древнегреческий философ Платон, согласно теории которого самое лучшее государство то, где власть принадлежит философам. Русский анархист Михаил Бакунин был одним из наиболее резких и убедительных критиков этой идеи. В данной статье анализируется дискуссия об отношении Бакунина к науке на страницах французского журнала «Темуан».

Французский анархист Гастон Леваль, чье настоящее имя — Пьер Робер Пийе (Pierre Robert Piller), стал свидетелем самых драматичных

---

[38] *Малевич К.* Собрание сочинений в пяти томах. – Т. 1… – С. 60–125; 330–349.

событий в истории анархистского движения в XX веке: антивоенного движения в годы Первой мировой, деятельности профсоюза ФОРА в Аргентине, гражданской войны в Испании, Мая 1968-го во Франции.

Пьер Робер Пийе родился 20 октября 1895 г. в коммуне Сан-Дени, к северу от Парижа. Его отец был участником Парижской Коммуны. В молодости он работал каменщиком и жестянщиком. Вскоре он стал участником французского анархистского движения.

В 1915 г. 19-летний Пьер Робер, чтобы избежать отправки на фронт, бежал в Испанию. В 1921 г. Пийе в составе делегации испанских анархо-синдикалистов из НКТ направился в Москву на учредительный съезд Красного Профинтерна. В это время он выбрал себе псевдоним Гастон Леваль.

В Москве Леваль встретился с перебравшимися в Россию французскими коммунистами, среди которых были Виктор Серж, Альфред Росмер и Марсель Боди. Бывший французский анархист Виктор Серж в частном разговоре сказал Левалю, что «Коммунистическая партия теперь осуществляет не диктатуру пролетариата, а диктатуру над пролетариатом»[1]. Анархисты Александр Беркман и Эмма Гольдман рассказали ему о ситуации в России. Он пытается узнать о судьбе политзаключенных-анархистов. Французский анархист сумел проникнуть за стены тюрьмы, переодевшись женщиной и встав в очередь родственников заключенных. Гастон Леваль рассказывал, как ему предложили посетить школу. Он обратил внимание, что все школьники хорошо одеты, ухожены и напоминают французских детей из буржуазных семей. Оказалось, что эта была школа для детей партработников и перешедших на службу к новому режиму буржуазных «спецов» (специалистов).

В конце 1921 г. Гастон Леваль вернулся в Испанию. По пути он остановился в Париже, где написал серию статей о своем пребывании в России для анархистской газеты «Либертер» (11–17 ноября 1921 г.). В Испании он порекомендовал НКТ аннулировать членство в Коминтерне и Профинтерне.

В Испании Леваль одно время работал учителем в созданной проанархистским профсоюзом моряков рационалистской школе. В годы диктатуры Примо де Риверы продолжение этого педагогического эксперимента оказалось невозможным. В 1924 г. Леваль уезжает в Латинскую

---

[1] *Герен Д.* Анархизм: от теории к практике / Даниэль Герен. – М.: Радикальная теория и практика, 2013 – С. 136.

Америку, где участвует в анархистском движении в Парагвае и Аргентине. Первые годы после переезда он жил в крайней нищете. Его дочь умерла из-за отсутствия медицинской помощи и ему нечем было даже заплатить за гроб. В 1931 г. в Испании была провозглашена республика. В 1934 г. Гастон Леваль возвращается на испанскую землю.

Затем последовал франкистский военный путч, и Испания вступила в эпоху гражданской войны. Анархисты установили контроль над провинциями Каталония и Арагон. Гастону Левалю, наряду с другими анархистами, предложили пост в Женералитете Каталонии, но он отказался и уехал во Францию, где участвовал в создании сети по закупке оружия. Впоследствии (в 1971 г.) он напишет книгу об анархистском эксперименте по построению безгосударственного общества в Испании — «Либертарная Испания (36–39 гг.)».

Во Франции в 1938 г. он был арестован за уклонение от призыва в армию. В 1940 г. он бежал из тюрьмы и до 1953 г. жил на нелегальном положении.

В 1950-х годах анархистское движение во Франции переживает упадок. Для французского анархизма это была эпоха «перехода через пустыню». После неудачного эксперимента по созданию «анархо-большевистской» Коммунистической либертарной федерации[2] Гастон Леваль участвует в восстановлении Анархистской федерации. В этот период ветеран анархистского движения предпочитает не употреблять термин «анархизм» и называет себя «либертарным социалистом». Ортодоксальные анархисты обвиняют Леваля в «реформизме» и «ревизионизме». Тогда же он пришел к выводу, что вооруженное восстание против современного государства обречено на поражение. Для подтверждения своей мысли он ссылается на письмо Бакунина Элизе Реклю, в котором великий бунтарь утверждает, что эра революций прошла. По мнению Леваля, надо делать упор на создание кооперативов, антиавторитарных профсоюзов и не пытаться навязать всем единый путь к либертарному обществу[3].

Во время событий мая-июня 1968 г Гастон Леваль участвует в организованных в большом амфитеатре Сорбонны дискуссиях и пропагандирует анархистские идеи.

---

2 *Сидоров А. Н.* Анархистское движение во Франции после Второй мировой войны и идеология «анархо-марксизма» // Прямухинские чтения 2009 года. – М.: Типография «Футурис», 2011. – С. 52–59.

3 *Toueblet J.* L'oeuvre de Gaston Leval: http://monde-nouveau.net/spip.php?article159.

Гастон Леваль был известен как знаток и пропагандист идей Михаила Бакунина. Ему пришлось как опровергать разного рода антибакунистские мифы, так и защищать истинные идеи Бакунина от их вульгарных и примитивных интерпретаций.

В 1951 году Альбер Камю опубликовал эссе «Бунтующий человек». Гастон Леваль ответил серией статей «Бакунин и „Бунтующий человек“ Альбера Камю»[4]. Камю обвинял Бакунина в панславянском национализме на основе «Исповеди» и в революционном аморализме на основе «Катехизиса революционера». Но «Исповедь» была написана, чтобы обмануть царя, и вся жизнь Бакунина опровергает обвинения в аморализме. Камю считал Бакунина врагом науки, хотя Бакунин выступал не против науки, а против правления ученых. Гастон Леваль назвал Камю «бакунистом, не знающим о том, что он бакунист». Камю ответил Левалю небольшой статьей «Бунт и романтизм», в которой во многом признал его правоту[5].

К вопросу об отношении Бакунина к науке и ученым Леваль вернулся в 1954 г. в опубликованных в журнале «Темуан» отрывках из своей книги о Бакунине. Он полемизирует с автором предисловия к французскому изданию «Исповеди» Фрицем Брупбаш (Fritz Brupbacher)[6]. Брупбаш приводит несколько вырванных из контекста цитат, на основании которых читатель может прийти к выводу, что Бакунин был непримиримым врагом науки. Интересно, что автор предисловия вовсе не стремился развенчать великого бунтаря. Фриц Брупбаш, напротив, видит в стремительном развитии науки угрозу для человечества, а Бакунина считает своим единомышленником. Леваль в ответ цитирует Вольтера: «Боже, избавь меня от друзей, а с врагами я и сам справлюсь»[7]. Статья «Бакунин и наука» состоит из двух частей. Первая часть «Защита науки» рас-

---

4 *Leval G.* Bakounine et «L'Homme révolté» d'A. Camus // Libertaire. 1952. 28 mars, 4, 11,18 avril.

5 *Сидоров А. Н.* Жан-Поль Сартр и либертарный социализм во Франции (50–70-е гг. XX в.): Монография. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. – С. 3–24.

6 Это предисловие было впоследствии также опубликовано в журнале «Темуан»: Témoins. – № 10/11 (automne–hiver 1955–1956): http://www.la-presse-anarchiste.net/spip.php?article813.

7 *Leval G.* Bakounine et la science // Témoins. – № 6 (été 1954): http://www.la-presse-anarchiste.net/spip.php?article623.

сказывает о подлинном отношении Бакунина к науке. Две подглавы «Опасность сциентизма» и «Наука и жизнь» из-а нехватки места не были опубликованы в «Темуан». Там Леваль доказывает, что русский мыслитель выступал за свободный поиск истины учеными, но применение результатов этого поиска должно служить интересам человечества. Во второй части речь идет об опасной идее передать всю власть ученым.

Бакунин, после разочарования в спекулятивной философии, высоко ценил методы естественных наук, но при этом он не уставал напоминать, что жизнь неизмеримо шире, богаче и интересней любых научных теорий.

Леваль показывает, что Бакунин также высоко ценил труды философа-позитивиста, одного из основоположников социологии Огюста Конта. По мнению Бакунина, наука является основанием освобождения трудящихся.

Вскоре на страницах «Темуан» появился отклик анархиста Прюдоммо (Prudhommeaux) на первую часть статьи. Прюдоммо решил заступиться за Брупбаша. В своей статье он утверждает, что Брупбаш и Малатеста «предпочли иконоборца и волюнтариста, тогда как ты отстаиваешь существование преемственности между Бакуниным и кропоткинской школой, рассматриваемой как школа научного материализма»[8]. Прюдоммо утверждает, что Бакунин ошибался и современная наука не может служить освобождению человечества, необходимо создать новую науку. Впрочем, оппонент Леваля пишет свой ответ не для того, чтобы показать «каким был настоящий Бакунин или даже каков подлинный Брупбаш». Он выступает против «сциентистского оптимизма», элементы которого находит и у Бакунина, и у Кропоткина, и у Прудона. Его идеал — «экспериментальный социализм», где каждая община будет искать свой путь к анархии, вместо того чтобы действовать «по науке».

Почему Бакунин считает власть ученых худшей из всех разновидностей тирании? Дело в том, что ум и образованность вовсе не гарантируют высоких моральных качеств. Напротив, из всех господствующих классов наихудший — класс «аристократии ума». «Аристократия дворянства говорит работнику: „ты честный человек, но ты не дворянин“.<…> Аристократия капитала признает за работником всевозмож-

---

[8] *Prudhommeaux A.* Socialisme et scientis*m* // Témoins. – №8 (printemps 1955): http://www.la-presse-anarchiste.net/spip.php?article730.

ные достоинства, „но, прибавляет она, у тебя нет ни гроша за душой“. <…> Но аристократия ума говорит работнику: „ты ничего не знаешь, ничего не понимаешь, ты осел, а я разумный человек, поэтому я должен тебя навьючить и вести“»[9].

Примером подобных «аристократов ума» для Бакунина были Конт и его последователи, сторонники «позитивной политики», которые от бескорыстного служения истине перешли к культу новой научной церкви с жрецами-интеллектуалами.

По мнению Гастона Леваля, опыт XX века подтвердил правоту Бакунина: «Все политические режимы: консервативные или либеральные, капиталистические или социалистические, демократические или диктаторские, фашистские, нацистские или коммунистические, имели или имеют у себя в распоряжении подавляющее большинство ученых, раболепных и безвольных, всегда готовых служить тем, кто сильнее, особенно если они хорошо платят»[10].

Далее Леваль отвечает на вопрос: «способствует ли, по мнению Бакунина, наука освобождению трудящихся?». Ответ на этот вопрос зависит от того, в какой степени достижения науки доступны трудящимся. В статье «Всестороннее образование» Бакунин, вслед за немецким социалистом Лассалем, так отвечает на этот вопрос: «Для того, чтобы судить о прогрессе рабочих масс, с точки зрения их политического и экономического освобождения, не нужно сравнивать их умственный уровень в настоящем веке с умственным уровнем их в прошлые века. Надо посмотреть, прогрессировали ли они за данный период времени в такой же степени, как и привилегированные классы. Ибо, если они совершили такой же прогресс, как и эти последние, разница в умственном развитии между ними и привилегированными будет такая же, как и прежде; если пролетариат совершит больший прогресс и быстрее, чем привилегированные, разница эта необходимо уменьшится. Если же, наоборот, прогресс рабочего будет идти медленнее и, следовательно, будет совершен в меньшей степени, чем прогресс господствующих классов, в тот же промежуток времени, разница эта увеличится: пропасть, разделявшая их, станет шире, привилегированный станет более мо-

---

9 *Бакунин М. А.* Усыпители // *Бакунин М. А.* Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 308.

10 *Leval G.* Bakounine et la science // Témoins. – № 7 (automne 1954): http://www.la-presse-anarchiste.net/spip.php?article701.

гущественным, рабочий сделается более зависимым, более рабом, чем раньше»[11]. Поэтому Бакунин считал более революционными трудящихся таких отсталых стран, как Италия или Испания, где значительная часть населения были неграмотны.

Итак, остается ответить на вопрос: «Какова, по мнению Бакунина, будет роль людей науки в будущем анархическом обществе?». Бакунин согласен с тем, что в обществе всегда будет не много подлинных интеллектуалов: «Нам кажется, что чрезвычайно ошибаются те, которые воображают, что после социальной революции все будут одинаково учены. <…> Общим достоянием сделается только общее научное образование и, главное, знакомство с научным методом, привычка мыслить, т. е. обобщать факты и выводить из них более или менее правильные умозаключения. Но энциклопедических голов, а потому и ученых социологов всегда будет очень немного»[12]. Но ученые не должны управлять остальными людьми и не должны обладать никакими привилегиями. Творческий умственный труд сам по себе является достаточным вознаграждением и стимулом к работе. Гастон Леваль считает, что опыт СССР подтвердил прогноз Бакунина о привилегированном положении интеллектуалов при государственном социализме по Марксу. Так называемые «работники умственного труда» зарабатывают в России в двадцать пять раз больше, чем простой рабочий. «Академики <…> получают по пятнадцать, двадцать, тридцать тысяч рублей в месяц, а директора заводов получает шесть-десять тысяч, тогда как рабочие в среднем получают по шестьсот рублей, а некоторые по сто пятьдесят»[13].

Таким образом, дискуссия французских анархистов в журнале «Темуан» показала, что в бакунинском мировоззрении можно выделить как рационалистическую сторону, так и волюнтаристскую. В отличие от своих оппонентов Прюдоммо и Брупбаша, Гастон Леваль делал упор на рационалистическую сторону учения Бакунина. В наши дни, когда мы видим, с одной стороны, растущую популярность идей меритократии, власти «аристократов ума», а с другой — рост иррационализма и неверия в возможности науки, анализ Гастоном Левалем идей Бакунина о роли науки и правлении интеллектуалов особенно актуален.

---

11 *Бакунин М. А.* Всестороннее образование // *Бакунин М. А.* Избранные труды… – С. 316–317.

12 *Бакунин М. А.* Государственность и анархия // *Бакунин М. А.* Избранные труды… – С. 607–608.

13 *Leval G.* Bakounine et la science // Témoins. – № 7…

Суворов В. П.

М. А. Бакунин и Тверской край во второй половине XIX века[α]

В отечественной литературе, благодаря трудам российских и тверских историков и краеведов, достаточно подробно изучены связи М. А. Бакунина с Тверским краем во время пребывания в России и в эмиграции до его смерти в Швейцарии в 1876 г. [1]. В то же время, роль М. А. Бакунина в развитии народнического движения и анархистских идей в Тверском крае нуждается в дальнейшем изучении и систематизации, поскольку имеющиеся публикации недостаточно полно освещают данную проблему[2].

В литературе, опубликованных источниках, в тверских архивах и музеях отложились малоизученные документы, воспоминания, в которых имеются материалы, свидетельствующие, что М. А. Бакунин и его адепты оказали серьёзное влияние на освободительное движение 1860–1870-х гг. на тверской земле.

Одним из источников популярности М. А. Бакунина в Тверском крае было молодое поколение его прямухинских родственников, в среде которых возникла легенда о «дяде Мишеле» (так называли его близкие) и его революционной деятельности. Так, самые первые и яркие впечатления его восьмилетней племянницы Вари, дочери Н. А. Бакунина, о революционерах были связаны с её знаменитым дядей. В 1890–1891 гг. в Прямухине издавался домашний журнал «Мельница» с участием детей и взрослых. В нём Варвара Николаевна поместила свои «Воспоминания детства о Мишеле Бакунине». «Мы,

---

α Статья печатается с сокращениями. В полном объеме — см.: Бакунинский сборник. – Вып. 1. – Тверь: Славянский мир, 2004. – С. 25– 40. — *Ред.*

1 *Корнилов А. А.* Молодые годы Михаила Бакунина. – М., 1915; *Он же.* Годы странствий Михаила Бакунина. – Л.; М., 1925; *Пирумова Н. М.* Михаил Бакунин: Жизнь и деятельность. – М., 1966; *Она же.* Бакунин. – М., 1970; *Она же.* Социальная доктрина М. А. Бакунина. – М.,1990; *Полонский В.* Михаил Александрович Бакунин: жизнь, деятельность, мышление. – Т. 1, 2. – М., 1922, 1925; *Сысоев В.* Бакунины. – Тверь, 2002.

2 *Канев С. Н.* Революция и анархизм: Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840–1917). – С. 145; *Виноградов В. А.* Крестьянское движение в Тверской губернии в 1861–1881 год*ах* // Крестьянское и революционно-демократическое движение в XVIII–XIX вв. – Калинин, 1969. – С. 72–132; *Суворов В. П.* Село Прямухино в истории российского и тверского анархизма: Исторический очерк. Изд. 2-е. – Тверь, 2003.

дети, ничего не знали о том, что у нас есть ещё один дядя,— писала Варвара Николаевна,— пока двоюродный брат Миша Вульф не поведал о нём. Он рассказал, что это самый старший из всех других дядей. Он просидел десять лет в крепости у австрийцев, так как сражался в Европе за свободу людей. Затем австрийский император передал его царю Николаю I, и теперь его держат в крепости, хотя этого не заслуживает, так как очень хороший человек. После такого разговора все дети пришли к выводу о необходимости освобождения дяди Мишеля»[3].

По воспоминаниям В. Н. Линда, Михаил Вульф ещё в гимназии был таким же революционером по чувству, как впоследствии сам Линд, известный тверской земец-оппозиционер. М. Вульф очень уважал своего дядю Михаила Александровича Бакунина, готовился стать его последователем, толковал о революции и о походе революционеров на Петербург. В. Н. Линд отмечал также большое воспитательное влияние молодого Вульфа на своих родных и двоюродных братьев и сестёр. Внезапная смерть юноши в 1865 г. стала огромным несчастьем для всей бакунинской семьи[4].

В 1857 г. Александр II заменил М. А. Бакунину заключение в крепости ссылкой в Сибирь. Ранней весной этого же года по дороге в ссылку Михаил Александрович заехал в Прямухино. Варя с сестрой Олей ходили за ним хвостиком, боялись проворонить хотя бы одно его слово. С первого взгляда Михаил Александрович поразил Варю своей толщиной и весёлым характером. Таких толстых и весёлых она никогда еще не видела. Говорил он очень много и весело смеялся. Голос у него был громкий и звучный. Михаил Александрович приехал в сопровождении двух жандармов. На другой день все дяди и тёти поехали провожать его в Зайково. Оттуда М. А. Бакунин отправился прямо в Сибирь. Больше Варвара его никогда не видела. В 1861 г. Михаил Александрович убежал из Сибири в Америку, оттуда переехал в Европу, где и жил до самой смерти в 1876 г. [5]. Возможно, пример дяди способствовал в дальнейшем, среди прочих причин, усвоению Варварой Николаевной Николаевской (Бакуниной) народнических

---

[3] Записки княгини Н. Т. Кропоткиной (машинописная копия). – С. 37 // Тверской Государственный Объединённый Музей (ТГОМ). Филиал ТГОМ. Музей М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд Бакуниных; Мельница. 1890. – № 2. – С. 14 // Там же; *Пирумова Н. М.* Бакунин… – С. 148–149.

[4] *Линд В. Н.* Воспоминания о моей жизни // Русская мысль. 1911. – № 16. – С. 46.

[5] Мельница… – С. 14.

и анархических (толстовских) идей и её участию в революционном движении[6].

По воспоминаниям родственников, почитателем М. А. Бакунина и «анархистом в душе» называл себя другой его племянник Александр Николаевич Дьяков, сын Варвары Александровны Дьяковой (Бакуниной), проживавшей в имении Луганово Тверского уезда. После окончания Тверской мужской гимназии в 1855 г. он учился до 1859 г. на физико-математическом факультете Московского университета, а в дальнейшем до своей смерти в 1915 г. принимал активное участие в общественно-политической жизни Тверской губернии[7].

Осенью 1857 г. он получил от приехавшей из Томска К. Ф. Масловской, жены офицера томского гарнизона (из ближайшего окружения ссыльного М. А. Бакунина), бакунинское письмо, датированное 3 сентября 1857 г. и адресованное В. А. Бакуниной. В нём, вопреки создаваемому им в ссылке впечатлению о себе как об успокоившимся, добропорядочном, окончательно порвавшим с революционным прошлым человеке, Бакунин весьма откровенно поведал сестре о своих дальнейших планах. Прежде всего — о жажде деятельности и вере в будущее, которое «после многих серьёзных размышлений решительно себе определил». Поэтому, писал Бакунин, он ждал «живейшим образом известий из России, которые должны мне развязать руки». Письмо показывает, что М. А. Бакунин по-прежнему оставался беспокойным человеком — бунтарём, каким и был до заключения в тюрьму[8].

К письму была приложена копия памятной записки, которую Бакунин направил генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорду через своего друга Конева. Не надеясь, что ей дадут ход, он просил предать её великой княгине Елене Павловне при посредничестве близкой к ней настоятельницы «Крестовоздвиженской общины попечения о раненых и больных» Екатерины Михайловны

---

6 Записки княгини Н. Т. Кропоткиной… – С. 37; *Иванов М. Н.* Записки политзаключённого. – Курск, 2003. – С. 384–385; Дневники и тетради Е. А. Бакуниной // Архив ТГОМ. КОФ 6479. – Т. 1–4.

7 Тверская область. Энциклопедический справочник. – Тверь, 1994. – С. 95.

8 *Пирумова Н. М.* Социальная доктрина М. А. Бакунина... – С. 80; Государственный Архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1407. Оп. 1. Д. 53. Л. 7. (Материалы из архива семейства Бакуниных, включая данное письмо, поступили в ГАТО в 1965 г. Оно писано частично на французском, подготовлено к публикации, но не опубликовано тверским краеведом И. Ф. Голубевым; см.: *Голубев И. Ф.* Письма Бакуниных. – Калининская правда. 26 сент. 1965. – С. 4).

Бакуниной. Нуждаясь в надёжном помощнике в своих конспиративных делах, он также просил прислать к нему в Томск из Прямухина хорошего, неженатого человека, предварительно отпустив его и всё его семейство на волю, «если он будет вести себя хорошо»[9].

Из письма следует, что М. Бакунин пытался наладить тайную переписку не только с В. А. Дьяковой, другими братьями и сёстрами, но и с А. Н. Дьяковым в Москве. С этой целью он дал адрес на надёжное подставное лицо в Томске без указания в качестве адресата своего имени[10].

Возможно, такая переписка М. Бакунина с племянником имела место и оказала на него определённое влияние. Об этом свидетельствует выступление А. Н. Дьякова в 1861 г. как мирового посредника в защиту интересов крестьян при проведении крестьянской реформы. В 1882 г. его привлекли к дознанию по обвинению в оскорблении «особы государя императора». В 1885 г. он, как мировой судья г. Твери, активно защищал участников стачки анархо-синдикалисткой направленности на Морозовской мануфактуре, подготовленной бывшими членами кружка С. П. Зарубаева, крестьянина-отходника из кружка «чайковцев». В 1886 г. А. Н. Дьяков был постановлен под надзор полиции как политически неблагонадёжный, а имение «Луганово», где он постоянно проживал, превратилось в убежище для революционеров различных направлений и объект пристального внимания тверских жандармов[11].

Другим источником проникновения анархических идей в Тверской край были тверитяне — активные участники петербургских кружков: вышневолоцкая дворянка Олимпиада Евграфовна Кутузова и осташковский мещанин Иван Иванович Бочкарёв. Старшая сестра О. Кутузовой была замужем за одним из теоретиков русского нигилистского анархизма Варфоломеем Александровичем Зайцевым. Видимо, под его влиянием она увлеклась анархистскими идеями и анархистами[12]. О. Кутузова состояла в гражданском браке

---

9 ГАТО. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 53. Л. 7

10 Там же. Л. 8–9. (Содержание памятной записки М. А. Бакунина Г. Х. Гасфорду неизвестно. Возможно, как и в письме к начальнику 8-го Западно-Сибирского жандармского округа генералу Я. Д. Казимирскому от 12 авг. 1857 г., в ней содержится просьба разрешить ему «возможность беспрепятственно разъезжать по Сибири и право под своим именем заниматься делами»).

11 Тверская область… – С. 95, 100, 103.

12 *Пирумова Н. М.* Бакунин… – С. 378.

с лидером итальянских анархистов Карло Кофиеро, на вилле которого «Баронато» в 1870-е гг. жил и разрабатывал планы «социальной революции» в России и Италии М. А. Бакунин. О. Кутузова помогала М. Бакунину и К. Кафиеро, перевозила в Романию, где анархисты готовили революцию, динамит, зашитый в полотенце, обвязанное вокруг талии, участвовала и в других акциях анархистов. Она неоднократно приезжала к себе на родину, в имение Лялино Вышневолоцкого уезда, что неподалёку от станции Леонтьево Николаевской железной дороги, и каждый раз попадала в поле зрения тверских жандармов[13].

Сын осташковского купца И. И. Бочкарёв в середине 1860-х гг. уехал в Петербург, был вольнослушателем юридического факультета университета, а затем с головой окунулся в революционную работу как член революционного кружка «Сморгонская академия»[14]. Его однокурсник по юридическому факультету Иван Ильич Петрункевич в своих воспоминаниях характеризует И. И. Бочкарёва как необыкновенно честного, аккуратного и педантичного человека. Бочкарёв имел в столице типографию и литографию, издавал прогрессивную литературу, но из-за своей честности и бескорыстности потерял на типографии всё состояние. Из-за своих убеждений он не мог долго работать ни на одном месте. Бочкарёв принципиально жил только своим трудом и выносил все трудности с полным стоицизмом[15].

В 1867 г. И. И. Бочкарёв был послан кружком «Сморгонская академия» за границу для ознакомления со славянским вопросом и объездил всю Европу, кроме Англии[16]. В 1868 г. он посетил Женеву, где вокруг М. А. Бакунина сложился революционный кружок из молодых русских политэмигрантов, выпустивших первый номер журнала «Народное дело». В опубликованных в журнале статьях, написанных Бакуниным, впервые в развёрнутом и систематизированном виде была изложена его анархистская программа. Возможно, в Женеве И. И. Бочкарёв встречался и беседовал со своим земляком из соседнего Новоторжского уезда М. А. Бакуниным. Бочкарёв привёз в Россию журнал «Народное дело». Статьи М. Бакунина произвели

---

13 *Кафиеро О. Е.* Друг Бакунина Карло Кафиеро // Голос минувшего. 1914. – № 5. – С. 127; *Кафиеро-Кутузова О.* Из далёкого прошлого // Былое. 1907. – № 1. – С. 179.

14 ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 67. Л. 16 об.

15 *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля: воспоминания // Архив русской революции. – Т. 21–22. – М., 1993. – С. 234.

16 ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 7837. Л. 3; Ф. 927. Оп. 1. Д. 2329. Л. 73.

сильное впечатление на молодёжь призывами к разночинной интеллигенции пробудить в народе социалистическое сознание и вызвать всенародное восстание-бунт[17].

Сразу же после возвращения из-за границы И. И. Бочкарёв был арестован, посажен в тюрьму, а затем выслан на родину, в г. Осташков, под гласный надзор полиции. Там вокруг И. И. Бочкарёва сложился кружок молодёжи нигилистской направленности.

19 июня 1869 г. на его имя в Осташков по почте пришёл пакет из Женевы с прокламациями и брошюрами Бакунина, Нечаева, Огарёва, призывающими к бунту[18]. На следующий день Бочкарёв явился к уездному исправнику и сделал письменное заявление следующего содержания: «Со вчерашнею почтою я получил конверт из-за границы, в котором оказались возмутительного характера печатные листки, а именно: 1/„Прокламация к студенчеству". 2/„Наша повесть". 3/„Несколько слов молодым братьям в России". Полагаю, что хранение таковых сочинений есть преступление, и имею честь представить на зависящее распоряжение Вашего Высокоблагородия, в получении которого и прошу выдать мне расписку»[19].

Чем же был вызван подобный жест И. Бочкарёва, явно противоречащий всей его предыдущей деятельности? Думается, что ему, гласному поднадзорному, было ясно, что корреспонденция его тщательно просматривается. Возможно, он был предупреждён своим хорошим знакомым и земляком Алексеем Павловичем Апостоловым об указании тверскою губернатора уездным исправникам изымать корреспонденцию из Женевы. К тому же нигилисту И. Бочкарёву больше импонировали идеи мирного индивидуалистического анархизма, нежели заговоры Нечаева и бунтарство Бакунина[20].

Связи М. А. Бакунина с родиной сохранялись, чему способствовали поездки в Тверскую губернию близких ему по духу людей. В августе 1873 г. Прямухино посетила народница украинская писательница Марко Вовчок (Мария Александровна Вилинская-Маркович). В начале 1870-х гг. она познакомилась во Флоренции с М. А. Бакуниным

---

17 *Козьмин Б. П.* Русская секция Первого Интернационала. – М., 1957. – С. 88–89; *Ткаченко П. С.* Учащаяся молодёжь в революционном движении 60–70-х гг. XIX века. – М, 1978. – С. 109–110; *Канев С. Н.* Указ. соч. – С. 114.

18 ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18218. Л. 9.

19 Там же. Л. 7, 9–11.

20 Там же. Л. 10–20.

и оказалась под его сильным идейным влиянием. По возвращении в Россию М. Вовчок сотрудничала в «Отечественных записках» и близко сошлась с родственницей Бакуниных Татьяной Сергеевной Львовой. Вместе с ней она приехала в Торжок для ознакомления с Новоторжской учительской школой, одной из первых в России учительских семинарий. Т. С. Львова познакомила её с прямухинскими Бакуниными, которые приняли М. Вовчок необыкновенно радушно и долго расспрашивали о «Мишеле»[21].

Возможно, определённые поручения от М. А. Бакунина были у Олимпиады Кутузовой, которая в разгар «хождения в народ» в 1874 г. приехала в имение «Лялино» соседнего с Новоторжским Вышневолоцкого уезда якобы навестить свою мать. Думается, тверские жандармы не случайно посадили О. Кутузову под домашний арест и не выпускали её из имения. Карло Кафиеро воспользовался этим обстоятельством и тоже приехал в Россию. Только после того, как он обвенчался с Олимпиадой Кутузовой и она стала итальянской подданной, её освободили из-под ареста и разрешили вместе с мужем выехать летом 1874 г. в Швейцарию[22].

Можно сказать, что Новоторжский уезд в 1870-е гг. стал одним из основных очагов народнического анархизма в Тверской губернии. Село Прямухино также стало центром притяжения народников-анархистов, причём не только благодаря благожелательной поддержке либералов-земцев (братьев Бакуниных, В. Н. Линда и др.), но и потому, что оно было родиной их кумира — М. А. Бакунина.

Интересные сведения о народнической пропаганде в Вышневолоцком и Весьегонском уездах содержатся в воспоминаниях О. Кафиеро-Кутузовой, включившейся в деятельность «Земли и воли» в Тверской губернии[23]. В 1875 г. вилла Баронато опустела. М. А. Бакунин уехал в Лугано и вскоре умер, К. Кафиеро — в Италию, а Олимпиада вернулась на родину «для пропаганды среди народа» в Вышневолоцком уезде. В мае 1877 г., доехав по железной дороге до станции Бологое, она вместе с двумя другими народницами А. В. Якимовой (Кобзевой) и Е. Ф. Завадской отправилась пешком по железнодорожной ветке до Рыбинска, а оттуда по Волге до Нижнего Новгорода, пропагандируя по пути. В этом же году О. Кафиеро-Кутузова

---

21 *Дубов Ю.* Прямухино. Новые имена // Знамя (Кувшиново). 1972. 4 ноября. – С. 4.

22 *Пирумова Н. М.* Бакунин… – С. 378; *Кафиеро О. Е.* Друг Бакунина Карло Кафиеро… – С. 127.

23 *Кафиеро О. Е.* Друг Бакунина Карло Кафиеро… – С. 127.

работала рядом с Софьей Перовской в Симбирской губернии, затем вернулась в имение Лялино для пропаганды в Тверской губернии[24].

В августе 1878 г. по требованию начальника Петербургского губернского жандармского управления О. Кафиеро-Кутузова была обыскана, арестована и препровождена из Лялина в Петербург, в III отделение. При обыске у неё были найдены «рукописи и записки преступного содержания». Продержав около недели и, видимо, не найдя весомых улик, жандармы выпустили её, потребовав забрать с собой девять пудов привезённой с ней литературы. Олимпиада отказалась, и жандармам пришлось самим доставлять мешки с книгами обратно в Лялино. Там она получила известие, что её муж Карло Кафиеро арестован и заключён в тюрьму итальянскими властями после того, как он вместе с С. Кравчинским и другими итальянскими анархистами попытался поднять восстание в провинции Беневетто на юге Италии[25].

В мае 1879 г. в Лялино прибыл становой в сопровождении полицейского, арестовал и препроводил Олимпиаду Кутузову-Кафиеро в острог в Вышнем Волочке. Там ей объявили, что в наказание за свою преступную деятельность она как иностранная подданная подлежит изгнанию из пределов империи. О. Кафиеро-Кутузову продержали в остроге две недели, а затем погнали вместе с партией уголовников пешком до границы с Восточной Пруссией, до Вильно, несмотря на хлопоты родных выслать её иным способом. В 1881 г. О. Кафиеро-Кутузова нелегально вернулась в Россию, была вновь арестована и, просидев полтора года в тюрьме, была сослана в Сибирь[26].

Народнический анархизм бакунистского толка переживал кризис. Для многих стала ясна необходимость корректировки теории социальной революции Бакунина, происходила эволюция от народничества к марксизму. Были и отступления от революционности к либерализму, к культурничеству. Такую возможность в развитии русского анархизма предвидел и его теоретик. В 1874 г. М. А. Бакунин, беседуя с приехавшим к нему В. Л. Дебогорием-Мокриевичем, воскликнул: «Да что русские! Всегда они отличались стадными свойствами! Теперь они все — анархисты, а пройдет несколько лет, и, может быть, ни одного анархиста среди них не будет»[27].

---

24 ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 67. Л. 17.

25 *Кафиеро-Кутузова О.* Из далёкого прошлого… – С. 179–181.

26 Там же.

27 *Дебогорий-Мокриевич Вл.* От бунтарства к терроризму. – М.; Л., 1930. – С. 244–245.

Талалай М.

«Черт у Понтелунго»: итальянский художественный роман о Михаиле Бакунине

В итальянской беллетристике Михаил Бакунин как главный персонаж романа предстал один раз — в популярном романе известного писателя Риккардо Баккелли (1891–1985). Название романа — «Il diavolo al Pontelungo» можно перевести как «Черт у Понтелунго», или «Дьявол у Понтелунго». Книга вышла в 1927 г., в момент консолидации фашистского режима, но при этом никоим образом не служила инструментом правительственной идеологии.

Этот роман стал первой ступенькой в блестящей карьере Баккелли, вошедшего в когорту самых известных писателей в Италии XX века. Его восхождение на литературный Олимп происходило методично и без срывов. Уроженец Болоньи, в 1926 г. он перебрался в Милан, ведущий издательский центр страны, наладив сотрудничество с разными культурными центрами. Первый роман, написанный в Милане (и успешный) — «Черт у Понтелунго» — открыл ему двери в престижные издательства и журналы. В период размежевания культурной элиты на традиционалистов и авангардистов (футуристов), Баккелли изначально принял близкую ему позицию сбережения и утверждения вековых ценностей, не без католической основы, часто обращаясь к историческим сюжетам. Из его дальнейшей литературной продукции выделяется историческая трилогия «Il mulino del Po» («Мельница на По»), по которой был поставлен и популярный фильм. Квартира Баккелли в Милане превратилась в своего рода литературный салон и отмечена теперь мемориальной доской на фасаде дома — интересно, что в этом же доме веком ранее держала свой знаменитый салон графиня Юлия Самойлова, внучка российского военного и государственного деятеля Джулио (Юлия Помпеевича) Литты, родом из Милана. Литератор непрестанно создавал романы, пьесы, стихи. В 1953 г. вышел другой его роман на русскую тему — «Il figlio di Stalin», «Сын Сталина», где в беллетризованной форме передавалась биография Якова Джугашвили, вплоть до его гибели в нацистском концлагере. Написанный и выпущенный в год смерти Сталина, роман привлек внимание читающей публики.

Баккелли получил ряд премий и наград, научную степень доктора *honoris causa* в Болонском и Миланском университетах, член-

ство нескольких Академий, однако к концу жизни стал испытывать материальные затруднения, что вынудило его обратиться к правительству Италии за поддержкой. В итоге он получил почетную пенсию — более того, в Италии появился закон, названный законом Баккелли, согласно которому заслуженные деятели национальной культуры и спорта получили право на специальные пенсии, в случае их трудного финансового положения на склоне лет.

Свой литературный архив писатель передал родному городу, Болонье, и его поместили в центральную городскую библиотеку, в так называемую Библиотеку Архигимназии. При подготовке данной статьи автор посетил ее ради изучения Фонда Баккелли, однако с удивлением обнаружил, что литератор передал в Болонью лишь часть своего архива — послевоенную. Все бумаги, относящиеся к эпохе фашизма, в том числе и рукописи, связанные с романом о Бакунине, остались у наследников писателя и пока недоступны для исследователей. Итак, для своего первого крупного произведения Баккелли выбрал близкую для него тему из истории Болоньи, укрупнив ее и придав метафорический характер. В основу романа положено пребывание Бакунина в Италии и Швейцарии в 1870-е гг. и его попытка инициировать анархическое восстание в Болонье в 1874 г., вместе с Карло Кафиеро, страстным последователем русского анархиста. Романист ввел в ткань повествования как реальные, так и вымышленные факты. Бакунин у него представлен как мыслитель и революционер, уязвленный со-

Роман Риккардо Баккелли «Чёрт у Понтелунго» (1927), главным персонажем которого является Михаил Бакунин

циальной несправедливостью, вулканического характера, щедрый, но малопрактичный. В целом описание неудачной попытки анархического бунта окрашено в ироничные тона. При описании болонского пролетариата и крестьянства писатель пользовался личными воспоминаниями. Писатель не раз корректировал роман: последняя, уже пятая, его версия вышла спустя 30 лет после первой, в 1957 г.

Книга о Бакунине вызвал самые разные отклики в среде анархизма. В целом ее посчитали инструментом, пробившим брешь в атмосфере замалчивания итальянского анархизма и социализма. Один из героев романа, преемник Бакунина, оставшийся в Италии продолжать революционное дело — видный социалист Андреа Коста, именем которого был назван Муссолини (Бенито *Андреа*, при этом первое имя — в честь мексиканского революционера Бенито Хуареса). Диктатор избегал упоминаний о своей социалистическом «происхождении». Другая героиня романа — русская революционерка Анна Кулешова, жена Андреа Косты, память о которой еще была жива. В целом 1927 г. можно было бы назвать «бакунинским», так как в том же году вышла книга антифашиста Нелло Росселли «Мадзини и Бакунин», которую, впрочем, ждала другая судьба — ее запретили, сам Росселли был арестован и выслан во Францию (в 1937 г. убит кагулярами).

К роману Баккелли благосклонно отнесся один из лидеров итальянского анархизма Энрико Малатеста (1853–1932), личный друг Бакунина и Кропоткина. Так, он писал своему единомышленнику, болонцу Энрико Басси, что был «тронут чтением» и просил того снестись с автором книги — позднее Басси расскажет об этой своей переписке с престарелым анархистом.

Однако встречались и протесты. Так, в декабрьском номере журнала «Nosotros» (Буэнос-Айрес) за 1928 г. была опубликована заметка, подписанная внуком анархиста, Луиджи Бакуниным, неаполитанским врачом, эмигрировавшим в Аргентину (Луиджи был сыном Карла Бакунина [1868–1943]). Луиджи Бакунин уличил автора в ряде исторических неточностей, касавшихся деда, и в целом не соглашался с трактовкой его образа. Свой ответ Луиджи Бакунину автор романа дал в качестве предисловия к переизданию книги в 1929 г., где пространно обосновывал свое право литератора на вольное следование историческим фактам, ссылаясь в том числе на роман Толстого «Война и мир». Другая авторитетная критика прозвучала в 1929 г. — в лондонской газете «Times», после выхода английского перевода книги, за подписью известного немецкого историка анархизма Макса Неттлау.

Указав ряд ошибок, Неттлау при этом в целом позитивно оценил книгу. Итальянский писатель ответил Неттлау, также публично, через «Times», разъяснив свою позицию романиста. Однако кое-каким упрекам он внял и в следующем третьем издании их частично учел, сменив даже имя (реальное) одного персонажа, голландского революционера Домелы Ньювенхёйса, на вымышленное.

В целом книга Баккелли в эпоху фашизма, вероятно, явилась частью того «культурного сопротивления», идеологом которого был философ Бенедетто Кроче. В нем участвовали деятели культуры, открыто не протестовавшие против диктатуры, но своим творчеством предлагавшие другие ценности и установки. Известно, что и католическая мораль противополагалась фашистской: Баккелли (не вступивший в фашистскую партию, в отличие от подавляющего большинство своих коллег), конечно, не разделял анархических идей своих героев, но ему был близок их протест против социальной несправедливости, борьбу против которой он относил к прерогативам христианской церкви.

Талеров П.

Екатерина Бартенева о Михаиле Бакунине

Предисловие к публикации

Трудно сегодня в российских архивах найти неизвестные ещё материалы, связанные с жизнью и деятельностью Михаила Бакунина, особенно после глобальных разысканий учёных-историков первой половины XX в.: А. А. Корнилова, В. П. Полонского, Ю. М. Стеклова, М. Неттлау, А. Ленинга, после подготовки и широкого распространения Международным институтом социальной истории (IISH, Амстердам) электронных копий творческого наследия русского анархического мыслителя. Тем не менее, пути господни неисповедимы: в архивных коллекциях наших предшественников-коллег остаются некоторые документы, обработанные и подготовленные к печати, но так и не увидевшие свет. К их числу можно отнести и отдельные материалы, хранящиеся в фонде (а он составляет 2080 единиц хранения) ленинградского историка Ивана Сергеевича Книжника-Ветрова (1878–1965)[1], в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

---

[1] Подробнее см. в моем докладе «И. С. Книжник-Ветров — сподвижник П. А. Кропоткина, исследователь М. А. Бакунина» в настоящем сборнике.

Незадолго до ухода историка в мир иной вышла его монография «Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской коммуны. Е. Л. Дмитриева, А. В. Жаклар, Е. Г. Бартенева» (М. — Л.: Наука, Ленингр. отд-е Ин-та истории АН СССР, 1964. 260 с.), в которой автор на основе информации, скрупулёзно собранной им на протяжении чуть ли не половины жизни, написал научные биографии русских революционерок. Один экземпляр книги он отправил жившей в то время в Москве внучке Екатерины Бартеневой — полной тёзке своей бабушки — Екатерине Григорьевне Смирновой. В ответ же получил несколько статей-воспоминаний знаменитой бабушки, в том числе и о М. А. Бакунине[2]. Эти последние мемуары представляют собой записи на 15 скреплённых тетрадных листах каллиграфическим почерком чёрными чернилами. Только на последнем листе явно наспех дописано карандашом, не так аккуратно, как основной текст: строки к концу текста расходятся веером[3]. Книжник-Ветров расшифровал текст воспоминаний, перепечатав в трёх машинописных экземплярах и внеся в них свои правки. Но он так и не успел подготовить комментарии к публикации, в архиве хранятся лишь несколько листочков с его предварительными замечаниями.

Несколько слов об авторе воспоминаний. Екатерина Григорьевна Бартенева (урождённая Броневская, 1843–1914) происходила из родовитой дворянской и помещичьей семьи. Познакомившись с идеями Н. Г. Чернышевского, стала социалисткой, а, получив от отца и от двоюродной бабки богатое наследство, в 1864 г. отправилась вместе с мужем в своё имение в Костромской губернии помогать крестьянам рационально вести хозяйство. Однако, не чувствуя от этой деятельности удовлетворения в тесных рамках помещичьего права царской России, супруги в 1866 г. безвозмездно передали, насколько это позволял им закон, крестьянам землю, постройки и скот и уехали в Петербург, где сблизились с кружком, получившим несколько позже название «чайковцев» и, в большей степени, с М. А. Натансоном. Настроение в петербургской интеллигентской среде было тогда более чем тревожное, и Бартеневы с двумя малолетними детьми, Виктором и Григорием, 4 и 2 лет соответственно, осенью 1868 г. решились отправиться в Швейцарию, чтобы расширить своё политическое образование и подготовиться к грядущей революционной работе.

---

2 ОР РНБ. Ф. 352. Ед. хр. 425. Л. 11, 12.

3 Оригинал воспоминаний Е. Г. Бартеневой о М. А. Бакунине — см.: ОР РНБ. Ф. 352. Ед. хр. 436.

Екатерина Григорьевна Бартенева (урождённая Броневская, 1843–1914)

М. А. Бакунин (сидит в центре) среди участников конгресса I Интернационала в Базеле. 1869 г.

За границей, в Женеве, они познакомились с М. А. Бакуниным и стали членами его тайного Интернационального Братства, одновременно вступив под псевдонимом «Алексеевы» в I Интернационал. Как известно, в январе 1869 г. часть бывших сторонников Бакунина стали к нему в оппозицию, устроив своё особое совещание в Шапонэре. Бартеневы были среди оппозиционеров, предпочтя и дальше бунтарско-анархистским идеям Бакунина более стройную, по их мнению, марксистскую идеологию. Именно к этому небольшому периоду (с конца поздней осени 1868 г. по первые числа 1869 г.) сотрудничества с Михаилом Александровичем и дальнейшему наблюдению за ним уже со стороны противников и относятся публикуемые здесь воспоминания Екатерины Бартеневой. В них звучат нотки уважения и сочувствия, хотя уже спустя несколько месяцев (и даже — дней) после кратковременного взаимопонимания и вплоть до марта 1871 г., мемуаристка оказалась в числе тех, «кто на эмигрантских русских собраниях в Женеве боролись с Бакуниным, выступая с критикой его взглядов перед учащейся русской молодёжью и перед женевскими рабочими на собраниях членов Интернационала»[4].

Бартеневы стали активно сотрудничать с утинским «Народным делом» — журналом, развернувшим оголтелую разоблачительную

[4] ОР РНБ. Ф. 352. Ед. хр. 425. Л. 10.

кампанию против Бакунина как дезорганизатора Интернационала и в этом отношении помогавшим борьбе Маркса против Бакунина. Екатерина Григорьевна в этой кампании играла видную роль, а её муж под псевдонимом «Нетов» вместе с Н. И. Утиным и А. Д. Трусовым состоял в Комитете Русской секции Интернационала. По воспоминаниям бакуниста М. П. Сажина, когда он приехал в конце мая 1870 г. в Женеву, Екатерина Григорьевна уже принадлежала к группе русской эмиграции, которая входила в Русскую секцию Интернационала и была враждебна бакунинской группе Альянса, тоже ещё входившего, как отделение женевской секции, в Интернационал[5].

Являясь ревностной пропагандисткой идей Интернационала, Е. Г. Бартенева приняла участие в Парижской коммуне[6], после поражения которой возвратилась в Петербург, где стала легальной писательницей, но в то же время тайно помогала в работе сначала «Народной воле», а потом Брусневской социал-демократической группе, ведя пропаганду среди рабочих и работниц. Одновременно Бартенева поддерживала связь и с западноевропейскими деятелями социализма, передавала информацию о революционном движении в России для их газет, приняла участие в качестве одного из секретарей в проходившем в 1889 г. в Париже I конгрессе II Интернационала, за что, по возвращении в Петербург, была отправлена в длительную ссылку в г. Псков.

Вплоть до своей смерти в августе 1914 г. Екатерина Бартенева, занимаясь литературной работой в легальных изданиях (вела хронику французской жизни в «Отечественных записках», «Деле», «Слове» и других изданиях, а также хронику иностранной жизни в «Молве» и «Новостях», занималась переводами с французского отдельных произведений Ж. Сореля, Э. Золя, Ж. П. Рихтера и др.; кроме того, перевела два рассказа М. Е. Салтыкова-Щедрина на французский язык), оставалась сторонницей социалистических идей. Как было сказано в одном из некрологов, Екатерина Григорьевна оставила по себе «светлую память, как одна из замечательных пионерок той „эпохи реформ“, в которой она начала свою трудовую деятельность»[7].

---

5 *Сажин М. П.* Воспоминания 1860–1880 гг. – М., 1925. – С. 62–63.

6 Написанные ею воспоминания о Парижской коммуне оказались безвозвратно утерянными.

7 День. 1914. 31 августа (12 сентября). Книжник-Ветров полагает, что этот некролог был написан Л. С. Макарьевой под диктовку Г. В. Бартенева. Подробнее о судьбе Е. Г. Бартеневой см. вышеуказанную монографию И. С. Книжника-Ветрова.

Настоящая публикация воспоминаний русской революционерки удачно, на наш взгляд, дополняет политический портрет Михаила Бакунина последних лет жизни.

Е. Г. Бартенева
Un homme charmant
О М. А. Бакунине

Бакунин — un homme charmant![1]…, так мог выразиться о знаменитом агитаторе только итальянец, притом плохо владеющий французским языком и у которого в силу этого обстоятельства частенько слетают с языка «не те слова».

Теплый, даже жаркий августовский день. Поезд идет почти по берегу Женевского озера. Уже видна его лазурь. Зелень садов с раскидистыми персиковыми и абрикосовыми деревьями, виллы, отели и скромные домики; невысокие башенки скромных местечек, т. н. bourgs'ов[2], которые всегда так привлекательны издали, когда являются принадлежностями ландшафта, и так часто удручают, когда приходится поселиться в них надолго.

В вагоне оказалось несколько словоохотливых пассажиров, но в моей памяти остался только один. Он назвал и свою фамилию как-то на «Ф», кажется, но я не помню её, и отрекомендовался адъютантом Гарибальди[3] (впоследствии я узнала, что адъютантов у Гарибальди было множество). Вот от этого-то гарибальдийца и услышала я впервые лестную характеристику М. А. Бакунина. Нелестную мне пришлось уже слышать в России, в тот именно год, когда Б. бежал из Сибири через Америку в Европу[4]. Одна бойкая и болтливая дамочка стародворянского образца, посещавшая моих родных, как-то раз упомянула о Бакунине, как о человеке, скомпрометировавшем своих родственников. «Представьте,— говорила она,— едут они на пароходе

---

1 Очаровательный парень. — *франц.*

2 Дословно: посёлков. — *франц.*

3 Гарибальди (Garibaldi) Джузеппе (1807–1882) — народный герой Италии, генерал, один из вождей революционно-демократического лагеря в национально-освободительном движении, боровшегося за объединение Италии «снизу». Гарибальди приветствовал парижских коммунаров и был сторонником I Интернационала.

4 Осенью 1861 г. Бакунин бежал из сибирской ссылки и через Японию и США прибыл в первых числах 1862 г. в Лондон, где вошёл в состав герценовского «Колокола».

(это было в России), и вдруг при них начинают рассказывать о побеге М. А. Бакунина. Oh! Mais c'est un monster![5] Каково было сестре» и т. д.

Адъютант Гарибальди смотрел на Бакунина, конечно, с совершенно иной точки зрения.

— Вы едете в Женеву, — сказал он, — О, вы непременно должны познакомиться с ним. Oh, c'est un Homme charmant! Беседа с ним — наслаждение. Какой человек! Познакомиться с ним легко, да к тому же вы его соотечественница.

Мелькали снеговые вершины Альп, потом невысокие холмы Савойского берега, виноградники имелись по их скатам. Я впервые видела горы, т. [ак] к. [ак] дальше Тульской губернии никуда не ездила из Петербурга и выше Валдайских гор, на пути между Петербургом и Москвой, никаких иных не приходилось видеть. Не скажу, однако, чтобы Альпы произвели на меня особенно сильное впечатление. Их вершины как-то сливались с облаками. К тому же я ехала не любоваться на горные вершины, не наслаждаться природой, — меня интересовали люди, новые люди, непохожие на тех, которых до тех пор приходилось видеть. Разговор о Бакунине приковал моё внимание, и я почти не смотрела на красоты швейцарского пейзажа, хотя собеседник-итальянец как-то не внушал особого доверия и был непомерно болтлив.

В Женеве мы остановились в Hôtel de la Poste, но затем стали приискивать себе помещение в каком-нибудь пансионе и нашли таковое в пансионе M-me Ванд. Она и её семья, дочь, зять, были типичнейшими женевскими буржуа, что не мешало им однако гордиться тем, что у них одно время жил Герцен и какие-то испанские изгнанники, впрочем, не ниже генеральского чина и, по-видимому, исправно платившие за квартиру и проч.

3 сентября 1868 г., в день годовщины основания Международного общества рабочих, я в первый раз увидела Бакунина на празднике этого общества. Его справляли за городом, среди полей и лесов. Пришли рабочие делегации со своими знаменами и с большим красным знаменем, на котором красовалась надпись, заставлявшая уже и в то время горячо биться сердца многих друзей народа и наполнявшая гордостью сердца сознательных представителей самого рабочего класса: «Association Internationale des Travailleurs! Prolétaires de tous les pays, unissez vous!»[6].

---

5 О! Но это — чудовище! — *франц.*

6 Международная ассоциация трудящихся! Пролетарии всех стран, соединяйтесь! — *франц.*

На празднике среди большой лужайки говорились речи, выражались надежды на лучшее будущее, указывалось на необходимость тесного единения, дружного действия рабочих масс. Колоссальная, мощная фигура Бакунина с истинно львиной головой, как многие характеризовали эту голову, резко выделялась среди невзрачного женевского люда. И голос его был звучен и громок как ни у кого. Он свободно говорил и по-французски, и на многих других иностранных языках, но говорил своеобразно, нисколько не приноравливаясь к иностранному выговору, так же, как и Герцен, о котором брюссельские знакомые его бельгийцы говорили, что, слушая его, им казалось, что они слушают русскую речь, которую однако, могут понимать и не зная русского языка.

О чём говорил Бакунин в тот день, я не помню, но, по всей вероятности, он громил буржуазию, всякую постепеновщину и предостерегал рабочих от увлечений мелкими делами. В таком духе много его речей я слышала впоследствии. Можно было не соглашаться с его воззрениями, но слушали его всегда с интересом даже враги. Ораторским талантом он был одарён в высшей степени, да прибавьте к этому юмор, меткость выражений, своеобразные характеристики людей и темпераментность истинного агитатора, агитатора par excellence[7].

После характеристики Бакунина, сделанной Герценом, едва ли можно сказать что-нибудь более исчерпывающее эту замечательную, единственную в своем роде личность великого агитатора с трагической судьбой, трагической в том смысле, что русская жизнь не нашла для него у себя подобающего места, на котором он мог бы развернуться во всю ширь и мощь своей натуры. Несмотря на весь свой космополитизм, Бакунин всегда оставался русским человеком и только вследствие неспособности его к бесплодным жалобам едва ли кто-нибудь слышал от него сетования на оторванность от России. Но чувствовал он её несомненно. Слишком он уже был русским.

Повторяю, после герценовской характеристики трудно сказать что-нибудь исчерпывающее о Бакунине. Можно только подтверждать характеристику примерами. Вот один, подтверждающий незлобивость Бакунина, а также и то, что он ставил дело и общее благо выше собственного самолюбия, собственных интересов. Когда р. [усский] революционер Нечаев приехал в Швейцарию и сошёлся с Бакуниным, молодой революционер нашёл, с одной стороны, что для дела необходимо даровитое перо Бакунина, с другой, что

---

[7] По преимуществу. — *франц.*

Бакунин старый враль, т. е. что он недостаточно практичен и революционен, что он не человек действия.

Трудно допустить, чтобы кто-нибудь не передал Бакунину этого отзыва, да и сам он был слишком проницателен и умён, чтобы не заметить, как именно относятся к нему молодые. И тем не менее он с умилением и нежностью говорил о Нечаеве «Тигренок». Для Б. выше всего стояла идея. О себе он забывал.

«Я», «я», так часто мелькающее в разговорах и речах даже выдающихся людей, совершенно отсутствовало в речах и разговорах Бакунина. И не было ничего умышленного, деланного в этом умалчивании о себе. Просто выходило так, что Б. будучи поглощён интересами движения, сливал себя с ним без остатка. При этом отношение его к людям было всегда проникнуто необыкновенной человечностью. Умел он ценить людей и далеко не тождественных со своими убеждениями. У него, по его собственным словам, было два разряда друзей: единомышленники и люди иных воззрений, но лично ценимые им, симпатичные ему. К последним принадлежали наприм. [ер], Карл Фогт[8], и русский-немец — музыкант Рихтер[9], живший постоянно в Швейцарии. Очень отличались они оба от Б. по своим воззрениям, но он любил их, несмотря на это. Раздражало его только отпадение от революционных воззрений тех, кто раньше был им предан. В таких случаях проявлялся его юмор, но не злость. «В аркадские пастушки записываетесь», — скажет бывало и комично присядет всею своею грузною фигурою.

Того, что зовется генеральством, я не замечала у Бакунина. Новых ещё ничем не проявивших себя людей, выказывавших, однако, интерес к движению и социальным вопросам, он встречал с каким-то ему одному свойственным прямо чарующим приветом и доверием. Даже нечто вроде экзамена, который он производил в таких случа-

---

8 Фохт, Фогт (Vogt) Карл (1817–1895) — немецкий естествоиспытатель и философ, представитель вульгарного материализма; участник революции 1848 г., член Франкфуртского национального собрания. Был заочно приговорен к смертной казни и до конца жизни находился в эмиграции в Швейцарии. С 1852 г. — профессор Женевского университета. Блестящий преподаватель и оратор, принимал горячее участие во всех общественных и государственных делах.

9 По всей видимости, мемуарист здесь спутала: речь идёт о друге Бакунина — немецком музыканте, хоровом дирижёре, музыкальном педагоге, пианисте Адольфе Рейхеле (Adolf Heinrich Johann Reichel, 1820–1896), который был вторым браком женат на русской — Марии Каспаровне Рейхель (урождённой Эрн). А вот вышеупомянутый Фохт, действительно, вынужден был постоянно проживать в Швейцарии.

ях, не отталкивало, и ещё более привлекало к нему. Не льстил он людям, а всею своею мощью увлекал, приподнимал людей и старался, чтобы добрые качества их и способности служили тому делу, которое для него было главным, высшим. В общении с Б. вы как-то разом уносились в высь, оставляя где-то далеко за собой житейскую пошлость. Б. не мог не быть искренним: он отдал всего себя на служение тому делу, которое в его глазах было единственно важным, и это чувствовалось каждым подходившим к нему человеком. К новому человеку, выказывавшему искренний интерес к этому делу, он относился с глубокою внимательностью, хотя бы этот человек ещё и ничем себя не зарекомендовал. Этим Б. отличался от многих выдающихся людей, всегда требующих, чтобы за тем, кто является к ним, числились уже известные заслуги. Отличался Б. также необыкновенным уменьем сказать человеку правду в глаза, не оскорбляя, не унижая и всегда в какой-то изящной немногословной форме, нередко с безобидным юмором. Особенной популярностью пользовался Б. среди итальянцев, затем ценили его некоторые кружки французов, швейцарцев, испанцев. В сороковых годах, во время движения в Германии, очевидно, Б. был популярен и в некоторых немецких кругах, но в то время, когда нам пришлось встретить его, немцы, а также и англичане относились к нему далеко не симпатично, а порою и прямо враждебно. Для тех и других на первый план выступали вопросы организации. Б. же нередко высказывался против — в особенности начальных — организаций, из опасения реакционности их направления, оппортунизма. Он, прежде всего, заботился о революционности и знал, как легко заползает змея реакции в установившиеся начальные формы и душит в них дух протеста. Что касается тайных организаций, то он не только сочувствовал им, но и сам основывал такие союзы и всегда международные.Ораторский талант его заставлял порою рукоплескать ему и врагов его направления. Когда он говорил, противники негодовали, возмущались, возражали. Но невозможно было порою и им не разразиться громким смехом, не выразить сочувствия, когда с трибуны летела меткая характеристика, юмористическая выходка или взрыв негодования. Скучно никогда и никому не бывало, когда на трибуне стоял великан с львиной головою.

Tete léonienne[10], как выражались французы. Живо помню, как на одном собрании Международного общества рабочих, в Женеве, ког-

[10] Львиная голова. — *франц.*

да делегаты этого Общества вернулись с Межд. [ународного] конгресса в Базеле в сентябре 1869 г., отдавали отчёт своим доверителям, на трибуне громадной залы, после целого ряда ораторов, появился Бакунин (тоже бывший делегатом). Он возражал противнику — предыдущему оратору, а за несколько минут перед тем, когда тот говорил с трибуны, один из заклятых политических врагов Бакунина, заметив у меня в руке карандаш, быстро подошёл и сказал: «Дайте поскорее карандаш Бакунину, чтобы он смог отметить некоторые места в речи оратора и возразить на них». Не думаю, чтобы многие ораторы могли похвалиться таким обаянием в среде врагов.

Многое множество возражений пришлось выслушать Бакунину, немало было у него врагов и притом таких сильных, как, напр. [имер], Маркс, Энгельс и много других.

Литературное наследство, оставленное Б., не особенно значительно. Он не оставил ни одного сочинения, равняющегося по своему значению «Капиталу» Маркса, например, но для тех, кто знаком с историей революционного движения этого времени, в которое действовал Б., его значение является бесспорный и очевидным. Он действовал преимущественно на массы, на тех, кто «толстых» книг не читает. Каждое слово его могло быть понято рабочим, крестьянином, могло воодушевить, било в цель.

Но и среди интеллигенции Б., особенно в Италии, пользовался и влиянием и большим престижем. Итальянцы, также как впрочем и мы — русские, не обладают тою терпеливою настойчивостью, которая помогает немцам и англичанам строить свои прочные организации, они люди минутного порыва. Поэтому и т. [ак] н. [азываемое] анархическое учение Бакунина прививалось у них, как прививалось и у нас в то время. Но сам Б. вовсе не был человеком минутного порыва. Он систематически проводил свой анархизм, теоретическая часть которого несомненно в значительной степени была заимствована у Прудона. Но Прудон не может считаться практическим деятелем, во всяком случае удачником в этом отношении его считать нельзя. Вспомним только, наприм. [ер], историю его банка. Бакунина же нельзя не назвать удачником в том смысле, что ему действительно удавалось электризовать и массу и учеников из интеллигенции. Да и их ли только? Возможно ли допустить, что общение с таким крупным, богато одаренным, в высшей степени оригинальным человеком могло оставаться без влияния даже и на тех ученых и писателей, с которыми сталкивала его судьба? К сожалению, это

влияние весьма трудно, а порою и невозможно учесть. Сам Бакунин, нам кажется, всего менее мог быть источником таких сведений: вечно кипя в котле европейских движений, он не успевал оглядываться назад, не писал воспоминаний, — где уж там! — редко упоминая даже о людях, с которыми встречался, так, мимоходом бросил что-нибудь. Ни разу не слышала, чтобы он вспоминал ознаменитом московском кружке[11], никогда не слышала от него ничего о Марксе, Энгельсе. Так, мимоходом, к случаю, укажет, что вот тогда-то Гарибальди обратился к толпе и сказал вот «это», и «это» подействовало, или насмешливо отзовется об эпигонах Лассаля[12]. Современность, настоящий момент поглощали его. Рабочих он не идеализировал, но верил в торжество лучших сторон человеческого духа и действовал во имя и на пользу этого торжества, проявляя необыкновенную чуткость к малейшей тени реакционности. Редко у кого из революционеров замечала я и такую беспощадную оценку действительности и такую веру в лучшее будущее. При этом Б. глубоко был уверен, что этого светлого будущего он не увидит. Путь к нему, по его мнению, лежит через развалины, чрез море крови. Все усилия его времени должны привести лишь к этим развалинам, т. е. к разрушению гнилого строя, а затем уже вырастет новое и лучшее, вырастут «свободные общины трудящихся». А пока: разрушайте, разрушайте! Заговорив об анархизме, невольно обращаемся мыслью к некоторым его необычным представителям. Один из них Элизе Реклю[13], знаменитый географ, был знаком с Бакуниным. Помню, как в Испанию, по инициативе, кажется Б., было отправлено в конце 60-х годов несколько человек для зондирования почвы и пропаганды. В числе этих лиц был и Э. Реклю. С неподражаемым комизмом рассказывал Б. о результатах революц. [ионной] деятельности Э. Реклю в Испании. «Он занялся там географией и привёз — новые географические карты…».

---

11 Речь идет о кружке Н. В. Станкевича, в котором М. А. Бакунин играл одну из главных ролей.

12 Лассаль (Lassalle) Фердинанд (1825–1864) — немецкий философ, юрист, экономист и политический деятель, один из основоположников европейского социализма. Участвовал в революции 1848 г. в Германии, в работе по объединению германских рабочих, в 1861 г. стал президентом Всеобщего германского рабочего союза.

13 Реклю Жак Элизе (Jacques Élisée Reclus, 1830–1905) — известный французский географ, историк и путешественник, член Парижского Географического общества, социолог и политический деятель, сторонник и теоретик анархизма. Свою крупнейшую работу «Земля и люди», вышедшую в 19 томах, исследователь писал 20 лет (1873–1893).

В мирной и тихой Швейцарии нашлись, однако, элементы для анархического движения, главным образом, среди интеллигенции: Гильом (James Guillaume[14] — учитель École Industrielle[15] из Локля, Невшательского кантона), Линдеггер — носильщик по профессии, но окончивший юридический факультет какого-то университета, некоторые из русских эмигрантов, несколько итальянцев и французов. Б. основал свой т. [ак] н. [азываемый] Alliance в среде Межд. [ународного] общ. [ества] р. [абочих], желая усилить междунар. [одную] революционную пропаганду. Скоро, однако, этот союз вызвал весьма враждебное к себе отношение со стороны спорных организаций. Всего более анархистов было в Италии, Испании и Франции.

Познакомилась я с Б. в сент. [ябре] 1868 г. в Берне, на конгрессе Лиги Мира и Свободы. Это был второй съезд Лиги; первый состоялся за год перед тем в Женеве. Там присутствовал и Гарибальди. Трактовалось не только о войнах и желательности их упразднения, трактовалось и о множестве вопросов, тесно связанных с вопросом о милитаризме. Б., конечно, не мог разделять наивных упований лигистов и сочувствовать наивным мерам предотвращения войн в роде предложенной бывшим диктаором баденской республики (1848 г.) Гёггом[16]. Я сама слышала, как Гёгг предлагал, на бернском конгрессе Лиги мира и свободы, чтобы в том случае, если будет объявлена война между Францией и Германией (чего, однако, никто тогда не ожидал), члены Лиги мира стали бы между двумя армиями и убедили бы их не драться, потому что они братья, и это предлагалось в буквальном, а не ином смысле. Б. просто воспользовался трибуной конгресса для изложения своих воззрений на современный строй, на собственность и т. д. В одной из статей программы занятий конгресса значилось: Egalisation des classes et des individus[17].

Не много нашлось адептов у М. А. на этом конгрессе, но ораторский талант покорял, и все с нетерпением ждали появления русского

---

14 Гильом, Гийом (Guillaume) Джеймс (1844–1916) — один из руководителей анархистского движения в Швейцарии и во Франции. Член швейцарской организации I Интернационала (с 1868), ближайший соратник М. А. Бакунина, был одним из руководителей Альянса социалистической демократии, одним из организаторов (1870) Юрской федерации, редактором (1868–1878) ряда анархистских газет.

15 Промышленная (или индустриальная) школа. — *франц.*

16 Гёгг (Goegg) Амандус (1820–1897) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, в 1849 г. — член баденского временного правительства; после поражения революции эмигрировал из Германии; в 1870-х гг. примкнул к германской социал-демократии.

17 Уравнивание (равенство) классов и лиц. — *франц.*

великана на трибуне. Шумные рукоплескания раздавались после его речей. К сожалению, у меня нет под рукой ни одной речи Бакунина, но думаю, что в значительной степени мог он согласиться с мнением по поводу программы той же Лиги, высказанным вскоре после её основания известным и выдающимся деятелем бельгийской рабочей партии, ныне умершим Де Папом[18]. На конгрессе Международ. [ного] общ. [ества] рабочих в Лозанне (сентябрь 1867 г.) он сказал: «Я буду говорить не против программы (Лиги мира и свободы) в её совокупности, а для того, чтобы возражать против той фразы, в которой говорится, что мы желаем спора для того, чтобы скорее достигнуть социального переустройства. Мне кажется, что мнение это ошибочно, что оно установляет порочный круг, так как самый-то спор может быть лишь следствием социального переустройства. Если бы мне пришлось высказывать своё мнение на Женевском конгрессе, я бы сказал ему: „Подобно вам мы желаем мира, но мы знаем, что до тех пор, пока существует то, что называется национальным принципом или патриотизмом, война будет существовать; пока будет различие классов, будет и война. Война не только плод честолюбия какого-нибудь монарха; так, наприм. [ер], в Мексиканской экспедиции[19] истинной причиной этой войны были интересы нескольких капиталистов: война есть результат недостатка равновесия в экономическом мире и недостаточного равновесия в мире политическом. Если Женевский Конгресс полагает, что можно добиться мира при нынешнем строе общества, он грешит против логики: кто хочет достигнуть цели, тот должен желать и средств такого достижения“». Бакунин также вполне понимал всю нелогичность Лиги; он только воспользовался её трибуной и привлёк на съезд своих единомышленников, или вернее, учеников. Благодаря Бакунину были добыты средства, которые и дали возможность приехать в Берн многим из его политических друзей, из которых особое внимание обратил на себя об-

---

18 Пап (Paepe, De Paepe) Сезар де (1842–1890) — деятель бельгийского рабочего движения. В 1859–1860 гг. начал политическую деятельность в демократических обществах «Солидер» и «Пёпль», сотрудничал в ряде бельгийских газет. В 1865 г. один из организаторов секции I Интернационала в Бельгии.

19 Мексиканская экспедиция 1861–1867 гг. — вооруженная интервенция Великобритании (1862), Испании (1861–1862) и Франции (1862–1867) в Мексику с целью завоевания и превращения её в колонию европейских государств. Однако сопротивление мексиканского народа, а также неблагоприятная для интервентов позиция США, стремившихся, со своей стороны, утвердиться в Мексике, привели Мексиканскую экспедицию к краху.

разованный и даровитый Альбер Ришар, ткач по профессии, из Лиона. Не менее самого конгресса интересны были дружеские вечерние заседания или просто беседы в каком-нибудь помещении ресторана. Здесь Б. вёл свою пропаганду, приводил к соглашению по какому-нибудь вопросу и формулировал свои, как он выражался «консидераны»[20], которые имели быть представлены затем и конгрессу. Тут, как сейчас помню, разговаривая со мною, он сказал: «Но революция — страшная вещь» и стал перечислять все ужасы… Будет то-то и то…

После этого разговора мне пришлось много раз встречаться с ним, а в Женеве пришлось, впрочем недолго, жить в одном с ним пансионе на Route des Délices. В том же пансионе M-me Малифо поместилось несколько итальянцев, единомышленников Б., по товарищески звавших его «Michel».

За табль-д'отом[21] русские и итальянцы занимали добрую треть стола. В то время Б. уже страдал ожирением сердца, вследствие продолжительного заключения в одной из австрийских крепостей, где был прикован цепью к стенам. Врачи в виду ожирения запрещали ему мучное, сладкое, советовали есть мясо, виноград. Довольно трудно было соблюдать этот режим в дешёвых женевских пансионах, каковым был и пансион Малифо. Хозяйки стараются давать как можно меньше мяса, т. [ак] к. [ак] оно дорого, плоды дают только, когда они дёшевы, мучное же и сладкое преобладает, как более дешёвое. В пансионе Малифо ежедневно обедал католический патер, которому хозяйка оказывала особое внимание и который отличался изумительным аппетитом. Ему первому подавали мясные блюда, а он не стеснялся, затем подавали его ближайшим соседям, также пользовавшимся расположением хозяйки, так что нам, русским, с Бакуниным во главе, и его друзьями-итальянцами, нередко доставались одни кости. Но вот както раз мы вступили в заговор со служанкою, подававшею за столом и не принадлежавшею, по-видимому, к пастве католического патера. Она согласилась начать подавать с нашего конца, и в этот день патеру достались одни кости. Но это сделано было только один раз, т. е. ради принципа, а потом патеру предоставлено было объедаться попрежнему и выслушивать нечестивые речи «этих ужасных атеистов».

---

20 Консидеран (с франц. — *considérant*) — мотивировка какого-либо решения, постановления, позиции, обычно излагаемая в начале каждого абзаца.

21 Table d'hôte — *франц.*; общий стол (по общему меню) в гостиницах, курортных столовых, ресторанах в Западной Европе.

Но он, очевидно, выше всего ставил хороший стол и продолжал посещать Table d'hôte. После обеда Б. приходил пить чай в комнату, которую занимала моя семья, — русский чай, а Б. не переставал любить его. Беседовали и иногда пели русские песни, а Б. подтягивал. Б. любил детей и дети его любили; он поднимал иногда ужасную возню с моими малолетками, сам превращался в ребёнка, увлекался игрой, старался, чтобы его не поймали, сердился, когда поймают. В Женеве его знали все уличные дети и иногда шли за ним толпой. Б. часто нагружал свои широкие карманы лакомствами, и дети знали, что это для них. Но привлекала детей и мощная фигура Monsieur Bakounine, и его добродушие, и уменье сказать каждому что-нибудь такое, что не могло не затронуть, не заинтересовать, а порою и заставить оглянуться на себя. Он был хорошим психологом-практиком. Рассуждая о чём-нибудь в частной беседе, он никогда не говорил «речей», никогда не забывал о собеседниках, напротив, всегда глубоко интересовался и тем человеком, с которым вёл беседу, и в этом интересе к «человеку» выражалось без слов и его уважение к личности и его гуманность.

Припоминаю его мнение о женском вопросе. В то время женское движение, в смысле стремления русских женщин к высшему образованию, было в полном разгаре. Это был конец шестидесятых годов. Для Бакунина равенство, равноправие женщин с другим полом было делом само собой разумевшимся: женщина — человек, следовательно, ей должны быть предоставлены все человеческие права. Но уподобление мужчинам ему не нравилось. Прогресса в том, что женщины будут занимать одинаковые с мужчинами должности, он не видел. И помню, как он сказал как-то: «женщины бегут от семейных обязанностей, главным образом, потому что эти обязанности им навязаны, а не свободно избраны ими». Этим он намекал на то, что в будущем, так как женщине по природе свойственны особые функции, она, и сравнившись с мужчиною своим умственным развитием, сознательно отнесётся к своей особой роли, и перестанет тяготиться ею. Это напоминает мнение польского политич. [еского] деятеля Мерославского[22]. Между прочим, Мерославский нахо-

---

[22] Мерославский (Mierosławski) Людвик (1814–1878) — польский политический деятель. Участник Польского восстания 1830–1831 гг.; в эмиграции (во Франции) написал о восстании большую работу, которая принесла ему популярность военного теоретика. Принимал активное участие в Революции 1848–1849 гг. В начале Польского восстания 1863–1864 гг. был провозглашен диктатором. Прибыв на охваченную восстанием польскую территорию, потерпел в феврале 1863 г. поражение от царских войск, после чего вновь уехал за границу.

дил, что рождение и первое воспитание детей матерью должно давать ей право на вознаграждение со стороны государства.

Как сейчас помню, маленький ресторанчик против женевского вокзала и крошечный навес, под которым стояло несколько столиков и стульев. Мне нужно было довольно долго ждать поезда, чтобы отправиться на одну из станций на берегу Женевского озера к русским знакомым. Бакунин случайно проходил мимо вокзала и, увидев меня, предложил выпить чаю под навесом ресторанчика. Спросили два чайника: один с кипятком, другой с чаем. Я стала разливать чай. Беседа у нас зашла как раз о женском вопросе и, по всей вероятности, мои русские мнения об этом вопросе показались Бакунину немного исключительными и субъективными. «Погодите, сказал он мне, мы сейчас осуществим полную равноправность. Пусть чайники стоят перед вами и вы нальёте мне чашку, а потом мы переставим чайники ко мне и я налью вам чашку». Мы посмеялись, и беседа, начавшая принимать вследствие моей тогдашней резкости не совсем дружеский оттенок, закончилась шуткой.

В последние разы видала я Б. на раб. [очем] межд. [ународном] съезде в Базеле, потом в Женеве на том собр. [ании], о котор. [ом] я упоминала, и в доме, где жило несколько русских семейств, между Клараном и Веве, и куда Б. приехал на специально приготовленные для него блины. Он приехал в знак примирения. Перед тем произошла размолвка. Начали издавать «La Cause du People»[23], но после первого же нумера, где была напечатана бакунинская программа, редакция раскололась надвое и Б. вместе с Н. И. Жуковским вышел; остались У., Ж., Л.[24], и примкнули ещё некоторые русские. Примирение было, впрочем, только личное, и Б. не возвращался в редак. [цию] журнала.

В 1876 г. летом мы получили известие о смерти Бак [унина]. Последние годы своей жизни он не занимался политикой и жил в уединенной местности, в маленьком поместье, купленном для него одним из его почитателей, итальянцем анархистом К[25]. Болезнь, подтачивавшая его здоровье

---

23 Французское название журнала «Народное дело», первый номер которого полностью был составлен из работ М. А. Бакунина. После ухода из редакции Бакунина и Жуковского в течение 1868–1869 гг. вышли три выпуска журнала (№ 2–3, № 4–6 и № 7–10).

24 Под инициалами скрыты: Н. И. Утин, С. Я. Жеманов и О. С. Левашова.

25 Карло Кафиеро (Carlo Cafiero) (1846–1892) — итальянский анархист, сподвижник Бакунина, пожертвовавший полученные в наследство средства для покупки в конце 1873 г. дома для своего учителя — виллы «Бароната», на юге Швейцарии, на границе с Италией.

в течение многих лет, повлияла, по-видимому, и на мозг. В этом последнем периоде его жизни мне ни разу не пришлось его видеть.

Нечаевщина

Трудно ответить на вопрос, кто кого вдохновил относительно действия в России: Бакунин Нечаева, или обратно. У меня нет сведений о том, насколько Нечаев был ознакомлен и с практическою деятельностью Б., и с теоретическою частью его учения, с его анархизмом до приезда своего в Женеву.

Едва ли это знакомство было обширно, если даже допустить, что оно существовало. Бакунин писал на иностранных языках и кроме 1-го нумера «Народного Дела», не помню, чтобы он писал по-русски в то время, когда Нечаев учился, если не ошибаюсь, в Лесном институте, а затем был учителем в Иваново-Вознесенске. Однако, несомненно, что приехав в Женеву, Нечаев скоро сблизился именно с Бакуниным, нашёл там средства, тысяч 20 франков (это были именно те деньги, котор. [ые], как упоминает в своих соч. [инениях] Герцен, были оставлены ему для целей пропаганды в России неким Бахметьевым, уехавшим затем на Маркизские острова для основания там идеальной общины[26]), весьма возможно, при содействии Бакунина и затем действовал с ним до некоторой степени заодно. Именно с этого времени начинается издание брошюр Бакунина, предназначенных для распространения в России. Нечаев писал мало. Кажется только одна прокламация принадлежит ему. Рядом с этим и начались попытки нечаевской организации, напоминавшей итальянские и польские образцы. Всё это началось в 1869 г. А в 1871 Нечаева уже судили в сенате. За такой срок да ещё у нас в России, само собою разумеется, можно только сделать некоторые попытки, и разрастись нечаевской организации не было времени. Нечаев, несомненно,— человек огромной энергии, но этой энергии не суждено было развернуться. Он — предшественник народовольцев.

О Бакунине[27]

Не следует забывать, что много лет прошло с тех пор, как московские друзья выразили некот. [орые] нелестные мнения о Б. Люди меняются. Так что незатейливое вмешательство в чужую жизнь у Б.,

---

26 Речь идёт о так называемом Бахметьевском фонде, переданном в 1858 г. Герцену помещиком-меценатом П. А. Бахметьевым для нужд революционной пропаганды.

27 Приписано наспех карандашом на последней странице рукописи.

о котором они, московские, говорили, очевидно, крайне смягчилось, и я ничего подобного не видела у Б. Хотя он интересовался собеседником, и если этот собеседник был ещё новичком, любил уяснять ему его личность. Так, мне он сказал: «В вас нет спонтанейности. Сообразно с этим и выбирайте себе занятие. Вот учительницей (народной) вам бы быть».

Ударцев С. Ф.
Об эволюции осмысления свободы, самореализации и исторического потенциала личности в теории анархизма: М. А. Бакунин и А. А. Боровой

Проблемы личности, ее ценностей, прав, положения в обществе, ее свободы, самобытности, развития, соотношения со свободой других и различными общественными явлениями, особенно с государством и законодательством, отчуждения личности от них находились в центре внимания анархического сознания с момента его актуализации в истории, начиная с Древнего мира.

Ранние джайнизм и буддизм в Древней Индии, даосизм Лао-цзы[1], древнегреческие киники, сторонники раннего христианства и многие другие явились выразителями данного типа политического, правового и философского сознания в его различных вариантах, объединенных негативным ценностным отношением к государству и законодательству, к социальному неравенству и принижению человеческой личности. В анархическом сознании в числе первых получили развитие и космополитические идеи, в том числе *космополитические трактовки личности*. Одним из первых в истории Диоген Синопский провозгласил человека *гражданином Вселенной*. Другой основатель школы киников — Антисфен много сделал для критики искусственной привязки личности человека к его политико-юридическому статусу, устанавливаемому и охраняемому государством. Для освобождения личности, по Антисфену, необходи-

---

[1] См.: *Ударцев С. Ф.* Политико-правовые идеи Лао-цзы // Лао-цзы. Дао дэ цзин. 2-е изд., доп. – Алматы, 2004. – С. 5–46; *Ударцев С. Ф.* Лао-цзы. Древнейший предшественник идей самоорганизации космоса, общества и человека // Синергетика образования. Межвузовский сборник (выпуск второй). – Москва; Ростов-на-Дону, 2004. – С. 216–254; *Ударцев С. Ф.* История политических и правовых учений (Древний Восток). – СПб., 2007.

Алексей Алексеевич Боровой (1875–1935) — философ, публицист, теоретик анархизма

мо внедрение в общественные отношения идей равенства людей, их раскрепощение[2]. Важную роль в анархической теории личности, начиная с древнейших времен, играла *теория естественного права*, не устанавливаемого никаким государством и стоящего выше любого введенного государством законодательства с произвольным ранжированием равноправных от природы людей. Идеи естественного права и «бесцарной» организации общества развивал и Феодосий Косой — священник, пропагандировавший свое новое учение и объявленный еретиком и в то же время являющийся первым зафиксированным в исторических источниках представителем анархического сознания в России в XVI в.

В дальнейшем анархизм в ходе своей эволюции прошел стадии классического и постклассического анархизма с многочисленными разновидностями их теоретических течений[3]. Формирование

---

[2] См.: *Ударцев С. Ф.* Протоанархизм в Древнем мире: некоторые источники и представители (из истории политической и правовой мысли) // Вестник Московского государственного открытого университета (МГОУ) / Мин-во образования РФ. (г. Кропоткин). – 2003. – № 1 (10); То же // Ученые записки Академии экономики и права (Алматы). – 2003. № 5. – С. 22–35.

[3] Классификацию идеологии анархизма в России См.: *Ударцев С. Ф.* Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. – Алматы, 1994. – С. 95–102; *Ударцев С. Ф.* Анархизм // Русская философия. Малый энци-

классического, теоретически и системно разработанного анархизма в России относится к XIX в., и связано, прежде всего, с творчеством М. А. Бакунина. Его трактовки проблем личности являются вершиной в классическом анархизме[4].

Смысловые поиски и идеалы молодого М. А. Бакунина (1830-е гг.): человек мыслящий, любящий и жертвующий

Михаил Александрович Бакунин фактически с юности отличался тем, что поверил в свое всемирно историческое предназначение как человека, которому суждено потрясти сознание современников и совершить переворот в формах общественной жизни, и рано избрал путь независимого развития, направленного на реализацию своего предназначения. В письме без даты братьям (видимо, 1837 г.), он писал: «Сходите с ума от радости (если только для вас это возможное дело?), прыгайте, беситесь!.. Я вам пишу: понимаете ли вы всю важность этого дела? Я! Михаил Бакунин, посланный провидением для всемирных переворотов, для того, чтобы, свергнув презренные формы старины и предрассудков, вырвав отечество мое из невежественных объятий д–ма, вкинуть его в мир новый, святой, в гармонию беспредельную, — я вам пишу!»[5]. Подчиненность жизни и судьбы вере в свое общественное предназначение прослеживается уже в письмах 20-летнего Бакунина. Так, 7 мая 1835 г. он писал друзьям: «Рука божия начертала в моем сердце следующие священные буквы, обнимающие все мое существование: „он не будет жить для себя“. Я хочу осуществить это прекрасное будущее. Я сделаюсь достойным его. Быть в состоянии пожертвовать всем для этой священной цели — вот мое единственное честолюбие»[6]. Дальнейшая эволюция воззрений Бакунина — во многом раскрытие, распаковывание его изначальной и рано осознанной персональности, первичной и природной структуры личности, свя-

---

клопедический словарь / Отв. ред. — А. И. Алешин. – М., 1995. – С. 19–20.

4 См.: *Рябов П. В.* Проблема личности в философии классического анархизма. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М., 1996. – С. 12.

5 *Бакунин М. А.* Собрание сочинений и писем. 1826–1876 / Под ред. и с примеч. Ю. М. Стеклова. – Т. 1. Догегелианский период. 1828–1837. – М., 1934. – С. 435. Данное письмо ошибочно обозначено Ю. М. Стекловым как письмо сестрам. Сокращение «д–ма», по всей видимости, следует расшифровывать как «деспотизма», а не «догматизма».

6 Там же. – С. 169.

занного с ней персонального сознания.В письмах 1830-х гг. молодой Бакунин постигает внутренний мир персональности, его отношение к внешнему миру, к внутреннему миру других личностей, намечает критерии соотнесения личностей, личностные ценностные ориентиры, определяет свою личную стратегию. Он рассуждает *о человеке, его назначении, судьбе, связи с Богом и человечеством, о поиске в людях жажды блага отчизны и человечества*. *Сущностью человека* Михаил Бакунин признает волю, освещенную «святыми лучами чувств и мыслей»[7]. Отвергая светские отношения как «холодные свидания эгоизма с эгоизмом»[8], он ищет в людях единство мысли и чувств.

Бакунин выделял два аспекта персональности, *два я*: *частно-человеческое и общечеловеческое* (тождественное с целью). Общечеловеческое *я* в каждой практической персональности он называл «доктором (не юриспруденции, а медицины) и правителем» другого *я*[9].

Индивидуально-человеческое в персональности — более слабый элемент. В этом смысле Бакунин замечал: «Мы все слабы, все — Гамлеты»[10]. Главное, полагал он, «чтобы духовную жизнь свою не покорять внешним обстоятельствам», опираться на силу воли и тогда общечеловеческий компонент персональности будет реализован. «Ты говоришь, — писал он А. П. Ефремову 10 декабря 1835 г., — что man kann nicht immer was man will. Вздор. Man kann alles, was man nur genug Kraft hat zu wollen»[11]. Общечеловеческие основания он видел и в трактовке истории «как проявлении духа человеческого в объективном мире» и в связи с этим, опираясь на идеи Гердера о философии истории, считал, что современная ему наука история должна быть более философской и общей, чем фактической и частной, должна включать то, что «имело влияние на судьбу человечества или народа, и то, что олицетворяет дух времени»[12]. Для молодого Бакунина «бог» — это «дух всего человечества»[13]. А *Иисус Христос* рассматривается как *«богочеловек», «всемирный гений,* так как его религия

---

7 Там же. – С.174.

8 Там же. – С.175.

9 См.: там же. – С.180.

10 Там же. – С.184.

11 Там же. – С.184. Пер. с нем.: «Ты говоришь, что не всегда можно сделать то, что хочешь. Вздор. Можно сделать все, хотеть чего хватает сил».

12 См.: там же. – С.181.

13 Там же. – С.185.

принадлежит всему человечеству»[14]. Позже он вслед за Прудоном трактовал религию как увеличенное отражение человека в его сознании. А в работе «Кнуто-германская империя и социальная революция» доводил атеистическое вольнодумство до признания сатаны «духовным главой революционеров», «творцом человеческого освобождения»[15].

Признавая, что общечеловеческий элемент в персональности потенциально более силен по сравнению с частно-человеческим элементом в ней, Бакунин констатировал, относительную слабость и общечеловеческого компонента в среднестатистической личности. Он полагал, что цели персональности (развитой и стремящейся к служению человечеству) совпадают с целями человечества. Каждая личность соединена с человечеством, связана с ним в целом и со всеми иными человеческими индивидами через связь их с общим. В человечестве индивидуальное общечеловеческое достигает своей максимальной силы, сливаясь с индивидуальным общечеловеческим других индивидом, с их энергией, подпитывающей человечество. Бакунин пишет, что индивидуальное составляющее *проявления «божественной личности» в человеке* — слабое, оно приобретает силу «только в целом человечестве»[16].

Персональность, по Бакунину, имеет глубинную изначальную связь с человечеством, является внутренней бесконечностью, микрокосмом. «Небо — в нас, и в себе мы должны жить… Небо, которое мы имеем в себе, вечно»[17]. Внутренняя определенность сознания и поведения человека для него — главный вектор персональности, раскрывающий ее природу.

Жертвенность признается неизбежным свойством персональности. По Бакунину, человек вынужден жертвовать или личной жизнью, интересами семьи и служить человечеству, обществу, или жертвовать своим общечеловеческим предназначением и посвятить себя частной жизни[18]. В связи с этим в персональности должен присутство-

---

14 Там же. – С.257. Курсив мой. — *С. У.*

15 См.: *Бакунин М.А.* Кнуто-германская империя и социальная революция. – М., 1907. – С.109; *Сапон В.П.* Философия пробудившегося человека. Либертаризм в российской леворадикальной идеологии (1840-е–1917 гг.). – Нижний Новгород, 2005. – С.128, 316.

16 *Бакунин* Собрание сочинений и писем… – Т.1. – С.257. Курсив мой. — *С. У.*

17 Там же. – С.181.

18 См., напр.: там же. – С.218.

вать некоторый элемент своеволия, проявления своеволия. Поэтому даже для *служения человечеству* и проявления любви к нему, необходимо, полагал он, такое условие, как эгоизм (*я* признает только то, что понимает и чувствует, что к данному *я* относится, даже если это — любовь к человечеству)[19]. В частности, *собственное самолюбие* он рассматривал как *внутреннюю самозащиту* персональности[20]. *Я*, осознающее свою божественную природу и отдающееся ее служению, по Бакунину, неизбежно отчуждается от иного во внешнем мире, другое становится для него малым, бедным и ничтожным[21]. Прежде всего, это он относил к себе: «Мое я и все, кто умеют понять его и полюбить,— вот мое общество, вот весь мой внешний мир. Другого у меня нет, я даже не замечаю другого»[22]. Следует признать, однако, что окружение молодого М. А. Бакунина в России было весьма ярким и самодостаточным — Н. В. Станкевич, В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, А. П. Ефремов, К. С. Аксаков, В. П. Боткин, М. Н. Катков и др.

Гармония между двумя началами персональности — частным и общечеловеческим, поиск «золотой середины» для максималиста Бакунина исключались. Истина, по его мнению, вполне может лежать в одном из противоречий и в данном случае — в служении человечеству, *в перенесении «неба» и Бога на землю* по воле человека. «Возвысимся до истины — и все противоречия, и все страхи, и вся проистекающая из них дисгармония исчезнут»[23]. Бакунин выбирает активную критическую творческую деятельность во имя человечества и видит в этом назначение человека: «Назначение человека — пишет он,— не страдать, скрестя руки, на земле, чтобы заслужить легендарный рай. Его назначение скорее заключается в том, чтобы перенести небо, бога, которого он носит в себе, на нашу землю, возвысить практическую жизнь, поднять землю до неба — вот высокая его миссия»[24]. В другом месте он писал, что для него существует «один только путь к спасению: это — совершенно *убить свое личное я, убить все, что составляет его жизнь, его упования и его личные верования. Нужно жить и дышать только для абсолюта, посредством*

---

19 См.: там же. – С. 275.

20 См.: там же. – С. 264.

21 См.: там же. – С. 303.

22 Там же.

23 Там же. – С. 321.

24 Там же. – С. 221–222.

абсолюта; необходимо, чтобы всякий момент моей жизни был моментом абсолюта, а не моего личного я. Для меня существует счастье, но оно возможно лишь при *полном забвении самого себя*, при *полном самоотречении*»[25]. Мыслитель, выделял в персональности также два компонента воли, признавая, что «все, что в моей воле, [относится к] воле божией, осуществится, а то, что погибнет, то будет лишь волею моей собственной слабой индивидуальности»[26].

Для молодого Бакунина человек истинный — это *человек любящий*. «Человек, который не любит, не есть человек, он не носит в себе бога, и для него не существует бог»[27]. В этом смысле в трактовке человека и природы его связи с другими людьми у раннего Бакунина есть глубокое общее единство с последующими идеями Л. Н. Толстого и М. К. Ганди.

В то же время Бакунин *различал высокое предназначение человека и «действительного человека»* с его слабостями, увлечением призраками, что чуждо, по его представлениям, «*истинной жизни человека*»[28]. Единственным «*истинным человеком*» (что означало в его трактовке — «*интеллект, дух*, отделенный от материи») он признавал Иисуса Христа[29].– «Он родился человеком, как мы; мы должны стать богом, как он. Он это так часто сам повторял»[30].

В рукописи «Гамлет» (1837–1838), оказавшей влияние на литературоведческие работы В. Г. Белинского, в которой синтезированы в одно целое образы Шекспира, идеи Гегеля и воззрения самого Бакунина, затронута тема роли личности в механизме вселенской справедливости и гармонии. Здесь связь персональности с человечеством, родом, вселенской гармонией осуществляется через индивидуальную нравственность, «*внутреннего судью*». Признается, что возникновение диссонанса в частных, индивидуальных отношениях ведет к напряжению всей системы гармонии Вселенной. И это нарушение воздействует на сознание и нравственность *преступника и карающего его субъекта* до тех пор, пока *правонарушитель* не получает по заслугам и не устраняются последствия нарушения. Персональность в лице Гамлета в такой ситуа-

---

25 Там же. – С. 376. Курсив мой. — *С. У.*

26 Там же. – С. 321. В квадратных скобках добавлены недостающие по смыслу слова в тексте. — *С. У.*

27 Там же. – С. 252.

28 См.: там же. – С. 292. Курсив мой. — *С. У.*

29 Там же. – С. 384. Курсив мой. — *С. У.*

30 Там же.

ции может выступить как представитель «*высшего индивида*» (под которым в данном случае понимается семейство, династия, род), как орудие мести и исполнитель тайного приговора суда провидения, восстанавливающего справедливость, высшее право, не связанное преступной властью и ее законами. При этом перед тайным вечным и высшим судом вселенской гармонии и справедливости равны все персональности, все ему, так или иначе подчиняются, в том числе *самообнаруживающий себя преступник*, представители власти, *глава государства (король)*[31].

Во второй статье «О философии» (1839–1840) Бакунин, находящийся под глубоким влиянием Гегеля, касается некоторых вопросов, связанных с *развивающимся человеком*, *познающим субъектом*, пишет о *человеке как духе*[32], о *я* как *«чувственном, единичном организме»*, который не свободен, «потому, что *я* безусловно подчинен всеобщим законам органической жизни, существующим независимо от моей единичной индивидуальности и вместе вполне обнимающим ее»[33]. В то же время «*сущностью человеческого духа*» *признается свобода*[34]. Автор видит двойственное проявление природы человеческого духа в том, что он «есть бесконечная полнота и свобода всеобщей истины с одной стороны, а с другой — единичный, конечный и преходящий индивид»[35]. Основу господства человека над природой он видит в том, что человек является существом разумным, «*самосознательным сыном бога живого» и «причастником бесконечного духа его*»[36].

Человек вообще, как и всеобщее понятие человеческого организма, по Бакунину, не существуют, а осуществляются, материализуются в действительности во множестве *единичных, естественных индивидов*. При этом Бакунин-гегельянец признает, что понятия, «пребывающие в прозрачном и свободном эфире творческой, самоусовершенствующейся мысли», не заключают в себе «недостатков и не подлежат

---

31 См.: *Ударцев С. Ф.* Рукопись М. А. Бакунина «Гамлет». М. А. Бакунин. Гамлет // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник 1984 / Пред. Редкол.: Д. С. Лихачев. Зам. председ. и сост. — Т. Б. Князевская. – Ленинград, 1986. – С. 55–63.

32 См.: *Бакунин М. А.* О философии. Статья вторая (неопубликованная) // *Бакунин М. А.* Собр. соч. и писем… – Т. 2. Гегелианский период. 1837–1840. – М., 1934. – С. 366–367.

33 Там же. – С. 367.

34 Там же. – С. 368. Курсив мой. — *С. У.*

35 Там же.

36 Там же. – С. 369. Курсив мой. — *С. У.*

разрушению, но и не имеют также и действительности»[37]. Бакунин пишет о «естественных индивидах» как внешних и чуждых друг для друга, недостаточных и ограниченных как все внешнее, а также о *«конечности человека»* как источнике его страданий, которое в свою очередь признается им условием человеческого развития[38].

М. А. Бакунин: от человека мыслящего к человеку действующему — разрушающему и созидающему (1840-е гг.)

В 1840-х гг., после отъезда Бакунина в Берлинский университет, особенно к концу десятилетия, его интересы и творчество все более смещаются в сферу философии политики и практической революционной деятельности. Бунтарство, максимализм и проповедь свободы в нравственно-философской сфере трансформируются в политическое бунтарство и крайний политический радикализм и разворачиваются в целостную систему теоретического анархизма, оформление которого завершается к концу 1860-х — началу 1870-х гг. В фокус внимания Бакунина-политика перемещаются большие социальные группы: человечество, народы, классы, бюрократия, сословия, профессиональные и возрастные группы. Тем не менее, вопросы персональности рассматриваются в ряде его работ.

Актуализируется его осмысление соотношения персональности и политических институтов, механизмов освобождения личности через изменение действительности. В письме Арнольду Руге (май 1843 г.), характеризуя Германию 1840-х гг., он сравнивает ее с предреволюционной Францией эпохи Руссо и Вольтера. При этом отмечает, что миром снова овладело воодушевление «*гуманизмом и государственностью, принципом которой стал наконец действительно человек*»[39].

Начиная с 1840-х гг. для Бакунина *человек разумно действующий* — разрушающий и творящий — становится более развитой формой персональности, по сравнению с *только мыслящим человеком*. При этом разрушение и созидание им воспринимаются как два неразрывных элемента творческой деятельности, два момента прогрессивного развития мира. Эту мысль он выразил в знаменитой фразе, завершав-

---

37 Там же.

38 Там же. – С. 369, 371.

39 *Бакунин М. А.* Собр. соч. и писем… – Т. 3. Период первого пребывания за границей. 1840–1849. – М., 1935. – С. 212. Курсив мой. — *С. У.*

шей его статью «Реакция в Германии» (окт. 1842 г.): «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть»[40]. Разрушение старого мира должно, по его мнению расчистить место для нового мира, где реализуется «полное и действительное освобождение всех личностей, как и всех наций…», социальная и политическая справедливость[41].

Бакунин решающее значение в формировании содержания, свойств, направленности, развития персональности начинает отводить внешней среде. В письме в редакцию газеты «Реформа» (1845) он замечает: «Надо пожить в России, чтобы хорошо понять, *какое влияние оказывают на умственное и моральное развитие человека занимаемое им положение и окружающая среда*»[42]. Поэтому, по Бакунину, ключ к изменению и расцвету личности в масштабах всего общества,— кардинальное преобразование действительности. В письме брату Павлу в 1845 г. он писал, что, *как и прежде он «отъявленный враг существующей действительности*, с тою разницею, что я *перестал быть теоретиком»*[43]. В письме графу И. Скуржевскому в 1849 г. Бакунин замечал, что он «убедился, что жизнь, любовь и действие могут быть поняты только посредством жизни, любви и действия»[44]. Немецкие философские системы, на которые российская молодежь «набрасывалась» для удовлетворения духовной жажды и в поиске истины при Николае I, он уже называл «духовным опиумом для всех, кто жаждет дела и все же обречен на бездействие»[45].

Бакунина все больше начинают интересовать *макроуровень, макрофакторы человеческого освобождения*. Политическая и экономическая организация общества, полагал он, довольно жестко предопределяет статус, деятельность, социальную группировку и структурирование персональностей. В брошюре «Бернские Медведи и Петербургский Медведь» (1870) он писал: «*что пока будет существовать политическая власть, будут всегда господствующие и подчиненные, господа и рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые*»[46]. Поэтому он предлагал

---

40 Там же. – С. 148.

41 Там же. – С. 336.

42 Там же. – С. 241. Курсив мой. — *С. У.*

43 Там же. – С. 245. Курсив мой. — *С. У.*

44 Там же. – С. 370.

45 Там же. – С. 415.

46 *Бакунин М. А.* Бернские Медведи и Петербургский Медведь // *Бакунин М.* Избр. соч. [В 5 т.] – Т. III. С предисл. Дж. Гильома. – Петербург–М., 1920. – С. 22. Сохра-

«*совершенно уничтожить, в принципе и фактически, все, что называется политической властью*» и заменить ее «*организацией производительных сил и хозяйственной жизни страны*»[47].

В его понимании основных аспектов персональности (в частных, особенных и общих трактовках) появляются новые содержательные оттенки, темы, высвечиваются новые проблемы. Он размышляет об индивидуальной и национальной чести и *ответственности представителей русской нации за нацию, ее действия по отношению к другим нациям, подданного за действия властей его страны по порабощению других народов*, об отсутствии прав, справедливости и защиты от произвола в российской реальности[48]. Он обращает внимание на то, что типично «угнетенные народы и классы искони становились самыми ярыми *поборниками общечеловеческих прав* для всех людей»[49].

Практико-революционное значение для обоснования европейской и мировой революции в его учении приобретает признание взаимосвязи свободы индивидов, групп людей, наций и народов, — идея солидарности и единства людей и взаимообусловленности их свободы. В «Воззвании русского патриота к славянским народам» (1848)[50] он писал: «*Угнетение одного народа или даже отдельной личности является угнетением всех, и нельзя нарушить свободу одного, не нарушая свободы каждого.* Эта столь простая и столь долго игнорируемая истина отныне сделалась общераспространенною аксиомой»[51]. Формула категорического императива И. Канта[52] в его революционной интерпретации и в предостережении *против порабощения народов государствами* (применительно к австрийскому государству) приобретает следующий вид: «Вы будете делать другим то, чего вы не хотите, чтобы делали вам. И вы снова станете рабами, рабами собственной

нен курсив оригинала.

47 Там же. Сохранен курсив оригинала.

48 См.: *Бакунин М. А.* Собр. соч. и писем… – Т. 3. – С. 271–272.

49 Там же. – С. 321. Курсив мой. — *С. У.*

50 У Ю. М. Стеклова воззвание отнесено к 1849 г., возможно, в результате технической ошибки; см.: там же. – С. 329.

51 *Бакунин М. А.* Собр. соч. и писем… – Т. 3. – С. 339. Сохранен курсив оригинала.

52 См., напр.: *Ударцев С. Ф.* Политические и правовые идеи Иммануила Канта // *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. К вечному миру. – Алматы, 1999. – С. 5–40; то же // *Кант.* Идея всеобщей истории… – 2-е изд., доп. – Алматы, 2004. – С. 5–46.

деспотии, ибо никто не может обращать другого в рабство, не делаясь рабом сам…»[53].

Можно согласиться с российским исследователем П. В. Рябовым в том, что в учении М. А. Бакунина происходит своего рода синтез индивидуалистического и социалистического начал в анархизме[54].

Для философии действия Бакунина характерна также мысль, что в эпоху революции персональность неизбежно ставится перед жесткой альтернативой выбора: «или — или», «за или против». Он признает, что мир раскололся на две противоположности — революция и контрреволюция, имеющих своих сторонников и в связи с этим средней дороги нет[55]. Путь к свободе может идти только через революцию. Его не останавливало ясное понимание того, что революция — это часто трагедия для конкретных людей. Позже, в брошюре «Бернские Медведи и Петербургский Медведь» (1870), Бакунин писал: «Революция — не детская игра, не академические дебаты, где наносятся смертельные удары лишь тщеславию, и не литературное состязание, где проливаются лишь чернила. Революция, это — война, а когда идет война, происходит разрушение людей и вещей»[56]. Печально, констатировал он, но «каждый новый шаг в истории рождался лишь в крови»[57]. В революции рушатся прежние представления, нормы, законы, институты. Выход человечества, общества в новый мир неизбежно приводит к крушению, изменению, нарушению всего, что связано со старым миром, но это нарушение становится в ходе революции нормой, обычным поведением и для «истинных революционеров или реакционеров». Прежние регуляторы персонального поведения оказываются непригодными и бессильными в условиях массового нарушения прежнего порядка[58].

Мыслитель пытался повлиять на изменение западных представлений о России и русском народе. Он сравнивал русский народ с великаном («народ-великан»), который лишь внешне продолжает лежать, «будто по волшебству скованный железным сном по всем членам! Я говорю вам: он спит уже неглубоко, он только тихо дрем-

---

53 *Бакунин М. А.* Собр. соч. и писем… Т. 3. – С.355.

54 См.: *Рябов П. В.* Проблема личности в философии классического анархизма… – С.5, 19.

55 См.: *Бакунин М. А.* Собр. соч. и писем… – Т. 3. – С.346.

56 *Бакунин М. А.* Бернские Медведи и Петербургский Медведь… – С.12.

57 Там же. – С.12–13.

58 См.: там же. С. 13.

лет, он уже начал пробуждаться»[59]. В брошюре «Русские дела» (1849) он писал о ложности отождествления русского народа и царя, взгляда на русский народ как «на грубую, бессознательную, безвольную толпу, как на массу нулей, которая, будучи приставлена к царской единице, придает последней внушительный вид»[60]. Однако, в некоторых работах 1860-х гг. (напр., «Народное Дело») он вынужден был констатировать довольно высокую степень веры русского народа в царя[61], да и сам некоторое время допускал возможность для царя возглавить освободительное движение. В ряде работ Бакунина присутствует своего рода *негативная персональность* — образ царя, российского императора как «расчетливого деспота», «тирана иноземного происхождения», «мучителя, посрамителя чести» народа, который все более теряет почву под ногами и все более страшится приближающейся революции, дух которой «шествует вперед незримо»[62]. В то же время допускаются и «хорошие, благодетельные предначертания царя», которые, однако, парализуются или «совершенно игнорируются» российским чиновничеством[63].

Революция как путь к свободе личности. Критика М. А. Бакуниным государства как чуждого и враждебного личности института

Одним из основных аспектов анархической критики государства Бакуниным было стремление показать чуждость государства интересам и правам человека, человеческой нравственности. Он писал об «*экстра-человеческой», «трансцендентной», «противочеловеческой» морали государства*, считал «испорченность» людей «естественным, необходимым следствием института государства». Идея отрицания человечества и человечности как правило, присутствовала и в его определениях государства. Например, он писал: «Государство есть ничто иное, как отрицание человечества, это — ограниченная совокупность людей, которая хочет занять его место и хочет навязать ему себя, как высшую цель, которой все должно служить, все должно

---

59 *Бакунин М. А.* Собр. соч. и писем… – Т. 3. – С. 358.

60 Там же. – С. 405.

61 *Бакунин М. А.* Народное Дело // *Бакунин М.* Избр. соч. [В 5 т.] – Т. III… – С. 81.

62 См.: *Бакунин М. А.* Собр. соч. и писем… – Т. 3. – С. 358–359. Курсив мой. — *С. У.*

63 См.: Там же. – С. 423.

подчиняться»[64]. При этом отмечает лицемерие государств, делающих, по его мнению, вид, что они уважают человечество[65].

Один из важных аспектов критики государственности в анархической теории Бакунина — *показ деморализующего значения государственной власти для человека*, что основывалось у него на идее определяющего воздействия среды на личность и трактовке государства как системы и сферы зла, эксплуатации и реакции. «Самый лучший, самый просвещенный, бескорыстный, великодушный, чистый человек неизбежно испортится при этих условиях,— писал он в работе „Федерализм, Социализм и Антитеологизм“ (1867 г. — не позднее начала 1868 г.)[66].— В основе этого деморализующего воздействия сферы государственной власти презрение к народу преувеличение своего собственного достоинства»[67]. В другом месте этой работы он подчеркивал, что *привычка повелевать опасна «для личной нравственности человека»*[68].

Одной из самых негативных сфер разрушения человеческой нравственности, по мнению анархиста, является армия. Немало острых и довольно метких критических суждений им высказано об офицерах и солдатах различных армий мира, особенно о российской армии. В одной из самых известных своих работ «Государственность и анархия» он писал об уродующей деформации личности солдата на военной службе, превращении его через несколько лет службы в «*бессознательную палку*», а офицера — в «*сознательную палку», в палку*

---

64. *Бакунин М. А.* Бернские Медведи и Петербургский Медведь… – С. 34.

65 См.: там же. – С. 34–35.

66 Работа написана на французском языке с целью корректировки, переориентации программы буржуазной международной организации — пацифистской Лиги Мира и Свободы, членом Центрального комитета которой Бакунин был избран на I Конгрессе Лиги в сентябре 1867 г. Бакунин надеялся на возможность придать деятельности этой организации социалистический и революционный характер. Рукопись получила известность. Планировалось издание ее в виде брошюры, но брошюра не вышла. На языке оригинала работа опубликована почти через два десятилетия после смерти автора в 1895 г. известным немецким историком анархизма Максом Неттлау при издании сочинений революционера. На русском языке работа впервые полностью была издана отдельной книгой в 1906 г. петербургским издательством «Мысль» совместно с лейпцигским издательством «А. Миллер», затем неоднократно переиздавалась и является одним из наиболее известных сочинений мыслителя.

67 *Бакунин М. А.* Федерализм, Социализм и Антитеологизм // *Бакунин М.* Избр. соч. [В 5 т.] – Т. III… – С. 202.

68 Там же. Курсив мой. — *С. У.*

по убеждению[69]. Армии Бакунин характеризовал как «машины для избиения народов».

Путь освобождения личности и смысловые компоненты этого освобождения затрагиваются Бакуниным в ряде его работ. Так, в Речи на Конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1868 г. для освобождения «каждой отдельной личности» — для реализации ее права «располагать собою с полной свободой, независимо от потребности и притязаний государства», ограничивая «эту свободу только *равным* правом других» — он предлагает «уничтожение того, что называется историческим правом и политической необходимостью государства»[70]. Бакунин надеялся на силы самоорганизации общественного организма, которые вместо ликвидированного государства создадут оптимальную самоорганизующуюся систему. Он недооценивал то обстоятельство, что государство потому и существовало и существует, что оно соответствует уровню развития общества. Основа анархического радикализма, отчасти, как раз и заключается в том, что никто точно не знает, не может предсказать наступление момента, когда ранее соответствующее потребностям общества явление перестает им соответствовать, в том числе и государственность. Бакунин верил, — и как показывает исторический опыт, при этом забегая вперед, заблуждаясь — что такой момент в истории уже наступил.

Государство в теории Бакунина — смысловой антагонист личности, отрицание ее позитивных свойств, качеств. Государство рассматривается им как индуктор зла, своего рода антимир по отношению к личности.

Эта мысль развивалась им во многих работах. Так, в «Письмах о патриотизме» (1869) он признает *идею государства «закланием как каждого индивида,* так и всех местных ассоциаций, абстракцией, убивающей живое общество»[71]. В другом месте этой же работы он писал: «Государство <…> по самой сущности своей, есть *громадное кладбище*, где происходит самопожертвование, *смерть и погребение всех*

---

69 См., напр.: *Бакунин М. А*. Государственность и анархия // В кн.: *Бакунин М. А*. Философия. Социология. Политика / Вступит. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. Ф. Пустарнакова. – М., 1989. – С. 377. Курсив мой. — *С. У.*

70 *Бакунин М. А*. Речь на Конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1868 г. // *Бакунин М*. Избр. соч. [В 5 т.] – Т. III… – С. 115. Курсивом здесь обозначена разрядка оригинала.

71 *Бакунин М. А.* Письма о патриотизме // *М. Бакунин.* Избр. соч. [В 5 т.] – Т. IV… – С. 88. Курсив мой. — *С. У.*

проявлений индивидуальной и местной жизни, всех интересов частей, которые и составляют все вместе общество»[72].

В Речи на Конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1868 г. для реализации «условия действительной свободы», он считал необходимым «уничтожение всяких постоянных договоров между личностями и коллективными единицами». Смысл этой меры он видел в том, что условием индивидуальной и коллективной свободы должно быть то, «что прошедшее не должно связывать настоящего, а настоящее не должно связывать будущего и что неограниченное прошлым право принадлежит живущим поколениям»[73]. Этот принцип Бакунина в определенной степени созвучен мысли одного из основоположников американской демократической традиции Т. Джефферсона о том, что каждое поколение имеет право на обновление конституции и не должно быть связано в этом смысле предшествующими поколениями (правда, это право понималось им как возможность, но не как необходимость или даже целесообразность постоянных изменений конституции)[74]. В теории Бакунина это право фактически тождественно обязанности и исторической необходимости.

Наконец, в той же Речи 1868 г. он признает одной из основ реализации свободы, в том числе и личной, право выхода личностей, ассоциаций, общин, провинций и наций из тех союзов, членами которых они являются (при этом выходящая часть не должна ставить «в опасность свободу и независимость целого, от которого отходит, своим союзом с иностранной и враждебной державой»)[75].

«*Человеческая личность*,— по Бакунину,— продукт солидарности, т. е. общества»[76] и подчиняется его естественным законам. Он допускал возможность противодействия личности воздействию общества, особенно под влиянием внешним — другого общества, а также возможность перехода ее в другое общество. Но полное отчуждение персональности от любого общества признавалось невозможным, при-

---

72 Там же. – С. 89. Курсив мой. — *С. У.*

73 *Бакунин М. А.* Речь на Конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1868 г. … – С. 115.

74 *Ударцев С. Ф.* Политико-правовые взгляды Томаса Джефферсона // *Томас Джефферсон.* Декларация независимости. Инаугурационные речи / Вступит. ст. и примеч. С. Ф. Ударцева. Изд. 2-е испр. и доп. – Алматы, 2004. (Сер.: «Жемчужины истории политической и правовой мысли»). – С. 15 и др.

75 См.: *Бакунин М. А.* Речь на Конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1868 г. … – С. 115–116.

76 *Бакунин М. А.* Всестороннее образование // *Бакунин М.* Избр. соч. [В 5 т.] – Т. IV… – С. 57. Курсив мой. — *С. У.*

равнивалось физической смерти. «Солидарность,— писал он,— есть не продукт, а мать индивидуальности, и человеческая личность может родиться и развиваться только среди человеческого общества»[77].

Следует отметить еще одну особенность взглядов Бакунина — трактовку *индивидуальной свободы в связи с солидарностью*, *социальной природой человека.* По Бакунину, благодаря естественности человеческой солидарности, персональная свобода не ограничивается свободой других, а продолжается в другой индивидуальной свободе. Происходит своего рода социализация, синтез индивидуальных свобод, которые благодаря этому, при содействии и помощи других людей, могут расширяться до бесконечности[78].

В этом смысле, по Бакунину, происходит становление и развитие человеческой личности и ее свободы в истории как следствие общественной эволюции, движения общества и человечества в целом в сферу свободы.

По Бакунину, происходит также развитие, нарастание человечности. Человечность он трактует «не как застывшую данность, но как динамическую потенцию, к которой причастны все люди и которая воплощается по мере борьбы личности за самоосвобождение»[79].

Проблема поиска путей реализации свободы личности и социальных групп пронизывает и такую известную работу Бакунина как «Федерализм, Социализм и Антитеологизм» В этой работе он пишет о необходимости организовать общество так, *«чтобы каждый индивид, мужчина или женщина, находил, появляясь на свет, почти равные средства для развития своих различных способностей»* и их использования в своей работе[80]. Он надеялся создать общество, где невозможно использовать чужую работу частным лицам и где можно будет «участвовать в пользовании социальным богатством»[81].

Одним из условий освобождения личности и создания равных стартовых условий для всех он считал *ликвидацию наследственно-*

---

77 Там же.

78 См.: *Бакунин М. А*. Парижская Коммуна и Понятие о Государственности // *Бакунин М*. Избр. соч. [В 5 т.] – Т. IV… – С.250.

79 *Рябов П. В.* Проблема личности в философии классического анархизма… – С.14. См. также – С.15.

80 *Бакунин М. А*. Федерализм, Социализм и Антитеологизм… – С.146. Сохранен курсив оригинала.

81 Там же.

го права. Эта идея, возможно, была им воспринята из «Манифеста Коммунистической Партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, первый перевод которого на русский язык был сделан Бакуниным. Но в конце 1860-х гг., когда он начинает пропагандировать эту идею, Маркс и Энгельс от нее уже отказались, признав необходимость регулируемого наследственного права. Это не смущало Бакунина, он последовательно отстаивал мысль о необходимости упразднения наследственного права как источника экономического, социального и политического неравенства людей. В работе «Федерализм, Социализм и Антитеологизм», предлагая уничтожить наследственное право, Бакунин писал, что пока оно существует «будет существовать *наследственное* экономическое неравенство, не естественное неравенство индивидов, а искусственное неравенство классов,— а последнее необходимо будет всегда порождать наследственное неравенство в развитии и образовании умов и будет продолжать быть источником и освящением всех политических и социальных неравенств»[82]. Наследником умирающих, считал он, должен быть «общественный фонд для образования и обучения детей обоих полов, включая сюда и содержание их от рождения до совершеннолетия»[83]. С критикой наследственного права он выступил и на Базельском конгресса I Интернационала в 1869 г.

Интересно, что при вступлении секций бакунинского Альянса в Интернационал в 1868 г., Маркс обратил внимание на некорректность, с его точки зрения, выражения «уравнение классов» и Бакунин в письме ему от 22 декабря 1868 г. вынужден был объяснять свою позицию по вопросу «уравнения классов и личностей», посылал Марксу свои речи, сообщал ему, что он также стал прежде всего сторонником «экономической революции», а не только «политической» и в этом отношении замечал, что «я твой ученик и я горжусь этим»[84].

В «Государственности и анархии» Бакунин отмечал, что эпоха Возрождения явилась «блестящей и радостной зарей человеческой эмансипации»[85], а начиная с конца XVIII в. во Франции начинает фор-

---

82 Там же. Сохранен курсив оригинала.

83 Там же.

84 См. текст письма М. А. Бакунина К. Марксу от 22 декабря 1868 г. в примечаниях Дж. Гильома к работе М. А. Бакунина «Доклад об Альянсе» в кн.: *Бакунин М.* Избр. соч. [В 5 т.] – Т. V. «Альянс» и Интернационал. Интернационал и Мадзини. – Петербург–М., 1921. – С. 88–89.

85 См.: *Бакунин М. А.* Государственность и анархия… – С. 278.

мироваться *новый общечеловеческий интерес — «идеал полнейшей человеческой свободы»*, но сначала — в сфере политики[86]. Такие общечеловеческие интересы, по Бакунину, существовали во все времена и преобладали над другими интересами[87]. В дальнейшем, этот новый общечеловеческий интерес дополнился, считал он, необходимостью не только политического, но и экономического освобождения — «полнейшее экономическое освобождение пролетариата от экономической эксплуатации и от государственного гнета»[88].

Для Бакунина *человек — высшее известное существо на планете*, выделившееся из животного мира (благодаря способности к абстрактному мышлению, свободе воли, свободному самоопределению человеческих индивидов)[89], создавшее свой человеческий мир, изменяющее планету. Он обращал внимание на планетарный характер труда человека и человечества, реализующего его свободу в породившей его естественной среде. Он пишет о *«медленной работе трансформирования поверхности нашей планеты физической силой каждого живого существа, сообразно с потребностями каждого»*, отмечая, что это прослеживается и «на всех ступенях органической жизни»[90]. Но бесконечность эволюции, развития мира, по Бакунину, не гарантируют приоритетность человечества в будущем на планете. В глобальном историческом аспекте, Бакунин допускал возможность формирования «через несколько десятков или сотен веков» на основе человечества (*«от самой высшей разновидности человеческой породы»*) *более высокоразвитых существ* — высших по сравнению с человеком, «которые будут *относиться к человеку, как он относится к горилле*»[91].

Свободу индивида и человечества в целом он рассматривал как важные цели человека и человечества, как их предельное условие для самореализации и естественного развития[92]. При этом свобода не противоречит естественным законам, постепенно постигаемым человеком. Следование этим естественным законам, по Бакунину, есть не ограничение свобода, а постепенное превращение человека

---

86 Там же. – С.340. Курсив мой. — *С. У.*

87 См.: там же. – С.339.

88 Там же. – С.341.

89 Там же. – С.171. Сохранен курсив оригинала.

90 Там же. – С.163. Курсив мой. — *С. У.*

91 Там же. – С.163. Курсив мой. — *С. У.*

92 См.: там же. – С.168.

в творца, созидателя *человеческого мира*[93]. Бакунин пересказывает мысль Л. Фейербаха (которого называет «одним из величайших мыслителей наших дней»): «человек делает все, что делают животные, но только он делает это, все более и более *человечно*»[94]. В ходе своей эволюции, человек, по Бакунину, становится, «сравнительно, самым *индивидуальным и самым свободным* с точки зрения животного царства». В то же время, он оказывается и «самым социальным из всех существ»[95]. Синтез индивидуального и социального отличает, по его мнению, природу человека.

По Бакунину, индивидуальная инициатива лежит в основе самоорганизации общества. Общество развивается, прогрессирует «движимое импульсами индивидуальной инициативы, а не мыслью и волей законодателя»[96],— писал он, не вполне учитывая, что и в мысли и воле законодателя может присутствовать определенная индивидуальная инициатива.

Бакунин признавал бесконечное множество причин, воздействий, определяющих и формирующих как тело, так и интеллектуальные и моральные качества индивида, длинную цепочку этих материальных и духовных воздействий, уходящую в прошлое, как его, так и его родителей[97]. «Таким образом,— заключал мыслитель,— каждый человеческий индивид, в момент своего рождения, является *материальной, органической производной* всего разнообразия причин, которые, скомбинировавшись, произвели его»[98]. Бакунин связывал бесконечное множество воздействий на персональность с ее столь же бесконечной уникальностью. Уже в момент рождения человека, отмечал Бакунин, на него оказали и оказывают воздействие «бесконечность самых разнообразных причин: материальных и моральных, механических и физических, органических и духовных, исторических, географических, экономических и социальных, больших и малых, постоянных и случайных, непосредственных и очень отделенных в пространстве и во времени, и *совокупность которых комбинируется в единое живое Существо и индивидуализируется в первый и последний раз, в ряде*

---

93 Там же.– С.168–169.

94 Там же.– С.170. Сохранен курсив оригинала.

95 Там же.– С.184. Сохранен курсив оригинала.

96 Там же.– С.185.

97 См.: там же.– С.204–205.

98 Там же.– С.205. Сохранен курсив оригинала.

всемирных видоизменений, единственно лишь в этом ребенке, который в чисто индивидуальном применении этого слова, никогда не имел и никогда не будет иметь себе подобного»[99]. С этим была связана и его идея о необходимости более *индивидуального воспитания* «в духе свободы» и на основании формирования уважения к свободе[100].

Бакунин признавал, что персональное сознание является почти абсолютным произведением внешней, особенно социальной среды. В связи с этим и *формирование преступника*, по мнению мыслителя, в конечном счете, определяется социальной средой, обществом, если у преступника нет «органического дефекта»[101]. Отсюда — признаваемая им ответственность общества за формирование преступников и совершаемые ими преступления и несправедливость возложения всей ответственности на самого преступника. *Свойства людей*, писал он, — их «общественное наследие»[102], в то же время признавал и *биологическое наследование* как основание *различий индивидуальных организмов*[103]. Эти идеи в последующем детально обосновывались и П. А. Кропоткиным[104].

В связи с этим, и *гении человечества*, по Бакунину, не организуются, не воспитываются, да и проявляются только «с развитием личности», когда становится возможно «определить относительное превосходство или низкое *качество людей, степень их способностей и естественных склонностей*»[105]. Задача, по Бакунину, не воспитать гениев, а подтянуть остальных членов общества в плане образования, творческой реализации к более высокому уровню, в равной мере воспитывать и образовывать всех[106].

По мнению революционного мыслителя, социальное неравенство предопределяет *неравенство в образовании индивидов*. В серии статей «Всестороннее образование» (1869 г.) он замечал, что социальное неравенство приводит к тому, что богатый «глупый наследник получит высшее образование, а самые умные дети рабочего все-

---

99 Там же. – С.206. Сохранен курсив оригинала.

100 См.: там же. – С.214.

101 Там же. – С.202.

102 См.: там же. – С.213.

103 См.: там же. – С.213–214.

104 См.: *Ударцев С. Ф.* Кропоткин. – М., 1989.

105 *Бакунин М. А.* Всестороннее образование… – С.53. Курсив мой. — *С. У.*

106 См.: там же. – С.54.

же останутся невежественными»[107]. И для развития образования, по Бакунину, необходимо было изменить общественную систему.

В то же время, теоретик революции признавал, что революции — объективные явления, их невозможно ни импровизировать, ни делать «по воле отдельных личностей, ни даже самых могущественных ассоциаций. Они, независимо от всякой воли и от всякой конспирации, всегда происходят в силу самих вещей. Их можно предвидеть, иногда предчувствовать их приближение, но никогда нельзя ускорить их взрыв»[108]. Несмотря на страдания, кровь, которые несет с собой революция, он признавал, что это есть *реальный путь «очеловечения общества»* в материалистической интерпретации[109].

Интересно, что Бакунин рассматривал *негативные свойства личности как слаборазвитые позитивные свойства*, присутствующие в недостаточном количестве и недостигающие соответствующего качества. В противном случае, замечал он, носителей негативных качеств нужно было бы не развивать, а убивать, так как их развитие было бы опасно для общества[110]. При этом добро воспринималось им как свобода, а свобода — как источник добра; признавалось, что добро вне свободы не существует. При этом мыслитель писал, что *навязываемое индивиду принудительное добро* может превратиться для него во зло[111].

Следует отметить, что понятие *индивидуальность* у Бакунина шире понятия *человеческая индивидуальность*. Более общее понятие включает у него и различные *коллективные индивидуальности* (класс, нация и т. д.). Эти крупные индивидуальности рассматриваются им как в определенном смысле живые существа, социальные организмы, способные «в конце концов истощаться, как и личности»[112]. В то же время, народ, как целостность, имеющая сложный состав и огромный потенциал, по Бакунину, имеет протяженность своего существования и жизнедеятельности бесконечно более длительную и широкую по сравнению с классами. «Это наиболее сильная и наибо-

---

107 Там же. – С. 51.

108 *Бакунин М. А.* Политика Интернационала // *Бакунин М.* Избр. соч. [В 5 т.] – Т. IV… – С. 21.

109 См.: *Бакунин М. А.* Ответ одного интернационалиста Мадзини // *Бакунин М.* Избр. соч. [В 5 т.] – Т. V… – С. 65.

110 См.: *Бакунин М. А.* Федерализм, Социализм и Антитеологизм… – С. 208.

111 См.: там же. – С. 215.

112 *Бакунин М. А.* Послание моим итальянским друзьям // *Бакунин М.* Избр. соч. [В 5 т.] – Т. V… – С. 195.

лее богатая коллективная индивидуальность; но и она также в конце концов истощается, изживает»[113].

Для человеческой личности, по Бакунину, имеет большое значение принадлежность ее к той или иной «коллективной индивидуальности». Эта принадлежность оказывается определяющей персональное положение, сознание человека. Отсюда, важное значение приобретает направленность революции на преобразование, изменение статуса «коллективных индивидуальностей» и применительно к личности — ее положения, окружающей ее среды, предопределяющей ее поведение и сознание. В этом смысле Бакунин писал, что социализм «будет вести беспощадную войну» против «социальных положений», а не против людей, «являющихся их неизбежным продуктом», что социализм «не помышляет против личностей, даже самых *зверских*» (хотя и признавал, что социалисты не смогут помешать народному гневу в первый период революции «против наиболее *гнусных, наиболее яростных и наиболее опасных*», но будут противиться «хладнокровно организованной политической и юридической лицемерной резне»)[114]. Все классы, кроме рабочих и крестьян, полагал он, «должны исчезнуть с поверхности земли, не как личности, но как классы»[115].

Одной из излюбленных тем в работах Бакунина при характеристике «коллективных индивидуальностей» была критика немецких буржуа за культ государства и отсутствие бунтарского чувства[116]. Он отмечал также, что ненависть к России — «одна из сильнейших национальных немецких страстей»[117], писал о государственности сознания немцев[118], ярко и обстоятельно критически описывал «коллективный портрет» немецкого офицерства (кстати, сравнивая его с не менее критично излагаемым портретом российского офицерства)[119] и т. д. Отчасти на это повлияла и жесткая идейная борьба с К. Марксом в период I Интернационала, резкая критика Бакуниным марксистской теории государства диктатуры пролетариата. При этом в тече-

---

113 Там же.

114 Там же. – С. 200. Курсив мой. — *С. У.*

115 Там же.

116 См., напр.: *М. А. Бакунин.* Кнуто-германская империя и социальная революция // Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика… – С. 266.

117 *Бакунин М. А.* Государственность и анархия… – С. 357.

118 См., напр.: там же. – С. 422.

119 См.: там же. – С. 374–376.

ние всей жизни Бакунин испытывал глубочайшее уважение к выдающимся немецким мыслителям — И. Канту, Г. Ф. Гегелю, И. Г. Фихте. Например, о гуманности идей Фихте, о том, что его мировоззрение «дышало гуманностью», Бакунин писал и в, пожалуй, самой антимарксистской своей работе «Государственность и анархия» (1875)[120].

Еще одним аспектом рассмотрения Бакуниным вопросов личности и ее практической деятельности был блок вопросов *о личности революционера* (члена революционной организации, братства, выполняющих в разных исторических условиях различные роли — воспитания народа, организации революционного движения, тайной революционной диктатуры невидимой организации после победы революции для обеспечения самоорганизации народа). Бакунин рассматривает различные социальные группы и их *представителей* в качестве составных частей революционных сил, революционной организации (*молодежь, рабочие, крестьяне, бедные люди, интеллигенция, буржуа, казачество, фанатики, герои, «святые и не святые бродяги», разбойники и воры* («весь этот широкий и многочисленный подземельный мир, искони протестовавший против государства и государственности»[121]), эмигранты, иезуиты и т. д.). Из произведений Бакунина, где эта тема являлась одной из основных, можно назвать его знаменитое письмо С. Г. Нечаеву от 2 июня 1870 г., где старый революционер подчеркивает неприемлемость для революционной организации иезуитских методов управления и организации действий единомышленников по принципу макиавеллизма — «цель оправдывает средства», отмечает, что такие действия развращают людей и готовят изменников[122]. Пройдя конспиративную деятельность, баррикады и вооруженные восстания, смертные приговоры и тюрьмы разных стран, сибирскую ссылку, из которой удалось бежать, совершив почти кругосветное путешествие и т. д., Бакунин прекрасно понимал, на что идет человек, посвятивший жизнь профессиональной революционной борьбе. «Кто хочет сохранить свою идеальную и девственную чистоту,— писал он,— тот оставайся в кабинете, мечтай, мысли, пиши рассуждения или стихи. Кто же хочет быть настоящим *революционным деятелем в России*, тот должен сбросить перчатки; потому, что никакие перчат-

---

120 См., напр.: там же. – С. 407.

121 См.: Письмо М. А. Бакунина к С. Г. Нечаеву 2-го июня 1870 г. // Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика… – С. 543. Курсив мой. — *С. У.*

122 См.: там же. – С. 545.

ки его не спасут от несметной и всесторонней русской грязи <…> Кто ужасов и грязи боится, тот отойди <…> от этой революции; кто же хочет служить последней, тот, зная на что он идет, укрепи свои нервы и будь готов ко всему»[123]. Бакунин писал о порочности организаций, не основанных на нравственных принципах освобождения. Он замечал, что «следуя иезуитской системе, Вы систематически убиваете в них всякое человеческое, личное чувство, всякую личную справедливость — как будто бы чувство и справедливость могли быть безличными — воспитываете в них ложь, недоверие, шпионство и доносы, рассчитывая гораздо больше на внешние путы, которыми Вы их связали, чем на их внутреннюю доблесть. Так что стоит только перемениться обстоятельствам, достаточно, чтобы они сознали, что правительственный страх страшнее вашего страха, для того чтобы, воспитанные Вами, они сделались отличными *правительственными слугами и шпионами*»[124].

Бакунин понимал, что, поскольку революция и революционеры имеют дело с крупными социальными явлениями,— государством, классами, сословиями и т. д., то они должны быть сформированы в сильную революционную организацию, в которой не личные, а общие интересы должны выйти на первый план. Только создав мощную коллективную сильную организацию, считал он, революционеры могут стать реальной политической силой. Это включает такие требования к людям, входящим в нее, как согласие их на «общественную неизвестность и незначительность», устремленность их «не на создание себе своей личной общественной силы, а коллективной силы организации». «*Личный разум* каждого теряется, как река в море, в разуме коллективном, и все члены повинуются безусловно решениям последнего»[125]. И т. д.

В целом, в произведениях М. А. Бакунина намечены основные смысловые аспекты персональности в теории российского анархизма. При этом, он как теоретик «анархизма-коллективизма» делал акцент на взаимосвязь личного и коллективного (разных уровней) как в природе этих явлений, в их познании, практике их деятельности, так и в перспективах исторического развития. В этом плане главным в его учении было противопоставление личности и многих социальных

---

123 Там же. – С. 543. Курсив мой. — *С. У.*

124 Там же. – С. 546. Курсив мой. — *С. У.*

125 Там же. – С. 553. Курсив мой. — *С. У.*

групп государству, признание государства и законодательства препятствием для персональной и коллективной свободы, для развития личности, общества и человечества.

Дальнейшее развитие идеи Бакунина в рамках классического анархизма получили в работах П. А. Кропоткина и в трудах теоретиков постклассического анархизма. Одно из наиболее ярких учений о личности в постклассическом анархизме в первой трети XX в. создал А. А. Боровой.

Идеи персональности в теории анархизма А. А. Борового

Алексей Алексеевич Боровой (1875–1935) — один из ярчайших теоретиков постклассического анархизма, создатель особого направления в нем — анархизма-гуманизма.

Боровой окончил юридический факультет Московского университета и был оставлен для подготовки к научно-педагогической деятельности. Будучи студентом Московского университета одно время параллельно обучался в Московской консерватории, которую, однако, ему пришлось оставить из-за недостатка времени.

После окончания университета Боровой несколько лет находился в зарубежной командировке для подготовки магистерской диссертации «История личной свободы во Франции», которая позже была издана в виде книги и по которой обширный материал, не вошедший в издание, сохранился в архиве[126]. В Париже Боровой близко познакомился с М. М. Ковалевским, был в дружеских отношениях с видным теоретиком федерализма начала XX в. юристом А. С. Ященко. В личном архиве Борового, который в советское время, до 1989 г., был закрыт для исследователей (принят в общее хранение Центрального государственного архива литературы и искусства СССР (ныне — РГАЛИ) из спецхрана 10 августа 1989 г. [127]), содержится богатейший материал по истории освободительного движения и культуры России, его переписка с видными учеными, общественными деятелями и писателями России, обширные и весьма ценные неопубликованные дневники Борового, отражающие многие события первой трети XX в., описывающие их участников. Умер Боровой в ссылке в 1935 г. Еще предстоит

---

126 См.: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Фонд 1023. Боровой Алексей Алексеевич. Ед. хр. 10–37, 950.

127 См. предисловие главного хранителя к описи 1 Фонда А. А. Борового // РГАЛИ. Ф. 1023. Боровой Алексей Алексеевич. Оп. 1.

обстоятельное исследование творчества этой выдающейся личности. Мы ограничимся кратким обзором его суждений о персональности.

Одним из основных произведений Борового является книга «Анархизм» (1918 г.), посвященная П. А. Кропоткину и позже запрещенная в СССР до конца 1980-х гг., но хорошо известная современникам, а позднее — исследователям анархизма. В 1920-х — 1930-х гг. Боровой собирался написать «главный труд жизни», но так и не осуществил задуманное, прежде всего в силу неблагоприятных для такой долговременной работы обстоятельств. Необходимость постоянно думать о куске хлеба и неотложные текущие дела не оставляли много времени для углубленной работы. Одной из попыток начать такое произведение, возможно, была его работа «Власть» (1929 г.), написанная в ссылке и опубликованная через 60 лет[128].

В Предисловии к книге «Анархизм» Боровой признавал, что «в основу анархического мировоззрения может быть положен лишь один принцип — безграничного развития человека и безграничного расширения его идеала»[129]. По мнению Борового, все исторически известные концепции общественного идеала «в конечном счете, возвращаются к человеку и свободе его самоопределения»[130]. В связи с этим он замечал, что «потенциально все люди — анархисты и все разными путями идут к анархизму»[131]. В 1917 г. он также писал, что «анархизм есть философия творчески самоопределяющейся личности»[132].

В главе «Анархизм и общественность» книги «Анархизм» Боровой признавал, что «личность есть центр анархического мировоззрения. Полное самоопределение личности, неограниченное выявление ею своих индивидуальных особенностей — таково содержание анархистского идеала»[133]. Но личность, замечает он, немыслима без общества в котором живет. И далее ставит вопрос — возможно ли общество, обеспечивающее гармонию устремлений личности и задач общественного союза и делает вывод, что «такое общество невоз-

---

128 См.: *Ударцев С. Ф.* Рукопись А. А. Борового «Власть» // Анархия и власть. – М., 1992.

129 *Боровой Алексей*. Анархизм. – М.: Книгоиздательство «Революция и культура», 1918. – С. 8.

130 Там же. – С. 100.

131 Там же.

132 *Боровой А.* Революционное творчество и Парламент (Революционный синдикализм). 2-е изд. – М.: Книгоиздательство «Союз труда», 1917. – С. 80–81.

133 *Боровой Алексей*. Анархизм… – С. 22.

можно», что «исторически и логически антиномия личности и общества неустранима»[134].

Давая самооценку своему развитию как анархиста, Боровой признавал, что первоначально он был склонен к утверждению «абсолютного индивидуализма» и к этому периоду своей жизни относил брошюру «Общественные идеалы современного человечества». Он характеризовал этот период своего развития как полосу гимнов «самодовлеющему человеку» и отрицание «социального», увлечение штирнерианством[135]. Затем наступил период, когда он знакомится с идеями марксизма и стремится соединить индивидуалистический анархизм с апофеозом «революционаризма» (брошюра «Революционное миросозерцание»). Можно согласиться с И. В. Аладышкиным, что в период первой русской революции Боровой играл ведущую роль в развитии и распространении анархо-индивидуализма в России, особенно в Москве[136]. Позже, познакомившись ближе с анархизмом-синдикализмом, критически переосмысливая идеи марксизма и увлекшись философией А. Бергсона, Боровой все более склоняется к своего рода синтезу индивидуалистического анархизма и осмыслению анархизмом задач преобразования общества, ярко выраженных анархизмом-коллективизмом, анархизмом-синдикализмом и анархизмом-коммунизмом. В то же время доминирующим для него в этом синтезе анархизма остаются проблемы личности, личной свободы. К периоду формированию новых идей он и относил свою книгу «Анархизм», брошюру «Революционное творчество и Парламент» и некоторые другие работы[137]. Кстати, Кропоткин считал, что Боровой чрезмерно увлечен индивидуализмом, и относился к нему с некоторой осторожностью, а книга «Анархизм» вызвала скорее отторжение у старого революционера, чем ее принятие.

Идеи Штирнера оказали значительное влияние на формирование мировоззрения Борового, но позже он критически к ним относился.

---

134 См.: там же.

135 Там же. – С. 7.

136 См.: *Аладышкин И. В.* Анархо-индивидуализм в среде отечественной интеллигенции второй половины XIX – первой декады XX века (на материалах гг. Москвы и Санкт-Петербург). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. историч. наук. – Иваново, 2006. – С. 17.

137 См.: *Боровой Алексей*. Анархизм… – С. 7.

Широко цитируя в книге «Анархизм» идеи Штирнера, Боровой, тем не менее, отмечал, что «внешняя мощь» критической мысли Штирнера сочетается у него с «внутренним бессилием», что «Единственный» Штирнера — это «форма без содержания», это вечная жажда свободы — «от чего», но не «для чего»[138]. Штирнеровское отрицание мира Боровой рассматривает в итоге как «отрицание самого себя, своего „я“, поскольку может идти речъ о реальном содержании его, а не бесплотной фикции, выполняющей свое единственное назначение „разлагать, уничтожать, потреблять“ мир»[139].

Следует заметить, что Боровой и ранее критически относился к Штирнеру, отмечал, например, что его абсолютизация «Я», произвола «Я», ведет к отрицанию права и сведению права к власти и силе[140]. Е. А. Ежова обращает внимание на различие воззрений М. Штирнера и российских анархистов по их взглядам на природу и человека. «Для немецкого анархиста, — пишет она, — важно найти эмпирические характеристики личности в самой личности, не отвлекаясь на ее взаимосвязь и взаимообусловленность с природой. Штирнеровский человек — царь природы, ее покоритель, поэтому следует уделять максимальное внимание ему, а не природе. Русские же анархисты подчеркивали связь человека с природой, пытаясь найти в последней универсальные законы и механизмы развития и функционирования человека и общества»[141].

Касаясь идеей Ф. Ницше, Боровой констатировал, что к ним следует относиться осторожно, так как они доступны «любому приспособлению», но признавал, что в учении Ницше неизбежно возникает «моральный тупик» как следствие неограниченного индивидуализма, имеющего место в учении немецкого мыслителя[142]. Идеи о сверхчеловеке Ницше он характеризовал как стремление мыслителя убить «все „человеческое“, упразднить в нем [сверхчеловеке. — *С. У.*] проблемы религии, морали, общественности, выявить „зверя“, побить рассудок

---

138 См.: там же. – С. 14.

139 Там же. – С. 14–15.

140 *Боровой А. А.* Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. – М., 1906. – С. 55.

141 *Ежова Е. А.* Философия немецкого и русского анархизма второй половины XIX века (Сравнительный анализ учений). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. философ. наук. – Мурманск, 2006. – С. 18–19.

142 См.: *Боровой Алексей*. Анархизм… – С. 15. Примеч. 2.

инстинктами, вернуть человеку здоровье и силы, потерянные в рационалистических туманах»[143]. Ницше, по Боровому, стремится в своем учении «вымести из человека все „человеческое“»[144].

«Штирнерианство, — заключает Боровой, — бесплодное блуждание в дебрях опустошенной личности, ницшеанство — скорбный клик героического пессимизма»[145].

В отличии от этих форм «абсолютного индивидуализма», по Боровому, анархизм занимает иные, более человечные и более реальные позиции, обеспечивающие достижение личной свободы. «Анархизм, — писал Боровой, — есть также культ человека, культ личного начала, но анархизм не делает из эмпирического „я” центра вселенной.

Анархизм обращается ко всем, к каждому человеку, к каждому „я”. И, если не каждое „я” равно драгоценно для анархизма, ибо и анархизм не может не делать различий между подлинно свободным человеком и насильником, пытающимся строить свою свободу порабощения другого, то каждое „я” — и малое и большое — должно быть для анархизма предметом равного внимания, каждое „я” имеет равное право для выявления своей индивидуальности, каждое „я” должно быть обеспечено защитой от посягательств другого „я”»[146].

К отличиям абсолютного индивидуализма и анархизма Боровой относил то, что «если абсолютный индивидуализм стремится утвердить свободу только данного конкретного „я”, анархизму дорога свобода всех „я”, дорога свобода человека вообще»[147]. Для анархизма, по Боровому, равно реальны все люди и, наоборот, «ирреален тот эгоцентризм, то выделение и чудовищная гипертрофия личного „я“, личного начала, которые порождает абсолютный индивидуализм»[148]. Другим их существенным различием он считал то, что абсолютный индивидуализм ведет «к установлению власти, усилению гнета», а анархизм — «несет в себе подлинно освобождающий смысл. Первый предполагает освобождение единиц за счет общественности, второй освобождает личность через свободную общественность»[149].

---

143 Там же. – С.16.

144 Там же. – С.17.

145 Там же. – С.18.

146 Там же.

147 Там же.

148 Там же.

149 Там же. – С.20.

По мере исторического развития, усложнения и дифференциации персональности, роста ее духовных запросов, по Боровому, острее ощущается ее зависимость от общества, имеющееся ограничение личной свободы. В этом смысле он признавал, что «современное общество, не взирая на все его социально-политические, экономические, технические завоевания, является более тяжкой формой гнета для отдельной личности, чем какое-либо из ранее существовавших обществ»[150]. На почве ограничения и подавления свободы личности, по Боровому, формируется комплекс безответственности личности, стремление ее сложить с себя ответственность за наблюдаемые общественные несовершенства. При этом вина ее возлагается на социальные общности и институты: партию, общество, народ, на социальную среду[151]. В этом — нравственная опасность ограничения личной свободы, подавления инициативы и ответственности личности.

Свободу Боровой понимал как «основной инстинкт личности», в котором выявляется ее своеобразие. В свободе личность «находит самое себя». Этот инстинкт, по Боровому, позитивно взаимодействует с другим инстинктом — «инстинктом общительности, инстинктом человечности». Дух свободы влечет человека «к сближению и слиянию в целях совместных творческих достижений» с другими людьми. Свобода каждого немыслима «вне свободы всякого другого»[152].

Боровой полагал, что, несмотря на приоритет общего над частным, личным в философии Гегеля и фетишизацию производственных отношений в «экономическом материализме», личность всегда первична и реальна: «личность — всегда prius. Общественность — всегда ее производное. И реальна только личность — в совокупности ее психофизических особенностей, переживаний, устремлений, в своеобразии их индивидуального комплекса — единственном неповторимом. Общественность — реальна отраженным светом, светом реальной личности»[153]. В другом месте он замечал, что общественность — «неизбежный продукт неискоренимого в нас инстинкта самосохранения»[154].

---

150 Там же. – С.24.

151 См.: там же. – С.27.

152 Там же. – С.155–156.

153 Там же. – С.29.

154 Там же. – С.34.

В Дневнике, в записи от 16 января 1931 г., он также записал: «Человек во всей полноте его бытия есть единственная бесспорная реальность всех мыслимых и возможных человеческих исторических процессов»[155].

Боровой кратко рассматривает историю идей и смысловую структуру теории естественного права и теории общественного договора как фундаментальных идей на пути раскрепощения современной персональности. При этом он обращает внимание на суждение известного немецкого государствоведа Г. Еллинека о том, что последовательное проведение идей теории общественного договора логично приводит к идее суверенного индивида[156].

В то же время, синтезируя в своем учении индивидуальные и общественные начала в природе человека, Боровой отмечал и обратную неразрывную связь личности и общества, — влияние общественности на персональность, производность современной «автономной личности и каждого самоопределяющегося „я“ — в его целом» от развитого и дифференцированного общества[157]. Каждая личность впитывает в себя многое из культурного опыта общества, предшествующих личностей и затем сам вносит «в вечно растущий человеческий фонд свое, новое и так влияет на образование всех будущих „я“»[158].

Как в свое время один из отцов-основателей США. идеолог федерализма, А. Гамильтон писал о значении расширения орбиты внешней деятельности государства для его развития, так же и Боровой замечал, что для развития персональности, индивидуальных способностей благоприятное значение имеет «увеличение размеров социального круга» общения. Это же благоприятно действует и на развитие самого общества. Особенно необходим широкий социальный круг «высокодифференцированной личности»[159]. По Боровому, только высокоразвитое общество и «широкий социальный круг» способны «вырастить и образовать многогранного человека современности с его всеобъемлющим кругозором и ясным пониманием задач мировой культуры»[160].

---

155 *Боровой А. А*. Дневник. 12 апреля 1928–22 января 1932 г. // РГАЛИ, ф. 1023, оп. 1, ед. хр. 173. Л.143 об.

156 См.: *Боровой Алексей*. Анархизм… – С.44.

157 Там же. – С.35.

158 Там же. – С.36.

159 Там же. – С.34.

160 Там же.

Одной из высших форм синтеза индивидуальности и общественности, по Боровому, является гений. Гений, замечал он, своим творчеством соединяет прошлое, настоящее и будущее, открывает перед людьми вечность, постигает целостно то, что для других открыто по частям, встает над средой и современным обществом (за что вызывает часто ненависть по отношению к себе тех, кто инстинктивно чувствует свою враждебность и несостоятельность по отношению нему и его возможностям). Гений «приподнимает завесы будущего»[161].

Социальная организация пугающе (для персональности) разрастается в истории, приобретает новые внешние формы: формируются новые институты, появляются призраки новых форм закрепощения, расширяются полномочия государственных органов, растет бюджет государства[162]. Боровой отмечал, что «политическая партия сковывает личность»[163]. Но, с другой стороны, замечал он, именно усложнение общества создает предпосылки для дальнейшего развития и «освобождения индивидуальности» — что происходит стихийно в истории, и следовательно, оказывается неподконтрольно государственной власти в историческом плане. В этом смысле он соглашается с Л. Фейербахом, что «история человеческого общества есть история постепенного расширения свободы личности»[164].

Размышляя о перспективах развития личности и человечества, Боровой замечал, что «мощная личность нуждается в необозримом материале для своего творческого „дела“. И ареной ее исканий может быть целый мир»[165]. Размышления в этом плане получили максимальное развитие в идеях такого течения постклассического анархизма, как анархизм-биокосмизм, ставившего задачу разработать концепцию и обозначить идеал эпохи формирования космической цивилизации человечества (А. Святогор и др.)[166].

---

161 Там же. – С. 38.

162 См.: там же. – С. 37.

163 *Боровой А.* Революционное творчество и Парламент… – С. 70.

164 *Боровой Алексей.* Анархизм… – С. 37.

165 Там же. – С. 34.

166 См.: *Ударцев С. Ф.* Биокосмизм: предпосылки возникновения, критика и ревизия теории анархизма / Труды XXV чтений, посвященных разработке научного наследия и развития идей К. Э. Циолковского (Калуга, 11–14.09.1990). Секция: К. Э. Циолковский и философские проблемы освоения космоса: космонавтика и перспективы человечества: философско-социальный аспект. Сб. ст. – М., 1991;

В постклассическом анархизме получила развитие также концепция будущей планетарной стадии эволюции человечества (А. Л. Гордин). По всей видимости, Боровой, видел одним из предшественников этих идей Гердера. Он трактовал гердеровскую идею прогресса как «идею осуществления „человечности“ (Humanität, Edle Menschlichkeit) постоянного движения к общей связанности всех и слиянию природы и культуры в одно целое»[167]. Поскольку, считал Боровой, данное учение обращено ко всем народам как «самостоятельным индивидуальностям», призывает связать порывы всех поколений в единое стремление, то оно, соединяя персональность и крупные социальные индивидуальности в деле освобождения тех и других, является «подлинно анархическим учением»[168], по крайней мере, в том синтетическом варианте, который предлагал Боровой.

Мыслитель критиковал веру некоторых анархистов в рождение самоорганизующейся, спонтанной «анархической свободы из свободы погромной», писал о погромном духе, проникающем в практическое анархическое движение как об «уродливой антитезе анархизма, злобной отвратительной карикатуре на него, придуманной мстительным бесом раба, развращенного полицией, взяткой, алкоголем и совершенной безответственностью»[169]. При этом он допускал применение насилия как акта самозащиты личности, как противодействие насилием насилию. Но был против насилия, не связанного совестью и против использования принципа «цель оправдывает средства»[170].

Боровой признавал, что анархизм не может в принципе отрицать все формы власти и права, как это полагают некоторые наивные или недостаточно вдумчивые последователи анархизма. Анархизм — против государственной власти и против такой формы права, как государственное законодательство (и в виде законов капиталистического государства, и в виде декретов революционной государственной социалистической диктатуры). Но договорное и обычное право анархизм признает. И право каждого всегда ограничено правом и свободой

Ударцев С. Ф. Биокосмизм: предчувствие космической эры / Международный год космос*а* // Простор. – Алматы, 1992. – №4; *Ударцев С. Ф.* Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. – Алматы, 1994.

167 *Боровой Алексей*. Анархизм… – С.36.

168 Там же.

169 Там же. – С.110.

170 См.: там же. – С.113.

других людей, не должно их нарушать, иначе это будет нарушением той самой индивидуальной свободы. В этом смысле Боровой пишет об «анархическом праве» (в том числе включающем «карательные нормы»)[171] как о праве, которое не будет устанавливаться сверху, а примет формы, доступные и удобные для людей, чтобы защитить и развить свободу каждого и свободу всех, гармонизировать их в процессе общественной эволюции.

Для Борового человек неисчерпаем как «поле всевозможных открытий», и физиологические пределы жизни становятся для человека тесны. Боровой приводит слова Гете о том, «что земной жизни — не довольно, чтобы достигнуть совершенства»[172]. В начале XX в. в анархизме-биокосмизме получило широкое распространение многоаспектное обоснование достижимости практического бессмертия по мере развития медицины, науки, техники в целом. Биокосмисты рассматривали достижение практического бессмертия человека и человечества как элемент будущей космической цивилизации.

Неисчерпаемость человеческих возможностей, неограниченность человеческого развития и движения, отсутствие конечных форм эволюции человеческого общества, по Боровому,— неотъемлемые элементы анархического мировоззрения.

Касаясь будущей эволюции человечества и перспектив анархизма, Боровой признавал, что «анархизм требует исключительно высокой — этической и технической культуры» и что «масса» еще «нигде не стоит на этом уровне»[173]. Отсюда — практическая реализация анархических идей свободы личности в современном обществе еще не возможна. Анархизм, по его мнению, как бы обозначает перспективу развития, ориентирует человечество в том, что его ожидает за горизонтом современности, за пределами сегодняшних возможностей. Анархизм как системы идей и ценностей, как система принципов самоорганизующегося свободного общества может быть реализован, по Боровому, на высоком техническом и культурном уровне развития общества и человека[174].

В целом, анархические концепции личности и личной свободы, естественных прав человека (прежде всего развиваемые в России в XIX в.— первой трети XX в.), могут рассматриваться в глобальном историческом

---

171 См.: там же.–С.146.

172 Там же.–С.154.

173 Там же.–С.68. См. также с. 145.

174 См.: там же.–С.165.

плане как одна из важных составляющих потока политической и правовой мысли человечества, который после Второй мировой войны привел, в частности, к признанию необходимости разработки и принятия ООН Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) и утверждению в современных конституционных доктринах приоритета прав и свобод человека и гражданина. Теория классического и постклассического анархизма в лице ее выдающихся представителей в истории стимулирует осмысление различных философских, политических, правовых аспектов феномена человека и его деятельности, его прав и свобод, их эволюции и механизмов защиты от нарушений как другими индивидами и социальными группами, так и надиндивидуальными и надгрупповыми институтами (государствами и их органами, партиями, надгосударственными образованиями, транснациональными компаниями и т. д.).

Фёдоров А. Ю.

М. А. Бакунин и становление анархизма в Испании

Анархистские идеи стали проникать в Испанию в середине девятнадцатого столетия. Первоначально это было связано с популяризацией федералистских идей одного из первых теоретиков анархизма, француза Пьера Жозефа Прудона. Этим активно занимались такие испанские публицисты, как Рамон де ла Сагра и Пи-и-Маргаль[1]. В частности, можно отметить, что последний из них занимался как переводом работ французского анархиста на испанский язык, так и написанием собственных книг[2].

Вместе с тем, по мнению анархо-синдикалиста и историографа Национальной конфедерации труда Жозе Пейратса, федерализм больше служил делу рабочего класса, нежели республиканских политиков. Отчасти это подтверждается и мнением исследователя ран-

---

1 *Нетлау М.* Очерки по истории анархических идей // Очерки по истории анархических идей и статьи по разным социальным вопросам. – Детройт: Профсоюз г. Детройта, 1951. – С. 61, 63–64; *Bookchin M.* The Spanish Anarchists. The Heroic Years 1868–1936. – N. Y.: Free Life Editions, 1977. – P. 15–21; *Rocker R.* Anarcho-Syndicalism. – Gateshead: Pluto Press, 1998. – P. 144; *Woodcock G.* Anarchism: A History Of Libertarian Ideas And Movements. – Harmondsworth: Penguin Books, 1975. – P. 335–336.

2 См. например: *Pi y Margall F.* La Federacion: discurso pronunciado ante el Tribunal de Imprenta en defensa del periódico federalista la Unión, y otros trabajos acerca del sistema federativo. – Madrid: E. Vicente, 1880; *Idem.* La reacción y la revolución: estudios politicos y sociales. – T. 1. — Madrid: M. Rivadeneyra, 1854. и др.

него периода истории испанского анархизма, Джорджа Эзенуэйна[3]. Интересно также отметить, что, когда в условиях гражданской войны 1936–1939 гг. лидерам испанских анархо-синдикалистов, вошедшим в республиканское правительство, необходимо было обосновать свои действия отсылкой к авторитетам, видная активистка либертарного движения Федерика Монтсени, занимая пост министра здравоохранения в правительстве Ларго Кабальеро, говорила, что ей ближе идеи Пи-и-Маргаля, нежели Михаила Бакунина[4].

Интернационал в Испании

И все же становление испанского анархистского движения, в собственном смысле слова, было связано непосредственно с именем Михаила Александровича Бакунина. И именно его идеи долгое время преобладали среди испанских либертариев.

Во второй половине сентября 1868 г. в Испании произошла так называемая «Славная революция», ставшая «кульминацией демократической традиции, представленной Прогрессистской партией»[5], и увенчавшаяся отстранением от престола к концу месяца королевы Изабеллы II. Произошедшее положило начало череде событий, в совокупности вошедших в историю как Революция 1868–1874 гг. Между тем сентябрьские события привлекли внимание международного революционного рабочего движения[6], притом, что у Международного товарищества рабочих (МТР) первые связи с испанскими трудящимися начали возникать только за полтора года до этих событий[7].

Первоначально, в сентябре 1868 г., по инициативе Михаила Бакунина планировалась поездка в Испанию его товарищей Элизе Реклю, Бастелика и Аристида Рея, однако поездка так и не состоялась. Правда, вместо нее удалось организовать другую поездку, так что в октябре того же года в Испанию отправился Джузеппе Фанелли

---

3 *Esenwein G. R.* Anarchist Ideology and the Working-Class Movement in Spain, 1868–1898. – Berkeley etc.: University of Carolina Press, 1989. – P. 101; *Peirats J.* The CNT in the Spanish Revolution. (3 vol.). – V. 1. – Hastings: The Meltzer Press, 2001. – P. 2.

4 *Peirats J.* Op. cit. – V. 2. – P. 100.

5 *Carr R.* Modern Spain. 1875–1980. – Oxford etc.: University Press, 1980. P. 6.

6 *Nettlau M.* Miguel Bakunin, la Internacional y la Alianza en España (1868–1873). — Pdf: Digitalizacion: KCL. Traduccion de Diego Abad de Santillan. Ediciones de la Piqueta. 3 edicion, 1977. – Madrid. [URL: http://kclibertaria.comyr.com/lpdf/l190.pdf] – P. 11–12.

7 *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 14.

и Аристид Рей. Их целью было создание местной секции МТР. Элизе Реклю, в конечном счете, также отправился в Испанию с несколькими товарищами по революционной борьбе. Прибыв в Барселону, Фанелли встретился с ними[8].

Кроме того, известно, что осенью того же года в Испанию в качестве корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей» ездил еще один товарищ Бакунина, анархист, географ Лев Мечников. Как отмечает его биограф В. И. Евдокимов, Мечников «встречался с испанскими конспираторами», однако имело ли это какое-то отношение к интересам Интернационала, не уточняется[9].

21 октября 1868 г. женевская секция Интернационала обратилась с революционным призывом к испанским трудящимся[10].

Между тем, усилиями Фанелли были налажены связи с барселонскими революционерами, в том числе с таким видным в будущем активистом испанского анархизма как Ансельмо Лоренсо, а уже в начале следующего года было учреждено отделение Интернационала в Мадриде. В начале мая 1870 г. имелись анархистские ячейки в Кадисе и Хересе[11].

Таким образом, было положено начало созданию первой общеиспанской радикальной рабочей организации. В начале 1870 г. в ней состояло уже порядка 15 тыс. человек[12].

После этого, в конце января — начале февраля Фанелли покинул Испанию, в которую больше никогда не приезжал. Скончался итальянский революционер-анархист в 1877 г.

---

8 *Нettлау Н.* Жизнь и деятельность Михаила Бакунина. – Пб.–М.: Голос Труда, 1920. – С. 44; *Bookchin M.* Op. cit. – P. 12; *Brenan G.* The Spanish Labyrinth. An account of the social and political background of the Civil war. – Cambridge: At the University Press, 1962. – P. 138; *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 15; *Gomez Casas J.* Anarchist organization: The history of the F. A. I. – Montreal-Buffalo: Black Rose Books, 1986. – P. 26; *Nettlau M.* Op. cit. – P. 12.; *Woodcock G.* Op. cit. – P. 338.

9 *Евдокимов В. И.* Феномен Льва Мечникова // *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. – М.: Айрис-пресс, 2013. – С. 52.

10 *Gomez Casas J.* Op. cit. – P. 26.

11 *Bookchin M.* Op. cit. – P. 12–14; *Kaplan T.* Anarchists of Andalusia, 1968–1903. – Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1977. – P. 76.

12 *Woodcock G.* Op. cit. – P. 339. Безусловно, отделение Интернационала в Испании создавалось не на пустом месте, так как. в стране традиция создания рабочих ассоциаций относится по меньшей мере к 40-м гг. девятнадцатого столетия. (*Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 5–6; *Nettlau M.* La Premiere Internationale en Espagne (1868–1888). – Dordrecht: Reidel, 1969. – P. 32–51.).

Испанское же рабочее движение тем временем развивалось вширь, распространяясь из Мадрида и Барселоны на другие населенные пункты Испании, прирастая все новыми сторонниками. Так, уже к началу лета 1870 г., по данным Букчина, во всех испанских отделениях МТР в общей сложности насчитывалось порядка двадцати-тридцати тысяч человек[13]. Тогда же, 19–25 июня, состоялся учредительный конгресс Испанской региональной федерации (исп. ФРЕ), объединившей автономные отделения Интернационала в стране. Местом проведения конгресса была выбрана Барселона. Уже в январе 1872 г. власти официально запретили Федерацию, однако та попросту проигнорировала указ о своем запрете[14].

ФРЕ сразу заявила о себе как враг капиталистической эксплуатации и государственной власти, потворствующей Капиталу. Правда, как отмечает Эзенуэйн, на тот момент в ФРЕ выделялось три фракции: реформистские сторонники развития кооперативного движения, радикальные кооперативисты и, наконец, аполитичные активисты, по большей части сторонники бакунинских идей. В частности, такой расклад в рамках Федерации нашел свое отражение в том, что на учредительном конгрессе идеи прямого действия рабочих не предполагали полного отказа от реформистских методов[15].

Между тем ситуация в Испании продолжала развиваться. К тому времени кортесами уже был выбран новый король. 16 ноября 1870 г. им стал Амадей I Савойский. Страну же продолжало лихорадить. Внутренней напряженности способствовали и события, происходившие за пределами Испании. Так, испанские правительственные круги пребывали в «полуистерическом» состоянии в связи с историей Парижской Коммуны (1871), чему способствовало также и наличие в стране отделения МТР.

В стране все больше обострялись социальные проблемы, росло количество забастовок, в апреле 1872 г. началась Вторая карлистская война[16].

Потерявший контроль над ситуацией и не имеющий народной поддержки Амадей I отрекся от престола в феврале 1873 г. В стране была учреждена республика, вошедшая в историю как Первая ис-

---

13 *Bookchin M.* Op. cit. – P. 12–14; *Kaplan T.* Anarchists of Andalusia, 1968–1903. – Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1977. – P. 76.

14 *Bookchin M.* Op. cit. – P.–79; *Kaplan T.* Op. cit. – P. 97.

15 *Christie S.* We, the Anarchists: A Study of the Iberian Anarchist Federation (FAI) 1927–1937. – Oakland, Edinburgh: AK Press, 2008. – P. 5; *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 19–20.

16 О карлизме и карлистских войнах см. например: *Carr R.* Spain. 1808–1939. – Oxford: At the Clarendon Press, 1966. – P. 155–209, 337–342.

панская республика, а пост министра внутренних дел в ней на первых порах получил Пи-и-Маргаль, ставший через некоторое время президентом Республики.

Однако у власти последователь прудоновского федерализма не продержался, что было связано с начавшейся восстанием 12 июля в Картахене Кантональной революцией, которую иногда сравнивают с Парижской Коммуной и революционными событиями во Франции 1871 г. в целом[17]. Лозунгом картахенского восстания, по мнению Зигфрида Нахта, было — «Да здравствует социальная федеративная республика»[18]. «Отец испанского федерализма», как называют Пи-и-Маргаля некоторые исследователи, не мог себе позволить стать ответственным за применение силы против восставших, так как. подобные действия шли вразрез с его убеждениями, и подал в отставку с поста президента. Между тем восстание расширялось, вовлекая в свою орбиту все новые регионы, его центрами стали Андалусия и Левант. Целый ряд городов оказался под контролем кантоналистов, в том числе — Севилья, Кадис, Малага, Саламанка, Гранада и др., в то время как Мадрид и Барселона оставались под контролем властей.

Стоит отметить на этом фоне, что наивысшего пика своего развития ФРЕ достигла к сентябрю 1873 г., когда в ее рядах насчитывалось порядка 60 тыс. членов, до двух третий из которых представляла Андалусия, где ряды анархистских организаций активно пополнялись за счет представителей «мелкой буржуазии», членов рабочих организаций и общинников. Это было во многом заслугой Ансельмо Лоренсо, ведшего на юге Испании активную пропагандистскую работу среди крестьян[19]. Другим оплотом ФРЕ был организованный рабочий класс Каталонии.

---

17 *Нин А.* Профессиональное движение в Испании. – М.: Издательство ВЦСПС, 1925. – С. 46; *Nettlau M.* Op. cit. – P. 189.

18 *Нахтъ З.* Очерки по исторіи рабочего движенія въ Испаніи // Анархическая библіотека. – Выпуск 1-й. Б. м., 1909. – С. 16.

19 *Kaplan T.* Op. cit. P. 61, 84–85.
В Испании анархизм первоначально прирастал сторонниками преимущественно из крестьянской, а не городской рабочей среды (*Carr R.* Op. cit. – P. 327.). Как отмечает в этой связи М. Букчин, «только от анархистов крестьяне могли надеяться узнать о таких людях, как Дарвин, Гельмгольц, Лаплас,— или, если на то пошло, Галилея и Коперника. Будучи всегда готовы излагать их взгляды, они оказывались в центре всех дискуссий о религии, политике, науке, морали, и образовании». (*Bookchin M.* Op. cit. – P. 92.)

И хотя Федерация принимала, конечно же, участие в событиях Кантональной революции, в целом ее роль оказалась не очень велика. Причиной тому была ограниченность сил и влияния ФРЕ, их недостаточность для проведения собственной линии. К тому же анархисты не могли согласиться на борьбу за весьма умеренные, с их точки зрения, политические интересы, за которые выступали федералисты[20]. Таким образом, в сложившихся условиях, когда анархисты, с одной стороны «отказались оказывать какую-либо общую поддержку движению федералистов», а, с другой, «они не возражали, чтобы местные группы сотрудничали с ними» (федералистами), было принято решение о том, чтобы отделения Федерации автономно выбирали линию поведения в сложившейся ситуации[21]. В итоге, в ходе данных революционных событий имели место довольно важные эпизоды, с точки зрения последующего развития испанского анархистского движения.

В частности, речь идет о событиях в небольшом городке Алькое, историческом центре бумагоделательной промышленности и одном из важнейших оплотов ФРЕ. Ситуация здесь начала активно развиваться за несколько дней до событий в Картахене, когда рабочие, с подачи Федеральной комиссии ФРЕ, объявили 8 июля о проведении всеобщей забастовки[22] с требованием установления восьмичасового рабочего дня и повышения заработной платы. В итоге забастовка переросла в восстание, результатом которого стал захват контроля над городом рабочими после двух дней противостояния.

Впрочем, восстание в Алькое было подавлено всего через несколько дней после своего начала, да и на общем фоне кантоналистских восстаний представлялось в достаточной степени незначительным.

После его подавления несколько сотен человек было арестовано, а многие отправились в эмиграцию, спасаясь от репрессий.

---

20 *Bookchin M.* Op. cit. – P. 82–83; *Brenan G.* Op. cit. – P. 153.

21 *Brenan G.* Op. cit. – P. 153; *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 45.

22 Дж. Бренан считал, что это был первый пример проведения в Испании всеобщей забастовки. Однако это не вполне верно — первая всеобщая забастовка в данной стране состоялась в мае — июне 1855 г. в Барселоне. Применительно же к событиям в Алькое речь должна идти о первой *революционной* всеобщей забастовке, хотя она изначально и не планировалась в качестве революционной (*Alexander R. J.* The anarchists in the Spanish Civil War. 2 vol. – V. 1. – L.: Janus Publishing Company Lim, 1999. – P. 70).

И все же, не стоит недооценивать важность данных событий. Восстание в Алькое серьезно напугало имущие классы Испании в силу того факта, что оно явилось плодом деятельности не политических партий, Церкви, армейских кругов или же представителей буржуазии, а рабочего движения, и, к тому же, было связано с деятельностью испанской секции МТР, лишний раз напомнив власть и капитал имущим о недавних события во Франции, связанных с историей Парижской Коммуны[23].

Кроме восстания в Алькое стоит также отметить вхождение двух членов ФРЕ в Комитет общественной безопасности в Гранаде, а также участие в восстании в Санлукар-де-Баррамеде. Причем последнему Темма Каплан уделяет особое внимание в своих исследованиях[24].

Впрочем, несмотря на свой размах, в январе следующего года Кантональная революция потерпела окончательное поражение.

Что касается судьбы Первой испанской республики, то, хотя она и просуществовала до конца декабря 1874 г., фактически она была ликвидирована гораздо раньше, в первых числах январе того же года, когда власть в стране была захвачена военными[25].

Усилиями вышедших из кровопролитной борьбы победителей против федералистов и членов ФРЕ развернулись репрессии. Организация была запрещена, ее отделения и газеты закрывались, многие активисты подверглись тюремному заключению.

Рабочее движение было раздавлено, однако полностью его разгромить правительству не удалось. ФРЕ просуществовала до 1881 г., после чего прекратила свое существование, однако уже в том же году была учреждена новая общеиспанская рабочая организация, ставшая «наследницей» ФРЕ, и получившая название Федерации трудящихся испанского региона (исп. ФТРЕ).

После распада ФТРЕ в 1888 г.[26] было создано еще несколько рабочих анархистских организаций общеиспанского характера, главной из которых стала созданная в конце 1910 г. знаменитая Национальная конфедерация труда.

---

23 *Bookchin M.* Op. cit. – P. 84–85; *Brenan G.* Op. cit. – P.– 154; *Nettlau M.* Op. cit. – P. 201–202; *Woodcock G.* Op. cit. – P. 342.

24 *Brenan G.* Op. cit. – P. 153; *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 47; *Kaplan T.* Op. cit. – P. 105–107.

25 *Carr R.* Op. cit. – P. 336–337.

26 В августе того же 1888 г. социалисты, чья партия действовала в Испании с 1879 г., создали свой профцентр — Всеобщий союз трудящихся.

Альянс и лидеры раннего испанского анархизма

Наряду с секцией Интернационала в Испании усилиями Фанелли и его товарищей-анархистов также организовывалась и секция только что созданной тайной бакунинской организации, Альянса социалистической демократии, сделавшей своими основными принципами: «атеизм, коллективизм, федерализм и анархизм»[27].

Бакунин отводил подобного рода организации существенную роль в деле организации массового народного (рабочего) движения для претворения в жизнь революции[28].

По мнению Мюррея Букчина, испанское отделение Альянса было создано весной 1870 г. При этом оно объединяло в своих рядах наиболее активных последователей российского анархиста, для которых, вместе с тем, первостепенное значение имело создание в стране массовой организации трудящихся.

Члены бакунинского Альянса играли активнейшую роль в организации и проведении первого конгресса ФРЕ. При этом в тайной организации состояло всего несколько сотен человек, в то время как в ФРЕ — несколько десятков тысяч[29]. По мысли создателей Альянса социалистической демократии, он должен был способствовать продвижению и закреплению революционной линии в рабочем движении.

Вместе с тем, Гомес Касас считал, что Альянс вовсе не играл особой роли в создании ФРЕ, ссылаясь на речь на учредительном конгрессе организации Фарга Пельисера, а также на то, что испанская секция Альянса была создана лишь незадолго до Федерации[30]. Однако, такая постановка вопроса представляется не вполне верной, так как, во-первых, Пельисер был членом Альянса, и, во-вторых, хотя последний и был создан лишь незадолго до учредительного конгресса ФРЕ, однако процесс создания *обеих* организаций шел с конца 1868 г.

---

27 *Bookchin M.* Op. cit. – P. 50; *Christie S.* Op. cit. – P. 4.

28 См. например: *Бакунин М. А.* Избранные сочинения в 5 т. – Т. V. – Пг.–М.: Голос Труда, 1921; *Его же.* Программа Интернационального братства // Избранные сочинения. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 443–462; *Alexander R. J.* Op. cit. – P. 17–19; *Dolgoff S. (ed.)* Bakunin on Anarchy: Selected Works by the Activist-founder of World Anarchism. – N. Y.: Vintage Books, 1972. – P. 243–258; *Mintz F.* Las influencias de Bakunin y Kropotkin // Historia Actual Online. 2010. – № 21. – Invierno. – P. 82.

29 *Bookchin M.* Op. cit. – P. 52; *Brenan G.* Op. cit. – P. 142–143.

30 *Gomez Casas J.* Op. cit. – P. 31–32.

На конгрессе 1877 г. ФРЕ еще раз подчеркнула в своей резолюции приверженность бакунинскому отрицанию необходимости политических партий, так как все они, «без каких либо различий, образуют реакционную массу», и что считает своим долгом бороться против них всех[31].

Важность Альянса дала о себе знать после запрета отделения Интернационала в Испании в 1874 г., так как бакунинская тайная организация к тому времени уже успела зарекомендовать себя как незаменимый организатор рабочего и революционного движения. При этом, по словам Эзенуэйна, нет точных данных о деятельности Альянса в Испании уже начиная с 1871 г.[32]

Важность организующей роли Альянса можно проследить и в том, что, как замечает Букчин, «с исчезновением бакунинского Альянса социалистической демократии в Испании» испанские анархисты оказались раздроблены на множество небольших групп, которые хотя иногда и формировали региональные федерации, однако подчас исчезали столь же быстро, как и возникали[33].

Говоря о роли Альянса в ранней истории испанского анархистского движения, стоит отметить таких видных бакунинских последователей в Испании как Рикардо Мелья, Ансельмо Лоренсо, Гаспар Сентиньон Серданья, Фарга Пельисер, Томас Гонсалес Мораго и др.[34]

Последние двое были делегатами от ФРЕ на международном сентябрьском конгрессе 1872 г. в Сент-Имье[35], на котором произошло оформление анархистского Интернационала как самостоятельной организации. Данное событие стало результатом раскола МТР в результате интриг Карла Маркса и его ближайших сторонников, направленных против Михаила Бакунина, результатом чего стало формальное исключение из Интернационала Бакунина и его товарища, члена Юрской федерации Джеймса Гильома[36].

---

31 *Alexander R. J.* Op. cit. – P. 14.

32 *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 36–37, 223 n.

33 *Bookchin M.* An Overview of the Spanish Libertarian Movement // To Remember Spain: The Anarchist and Syndicalist Revolution of 1936. – Edinburgh and San Francisco: AK Press, 1994. – P. 55.

34 *Alexande R. J.* Op. cit. – P. 43–44; *Bookchin M.* The Spanish Anarchists. – P. 51, 55; *Brenan G.* Op. cit. – P. 143.

35 *Bookchin M.* Op. cit. – P. 75; *Brenan G.* Op. cit. – P. 143–144.

36 Подробнее см.: *Гильом Дж.* Интернационал (воспоминания и материалы 1864–

Что касается Фарга Пельисера и Гаспара Сантиньона, то они, как отмечает Гомес Касас, были первыми испанцами, с которыми, через посредничество Фанелли, смог установить непосредственный контакт Михаил Бакунин, сам ни разу так и не побывавший в Испании[37].

А видный активист испанского либертарного движения Ансельмо Лоренсо впоследствии участвовал в создании Национальной конфедерации труда.

Коллективисты против коммунистов

Что касается вопросов идеологии, то доминирующей идеей в испанском либертарном движении долгое время оставался анархо-коллективизм в традиции Михаила Бакунина. Однако уже в 1880-е гг. в Испанию начали все активнее проникать идеи анархистского коммунизма, распространявшегося в международном либертарном движении.

Одним из протагонистов анархо-коммунистических идей в Испании выступал учитель, активист ФРЕ Северино Албаррасин, с 1870-х гг. сотрудничавший с Кропоткиным и Эррико Малатестой. Также активным распространением и популяризацией в Испании идей анархо-коммунистической направленности занимался и Ансельмо Лоренсо[38].

При этом проникновение в страну новых идей вызывало в анархистских кругах жаркие споры. С одной стороны, споры проходили в социально-экономической плоскости, и отчасти философской, касавшейся соотношения в будущем свободном обществе личной свободы и общественных интересов, с другой же,— о форме организации анархистского движения[39]. Андрес Нин, бывший видный активист НКТ (в 1921 г. был генеральным секретарем Конфедерации) и, в то же

1878 гг.). – Т. I–II. – Пб.–М.: Голос Труда, 1922; *Скирда А.* Индивидуальная автономия и коллективная сила. Обзор либертарных идей и практик от Прудона до 1939 г. – Париж: ГРОМАДА, 2002. – С. 33–53; *Талеров П. И.* Кто все-таки расколол Первый Интернационал? (современный взгляд на историю взаимоотношений анархизма и коммунизма) // Памяти М. А. Бакунина. – М.: Институт экономики РАН, 2000. – С. 113–119; *Шубин А. В.* Социализм. «Золотой век» теории. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 333–345.

37 *Gomez Casas J.* Op. cit. – P. 23.

38 *Alexander R. J.* Op. cit. – P. 38; *Kern R. W.* Red Years / Black Years: A Political History of Spanish Anarchism, 1911–1937. – Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues, 1978. – P. 22; *Mintz F.* Op. cit. – P. 84.

39 *Brenan G.* Op. cit. – P. 161.

время, будущий видный оппозиционер сталинизму среди испанских марксистов, в свою бытность видным функционером Профинтерна, писал о том, что расхождения между анархо-коллективистами и анархо-коммунистами в социально-экономической сфере носили вторичный характер, в то время как первостепенным был вопрос именно организационного характера. По его мнению, коммунисты выступали, фактически, с полуиндивидуалистических, и, вместе с тем, антиорганизационистских позиций[40].

На втором конгрессе ФТРЕ (само создание которой расценивается некоторыми историками как торжество синдикалистской линии[41]), на котором было представлено около 46 тыс. человек[42] и который состоялся в сентябре 1882 г. в Севилье, разгорелись споры между сторонниками двух анархистских направлений — коллективистского и коммунистического. Позиции первого защищал Хосе Льюнас из Севильи, Андалусия, второго — Мигель Рубио из Барселоны, Каталония. Темма Каплан охарактеризовала происходившее как отражение фундаментального расхождения «между реформистским тред-юнионизмом и предрасположенным к терроризму коммунализмом»[43].

По мнению американского исследователя Роберта Александера, в 1880–1890-е гг. главным идеологом испанского анархо-коллективизма выступал один из виднейших теоретиков и публицистов испанского анархизма Рикардо Мелья, в то время как со стороны анархо-коммунистов на первых ролях выступал журналист Хосе Прат[44].

В 1880-е гг. против активно развивающегося, в особенности в Андалусии, анархистского и рабочего движения властями производилась активная репрессивная политика. Пиковой точкой этих действий стало так называемое дело «Черной руки» (La Mano Negra).

История данного «дела» началась с нескольких убийств в Хересе в декабре 1882 — феврале 1883 г. И хотя они носили чисто уголовный

---

40 *Нин А.* Указ. соч. – С. 51.

41 *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 80.

42 *Nettlau M.* Op. cit. – P. 363.

43 *Bookchin M.* Op. cit. – P. 109–110 n; *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 111; *Kaplan T.* Op. cit. – P. 135.

44 *Alexander R. J.* Op. cit. – P. 38. Для Мельи коллективизм означал взаимопомощь и всеобъемлющую взаимность, в то время как коммунизм он оценивал как нечто авторитарное, варварское, подразумевающее абсолютные свободу и равенство, которые невозможно реализовать (*Nettlau M.* Op. cit. – P. 477–478).

характер, более важным здесь оказалось то, что в них оказались замешенными несколько членов ФТРЕ, что, собственно, и послужило поводом для начала репрессий против активистов рабочего движения.

Стоит также отметить, что повышению градуса напряженности в испанском обществе в данном случае добавляло шедшее в то же время во Франции судебное разбирательство по делу нескольких анархистов-террористов[45]. Причем среди осужденных французскими судьями оказался и Петр Кропоткин. Характерным было то, что в обвинении фигурировала «принадлежность к Интернационалу», который вот уже несколько лет как прекратил свое существование, но чей призрак продолжал наводить страх на буржуазию.

При этом дело «Черной руки» не было порождением исключительно полицейской провокации[46], — в Андалусии в течение нескольких лет то и дело происходили крестьянские выступления и участились случаи индивидуального террора против представителей имущих классов. Власти лишь довели до логического завершения апологию «пропаганды действием», так что в ходе расследования «дела» было заявлено, что члены данной тайной организации собирались «истребить всех землевладельцев [помещиков] и управляющих имениями в Андалусии»[47].

В результате были произведены аресты нескольких тысяч рабочих, главным образов членов ФТРЕ: только в Кадисе аресту подверглись около пяти тысяч человек. И хотя большинство из них были в скором времени отпущены, часть из них все же оказалась осуждена на тюремное заключение, а несколько человек были казнены.

После раскрутки маховика репрессий, спровоцированного делом «Черной руки», влияние анархистов в рабочем движении страны серьезно пошатнулось. Наблюдалось значительное падение численности ФТРЕ. В особенности это коснулось ее андалусийского отделения, сократившегося в результате репрессий примерно в десять раз[48].

---

45 *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 85–86.

46 Впоследствии дело «Черной руки» подчас старались использовать для дискредитации испанских анархистов (см. например: *Маурин Х.* Анархо-синдикализм в Испании. – М.: Издательство Профинтерна, 1925. – С. 15.).

47 *Peirats J.* Los anarquistas en la crisis politica Espanola (1869–1939). – Buenos Aires: Libros de Anarres, 2006. – P. 17–18; *Woodcock G.* Op. cit. – P. 345.

48 *Bookchin M.* Op. cit. – P. 108; *Kaplan T.* Op. cit. – P. 127–128; *Mintz J. R.* The Anarchists of Casas Viejas. – Chicago: The University of Chicago Press, 1982. – P. 24;

Впрочем, крестьянские выступления в регионе продолжались. Самым громким из них стало восстание в январе 1892 г. в Хересе, когда восставшие крестьяне ворвались в город с криками «Да здравствует революция!», «Да здравствует анархия!», «Смерть буржуазии!» Восстание было быстро и жестоко подавлено властями[49].

Стоит при этом отметить, что хотя испанское общество было в целом запугано истерией, поднятой властями вокруг дела «Черной руки», к тому же являвшемуся делом рук полицейской провокации, нашлось немало испанских анархистов, выступивших в поддержку данной мифической организации и ее деятельности[50].

Следующий пик репрессий пришелся на 1896–1897 гг. Теперь это было связано с Монжуикским процессом, когда в ответ на террористические акты со стороны некоторых анархистов, сторонников «пропаганды действием», власти нанесли новый удар по либертарному движению. Было арестовано несколько сотен человек. Арестованные содержались в жутких условиях, к ним применялись пытки, сведения о которых всколыхнули мировую общественность, «вызвав бурю международных протестов».

В конечном счете, обвинение было предъявлено 87 арестованным. Суд осуществлялся военным трибуналом. Пять человек было казнено[51], еще 19 приговорены к длительным срокам заключения, а остальные оправданы. Стоит также отметить, что предъявленные обвинения не были убедительно доказаны применительно ни к кому из осужденных[52]. Вполне можно сказать, что Монжуикский процесс стал испанским аналогом Чикагского процесса 1886–1887 гг.

Интересно отметить, что среди проходивших по данному дело был и отец Федерики Монтсени — Хуан Монтсени. В 1896 г. он был вынужден эмигрировать в Лондон, однако вскоре вернулся в Испанию и обосновался в Мадриде взяв себе псевдоним «Федерико Уралес». В 1898 г. он начал издание одного из наиболее влиятель-

---

Woodcock G. Op. cit. – P. 345.

49 *Bookchin M.* Op. cit. – P. 118–119; *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 178–179; *Kaplan T.* Op. cit. – P. 172.

50 *Нахтъ З.* Указ. соч. – С. 24.

51 Первоначально смертный приговор был вынесен восьмерым, однако позднее трем из них он был заменен на тюремное заключение.

52 Подробнее см.: *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 191–197, 240 n; *Woodcock G.* Op. cit. – P. 347–348. Эзенуэйн утверждал, что оправдано было только 12 человек.

ных анархистских журналов первой трети двадцатого столетия «Ла Ревиста бланка» (La Revista Blanca)[53].

При этом, как можно видеть, развернувшиеся репрессии оказались в определенной степени косвенно связанными со спорами, разгоревшимися тогда же в рамках анархистского движения Испании. Дело в том, что речь для анархистов на тот момент шла не *только о форме* организации рабочего движения, но и о том, *какой тактики* придерживаться в повседневной борьбе. В связи с этим стоит обратить внимание на позицию исследователя Джорджа Р. Эзенуэйна, выделяющего два основных периода споров между коллективистами и коммунистами: первый, с 1885 по 1888 гг., и второй, до 1897 г., т. е. рубежными моментами в этих спорах оказывались, в первом случае — распад ФТРЕ, а во втором — новый серьезный удар по организованному рабочему движению со стороны властей, что было непосредственно связано с Монжуикским процессом[54].

В частности, коллективисты настаивали на необходимости отстаивать текущие экономические требования, для чего требовалось создание профсоюзных организаций, которые должны были впоследствии стать основой нового общества, а так же идею об организации революционной всеобщей забастовки, в то время как коммунисты (хотя и не все) делали ставку главным образом на «пропаганду действием» и индивидуальный террор.

По мнению Рикардо Мельи, ставка на террор вела к потере анархистами массовой социальной базы, что делало социальную революцию невозможной[55]. Впрочем, стоит согласиться с тезисом британского историка Реймонда Карра о том, что «терроризм» не был главной составляющей анархистской доктрины, в то время как преобладали традиции «самосовершенствования и рационалистского образования»[56].

Идея анархистского коллективизма была наследием бакунинского крыла Первого Интернационала, прекратившего свое существование в 1877 г. Активно же развивавшаяся и набиравшая все новых сторонников анархо-коммунистическая доктрина развивалась в новых условиях упадка международного рабочего движения, когда в условиях репрессий, постоянного поиска выхода из сложившейся ситуации, а также

---

53 *Нахтъ З.* Указ. соч. – С. 36, 39.

54 *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 99.

55 Ibid. – P. 172, 176.

56 *Carr R.* Modern Spain. – P. 58.

серьезных тактических ошибок и ряда других, менее важных причин анархистами была потеряна связь с широкими массами трудящихся.

В Испании данные общемировые тенденции были непосредственно связаны с упадком ФРЕ и репрессиями, а также спорами в рамках ФТРЕ. Основное отличие от большинства анархистских организаций в остальном мире заключалось в том, что в Испании либертариям удавалось все-таки, не смотря ни на что, не терять полностью связь с рабочим движением.

Между тем, собственно анархо-коммунистическая литература долгое время оставалась мало известна среди испанских анархистов, тем более что многие из них были малограмотными, и мало кто из них знал французский язык, бывший тогда основным среди сторонников анархистского коммунизма.

Кроме того, теория анархистского (либертарного) коммунизма к середине 1870-х гг. все еще оставалась слабо разработанной доктриной, хотя и имевшей уже многолетнюю историю. И только теперь она начинала динамично развиваться. Среди ее первых пропагандистов называют таких важных лиц в истории анархизма как Эмилио Ковелли, Карло Кафиеро, Эррико Малатеста и др. Тогда же на новые позиции переходят Элизе Реклю, Франсуа Дюмартерэ и некоторые другие. Как отмечал по этому поводу Макс Неттлау: «Некоторые из них, главным образом итальянцы и французы, начиная с 1876 года, стали развивать идеи коммунистического анархизма».

В конечном счете анархистский коммунизм стал официальной идейной доктриной Юрской федерации, а в 1880 г. ее приняли уже и международные анархистские круги, и конкретно Петр Кропоткин, ставший впоследствии наиболее известным и авторитетным теоретиком коммунистического анархизма[57].

Вместе с тем так называемая «пропаганда действием» проникала в Испанию в 1876–1877 гг., главным образом через итальянских и французских сторонников коммунистического анархизма[58], настаи-

---

[57] *Неттлау М.* Очерки… – С. 105–106; *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 107, 109–110.

[58] При этом, как отмечал Георгий Гогелия, Кропоткин выступал за организацию профсоюзов в интересах революции «с самого начала своей революционной деятельности». (*Ореіани К. [Гогелия Г.]* Какъ и изъ чего развился революціонный синдикализмъ. – Б. м.: Группа анархистов-коммунистов, 1909. – С. 92.). С другой стороны, стоит добавить, что Кропоткин разделял бакунинский принцип организации рабочего и революционного движения посредством двух параллельно действующих организаций: легальной массовой рабочей организации, с одной сторо-

вавших на организации небольших анархистских групп для последующих радикальных действий[59].

Как отмечает Роберт Александер, в 1880-е гг. в Андалусии значительно возросла популярность повстанческих идей среди крестьян, давно тяготевших к повстанческим действиям[60].

Важно отметить, что споры вокруг «пропаганды действием» начались в Испании еще в середине 1870-х, став отражением дискуссий, происходивших в то время в международных революционных кругах. Это был спор о том, на чем выстраивать в дальнейшем революционную стратегию: на забастовочных действиях, или же на «пропаганде действием», подразумевавшей в данном случае ставку на организацию восстаний. Инициатива о ставке на повстанческую деятельность была предложена на Бернском конгрессе 1876 г. антиавторитарного Интернационала представителями итальянской федерации Эррико Малатестой и Карлом Кафиеро. Спустя несколько лет, уже после роспуска Интернационала, на международной анархистской встрече в Лондоне (1881 г.) была одобрена повстанческая тактика «пропаганды действием»[61].

Впрочем, террористические акты и «пропаганда действием» вовсе не обладали абсолютной поддержкой. В частности, на международной анархистской встрече в Париже в 1889 г. в ходе дискуссии о подобного рода действиях итальянец Сальверио Мерлино и испанец Таррида дель Мармол утверждали, что грабежи (экспроприации) если и могли быть оправданы, то только тогда, когда речь шла о бедняках, однако же, при этом, это вовсе не являлось утверждением анархистских принципов. Более того, Мерлино указывал на то, что такие действия привлекали в ряды анархистов откровенно криминальные элементы[62].

ны, и небольшой, нелегальной, состоящей из идейных анархистских активистов, с другой. (*Дамье В. В.* Идеи Кропоткина и международное анархистское движение в 1920-х–1930-х гг. // Петр Алексеевич Кропоткин. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 272–273; *Литошенко А.* Дух революции: Идеи Петра Кропоткина и анархистское движение в Испании // Родина. 2013. – № 5. Май. – С. 95.).

59 *Bookchin M.* Op. cit. – P. 116–117; *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 63; *Woodcock G.* Op. cit. – P. 346.

60 *Alexander R. J.* Op. cit. – P. 71. Большинство населения Испании того времени не умело читать. (*Kaplan T.* Op. cit. – P. 87–88).

61 *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 58–63; *Kaplan T.* Op. cit. – P. 137. См. также: *Фёдоров А.* Дети анархии. [URL: http://www.aitrus.info/node/147].

62 *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 171.

Споры между сторонниками коллективизма и коммунизма в рамках анархизма по социально-экономическим вопросам, с одной стороны, и одновременно с тем между ставкой на легальное профсоюзное движение и террористическую «пропаганду действием» привели к тому, что в 1888 г. ФТРЕ раскололась на две организации: реформистскую коллективистскую профсоюзную Федерацию сопротивления капиталу — Пакт союза и солидарности, и Анархистскую организацию Испанского региона, с преобладающим влиянием анархо-коммунистов. Линию вторых из них разделял и Ансельмо Лоренсо[63]. Впрочем, как отмечает Джордж Вудкок, данные организации постоянно взаимодействовали, и, подчас имело место двойное членство[64], так что вполне можно говорить о сохранении бакунинской традиции сосуществования отдельной широкой организации трудящихся с более закрытой, идеологической анархистской организацией. После того как в 1896 г. Пакт прекратил свое существование, часть его членов активно участвовала в попытках воссоздания организации, что привело в итоге к созданию в 1900 г. Региональной федерации обществ сопротивления Испанского региона, также известной под названием Испанской региональной федерации обществ сопротивления, придерживавшейся анархистской идеологии.

Важно отметить еще один из итогов данных споров внутри испанского анархистского движения — распространение концепции так называемого «анархизма без прилагательных» (исп. anarquismo sin adjetivos), или просто «анархизма», ставшего ответом на постоянные разногласия, и подразумевавшей «мирное сосуществование» всех, или почти всех анархистских направлений. Этому же способствовало и более подробное знакомство коллективистов с теоретическими положениями коммунистического анархизма[65].

Некоторые исследователи полагают, что Рикардо Мелья вместе с еще одним испанским анархистом, Фернандо Тарридо дель Мармолем, являются авторами термина «анархизм без прилагательных»[66].

---

63 *Kern R. W.* Op. cit. – P. 21.

64 *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 118–122; *Woodcock G.* Op. cit. – P. 346.

65 См.: *Нетлау М.* Указ. соч. – С. 118–119; *Esenwein G. R.* Op. cit. – P. 134–154.

66 *Presley S., Sartwell C. (ed.)* Exquisite Rebel: The Essays of Voltairine de Cleyre — Anarchist, Feminist, Genius. – Albany, N. Y.: State University of New York Press, 2005. – P. 48.

Наследие бакунизма

Говоря о наследии бакунинских идей среди испанских анархистов в двадцатом столетии в первую очередь вспоминается спор, связанный с социально-экономическими преобразованиями в ходе гражданской войны 1936–1939 гг. Дело в том, что, по мнению некоторых авторов, имело место некое «возвращение» к Бакунину, что было, якобы, вызвано «логикой происходивших событий»[67]. Однако, такая точка зрения представляется в корне неверной.

Хотя безусловным фактом является отказ НКТ от полномасштабного проведения в жизнь в условиях начавшейся гражданской войны и революции положений Сарагосской программы, предусматривавшей реализацию принципов либертарного коммунизма, тем не менее, на то были свои причины.

На первом месте среди них стоит назвать неразбериху, царившую в первые дни войны, когда отдельные секции Конфедерации не знали о том, как складывается ситуация в других регионах. На это накладывался и опыт неудачных восстаний первой половины 30-х гг. В таких условиях лидерами каталонской НКТ, являвшейся наиболее сильной частью организации, было принято решение отложить введение либертарного коммунизма до взятия Сарагосы, которую так и не удалось освободить от националистов. Непонимание реальной ситуации, сложившейся в стране в июле — августе 1936 г. и нескоординированность действий между отдельными секциями НКТ привели к тому, что, контролируя в целом ситуацию в Каталонии, анархо-синдикалисты не пошли по пути уничтожения остатков государственной власти, а согласились на создание Центрального комитета антифашистских милиций и сохранение региональных органов власти (Женералитат).

При этом на местах низовой актив НКТ с первых дней действовал по мере своих сил и возможностей в духе положений Сарагосской программы. На их действия накладывались отсутствие координации между отдельными регионами, а также существование целой палитры анархистских идейных направлений, так что на местах зачастую под «либертарным коммунизмом» понимали не всегда одно и то же.

---

67 *Шубин А. В.* Анархо-синдикалисты в испанской гражданской войне (1936–1939 гг.). – М.: КАС-КОР, 1997. – С. 53; *Его же.* Социализм. – С. 486–487; *Guerin D.* Anarchism; from theory to practice. – N. Y.: Monthly Review Press, 1970. – P. 51–52.

Дальше ситуация развивалась по накатанной колее, а испанские либертарии оказались пойманными в ловушку действий «вынужденных ходов», когда каждое новое ошибочное действие порождало новые ошибки, и все более затягивало организацию в пучину непоследовательности и оппортунизма. Впоследствии, уже в ходе войны, лидеры испанских анархо-синдикалистов стали настаивать на том, что их вынудили к соответствующим действиям «обстоятельства», и вообще речь шла о том, что пойди они летом 1936 г. на полномасштабную реализацию положений Сарагосской программы, то итогом стало бы установление «анархистской диктатуры», что было неприемлемо[68].

Впрочем, в определенном смысле об *идейном* наследии Бакунина, конечно же, можно говорить. Это влияние прослеживается, в частности, в небольшой брошюре Федерики Монтсени «Что такое анархизм?» (1974), когда та отсылает к идеям Прудона и Бакунина[69]. Главным образом речь идет о влиянии их федералистских концепций.

Кроме того, из той же брошюры Монтсени заметно и *общефилософское влияние* бакунинских идей на испанских либертариев. В этой связи интересно указать на то, что долгое время основные тексты Бакунина были, как ни странно, не очень хорошо известны в Испании, так что большим подспорьем для изучения и популяризации бакунинского наследия стал перевод пяти

---

[68] См. например: *Дамье В. В.* Забытый Интернационал. Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. – Т. 2. Международный анархо-синдикализм в условиях «Великого кризиса» и наступление фашизма (1930–1939 гг.). – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 313–360; *Фёдоров А. Ю.* Социальный эксперимент в Испании // Сборник материалов IV Международных Кропоткинских чтений: к 170-летию со дня рождения П. А. Кропоткина (Материалы и исследования). – Дмитров: Музей-заповедник «Дмитровский кремль», 2012. – С. 104–111; *Abad de Santillan D.* Por que perdimos la guerra: Una contribucion a la historia de la tragedia espanola. – S. l.: Ediciones HL, 2006; *Idem.* A Return to Principle (1938) // *Graham R. (ed.)* Anarchism: A Documentary History of Libertarian Ideas. – Vol. 1: From Anarchy to Anarchism (300 CE-1939). – Montreal: Black Rose Books, 2005. – P. 488–495; *Alexander R. J.* Op. cit; *Dolgoff S. (ed.)* The Anarchist Collectives. Worker`s Self-management in the Spanish Revolution 1936–1939. – Montreal: Black Rose Books, 1974; Federica Montseny Sets the Record Straight // *Guerin D. (ed.)* No Gods No Masters: An Anthology of Anarchism. – Oakland, CA; Edinburgh: AK Press, 2005. – P. 671–673; *Leval G.* Colectividades libertarias en España. – Madrid: Aguilera, 1977; *Peirats J.* Op. cit. и др.

[69] См. например: *Montseny F.* Que es el Anarquismo? – S. l.: Ediciones HL, 2006.

томов его сочинений, осуществленный в конце 1920-х гг. Абадом де Сантильяном[70].

В свою очередь, Джеральд Бренан отмечал, что наследие бакунизма прослеживается в том, какую форму принял в двадцатом столетии в Испании анархистский синдикализм, так как это было связано с восходившим к бакунинскому крылу МТР принципом организации рабочего движения под анархистским флагом[71].

Кроме того, некоторые авторы считают анархо-синдикалистскую концепцию испанских либертариев плодом компромисса в вопросах организации между сторонниками бакунинского коллективизма и кропоткинского коммунизма, подчеркивая, что без идейного влияния Бакунина массовое анархо-синдикалистское движение в двадцатом столетии вообще было бы сложно представить[72]. К тому же идеи коллективистского анархизма оставались доминирующими в Испании дольше, чем где бы то ни было в остальном мире, именно благодаря тому, что здесь коллективизм ассоциировался, в первую очередь, с профсоюзным движением[73].

Вместе с тем, после многолетних споров в социально-экономических вопросах еще в конце девятнадцатого столетия победителями из них вышли сторонники анархистского коммунизма[74].

Однако же больший интерес в связи с бакунинским наследием представляет история с созданием Федерации анархистов Иберии. При этом нельзя пройти мимо событий, предшествовавших созданию ФАИ, восходящих к 1916–1917 гг.

В указанный период происходили мощные забастовочные выступления по всей стране. Пиком стала августовская всеобщая забастовка 1917 г., организованная совместными усилиями НКТ и ВСТ. В ходе протестных выступлений происходили столкновения с силами правопорядка, баррикадные бои.

В это время активно росло влияние НКТ. Так, если в мае 1916 г. насчитывалось всего 50 000 членов Конфедерации, то на декабрьском конгрессе 1919 г. было представлено, по данным Антонио Бара, уже более 790 тыс.[75]

---

70 *Mintz F.* Op. cit. –P.82.

71 *Brenan G.* Op. cit. –P.161–162.

72 *Alexander R.J.* Op. cit. –P.10, 20–22; *Brenan G.* Op. cit. –P.169 n.

73 *Esenwein G.R.* Op. cit. –P.110.

74 *Alexander R.J.* Op. cit. –P.39.

75 *Bar A.* Syndicalism and Revolution in Spain: The ideology and the syndical practice

Рост и укрепление рабочего движения и, в особенности, Национальной конфедерации труда напугали имущие классы Испании. Страху им добавляли происходившие в те же годы революционные события в России, так что даже испанские события 1917–1919 гг. вошли в историю как «большевистское двухлетие», хотя их главными действующими лицами активисты анархо-синдикалистских профсоюзов[76].

Против рабочих активистов предпринимателями стали создаваться банды наемных боевиков, так называемые *пистолерос*. Основные события развернулись в Каталонии, где НКТ была особенно сильна.

В ответ на происходящее радикальное крыло испанского анархо-синдикалистского движения стало создавать отряды самообороны. Развернулась самая настоящая уличная война. Ее жертвами в 1917–1922 гг. стали, по разным данным, от одной до полутора тысяч человек. Подавляющее большинство из них были рабочими[77].

В то же время, в рядах анархо-синдикалистов образовалась оппозиция увлечению террористической деятельностью со стороны своих товарищей. Так, например, по мнению Роберта Керна, один из наиболее видных представителей ранней НКТ, Сальвадор Сеги «в некотором смысле» представлял традиционную бакунистскую синдикалистскую линию, противостоящую сторонникам террористической деятельности.

Таким образом, можно было наблюдать новый виток споров между сторонниками профсоюзной организации и ставки на «пропаганду действием». В этих условиях С. Сеги предупреждал об опасности возвращения к жизни прежней опасной и разрушительной философии сторонников анархистского терроризма[78].

В этой связи стоит особо отметить одну из самых знаменитых анархистских групп 1920–1930-х гг., «Лос Солидариос», стоявшую несколько особняком от остальных анархистов. Ее деятельность

---

of the CNT in the period 1915–1919. – N.Y.: Gordon Press, 1981. – P. 12–13, 57. Всего же на тот момент НКТ насчитывала, по некоторым данным, до 1 282 тыс. членов. (*Дамье В.В.* Забытый интернационал… – Т. 1: От революционного синдикализма к анархо-синдикализму: 1918–1930. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – С. 94.).

76 *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). – М.: Издательство Независимая Газета, 2004. – С. 77.

77 *Peirats J.* Op. cit. – P. 30.

78 *Kern R. W.* Op. cit. – P. 50. *Mintz F.* Op. cit. – P. 83.

стала все больше привлекать к себе внимание после гибели в марте 1923 г. от рук пистолерос Сальвадора Сеги.

Однако обратимся теперь к истории Федерации анархистов Иберии, которую подчас ошибочно именуют «партией»[79].

Ее созданию, предшествовали несколько лет дискуссий и организационного строительства[80], в которых принимали активное участие, в том числе ведущие активисты «Солидариос». Они выступали с позиции создания небольших ячеек в крупных рабочих либо политических организациях. Стараясь по-своему реанимировать бакунинское наследие в деле организационного строительства, они активно цитировали его в своей газете «Крисол». При этом, правда, члены группы «Солидариос» высказывались в том духе, что неквалифицированным рабочим важны не столько профсоюзы как основание, причина для борьбы[81]. Строго говоря, речь шла о противопоставлении важности в революционной борьбе идей-сил организационному фетишу. Получалось нечто схожее с тем, что отстаивали в тот же исторический период идеологи аргентинского анархо-синдикализма, такие как Лопес Аранго и Диего Абад де Сантильян[82]. Впрочем, среди испанских анархистов и анархо-синдикалистов были и действительные сторонниками идей аргентинских теоретиков[83].

В конце концов, на конгрессе в Валенсии, состоявшемся 24–25 июля 1927 г. была создана Федерация анархистов Иберии (ФАИ). И именно в ней наиболее четко можно проследить наследие бакунинских идей, их организационную составляющую[84].

---

79 *Платошкин Н.Н.* Гражданская война в Испании. 1936–1939. – М.: Олма-Пресс, ПФ «Красный пролетарий», 2005. – С. 42–43. Впрочем, в истории ФАИ был момент, когда она на некоторое время приняла полупартийный тип, когда в ходе гражданской войны 1936–1939 гг. изменились принципы формирования организации. Теперь в ее основу закладывался принцип объединения по территориальному признаку, в то время как ранее она являлась объединением так называемых «групп родства» (аффинити групп), т. е. групп близких друг другу по духу единомышленников (см. об этом: *Gomez Casas J.* Op. cit. –P.215–226; *Richards V.* Lessons of the Spanish Revolution. – L.: Freedom Press, 1972. – P. 145–149).

80 См. например: *Gomez Casas J.* Op. cit. –P.63–65, 90–101.

81 *Kern R. W.* Op. cit. –P.59–60.

82 *Lopez Arango E., Abad de Santillan D. El anarquismo en el movimiento obrero. – Barcelona: Cosmos, 1925; Lopez Arango E.* Doctrina y tactica // Certamen internacional de «La Protesta». – Buenos Aires: Editorial La Protesta, 1927. – P. 90–99.

83 *Фёдоров А.* Испанская революция и новые мифы [URL: http://aitrus.info/node/2944].

84 *Carr R.* Spain. – P. 570; *Christie S.* Op. cit. –P.32–38; *Gomez Casas J.* Op. cit. –P.107–116; *Paz A.* Durruti in the Spanish Revolution. – Oakland, CA: AK Press, 2007. – P. 130–131.

Вскоре после создания новой организации вокруг ФАИ в рамках испанского анархо-синдикалистского движения разразились жаркие споры. Противники обвиняли ФАИ в желании навязать диктатуру Национальной конфедерации труда. Однако же, это было беспочвенное обвинение. Как выразился Александр Шубин, «речь могла идти лишь о влиянии идей ФАИ»[85]. Строго говоря, ФАИ ставила перед собой ту же цель, что и бакунинский Альянс до него,— объединение идейных анархистов, которые должны были защищать более широкое синдикалистское движение от влияния политических партий, быть организаторами и катализаторами революционной борьбы. Речь шла о так называемой «связке» (trabazon), предусматривавшей координацию действий между ФАИ и НКТ[86].

Впрочем, более серьезная претензия к ФАИ со стороны умеренных синдикалистов заключалась в том, что она призывала рабочих к борьбе «без шанса на победу», т. е. к проведению плохо подготовленных забастовок и восстаний[87].

Как показало восстание, организованное активистами ФАИ в начале 1933 г., по крайней мере, отчасти данный упрек был справедлив[88].

Таким образом, можно согласиться с мнением о том, что ФАИ соединяла в себе классическую бакунинскую философию (Альянс) и пропаганду действием[89], т. е. на поверку получалось тесное переплетение между собой позиций сторонников различных анархистских тактик, спор между которыми уходил в 70-е гг. девятнадцатого столетия.

Подводя итог, представляется вполне уместным присоединиться к тезису российского исследователя Александра Литошенко о том, что влияние М. А. Бакунина на «формирование и развитие» испанского анархизма было значительным[90] и что оно продолжает жить

---

85 *Шубин А. В.* Великая испанская революция. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – С. 48. См. также: *Christie S.* Op. cit. – P. 44–47; *Gomez Casas J.* Op. cit. – P. 132–134.

86 *Дамье В. В.* Указ. соч. – С. 403–404; *Christie S.* Op. cit. – P. 42–43.

87 *Шубин А. В.* Указ. соч. – С. 45–47; *Kern R. W.* Op. cit. – P. 119–120; *Peirats J.* The CNT… – V. I. – P. 47–51.

88 *Дамье В. В.* Указ. соч., – Т. 2. – С. 92–95; *Ealham C.* Class, Culture and Conflict in Barcelona 1898–1937. – L., N. Y.: Routledge, 2005. – P. 117–118; *Mintz J. R.* Op. cit.

89 *Kern R. W.* Op. cit. – P. 82.

90 *Литошенко А. Р.* Российский анархизм и его влияние на общественное движение в Испании (1868–1910 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М.: Б. и., 2013. – С. 23.

и сегодня, как на общефилософском уровне, проявляясь в том, что современные испанские либертарии, как и прежде, то и дело в своих статьях и книгах отсылают к авторитету российского анархиста, так и на организационном, ведь ФАИ продолжает действовать и в современной Испании.

Экхардт В.

Россия, Бакунин и Маркс. Некоторые спорные вопросы в Первом Интернационале

28 сентября 1864 г. около двух тысяч рабочих из Лондона, а также делегатов от парижских рабочих ассоциаций и эмигрантов из многих стран собрались в Лондоне, в Сент-Мартинс-Холле, чтобы основать Международное товарищество рабочих (Первый Интернационал). Это стало результатом двух лет предшествующей работы. Делегаты от французских рабочих ассоциаций первоначально встретились с английскими профсоюзами во время Всемирной промышленной выставки, проходившей в Лондоне в августе 1862 г. Вторая встреча французских и английских рабочих состоялась в следующем году. Ее целью было оказание помощи польскому восстанию. В результате этих встреч в Лондоне был сформирован рабочий комитет, который несколько месяцев спустя выпустил воззвание «Рабочим Франции от рабочих Англии» с призывом развивать братские отношения между людьми разных наций и организовывать международное сотрудничество. Комитет предлагал:

«Давайте устраивать свои собственные конгрессы; давайте обсуждать насущные вопросы, от которых зависит мир наций […]. Пусть у нас будет безупречное взаимопонимание со всеми людьми, чье будущее заключено в мире, в промышленном развитии, в свободе и в человеческом счастье во всем мире»[1].

Эти растущие связи вылились в учредительное собрание Интернационала в Лондоне. По этому случаю французские делегаты зачитали свое обращение, отвечая на призыв английских рабочих, процитированный выше. Говоря о польском восстании, которое к тому моменту было окончательно подавлено, французские делегаты заявили:

---

[1] To the Workmen of France from the Working Men of England. – Bee-Hive Newspaper, 5 December 1863. – P. 1.

«Вновь Польша была потоплена в крови своих детей, а мы оставались лишь бессильными наблюдателями. Существование даже одного угнетенного народа ставит под угрозу свободу других народов. Во имя собственного достоинства, каждый свободный человек и каждый человек, который хочет быть свободным, обязан оказать помощь своим угнетенным братьям. […] Поэтому, рабочие всех стран, которые хотят быть свободными, пришло время нам организовать наши конгрессы; народ, осознающий свою силу, подымается против тирании»[2].

Встреча вызвала большой энтузиазм среди участников, ее завершили троекратным «ура» в честь французских рабочих и «в честь представителей всех других национальностей»[3].

Маркс не играл абсолютно никакой роли в этом объединении французских и английских рабочих, которое существовало с 1862 г. Судя по всему, он впервые услышал об учредительном собрании Интернационала за несколько дней до его проведения от французского беженца Виктора Ле Любе[4]. Маркс всего лишь получил приглашение на эту встречу от профсоюзного лидера Уильяма Рэндала Кримера в тот самый день, когда она началась[5], и там он был лишь участником — как он писал две недели спустя в письме Фридриху Энгельсу, «в виде безмолвной фигуры на трибуне»[6]. Тем не менее, участники встречи избрали Маркса, как одного из двух немецких представителей, во временный Центральный совет (позже Генеральный совет) Интернационала, в который входили 32 члена, и именно он был тем человеком, который написал «Временный

---

2 International Meeting of French and English Workmen. – Ibid. 1 October 1864. – P. 1.

3 Ibid.

4 Если верить Марксу, Ле Любе спросил «не приму ли я участие в качестве представителя от немецких рабочих»; см. письмо Маркса Энгельсу, 4 ноября 1864 г. //*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. 50 тт. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. – Т. 31. – С. 8 (*Marx Karl, Engels Friedrich*. Gesamtausgabe. – Berlin: Akademie Verlag (until 1992: Dietz Verlag), 1975 – Vol. III/13. – P. 38, 41). В примечаниях даны дополнительные указания на язык оригинала того или иного опубликованного документа.

5 См. письмо Кремера Марксу от 28 сентября 1864 г.: *Mins Leonhard E.* (ed.). Founding of the First International: A Documentary Record. — New York: International Publishers, 1937. P. 57–58.

6 Маркс — Энгельсу, 4 ноября 1864 г.: *Маркс / Энгельс.* Сочинения. – Т. 31. – С. 8 (*Marx / Engels.* Gesamtausgabe. – Vol. III/13. – P. 41).

устав»[7] и «Учредительный манифест»[8], основной учредительный документ Интернационала.

Реакцией Интернационала по польскому вопросу — одной из самых важных проблем в период, предшествующей основанию организации — стал призыв к солидарности между всеми народами. Маркс, однако, использовал «Учредительный манифест» для того, чтобы сделать и определенно антироссийское заявление:

«Бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие, с которым высшие классы Европы смотрели на то, как Россия завладевает горными крепостями Кавказа и умерщвляет героическую Польшу, огромные и не встречавшие никакого сопротивления захваты этой варварской державы, голова которой в Санкт-Петербурге, а руки во всех кабинетах Европы, указали рабочему классу на его обязанность — самому овладеть тайнами международной политики»[9].

Маркс не нападал при этом на деспотизм всех трех крупных держав (Пруссии, Австрии и России), которые поделили между собой Польшу, вместо этого он сосредоточил свое внимание главным образом на *варварской мощи России.* В другом месте Маркс пошел еще дальше, утверждая «что русский насильственный захват Польши есть пагубная опора и настоящая причина существования военного режима в Германии, и вследствие того, на целом континенте»[10].

Эта специфически антироссийская позиция впервые обсуждалась Первым Интернационалом на Женевском конгрессе в сентябре 1866 г. Во время подготовки конгресса, 31 июля 1866 г., Генеральный совет

---

7 *Маркс / Энгельс.* Сочинения. – Т. 16. – С. 12–15 (*Marx / Engels.* Gesamtausgabe. – Vol. I/20. – P. 13–15).

8 *Маркс / Энгельс.* Сочинения. – Т. 16. – С. 3–11 (*Marx / Engels.* Gesamtausgabe. – Vol. I/20. – P. 3–12).

9 *Маркс / Энгельс.* Сочинения. – Т. 16. – С. 11 (*Marx / Engels.* Gesamtausgabe. – Vol. I/20. – P. 11–12). Подробнее о бакунинской критике см.: *Lehning Arthur* (ed.). Archives Bakounine. 7 vols. (Leiden: E. J. Brill, 1961–1981). – Vol. 2. – P. 172.

10 *Marx / Engels.* Gesamtausgabe. – Vol. I/21. – P. 1025. Маркс также подчеркнул в своей речи по поводу четвертой годовщины польского восстания в 1867 г., что Пруссия «превратилась в державу первого ранга лишь под покровительством России и благодаря разделу Польши. […] Чтобы существовать в качестве особой державы внутри Германии, она обязательно должна опираться на московита. […] В то же время Россия является опорой, на которой покоится неограниченная власть династии Гогенцоллернов и ее феодальных вассалов. […] Пруссия является не оплотом против России, а ее орудием». (*Маркс / Энгельс.* Сочинения. – Т. 16. – С. 207–208 [*Marx / Engels.* Gesamtausgabe. – Vol. I/20. – P. 246–247]).

принял предложение Маркса, включив его в качестве девятого пункта повестки дня конгресса: «О необходимости уничтожить российское влияние в Европе ради реализации права народов самим распоряжаться своей судьбой и о восстановлении Польши на демократических и общественных началах»[11]. В своей «инструкции» делегатам, посланным от Генерального совета на Женевский конгресс, Маркс добавил: «и аристократы, и буржуа смотрят на темную азиатскую державу, которая держится на заднем плане, как на последний оплот против поднимающейся волны рабочего движения»[12]. Как значится в протоколах Женевского конгресса, 8 сентября 1866 г. были высказаны следующие возражения:

«Французская делегация выразила мнение, что по этому вопросу не должно проводиться голосования; что конгресс ограничивается заявлением о том, что он против любого вида деспотизма во всех странах; что он не входит в обсуждение вопросов, касающихся национальности. Необходимо надеяться и требовать освобождения как России, так и Польши, и отвергать старую политику, которая противопоставляет один народ другому[13].

Соответствующая французская резолюция[14], с поправкой, предложенной немецкими и швейцарскими делегатами[15], была единогласно принята конгрессом, при этом большинство делегатов заявили о своем несогласии с позицией Генерального совета. „Мы провели все, кроме польского вопроса“,— писал Марксу после конгресса делегат Генерального совета Иоганн Георг Эккариус[16]. Обычно резолюции

---

11 Ibid. – C. 224. – P. 439.

12 *Маркс / Энгельс*. Сочинения. – T. 16. – C. 202 (*Marx / Engels*. Gesamtausgabe. – Vol. I/20. – P. 234).

13 *Freymond Jacques* (ed.). La Première Internationale. Recueil de documents. 4 vols. – Geneva: Librairie E. Droz [vols. 1–2], Institut universitaire de hautes études internationales [vols. 3–4], 1962–1971. – Vol. 1. – P. 78.

14 Текст резолюции был опубликован в: *Fribourg Ernest Édouard*. L'Association Internationale des Travailleurs. Origines, Paris, Londres, Genève, Lausanne, Bruxelles, Berne, Bale. Notes et pièces à l'appui. – Paris: Armand Le Chevalier, éditeur, 1871. – P. 85.

15 «Через укрепление и распространение М. Т. Р. [будет] осуществляться уничтожение деспотического влияния России в Европе и подготовка самостоятельной социал-демократической Польши»; см.: *Lehning* (ed.). Archives Bakounine. – Vol. 2. – P. 387.

16 Письмо Эккариуса Марксу от 10 сентября 1866 г. хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ): фонд 21, опись 1, дело 13/4.

Генерального совета принимались конгрессами Интернационала. Эта резолюция была первой, которую отклонили.

Три года спустя Маркс потерпел поражение во время другого голосования — в этот раз оно было связано не с Россией, а с влиянием одного из русских. Михаил Александрович Бакунин (1814–1876), русский революционер и один из первых организаторов анархического социализма, присоединился к Первому Интернационалу в 1868 г., активно работая в его женевских секциях. Летом 1869 г. он некоторое время редактировал официальный орган Интернационала в Женеве, газету «Égalité», и принимал участие в работе комиссии, отвечавшей за проработку одного из вопросов, которые будут обсуждаться на Базельском конгрессе Интернационала в сентябре 1869 г. — вопроса о праве наследования. Бакунин предложил резолюцию, призывающую к полной отмене права наследования, которая была единогласно принята без поправок на общем собрании женевских секций (возможно, 21 августа 1869 г.) и представлена Базельскому конгрессу от их имени[17].

Со своей стороны, Маркс также подготовил для конгресса свой «Доклад Генерального совета о праве наследования». В своем докладе Маркс объяснял, что права наследования являются юридическим следствием существующей экономической организации общества и что они исчезнут после социальных изменений, которые вытеснят частную собственность на средства производства: по существу были необходимы только «переходные мероприятия», такие как расширение обязанностей при наследовании и ограничение права наследования по завещанию[18]. Когда один из членов Генерального совета спросил, почему его доклад был скорее статьей, чем проектом резолюции Базельского конгресса, Маркс ответил «что лучше дать обоснование вместе с резолюцией»[19]. В частном порядке Маркс позже объяс-

---

17 См.: *Eckhardt Wolfgang*. The First Socialist Schism: Bakunin vs. Marx in the International Working Men's Association. – Oakland, CA: PM Press, forthcoming. Chapters 1–3.

18 *Маркс / Энгельс.* Сочинения. – Т. 16. – С. 384–385 (*Marx / Engels.* Gesamtausgabe. – Vol. I/21. – P. 133). Бакунин позднее критиковал противоречивость этого документа, в частности, призывы увеличить налоги в случае наследования имущества в то время, как законы о праве наследования должны были исчезнуть сами по себе после отмены частной собственности; см.: *Бакунин Михаил*. Избранные сочинения. 5 тт. – Пб–М.: Голос Труда, 1919–1921. – Т. 4. – С. 241 (*Lehning* [ed.]. Archives Bakounine. – Vol. 6. – P. 100–101).

19 Генеральный совет Первого Интернационала: Протоколы. 5 тт. – М.: Изд-во по-

нил, почему он так увлекся этим вопросом: его подробный ответ был направлен на то, «чтобы сразу разбить Бакунина наголову»[20].

Идея спровоцировать крупный конфликт с Бакуниным по вопросу права наследования сама по себе довольно странна. Уже в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс сами призывали к «отмене права наследования»[21]. Потом Энгельс указывал на то, что разница в понимании этого вопроса у него и у Бакунина незначительна: «что упомянутое право наследования — бессмыслица, мы знаем так же хорошо, как и Бакунин, хотя в отличие от него и не считали важным и уместным изображать отмену права наследования, как освобождение от всех зол»[22] — в конце концов, нет причины верить в то, что могла существовать какая-то фундаментальная разница.

План Маркса вступить в борьбу с Бакуниным неожиданно привел к противоположному результату: резолюция Генерального совета была отклонена Базельским конгрессом 10 сентября 1869 г. 37 голосами против[23]. Резолюция Бакунина, которая была принята комиссией по вопросу о праве наследования, прошла с 32 голосами «за» и 23 «против»[24]. Тем не менее, достигнуть абсолютного большинства, необходимого для ее принятия, не удалось. После того, как были объявлены результаты, свидетельствовавшие о поддержке мнения Бакунина, Эккариус, как сообщают некоторые источники, предупредил, что «Маркс будет крайне недоволен!»[25].

Другие события, последовавшие в 1868–1870 гг., усилили напряжение:

литической литературы, 1961–1965). – Т. 3. – С. 88 (*Marx / Engels*. Gesamtausgabe. – Vol. I/21. – P. 683).

20 *Маркс / Энгельс*. Сочинения. – Т. 16. – С. 432 (*Marx / Engels*. Gesamtausgabe. – Vol. I/21. P. 224).

21 *Маркс / Энгельс*. Сочинения. – Т. 4. – С. 446 (*Marx Karl, Engels Friedrich*. Werke. 43 vols. – Berlin: Dietz Verlag, 1956–1990. – Vol. 4. – P. 481).

22 Письмо Энгельса Карлу Кафиеро, 1–3 июля 1871 г. См.: *Маркс / Энгельс*. Сочинения. – Т. 33. – С. 202 (*Del Bo Giuseppe* [ed.]. La corrispondenza di Marx e Engels con italiani 1848–1895. – Milano: Feltrinelli Editore, 1964. – P. 21).
При 6 воздержавшихся и 13 отсутствовавших делегатах; см.: *Freymond* (ed.). La Première Internationale: Recueil. – Vol. 2. – P. 96.

23 С 13 воздержавшимися и 7 отсутствовавшими делегатами. Ibid. – P. 95–96.

24 *Lehning* (ed.). Archives Bakounine. – Vol. 2. – P. 123.

25 Бакунин писал в 1871 г., что «никто из нас никогда не читал переписки Беккера»; см.: *Бакунин М*. Избранные сочинения. – Т. 5. – С. 88 («Rapport sur l'Alliance». – P. 11; in *Bakounine*. Œuvres complètes. CD-ROM [Amsterdam: Edita-KNAW, 2000]).

1. Просьба принять женевскую группу «Альянса» [созданной Бакуниным организации Международный альянс социалистической демократии. — *прим. перев.*] в Интернационал, написанная ветераном революции 1848 г. Иоганном Филиппом Беккером и отправленная в Генеральный совет. На достаточно самодовольное письмо Беккера Маркс отреагировал удивительным образом — первой словесной атакой *против Бакунина*, хотя Бакунин понятия не имел о том, что написал Беккер[26].

2. Документ с изложением позиции Беккера по вопросу об организации, отправленный на учредительный съезд немецких социал-демократов в Эйзенахе. Он стал поводом для шокирующего комментария Маркса: «Архиреакционная затея, достойная панславистов! […] Этот русский [Бакунин] хочет, очевидно, стать диктатором европейского рабочего движения. Пусть поостережется. Иначе он будет официально „отлучен“»[27]. До сих пор мы не имеем никаких доказательств того, что Бакунин был в курсе того, что написал Беккер в этом документе в адрес Эйзенахского конгресса[28].

3. «Дело газеты „Égalité“» в Женеве, в причастности к которому Маркс обвинял Бакунина, хотя прекрасно знал, что ответственность за кампанию нес Поль Робен, к тому же, Бакунин покинул Женеву за несколько месяцев до этого[29].

Если проследить за этими событиями, то неудивительно, что полемический конфликт получил свое развитие в Интернационале в последующие годы. Тем не менее, серьезная попытка заглянуть за это полемически-идеологическое поливание грязью раскрывает более существенный процесс: появление отдельных четко очерченных социал-демократического, коммунистического и анархистского течений в рамках международного социалистического движения в последней трети XIX в. Первый Интернационал стал катализатором развития идей различных социалистических движений современной эпохи, и именно этот процесс (а не взаимная полемика) сделали Маркса и Бакунина выразителями противоборствующих движений.

---

26 Маркс — Энгельсу, 27 июля 1869 г.; см.: *Маркс / Энгельс.* Сочинения. – Т. 32. – С. 281–282 (*Marx / Engels.* Werke. – Vol. 32. – P. 350–351).

27 Маркс — Энгельсу, 27 июля 1869 г.; см.: *Маркс / Энгельс.* Сочинения. – Т. 32. – С. 281–282 (*Marx / Engels.* Werke. – Vol. 32. – P. 350–351).

28 См.: *Eckhardt*, The First Socialist Schism… Chapter 1.

29 Ibid. Chapter 4.

«Реванш Бакунина» — плакат конференции в Каракасе, посвященной 200-летнему юбилею М. Бакунина

Политические взгляды, отстаиваемые Марксом и Энгельсом в Интернационале, были направлены на завоевание политической власти, главным образом путем партийной политики, что нашло отражение, например, в практике немецких социал-демократов. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» речь шла об «организации пролетариев в класс, и тем самым — в политическую партию»[30]. Немецкие социал-демократы, чья политическая активность была как раз ориентирована на партийную политику, — то есть на создание партий, участие в выборах и парламентаризм, — нашли в Марксе и Энгельсе своих самых главных защитников. Последний, в частности, утверждал, «что *мы все* считаем *здесь* крайне важным, чтобы при новых выборах было выставлено как можно больше рабочих кандидатов и как можно больше было избрано»[31]. «Правительства нам враждебны, — заявлял Маркс, в свою очередь, на Лондонской конференции Интернационала, — каждый рабочий, проведенный в парламент, — победа над ними»[32].

Бакунин, напротив, выступал с традиционной социально-революционной концепцией, которая не опиралась на участие в структурах политической власти, таких, как парламенты и правительства, или завоевание их, а выступала за уничтожение этих властных структур и замену их свободными и независимыми общественными структурами.

---

30 *Маркс / Энгельс.* Сочинения. – Т. 4. – С. 433 (*Marx / Engels.* Werke. – Vol. 4. – P. 471).

31 Энгельс — Вильгельму Бракке, 28 апреля 1870 г.; см.: *Маркс / Энгельс.* Сочинения. – Т. 32. – С. 567 (*Marx / Engels.* Werke. – Vol. 32. – P. 679–680).

32 *Маркс / Энгельс.* Сочинения. – Т. 17. – С. 647 (*Marx / Engels.* Gesamtausgabe. – Vol. I/22. – P. 699).

Бакунин выступал против вхождения в парламент, доказывая, что социалистическая группа в парламенте — явление противоестественное:

«[Но это меньшинство], говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из *бывших* работников, но которые лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной; будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом»[33].

Разница между этими международными социалистическими течениями первоначально, должно быть, казалась преодолимой, учитывая тот факт, что сосуществование различных позиций и тенденций изначально было характерно для Первого Интернационала. Вопрос о том, был ли Интернационал революционной или реформистской, политической или аполитичной, авторитарной или демократической организацией, партией или союзом, является поверхностным. Он был всеми этими вещами сразу[34]. Далеко идущие теоретические разногласия возникали на конгрессах этой организации без какой-либо угрозы исключения из нее. Теоретические дискуссии помогали поддерживать высокий уровень политического развития его членов, делали Интернационал открытым форумом для различных социалистических течений — все это представляло собой такую степень плюрализма в социалистической организации, которая после этого уже не встречалась.

Не только теоретические дискуссии способствовали возникновению широкого спектра идей: федералистская внутренняя структура Интернационала, закрепленная в «Общем уставе», предоставляла каждой секции автономию в определении своей собственной программы. Поскольку основатели Интернационала сознательно воздерживались от формулирования конкретной политической программы в «Уставе», эта открытость имела некоторый положительный эффект. Однако Маркс (как автор «Устава») рассматривал плюрализм не как окончательную организационную форму Интернационала, а скорее как временную уступку, как нечто пред-

---

33 *Lehning* (ed.). Archives Bakounine. – Vol. 3. – P. 148.

34 См.: *Devreese Daisy Eveline*. An inquiry into the causes and nature of organization: Some observations on the International Working Men's Association, 1864–1872 /76 // *van Holthoon Frits, van der Linden Marcel* (eds.). Internationalism in the Labour Movement 1830–1940. 2 vols. – Leiden, New York, Kopenhagen, Cologne: E. J. Brill, 1988). – Vol. 1. – P. 285.

варительное, что в один прекрасный день должно быть заменено единой политической программой.

С точки зрения Маркса, ответственность за составление и исполнение *общей* теоретической программы — обязательной для всех — лежала на Генеральном совете, в котором он определял повестку дня. Согласно Марксу, совет был истинным представителем того, что он называл «подлинным движением рабочего класса» против всех отклоняющихся тенденций, которые он квалифицировал как «секты». Таким образом, Маркс считал теоретические дискуссии в рамках Интернационала не обычным проявлением плюрализма и не двигателем для развития идей, но «*непрерывной борьбой Генерального совета* против сект и дилетантских опытов, которые стремились упрочиться внутри самого Интернационала вопреки подлинному движению рабочего класса», — как он писал в одном из своих писем в ноябре 1871 г. [35] Тем не менее, реализация его собственной политической программы (которую Маркс считал программой *подлинного движения*) означала *конец плюралистической внутренней организации Интернационала* и делала Маркса противником большинства секций и федераций, выступавших за плюрализм, царивший в Интернационале до этого момента.

Со своей стороны, учитывая широкий спектр идей внутри Интернационала, Бакунин выступал за сохранение федеративной внутренней организации Интернационала:

«Надеяться, что теперь может установиться идеальная теоретическая солидарность между всеми секциями Интернационала, значит обманывать себя. Существовала ли когда-либо в мире подобная солидарность? Была ли она возможна даже в католической церкви, которая так хвастается своим единодушием? Тогда как вы хотите, чтобы миллионы рабочих, родившихся в разных странах, климатических условиях и в разных экономических и политических условиях, его добились сегодня, если оно не навязывается авторитетом сверху?»[36].

Бакунин предупреждал о том, что попытка навязать конкретную единую политическую программу для всех членов «значило бы погубить Интернационал»[37]. Запал начал гореть, когда Маркс

---

35 Маркс — Фридриху Больте, 23 ноября 1871 г. *Маркс / Энгельс*. Сочинения. – Т. 33. – С. 279 (*Marx / Engels*. Werke. – Vol. 33. – P. 328–329).

36 Article français. – P. 5–6 // *Bakounine*. Œuvres complètes.

37 *Бакунин М*. Избранные сочинения. – Т. 4. – С. 8 (La politique de l'Internationale. – P. 3 //*Bakounine*. Œuvres complètes).

и Энгельс представили на закрытой конференции Интернационала в Лондоне (сентябрь 1871 г.) так называемую резолюцию № 9, настаивавшую на «политическом действии рабочего класса», то есть создании политической партии и завоевании политической власти. Против этой резолюции выступило большинство секций и федераций Интернационала, которые поддерживали борьбу трудящихся и отрицали необходимость формирования партий и вхождения их в парламент. Само собой разумеется, что они защищали свою автономию, которая, как они полагали, является естественным выражением федерализма во внутренней организации Интернационала, и выступали против идеологического регулирования этого разнообразия, в том виде, как это попыталась сделать Лондонская конференция.

Эта критика была четко сформулирована два месяца спустя секциями швейцарского кантона Юра, которые совместно с секцией женевских коммунаров провели 12 ноября 1871 г. в Сонвилье свою конференцию, на которой была создана Юрская федерация Интернационала. В Сонвильерском циркуляре, принятом по этому случаю единогласно, они заявили, что резолюции Лондонской конференции: «стремятся сделать из Интернационала, свободной организации автономных секций, иерархическую и авторитарную организацию дисциплинированных секций, находящихся полностью в руках Генерального совета […]. Мы требуем сохранения в Интернационале принципа автономии секций, который до сих пор был основой нашей Ассоциации […]. Будущее общество не должно быть ничем иным, кроме как распространением на весь мир организации, предлагаемой Интернационалом. Таким образом, мы должны стремиться максимально приблизить эту организацию к нашему идеалу. Как может равноправное и свободное общество возникнуть из авторитарной организации? Это невозможно. Интернационал, зародыш будущего человеческого общества, должен быть уже сейчас точным отражением наших принципов свободы и федерации и должен отвергать любые принципы, стремящиеся к власти, к диктатуре»[38].

Бакунин, который никакой роли в составлении Сонвильерского циркуляра не играл, одобрил его, как только прочел. Он поддержал доводы критиков Генерального совета, заявив, что Интернационал не признает ни ортодоксальной догмы, ни официальной теории, и что

---

38 *Lehning* (ed.). Archives Bakounine. – Vol. 1. – Pt. 2. – P. 405–406.

Генеральный совет не может игрть никакой догматической или правящей роли: «двух вещей, которые мы абсолютно отрицаем; потому что иначе Интернационал не был бы более свободной федерацией, но единой Церковью, а Генеральный совет был бы своего рода коллективным Папой Римским, чьи слова, произносимые с кафедры, служили бы законом для всей Ассоциации. Генеральный совет может иметь любые мнения, которые ему заблагорассудится принять, то есть, если расставить все точки над i, имеет право стать рупором мнений Маркса; но нужно понимать, что эти мнения не имеют *официального* значения для каждой из секций. […] Очевидно, что, учитывая естественное разнообразие людей и огромную разницу, существующую между различными слоями пролетариата в разных странах, в отношении экономической и политической ситуации, а также в связи с различной степенью их образования и интеллектуально-нравственного развития, народная мысль никогда не может стать однородной и абсолютно одинаковой во всех странах, […] однородность не представляет собой единства, она — абстракция, *caput mortuum*, смерть. Единство является действительным и живым, только если оно выражается в самом широком разнообразии»[39].

После выпуска Сонвильерского циркуляра критика Генерального совета и дискуссии о плюрализме и федерализме в организации распространились на весь Интернационал[40]. В Бельгии разразились оживленные дебаты о проекте Устава, предлагавшем распустить Генеральный совет[41]. Критические письма от итальянских секций вызывали все большее раздражение у Энгельса, который был секретарем Генерального совета от Италии: «Проклятые итальянцы доставляют мне больше хлопот, чем весь остальной Интернационал Генеральному совету, и это тем досаднее, что, по-видимому, из этого почти ничего не выйдет […]»[42]. Учредительный съезд итальянской федерации Интернационала в августе 1872 г. действительно отверг резолюцию № 9 Лондонской конференции и объявил о разрыве с Генеральным советом[43].

---

39 Письмо Бакунина миланским интернационалистам, 23 декабря 1871 г. // *Bakounine*. Œuvres completes. – P. 1, 4–5.

40 См.: *Eckhardt*. The First Socialist Schism… Chapters 8–11.

41 Ibid. Chapter 12.

42 Энгельс — Иоганну Филиппу Беккеру, 16 февраля 1872 г.; см.: *Маркс / Энгельс*. Сочинения. – Т. 33. – С. 342 (*Marx / Engels*. Werke. – Vol. 33. – P. 404).

43 См.: *Eckhardt*. The First Socialist Schism… Chapter 13.

Противостояние между Генеральным советом и федерациями, стремившимися защитить свою автономию, усилилось, когда Маркс и Энгельс приступили к подготовке следующего всеобщего конгресса Интернационала. Стратегия Маркса и Энгельса, которую они обсуждали со своими доверенными лицами с начала 1872 г., заключалась в первую очередь в выборе *наиболее подходящего* для них места проведения конгресса. Вильгельм Либкнехт, редактор социал-демократической газеты «Фольксштаат», давал свой совет: «В любом случае вы должны обеспечить, чтобы конгресс, если он будет не в Германии, проходил бы близко от немецкой границы. Тогда немецкий элемент будет сильно представлен при любых обстоятельствах, и, конечно, в нашем смысле»[44]. С другой стороны, зять Маркса Поль Лафарг говорил Энгельсу: «Нужно, чтобы следующий конгресс был бы в Англии, тогда бакунисты там проиграли бы еще до своего появления»[45]. В конце концов, Генеральный совет 11 июля 1872 г. принял предложение Маркса провести конгресс в Голландии в первый понедельник сентября. Спустя неделю Генеральный совет выбрал местом проведения конгресса Гаагу[46]. Легко догадаться, почему Маркс предлагал Гаагу: для оппозиционных делегатов из Южной Европы легче было добраться до Швейцарии, где проходили почти все конгрессы Интернационала, чем до Гааги, в то время как для 21 члена Генерального совета достаточно было пересечь Ла-Манш, чтобы попасть в Гаагу. К тому же, помимо сложности проезда в Гаагу для делегатов из южных федераций Интернационала, подобное место проведения конгресса делало практически невозможным участие Бакунина, так как, чтобы добраться до Голландии, он должен был проехать через Францию или Германию — страны, в которых имелся ордер на его арест.В соответствии с предложением Либкнехта, Гаага как раз была «недалеко от немецкой границы», и Маркс призывал Германию послать «возможно большее число представителей» на конгресс[47]. В последующие месяцы «производство» делегатов, осо-

---

44 Либкнехт — Энгельсу, 5 января 1872 г.; см.: *Opitz Waldtraut* (ed.). Unveröffentlichte Briefe aus der Entstehungsperiode der Schrift von Friedrich Engels «Zur Wohnungsfrage» // Marx-Engels-Jahrbuch 4 (1981). – P. 397.

45 Лафарг — Энгельсу, 17 мая 1872 г. // *Engels F. Lafargue P. et L.* Correspondance, ed. by Émile Bottigelli. 3 vols. – Paris: Éditions sociales, 1956–1959. – Vol. 3. – P. 465.

46 The General Council of the First International: Minutes. 5 vols. – Moscow: Progress Publishers, 1962–1968. – Vol. 5. – P. 221, 230.

47 Маркс — Кугельману, 29 июля 1872 г.; см.: *Маркс* / *Энгельс.* Сочинения. – Т. 33. –

бенно из Германии и Франции, принимало все более странный характер[48]. Несмотря на позднейшие заверения в том, что Генеральный совет не получал пустых мандатов, Маркс и Энгельс, вероятно, все же убедили своих последователей прислать их. Доверенное лицо Энгельса в Лейпциге Гепнер пытался как-то оправдаться: «Раздобыть мандаты без проставленного имени для меня невозможно. Когда от людей требуют, чтобы они такой выдали, они считают Интернационал „надувательством“»[49]. Тем не менее, в Соединенных Штатах немецкие последователи Маркса согласились на это. Фридрих Адольф Зорге, доверенное лицо Маркса в Нью-Йорке, ответил на просьбу Маркса за четыре недели до открытия съезда в Гааге: «Я привезу мандаты для Вас, Фендера и 3 незаполненных *на всякий случай*»[50]. Мольтман Бэрри, шотландский журналист и коллега Маркса по Генеральному совету, получил один из пустых мандатов из Чикаго. «Мандат получен — большое спасибо»,— писал Бэрри Марксу,[51] который, видимо, и снабдил его мандатом. Иоганн Филипп Беккер также прибыл на конгресс с пустыми мандатами, выданными, например, секциями Каруж и Ла-Шо-де-Фон. В них позже были вписаны имена двух коллег Маркса по Генеральному совету — Арно и Вайяна.[52] В конце концов, с помощью дополнительных тайных мандатов из Франции, Марксу и Энгельсу удалось получить большинство среди делегатов. Похоже, были еще дополнительные мандаты: в день открытия конгресса в Гааге. Маркс, как говорят, сказал своему контактному лицу в Гааге, арендовавшему зал, «что ему придется покинуть помещение, но если ему захотелось бы присутствовать, Маркс даст ему мандат»[53].

С. 424 (*Marx / Engels.* Werke. – Vol. 33. – P. 505).

48 Подробнее: *Eckhard.* The First Socialist Schism… Chapter 15.

49 Гепнер — Энгельсу, 26 августа 1872 г. // Гаагский конгресс Первого Интернационала, 2–7 сентября 1872 г. 2 тт. – М.: Издательство политической литературы, 1970–1972. – Т. 2. – С. 406 (*Kundel Erich* [ed.], Aus dem Briefwechsel der «Volksstaat»-Redaktion mit Karl Marx und Friedrich Engels. Unveröffentlichte Briefe von Wilhelm Liebknecht, Adolf Hepner, Wilhelm Blos und Hermann Ramm // Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung 11 [1969]. – P. 655.

50 Зорге — Марксу, 6 августа 1872 г. // Гаагский конгресс… – Т. 2. – С. 350.

51 Бэрри — Марксу, 27 августа 1872 г. // Там же. – С. 409 (The Hague Congress of the First International. 2–7 September 1872. 2 vols. – Moscow: Progress Publishers, 1976 and 1978. – Vol. 2. – P. 421).

52 *Eckhardt*. The First Socialist Schism… Chapter 15.

53 Заявление Юнга Британскому федеральному конгрессу, 26 января 1873 г. // Report of the

С помощью этого фиктивного большинства Маркс и Энгельс смогли протолкнуть свою программу меньшинства в «Общий Устав» Интернационала (объединение рабочего класса в политическую партию, завоевание политической власти является великим долгом рабочего класса и т. д.)[54]. Кроме того, Бакунин, наиболее известный их оппонент, подвергся личным нападкам с их стороны, в надежде на то, что вопрос о его исключении из Интернационала будет поддержан большинством.

Как и следовало ожидать, Гаагский конгресс был воспринят во всей Европе как «мистификация»[55] и как «переворот»[56]: его итоги были повсеместно отвергнуты[57]. Действия Маркса, в частности, были подвергнуты резкой критике. Французский коммунар Аристид Кларис, например, после Гаагского конгресса сделал такой комментарий: «больше всех виноват в этом Карл Маркс, его преобладающее влияние увлекло весь Генеральный совет на плачевный путь»[58]. Чтобы уточнить, что конфликт носил не личный, а политический характер, Кларис добавил:

«Два идейных течения, представлявшие противоположные принципы, возникли в великой рабочей ассоциации и угрожали подорвать ее развитие: авторитарное течение в лице Генерального совета в Лондоне, во главе которого стоял Карл Маркс, и антиавторитарное или анархическое течение, которое совершенно ошибочно персонифицировалось лично Бакуниным, но которое на самом деле представляли латинские федерации, такие как итальянская федерация, испанская федерация, юрская федерации, бельгийская федерация и французские секции»[59].

Second Congress of the British Federation of the International Working Men's Association. From the Eastern Post, February 1 st & 8 th, 1873. – London, 1873. – P. 3. Можно здесь сослаться на сообщение Чарльза Роденбека (псевдоним Чарльза Антуана Монтеросси); см.: *Freymond* (ed.). La Première Internationale: Recueil. – Vol. 3. – P. 555.

54 *Маркс / Энгельс.* Сочинения. – Т. 18. – С. 143 (Résolutions du Congrès Général tenu à La Haye du 2 au 7 septembre 1872.– London: Imprimerie De Graag et Cie, 1872. – P. 3).

55 По выражению делегата Виктора Сирилля; см., например: Le Congrès de La Haye de la Première Internationale, 2–7 septembre 1872. Procès-verbaux et documents. – Moscou: Editions du Progrès, 1972. – P. 114.

56 Как, например, назвал это в своем докладе бельгийскому конгрессу Бельгийский Федеральный совет; см.: Congrès ouvrier belge des 25 et 26 décembre 1872. — Internationale, 29 December 1872. – P. 1.

57 См.: *Eckhardt*. The First Socialist Schism… Chapters 18–19.

58 *Claris Aristid*. La proscription française en Suisse 1871–1872. – Geneva: Imprimerie Ve Blanchard, [October] 1872. – P. 94.

59 Ibid. – P. 53–54.

Это совпало с мнением Бакунина, который всегда считал, что «Маркс и компания оказали мне честь, сделав из меня, не имевшего никаких других амбиций, кроме как быть другом среди друзей, братом среди братьев и всегда верным слугой нашей мысли, нашей общей страсти, главу партии. Они глупо воображали себе,— это действительно делало слишком много чести моему предполагаемому влиянию,— что только я мог расшевелить и организовать против них французов, бельгийцев, швейцарцев, итальянцев и испанцев в сплоченное и подавляющее большинство»[60].

Маркс и Энгельс «хотели бы свести этот вопрос к личностям с тем, чтобы было легче его задушить», заключил Бакунин[61]. Что касается политических вопросов, Бакунин согласился с критикой в адрес Генерального совета, высказанной федерациями, и, со своей стороны, сам еще раз выразил поддержку плюрализму, который до сих пор царил в Интернационале. Бакунин пояснил: мы полностью признаем право немецких рабочих, к примеру, «идти по пути, который они считают наилучшим, если они оставляют нам такую же свободу. Мы даже признаем, что, возможно, в силу их истории, их особого характера, состояния их цивилизации и всей их нынешней ситуации, они вынуждены идти по этому пути. Пусть немецкие, американские и английские рабочие стараются завоевать политическую власть, раз уж им так заблагорассудилось. Но они должны позволить работникам из других стран с той же энергией идти к уничтожению всякой политической власти. Свобода для всех и взаимное уважение к этой свободе, говорю я, это основные условия международной солидарности. Но г-н Маркс не желает, очевидно, этой солидарности, поскольку он отказывается признать эту свободу»[62].

Ряд делегатов от *меньшинства* на Гаагском конгрессе, которое, тем не менее, в своей критике Генерального совета представляло позицию *большинства* федераций, после конгресса отправились в швейцарский Сент-Имье. Там они встретились с делегатами из итальянской федерации, которые ранее, в августе 1872 г. порвали с Генеральным советом и объявили о своем намерении бойкотировать Гаагский конгресс. В Сент-Имье эти делегаты собрались на «международный антиавторитарный» конгресс и объявили принятые в Гааге резолю-

---

60 *Lehning* (ed.). Archives Bakounine. – Vol. 1. – Pt. 2. – P. 116.

61 Бакунин — Ансельмо Лоренцо (1), 10 мая 1872 г.; см.: *Bakounine*. Œuvres completes… – P. 7.

62 Lettre au journal La Liberté de Bruxelles. Ibid. – P. 24.

ции недействительными, принимая во внимание, что «желать навязать пролетариату линию поведения или единую политическую программу в качестве единственного пути, который может привести к его социальному освобождению, столь же абсурдно, сколь и реакционно, что никто не имеет права лишать автономные федерации и секции их бесспорного права самим определять свою политическую линию поведения, которую они считают наилучшей, и следовать ей, и что все подобные попытки неизбежно приводили нас к самому отвратительному догматизму»[63].

В декабре 1872 г. сент-имьенские резолюции были одобрены бельгийскими и испанскими федерациями на конгрессах в Брюсселе и Кордове, а в марте 1873 г. — итальянской федерацией в Болонье. В декабре 1872 г. раскололась британская федерация — фракция большинства на конгрессе в Лондоне в январе 1873 г. также признала недействительными резолюции, принятые в Гааге, в то время как фракция меньшинства, проведя съезд в июне 1873 г. в Манчестере, приняла единственное известное решение, поддерживающее гаагские резолюции[64].

В конечном итоге, последовавший за этим стремительный развал централистского Интернационала не стал неожиданностью. Тем не менее, действия нового Генерального совета, расположенного в Нью-Йорке и облеченного широкими полномочиями в соответствии с решениями Гаагского конгресса, сыграли свою роль[65]. В Нью-Йорке Ф. А. Зорге быстро взял под свой контроль Генеральный совет, подготавливая — в тесном сотрудничестве с Марксом и Энгельсом — необходимые резолюции: по инициативе Зорге 5 января 1873 г. Генеральный совет приостановил членство Юрской федерации, которая изначально выступала его оппонентом. Юрская федерация ответила на это, обратившись к другим федерациям с призывом к солидарности и получив от них поддержку. Генеральный совет в Нью-Йорке вскоре увидел, что его надежды тают на глазах, но, тем не менее, продолжал издавать свои указания по наущению Маркса и Энгельса, изгнав в мае 1873 г. из своих рядов испанскую, бельгийскую и британскую федерации, всех тех, кто был опасен для Генерального совета. Его следующая резолюция отрицала существование итальянской федерации. После принятия

---

63 *Lehning* (ed.) / Archives Bakounine. – Vol. 2. – P. 140–141.

64 См.: *Eckhardt*. The First Socialist Schism… Chapters 18–19.

65 См. также: *Eckhardt.* The First Socialist Schism… Chapter 19.

этих резолюций Генеральный совет был предан забвению, в то время как его резолюции были единодушно проигнорированы. Федерации приняли на себя решение о созыве нового конгресса: с 1 по 6 сентября 1873 г. 27 делегатов из Голландии, Бельгии, Великобритании, Испании, Франции, Италии и Швейцарии встретились в Женеве, созвав шестой всеобщий конгресс Интернационала, который принял новый Устав и единогласно проголосовал за роспуск Генерального совета. Другой конгресс, выступивший в поддержку Генерального совета, также проходил в Женеве, начиная с 8 сентября, при поддержке Маркса и Энгельса. Он закончился полным фиаско.

Конец централистского Интернационала не волновал Маркса: говоря о необходимости созвать конгресс, он признавал, что «фиаско Женевского конгресса было неизбежно», тут же добавляя к этому: «принимая во внимание положение дел в Европе, я считаю безусловно полезным временно отодвинуть на задний план формальную организацию Интернационала»[66]. Энгельс вздохнул с облегчением, когда в августе 1874 г. Зорге прекратил свою деятельность в Генеральном совете: «Тем лучше. Теперь мы больше не несем никакой ответственности за дело, которое уже угасает»[67]. В то же самое время федералистский Интернационал продолжал свою деятельность с неослабевающей силой. Скажем прямо, Маркс и Энгельс пытались, начиная с 1871–1872 гг., заменить плюрализм Интернационала своей собственной политической доктриной, замена же федералистской внутренней организации на централистские структуры закончилась политическим крахом — централистский Интернационал рассматривался как шаг назад и был отвергнут или в значительной степени проигнорирован практически всеми.

Даже после своей явной неудачи, Маркс и Энгельс продолжали держаться за свое обычное чувство превосходства. Несмотря на то, что Интернационал давно отмахнулся от Марксова якобы *«подлинного движения»* и что небольшая группа его последователей обладала всеми признаками «секты», сам Маркс придерживался убеждения, впервые высказанного им в 1871 г., что *он* должен защитить *«подлинное движение рабочего класса»* против всех раскольнических

---

66 Маркс — Зорге, 27 сентября 1873 г.; см.: *Маркс* / *Энгельс.* Сочинения. – Т. 33. – С. 507–508 (*Marx* / *Engels.* Werke. – Vol. 33. – P. 606).

67 Энгельс — Марксу, 21 сентября 1874 г.; см.: *Маркс* / *Энгельс.* Сочинения. – Т. 33. – С. 105 (*Marx / Engels.* Werke. – Vol. 33. – P. 120).

сект. Энгельс поздравлял себя с тем, что мы «отделались с честью для нас от гнилых элементов»[68]. Маркс же утверждал, что международный протест против Гаагского конгресса «только поможет нам *очистить* Товарищество от нечистоплотных и тупоумных элементов, которые кое-где затесались в его ряды»[69]. Энгельс считал, что проблема в Интернационале была в том, что его основание «неизбежно должно было открыть доступ социалистам всех оттенков», упуская при этом из виду, «что сама широта его программы позволит деклассированным элементам проникнуть в него»[70]. Слишком очевидно то, что Маркс и Энгельс пытались подсластить свою неудачу — они продолжали верить в свою непогрешимость: Интернационал явно не был расколот *«гнилыми элементами», «сектантами», «нечистоплотными» и «деклассированными» элементами,* от которых нужно избавляться. Это презрение к другим социалистическим движениям, о котором эти замечания говорят слишком красноречиво, демонстрирует презрение к жизненной силе Интернационала — его плюралистической внутренней организации.

Из-за оппозиции по отношению к политической программе Маркса и Энгельса в Интернационале, они, совершенно очевидно, предпочли расколоть Интернационал как организацию плюралистическую, в которой их мнение было бы в меньшинстве. Маркс утверждал, что на кону «*жизнь или смерть Интернационала*»[71]. В действительности же он говорил о реализации своего собственного учения. Идея плюрализма была столь же чужда ему, как и Энгельсу.

Стремление Маркса и Энгельса занимать ту или иную сторону, их мышление в категориях «или друг, или враг» часто приводятся в качестве основной причины, почему они были оторваны от реальности и не могли понять сути происходящих событий в различных странах[72].

---

68 Энгельс — Бебелю, 20 июня 1873 г.; см.: *Маркс* / *Энгельс.* Сочинения. – Т. 33. – С. 495 (*Marx* / *Engels.* Werke. – Vol. 33. – P. 591).

69 Маркс — Даниэльсону, 12 декабря 1872 г.; см.: *Маркс* / *Энгельс.* Сочинения. – Т. 33. – С. 457 (*Marx* / *Engels.* Werke. – Vol. 33. – P. 548).

70 *Маркс* / *Энгельс.* Сочинения. – Т. 18. – С. 327 (*Marx* / *Engels.* Gesamtausgabe. – Vol. I/24. – P. 168).

71 Письма, написанные в июне–июле 1872 г.; см.: *Маркс* / *Энгельс.* Сочинения. – Т. 33. – С. 413–414, 424 (*Marx* / *Engels.* Werke. – Vol. 33. – P. 491, 505).

72 Как, например, в Италии: «вся деятельность Маркса и Энгельса в том, что касалось Италии, носит следы импровизации, поверхностности и дезинформации» (*Masini Pier Carlo*. La preparazione della conferenza di Rimini (1871–1872) // *Faenza Liliano* [ed.]. Anarchismo e socialismo in Italia 1872–1892. Atti del Convegno

Это также объясняет то, какое количество времени они потратили, осуждая и клеймя различные идеологические школы, отличные от их собственной. Нападки Маркса и Энгельса на другие социалистические движения, впрочем, не закончились и после их смерти. Они смогли ослепить своих современников и представителей последующих поколений, которые и по сей день часто путают рабочее движение с его исключительно марксистской разновидностью и понимают историю в искаженном свете обвинений, брошенных в свое время Марксом и Энгельсом.

Если бы они не *пытались изгнать современных им социалистов с помощью организационных и идеологических средств,* то расслоение социализма на социал-демократию, коммунизм и анархизм в последней трети XIX века, возможно, произошло бы с меньшими противоречиями и более прозрачно. Но эта упущенная возможность и сегодня приводит к тому, что история различных социалистических движений затушевывается полемически-идеологическим бросанием грязи в оппонентов.

В 1878 г. Маркс выразил надежду, что социал-демократические партии в различных странах сформируют «интернациональные группы», с тем, чтобы Интернационал перешел бы «из первого периода зарождения в более высокий»[73]. Энгельс выразил свою надежду, что следующий Интернационал будет «чисто коммунистическим»[74]. Когда в июле 1889 г. ряд социалистических групп создали объединение, ставшее Вторым Интернационалом, они выбрали свободную, федералистскую внутреннюю организацию, без Генерального совета. Централистское видение Маркса реализовалось только в марте 1919 г.,

---

di studi 'Marxisti e «riministi», Rimini 19–21 ottobre 1972. – Rome: Editori Riuniti, 1973. – P. 12); в Испании (*Molnár Miklós*. Quelques remarques à propos de la crise de l'Internationale en 1872 // *Fauvel-Rouif Denise* [ed.]. La Première Internationale. L'institution, l'implantation, le rayonnement. Colloques internationaux du Centre National de la Recherche Scientifique, Paris, 16–18 Novembre 1964. – Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1968. – P. 442); в Англии: «Маркс и Энгельс не осознавали, что их идеи лишь отчасти соотносятся с „лагерями" в политической ситуации в Англии» (*Mares Detlev*. Die englischen Publikationsorgane der IAA. Zum Kontext der politischen Tätigkeit von Karl Marx. – MEGA-Studien, 1998/2. – P. 46); в США: «Карл Маркс никогда не понимал янки и никогда не имел полного представления о ситуации в Америке» (*Messer-Kruse Timothy*. The Yankee International: Marxism and the American Reform Tradition, 1848–1876. – Chapel Hill, London: The University of North Carolina Press, 1998. – P. 183).

73 *Маркс / Энгельс.* Сочинения. – Т. 19. – С. 156 (*Marx / Engels.* Gesamtausgabe. – Vol. I/25. – P. 157).

74 Энгельс — Зорге, 12–17 сентября 1874 г.; см.: *Маркс / Энгельс.* Сочинения. – Т. 33. – С. 538 (*Marx / Engels.* Werke. – Vol. 33. – P. 642).

с образованием Третьего (Коммунистического) Интернационала. В течение нескольких последующих лет национальные организации–члены Интернационала были поставлены под строгий централизованный контроль Москвы, сначала под руководством Ленина, а затем Сталина.

Не соперничество между заклятыми врагами и не личная месть, в основе которой лежала обида, сделали конфликт между Марксом и Бакуниным таким значимым: важным было то, что конфликт в Интернационале ознаменовал начало раскола внутри социализма — между парламентской партийной политикой, направленной на завоевание политической власти, и социально-революционной концепцией. Федерации, отстаивавшие свою автономию, пришли к пониманию того, что отделяло их от социал-демократического движения, находившегося под влиянием Маркса, которое опиралось на централизованные организационные структуры, на создание национальных рабочих партий и завоевание политической власти. Раскол между централистской партийной политикой и федералистским движением, построенным снизу вверх, можно рассматривать как решающий момент в истории политических идей. Эти отдельные движения нашли своих величайших защитников в лице Бакунина и Маркса, и их противоположные взгляды живы и до сегодняшнего дня.

Ямамото К.

М. А. Бакунин как «парадоксальный» теоретик желтой опасности

В зарубежной историографии существует «миф» о М. А. Бакунине, согласно которому он — предшественник теории желтой опасности. Теория желтой опасности — это получившая популярность с конца XIX — начала XX вв. империалистическая теория о желтой расе. Данная теория сформировалась на фоне быстрого развития азиатских стран, а также прилива азиатских рабочих в Европу. В политическом смысле она функционировала как идеология, оправдывающая империалистическое наступление Европы на Азию. Момент зарождения теории желтой опасности — это реакция кайзера Вильгельма II на Китайско-японскую войну (1894–1895) и Ихэтуаньское восстание (1900). Однако многие исследователи считают и Бакунина предшественником теории желтой наряду с кайзером. Например,

Г. Голлвицер, Р. Томпсон, М. Гаунер, С. Лайман, Ли Чемун, А. Йкура, Ан Чен и др.[1] определяют Бакунина как предшественника теории желтой опасности. С другой стороны, почему-то бакуниноведы даже не отмечают данную проблематику.

В доказательство существования бакунинской теории желтой опасности приводятся его работы «Политическая теология Дж. Мадзини и Интернационал» (1871) и «Государственность и анархия» (1873). В этих произведениях Бакунин упоминает об угрозе со стороны Азии. Сторонники теории желтой опасности говорят, что в первом произведении Бакунин предсказал два будущих события: 1) перемещение большого количества азиатского населения в Европу; 2) военную победу Японии над Россией и отступление России с Дальнего Востока[2]. В то время, когда эти работы были опубликованы, действительно, никто не уделил должного внимание этому предсказанию. Но в 1904 г. в журнале «The Contemporary Review» анонимный публицист «Иванович» ознакомил читателей с бакунинской теорией желтой опасности. После данной публикации многие исследователи приняли теорию Ивановича.

Однако в большинстве последующих работ не было уделено достаточного внимания тому, что именно в критике Мадзини впервые зашла речь об Азии. Исследователи считают, что Бакунин *вдруг* заговорил об азиатской угрозе. Например, японский историк Акира Йкура пишет: «Большая половина этой брошюры [„Политическая теология Дж. Мадзини и Интернационал“. — *К. Я.*] посвящена критике Мадзини. […] Но в конце брошюры Бакунин *внезапно* сделал предска-

---

1 *Gollwitzer Heinz.* Die Gelbe Gefahr: Geschichte eines Schlagworts, Studien zum imperialistischen Denken. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962; *Thompson Richard*. The Yellow Peril 1890–1924. – New York: ARNO PRESS, 1978; *Hauner Milan.* What Is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. – Boston: Unwin Hyman, 1990; *Lyman Stanford M.* Roads to Dystopia: Sociological Essays on the Postmodern Condition. – Fayetteville: University of Arkansas Press, 2001; 이채문「帝政 러시아의 아시아 進出에 대한 思想的背景」『慶北大學校社會科學大學 社會科學』№. 13, 2001; 飯倉 章『イエロー・ペリルの神話—帝国日本と「黄禍」の逆説』彩流社, 2004年; *An Chen*. On the Source, Essence of «Yellow Peril» Doctrine and Its Latest Hegemony «Variant» – the «China Threat» Doctrine: From the Perspective of Historical Mainstream of Sino-Foreign Economic Interactions and Their Inherent Jurisprudential Principles. – The Journal of World Investment & Trade. 2012. № 13.

2 *Bakounine Michel.* La théologie politique de Mazzini et l'Internationale // Michel Bakounine et l'Italie 1871–1872, ed. Arthur Lehning. – Leiden: E. J. Brill, 1961. – P. 70–71.

зание, согласно которому, Европа и ее цивилизация будут под азиатской угрозой»[3].

Но такое понимание брошюры «Политическая теология Дж. Мадзини и Интернационал» неверно. Действительно, у Мадзини был проект — расширить «цивилизацию» в Азию. На самом деле, главная цель этой работы состоит в критике идеалистического мировоззрения Мадзини, скрывающего негативную часть «цивилизации». Если так, естественно, ничего удивительного в том, что у Бакунина речь шла об Азии и ее влиянии на Европу. Следовательно, необходимо найти логику соотношения критики Мадзини и его дискурса об Азии, для того, чтобы понимать сущность бакунинской речи об Азии.

В связи с этим у нас появляются три следующих вопроса: 1) почему Бакунин, критикуя Мадзини, поднял вопрос об азиатской угрозе? 2) в чем заключается истинный смысл бакунинской теории желтой опасности? 3) как Бакунин относился к империалистической теории желтой опасности?

В 1864–1867 гг. в Италии Бакунин развил активную деятельность. Он стал идейным лидером молодых итальянских республиканцев, придя на смену старым героям — Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди. Под влиянием Бакунина многие республиканцы «превратились» в анархистов, примером которых является Э. Малатеста[4].

Мадзини был республиканцем, выступающим не только против монархической реакции, но также против идеалов социализма. Отметим, что на закате своей жизни он (более чем когда-либо) становится ярым противником социализма. В то время, когда в марте 1871 г. была образована Парижская Коммуна, Мадзини осудил участников и сторонников Коммуны за их атеистическую идеологию и отрицание национализма[5].

По поводу отношения Мадзини к коммуне Бакунин высказался в опубликованной в июле 1871 г. критической статье «Ответ одного интернационалиста Мадзини». До того, как Коммуна погибла в мае 1871 г.,

---

3 飯倉 章『イエロー・ペリルの神話—帝国日本と「黄禍」の逆説』彩流社，2004年，127頁.

4 См.: *Woodcock George*. Anarchism: A History of Libertarian Ideas and Movements. – Peterborough: Broadview Press Ltd., 2004. – P. 279. [First Published in 1962].

5 См.: *Pernicone Nunzio*. Italian Anarchism, 1864–1892. – Oakland / Edinburgh / Baltimore: AK Press, 1993. – P. 36–37.

более 20 тысяч коммунаров и их сторонников были убиты правительственными войсками[6]. В этой статье Бакунин резко высказался в отношении Мадзини, считая, что Мадзини совершил «преступления»[7].

Кроме того, у Бакунина был и другой мотив: мировоззренческие основы Мадзини противостояли идеям Бакунина. Несмотря на то, что и Бакунин, и Мадзини были представителями демократического лагеря XIX в., их политические принципы и программы базируются на совершенно противоположных воззрениях.

В главном своем произведении «Об обязанностях человека» (1860) Мадзини, отвергая атеистический социализм, проповедует *божественные законы*, которые являются источниками *человеческих обязанностей*, т. е. обязанностей по отношению к *человечеству*, *отчизне*, *семье*, *себе*. По его мнению, исполнение этих долгов — это *прогресс*. Более того, ради *прогресса* человек пользуется *свободой* и *общественностью* посредством объединения в ассоциации. Иными словами, все человеческие дела устраиваются под суверенитетом Бога[8]. Таким образом, политическая философия Мадзини представляется крайне идеалистической или теологической.

Опираясь на так называемую *политическую теологию*, Мадзини указывает людям на то, что следует быть не только патриотом или националистом, но и космополитом на основе *божественных законов*. Как отметил Х. Кон, для Мадзини даже проект итальянской нации-государства не может стать целью сам по себе. Мадзини стремился к Европейской демократической конфедерации на основе братства и цивилизации[9], в связи с чем он требовал от западноевропейских народов оказать помощь славянским народам, потому что считал царизм врагом мира и демократии. С его точки зрения, славянская демократическая конфедерация необходима Европе[10].

Однако Мадзини стремился включить Азию и Африку в сферу действия проекта Европейской конфедерации. Согласно *обязанно-*

---

6 См.: *Anderson Benedict.* Under Three Flags: Anarchism and the Anti-Colonial Imagination. – London / New York: Verso, 2005. – P. 67.

7 *Бакунин М. А.* Ответ одного интернационалиста Мадзини // *Бакунин М. А.* Избранные философские сочинения и письма. – М., 1987. – С. 528.

8 *Mazzini Joseph*. The Duties of Man. – London: Chapman&Hall, 1862. – P. 30–48.

9 *Kohn Hans.* Prophets and Peoples: Studies in Nineteenth Century Nationalism. – New York: Collier Books, 1961. – P. 88.

10 Ibid. – P. 90–91.

стям, определенным *божественными законами*, он поощрял наступление европейских держав на Азию и Африку во имя *цивилизации*. Например, в 1871 г. он потребовал, «открыть Италии пути в азиатский мир, и, в то же время, чтобы выполнить призвание цивилизации, указанное тенденцией времени, путем систематического обоснования влияния Италии на Суэц и Александрию, пользуясь первыми удобными случаями, отправить колонизующую экспедицию в Тунис»[11]. В действительности, понятие *цивилизация* само по себе относится к западноевропейской идеологии, в которой отражается сознание превосходства над неевропейским миром. В этом смысле не следует отрицать наличие империалистической идеи в дискурсе Мадзини.

Бакунин всюду высказывает свою философскую позицию атеиста или материалиста. Например, он пишет: «Человек, постоянно побуждаемый той же фатальностью, которая составляет основной закон жизни, создает свой человеческий мир, свой исторический мир, отвоевывая шаг за шагом у внешнего мира и у своей собственной животности свою свободу и свое человеческое достоинство. Он отвоевывает их посредством науки и труда»[12]. Такая позиция противостоит Мадзини и в определении человека как преобразователя внешнего мира, и в определении сопутствующих понятий.

Опираясь на эту позицию, в статье «Ответ одного интернационалиста Мадзини» Бакунин представил семь *антитеологических* тезисов. Среди них процитируем главные: «идея Бога, далеко не необходимая для установления этого закона, внесла в него лишь путаницу и извратила его»; «все Боги, прошлые и настоящие, обязаны своим начальным существованием человеческой фантазии, едва освободившейся от пелены своей первобытной животности»; «божество после того, как оно воссело на свой небесный трон, сделалось бичом человечества, союзником всех тиранов, всех шарлатанов, всех мучителей и эксплуататоров народных масс»; «исчезновение божественных призраков, необходимое условие торжества человечества, будет одним из неизбежных последствий освобождения пролетариата»[13].

---

11 Ibid. – P. 91–92.

12 *Бакунин М. А.* Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке // *Бакунин М. А.* Избранные философские сочинения и письма. – М., 1987. – С. 378.

13 *Бакунин М. А.* Ответ одного интернационалиста Мадзини… – С. 527–528.

Таким образом, мировоззренческие основы Мадзини и Бакунина были несовместимы. Несмотря на то, что у них были общие политические тезисы (разрушение империй габсбургской, Османской и романовской, создание Европейской федеративной республики), после Парижской Коммуны различие между ними углубилось.

Главная идея брошюры «Политическая теология Дж. Мадзини и Интернационал» состоит в необходимости освобождения человечества от внутренних препятствий человеческой свободе. Бакунин особо подчеркивает необходимость освобождения от идеалистических понятий, животности, варварства и насильственности, которые присущи человечеству. Для Бакунина, считающего, что политические и общественные перемены совпадают с философскими и религиозными движениями того же направления[14], задача освобождения от этих препятствий становится важнее, чем политическое и экономическое освобождение.

Первая половина этой брошюры посвящена критике Мадзини и идеализма, посредством которой Бакунин анализирует отношение Мадзини к Интернационалу и Парижской Коммуне. Согласно бакунинскому анализу, последовательный идеалист Мадзини может понимать только порядок «сверху вниз». Поэтому он не может принимать движение «снизу вверх». Таким образом, он не допускает ни Интернационала, ни Парижской Коммуны.

С бакунинской точки зрения, идеализм — это «духовная болезнь»[15], потому что он является любовью к воображаемой идее, а не любовью к действительности. Следовательно, идеалистическая любовь Мадзини ко всему сущему искажена. Если он хочет любить небожественные предметы, надо посвятить эту любовь божественной славе. Таким образом, любовь ко всему сущему сводится к любви к Богу и к себе, обращающемуся к Богу. С бакунинской точки зрения, «ложность» идеализма является причиной отрицательного отношения Мадзини к Парижской Коммуне[16].

В следующей части Бакунин обращает внимание на негативное отношение Мадзини к человеческой инициативе. По Мадзини, человек обязан воспринимать божественные законы, которые являются основанием морального прогресса человечества. Но Бакунин отверга-

---

14 *Бакунин М. А.* Федерализм, социализм и антитеологизм. // *Бакунин М. А.* Философия, социология, политика. – М., 1989. – С. 43.

15 *Bakounine Michel*. La théologie politique de Mazzini et l'Internationale… – P. 33.

16 Ibid. – P. 39.

ет такое мнение. С его точки зрения, человечество развивается благодаря солидарности индивидов[17]. Таким образом, Бакунин характеризует человека как коллективное животное.

Далее, развивая коллективистский взгляд на человека, Бакунин определяет принцип «солидарности» как превосходство человека над животными. Бесспорно, человек от животного отличается умом. Но, по Бакунину, ум не является решающим фактором, который определяет сильных или слабых, потому что в истории «победители» не всегда — умные. Так, Бакунин, не отрицая значение ума для развития человечества, подчеркивает значение принципа «солидарности», на основе которого порождаются единство и организация[18]. Бакунинское отрицание идеалистического объяснения позволяет сделать вывод, что его понимание истории и прогресса человечества имеет материалистический и коллективистический характер.

Далее он обсуждает реальную политику. По Бакунину, несмотря на то, что в европейских странах и достигается экономическое развитие, вопрос о свободе все еще актуален, потому что в Европе существует множество людей (главным образом, представители крестьянства, в особенности, славянского крестьянства), которые страдают от отсутствия свободы и справедливости[19]. Для Бакунина такое положение дел представляется крайне серьезным, потому что оно приводит к преданности угнетенных славян русскому царю. Кроме того, среди славян существует исторически обусловленная ненависть к немцам. В этом смысле, согласно логике Бакунина, солидарность русского царя и славян неизбежно приводит к противостоянию между «пангерманизмом» и «панславизмом»[20]. С его точки зрения, победа ни одной из этих сторон не принесёт счастья в Европу.

В заключительной части Бакунин рассматривает вопросе об Азии. Многие исследователи считают эту часть доказательством связи между Бакуниным и теорией желтой опасности. Но это неправильно, потому что для бакунинской проблематизации Азии характерно то, что вопрос об Азии неразделимо связан с вопросом об освобождении человечества. По словам Бакунина, «из-за проповеди

17 Ibid. –P.49–50.

18 Ibid. –P.60–63.

19 Ibid. –P.65.

20 Ibid. –P.66–67.

Мадзини о вере в святость, нам приходится обсудить Азию»[21], вопросы о Мадзини и об Азии связывает общая тема, которая заключается в пренебрежении человеком. Следовательно, Бакунин обратил внимание не только на Мадзини, но и на Азию.

Как известно, Бакунин в Боге и Государстве увидел отрицание человечности и свободы. В Азии это тем более очевидно. Например, Бакунин пишет: «Все религии, которые до сих пор постигают человеческий мир, произошли в Азии. […] Но то, что всегда отсутствует в Азии, из-за совершенного отсутствия которого возникает азиатская жестокость,— уважение к человеку. Там человеческая жизнь, достоинство, свобода действительно не существуют. Все безжалостно сокрушены богом, кастой, принципом авторитета, государством в крови и грязи. Там мы можем более ясно, чем в других районах видеть, что две губительные, исторические фикции — бог и государство, являются интеллектуальными и моральными источниками. То, что прежде всего надо сделать для эмансипации Азии — уничтожение поклонения любому авторитету у массы»[22].

Таким образом, Бакунин вместе с Европой определяет Азию как объект революционного дела. Главная идея брошюры «Политическая теология Дж. Мадзини и Интернационал» состоит в том, что борьба против «врагов» человечности является делом всего человечества.

Большинство исследователей упустило из виду основную идею бакунинской критики Мадзини, что не позволило им уловить идею освобождения человечества в дискурсе Бакунина об Азии. Очевидно, что Бакунин подчеркивает «опасность» огромной численности населения Азии (850 млн.)[23]. Но важно, что огромное население находится под деспотизмом[24]. «Опасность» Азии состоит не столько в численности, сколько в разрушительной силе людской массы.

Для бакунинского дискурса об Азии характерна критика европейского и американского империализма. Если европейцы или американцы стремятся господствовать в Азии, согласно логике Бакунина, они не только подчиняют себе азиатов, но и теряют свою свободу, так как они должны стать «варварами», чтобы править «варварскими» народами. Империализм сопровождается оправданием своих поступков во имя «цивилизации» или «освобождения от варварства». Но Бакунин

---

21 Ibid. –P.72.

22 Ibid. –P.72.

23 Ibid. –P.67–68.

24 Ibid. –P.69.

отвергает этот западный «обман». Итак, по его мнению, «азиатская угроза» — это «парадоксальный» вывод европейского империализма.

Таким образом, бакунинский дискурс об Азии не относится к ортодоксальной теории желтой опасности, которая склонялась к оправданию империализма. В начале доклада мы задали 3 вопроса. Отвечая на них, мы пришли к следующим выводам:

1) В критике Мадзини обсуждение вопроса об Азии является неизбежным. Бакунин критиковал Мадзини не только для того, чтобы подтвердить угрозу идеализма для свободы и человечности, но и для разоблачения обмана идеологии «цивилизации», которая осуществляется в виде империалистического наступления на неевропейский мир. В этом смысле для Бакунина заинтересованность в Азии естественна.

2) Главная идея бакунинской теории желтой опасности состоит в освобождении человечества. У него не было намерения пропагандировать «желтую угрозу». Он показал необходимость мировой революции, объектами которой являются не только Европа, но и неевропейский мир.

3) Вследствие того, что бакунинская теория желтой опасности включает явную критику империализма, она противостоит ортодоксальной теории желтой опасности, оправдывающей идеологию империализма.

Очевидно, что, согласно его логике, подъем азиатских народов способствует разрушению именно Российской империи. Следовательно, хотя он рассказывал европейцам об азиатской угрозе, это не что иное, как парадоксальная версия желтой опасности. В точном смысле слова, Бакунин относился к теоретикам мировой революции.

George Woodcock

Poem for Michael Bakunin[1]

The wayfaring tree walks heavy for the winter,
The multifaceted eyes of evenings
Lean down into their darkness
Like lights on sinking ships
And the whistling ghosts follow us in the streets.
The black and white of gravestones under the lash
of flowing branches hurling bobs of life
Seeds in the mind the morrows feared and far

[1] *G. Woodcock*. Collected Poems. – Solo Nis Press, Victoria B. C., 1983. – P. 136.

That soon will join their tips
Into a day more burning than the sun.
For that dry future, when these tiny flames
Grow into one to burn both fear and hope
And when life's day spills on a ruined land
The iron growth of stars where green guns grew,
Shall be more violent than our eyes can hold.
And in that instant, when time's two worlds meet
And day's destructive urge breaks down the dark
To set a furnace in a dying age,
Our little selfish loves and days shall wane
Beneath a glowing and perpetual noon.

Джордж Вудкок
Стихи, посвященные Михаилу Бакунину[2]

Деревья-странники уже бредут к зиме,
И вечеров фасетчатые очи
Склоняются в их тьму,
Как тонущих судов огни,
И призраки свистят на улицах нам вслед.
Но по надгробьям черно-белым хлещут
Взмахи, бросающие жизни семена,
Сея в умах те дни, далекие и робкие,
Которые соединятся скоро
В горящий день, горящий ярче солнца.
Поэтому, когда те слабые огни
Сольются, чтобы сжечь страх и надежду,
Когда на разоренную прольется землю
Мощь зеленью горящих звезд,
Это грядущее не выдержать глазам.
И вот, когда миры времен столкнутся,
И сила дня преодолеет тьму
И бросит в печь погибшую эпоху,
Сгорит и весь наш мелкий эгоизм
Под этим раскаленным вечным полднем.

[2] Перевод С. И. и И. С. Сидоровых.

1

2

3

4

5

6

7

1. *И. С. Сидоров и М. Цовма, члены Оргкомитета конференции*
2. *Михаил Гончарок (Израиль)*
3. *Николай Малинин, переводчик, участник Прямухинской вольной артели*
4. *Незабываемые моменты. На переднем плане Танака Хикару*
5. *«Международная секция» за работой…*
6. *Утэ Вайнманн, постоянный участник Чтений (Германия)*
7. *Ирина Федотова, журналист (Москва)*
8. *Жоао Габриэль и Анна Лара Шлиндвайн (Бразилия)*
9. *Джулио Спьяцци и Джеймс Гудвин*
10. *В музее Бакуниных*
11. *Активные дебаты. В ценре: Ж.-К. Анго (Франция)*
12. *Традиционный плов*
13. *Фото на память*
14. *Участники конференции перед отъездом в Москву*

8

9

10

11

12

13

14

Сведения об участниках

Анго Жан-Кристоф – доктор философии, Высшая нормальная школа. Лион. Франция. E-mail: jean-christophe.angaut@ens-lyon.fr.

Бакунина Татьяна Александровна – Брюссель. Бельгия.

Бородкин Алексей Владимирович – заведующий библиотекой им. Ф. М. Достоевского. Москва. E-mail: sadovalexis@rambler.ru.

Букетов Кирилл – Международный союз пищевиков (IUF). Женева. Швейцария. E-mail: kirill.buketov@iuf.org.

Бунчуга Франко – архитектор, преподаватель истории искусств, лицей Арнальдо, Брешиа. Италия. E-mail: f.buncuga@libero.it.

Вайнеман Утэ – журналистка, левая активистка. Москва.

Войцехович Вячеслав Эмерикович – доктор философских наук, профессор Тверского государственного университета. Тверь.
E-mail: p000327@tversu.ru.

Гончарок Моше – научный сотрудник Центрального архива истории сионизма (Central Zionist Archives), Иерусалим. Израиль.
E-mail: mishagraf@yandex.com.

Гудвин Джеймс – доктор философии, доцент Флоридского университета. США. E-mail: jegoodwi@ufl.edu.

Дамье Вадим Валерьевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Национального исследовательского университета Высшей Школы Экономики. Москва. E-mail: vaddam@mail.ru.

Денис – аспирант, историк. Москва.

Должиков Вячеслав Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории Алтайского государственного университета. Барнаул. E-mail: dolshikov@yandex.ru.

Задорожнюк Иван Евдокимович – доктор философских наук, доцент кафедры философии Современной гуманитарной академии, ответственный секретарь журнала «Социология образования». Москва. E-mail: zador46@yandex.ru.

Ильин Андрей – аспирант факультета истории Национального исследовательского университета Высшей Школы Экономики. Москва. E-mail: andrewa.ilyin@gmail.com.

Корнилов Сергей Гаврилович – Председатель Оргкомитета конференции «Прямухинские чтения». Москва. Тел.: (495) 918 – 4004, в Прямухине: (48257) 75 – 160. E-mail: bakunin-fund@mail.ru.

Корнилова Алла Михайловна – член Оргкомитета конференции «Прямухинские чтения», специалист по брендингу. Москва. E-mail: kornilova@designbrand.ru.

Кутузов Андрей – лингвист, кандидат филологических наук. Москва – Тюмень.

Ланевский Александр – историк, доктор (PhD in History), социальный активист, анархист. Краков. Польша. E-mail: alexandr.iwanowicz@gmail.com.

Левандовский Андрей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва.

Малинин Николай – кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического государственного университета. Москва. E-mail: moscowite@gmail.com.

Мангазеев Игорь Александрович – член Союза журналистов РФ. Тверь. E-mail: mangazeev2005@yandex.ru.

Пейч Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук. Москва.

Попова Марина – активистка социального и анархического движения. Москва.

Прусский Ян Львович – старший научный сотрудник Музея «Дом П. А. Кропоткина». Дмитров. E-mail: ypryanlich@mail.ru.

Рублёв Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета природопользования. Москва. E-mail: rublev773@gmail.com.

Рябов Пётр Владимирович – член Оргкомитета конференции «Прямухинские чтения», кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского педагогического государственного университета. Анархист. Москва.

Сафронов Олег Семенович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВУНЦ ВВС «ВВА им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина». Воронеж. E-mail: istoruss@inbox.ru.

Сидоров Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры юридических дисциплин Института экономики Иркутского государственного технического университета. Иркутск. E-mail: AndreyNikSidorov@gmail.com.

Сидоров Игорь Саввич – член Оргкомитета конференции «Прямухинские чтения», информатик. Москва. E-mail: sid39@mail.ru.

Сидоров Святослав Игоревич – член Оргкомитета конференции «Прямухинские чтения», программист. Москва. E-mail: sidsv@mail.ru.

Спьяцци Джулио – школа Piccola Scuola Kether, Верона. Италия. E-mail: giuliospiazzi@gmail.com.

Суворов Валерий Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса Тверского Государственного Университета. Тверь. E-mail: suvorov.valerij@yandex.ru.

Талеров Павел Иванович – кандидат исторических наук, доцент, директор Учебного центра Национального исследовательского университета Высшей Школы Экономики – Санкт-Петербург, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Санкт-Петербург. E-mail: web8@pochta.ru.

Танака Хикару – профессор, Университет Осака-Киойку, Япония. E-mail: joh.most@gmail.com.

Тупикин Владлен Александрович – журналист, историк, анархист. Москва. E-mail: obschtschina@gmail.com.

Федотова Ирина Михайловна – журналистка, художница. Москва.
E-mail: irafedotova@gmail.com.

Цовма Михаил Александрович – член Оргкомитета конференции «Прямухинские чтения», координатор Прямухинской вольной артели, анархист.
E-mail: m.tsovma@gmail.com.

Юлия – юрист, правозащитница. Москва.

Сведения об авторах, не присутствовавших на конференции

Артемов Вячеслав Михайлович – доктор философских наук, профессор Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва. E-mail: vyach_artemov@mail.ru.

Джокович Милорад – доктор наук, доцент социально-гуманитарных наук Университета Сингидунум в Белграде, журналист, публицист, главный и ответственный редактор газеты «Колубара». Сербия. E-mail: exitla@yahoo.com.

Катлер Роберт М. – доктор философии, старший научный сотрудник, Институт исследования Европы, России и Евразии, Карлтонский университет. Оттава, Канада.
E-mail: rmc@panix.com.

Мартынов Михаил Юрьевич – кандидат философских наук, докторант кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета.
E-mail: golossa@gmail.com.

Талалай Михаил Григорьевич – кандидат исторических наук, представитель в Италии Института всеобщей истории Российской Академии Наук. Неаполь.
E-mail: talalaym@mail.ru.

Ударцев Сергей Федорович – доктор юридических наук, профессор, директор НИИ правовой политики и конституционного законодательства при КазГЮУ, главный редактор журнала «Право и государство» (Астана). Астана. Казахстан.
E-mail: sudartsev@mail.ru.

Федоров Андрей Юрьевич – независимый публицист и исследователь. Москва.
E-mail: fedorovan36@gmail.com.

Экхардт Вольфганг – историк анархизма, редактор немецкого собрания сочинений Бакунина (Karen Kramer Verlag), Берлин, Германия. E-mail: wolfeck@gmx.net.

Ямамото Кэнсо – доктор политологии, ассистент-секретарь Центра изучения Северо-Восточной Азии, Университет префектуры Симанэ. Япония.
E-mail: kenso.yamamoto@gmail.com.

Содержание

От редакции 3

Стенограмма заседания 12 июля 5

Бакунина Т. А.
Кем для меня является Михаил Бакунин? 10

Рябов П. В.
Михаил Александрович Бакунин и философия XX века 14

Спьяцци Дж.
Михаил Бакунин и бунтарское образование 36

Бунчуга Ф.
Бакунин и искусство 44

Войцехович В. Э., Чендов Б.
О философском учении М. А. Бакунина 52

Танака Х.
Японские анархисты и Бакунин:
интерпретации и исторический контекст 61

Гудвин Дж.
«Беседы с Бакуниным»: вклад Григория Максимова
в бакуниноведение 69

Ланевский А.
Михаил Александрович Бакунин в памяти и сознании
современных польских анархистов: попытка анализа 81

Левандовский А. А.
Первая книга о великом анархисте
(А. А. Корнилов. «Семейство Бакуниных) 99

Стенограмма заседания 13 июля 110

Дамье В. В.
Бакунин: от демократии к анархии 115

Рублев Д. И.
«Привилегированное науко-политическое сословие»:
М. А. Бакунин о роли интеллигенции
в социально-политическом развитии общества 133

Корнилов С. Г.
Мифы о Бакунине 151

Задорожнюк И. Е.
200-летний юбилей трех последовательных борцов с самодержавием: Лермонтов, Шевченко, Бакунин. 162

Должиков В. А.
«Примирительная» тенденция в политической деятельности М. А. Бакунина 1830–1860-х гг.. 172

Анго Ж.-К.
Бакунин о революционной роли деклассированных 183

Талеров П. И.
И. С. Книжник-Ветров — сподвижник П. А. Кропоткина, исследователь М. А. Бакунина 200

Сафронов О. С.
Вопросы истории первобытного общества в трактовке М. А. Бакунина 212

Приложения 234

Артемов В. М.
Нравственное измерение философии свободы М. А. Бакунина и современность. 234

Гончарок М.
Рудольф Роккер и публикации о М. А. Бакунине в журнале «Жерминаль» (Лондон). 240

Джокович М.
Актуальность мысли Бакунина об укреплении государства и о Новом мировом порядке 249

Ильин А. А
Органическая метафора и позитивная свобода у Бакунина 260

Катлер Р.
Неизвестная встреча М. А. Бакунина с графом М. Н. Муравьевым-Виленским. 274

Мартынов М. Ю.
«Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть». Тексты М. А. Бакунина как источник прецедентности в русском анархизме 280

Сидоров А. Н.
Французский анархист Гастон Леваль и дискуссия
об отношении Бакунина к науке 289

Суворов В. П.
М. А. Бакунин и Тверской край во второй половине XIX века . . . 296

Талалай М.
«Черт у Понтелунго»: итальянский
художественный роман о Михаиле Бакунине 304

Талеров П. И.
Екатерина Бартенева о Михаиле Бакунине.
Предисловие к публикации 307

Бартенева Е. Г.
Un homme charmant. О М. А. Бакунине 311

Ударцев С. Ф.
Об эволюции осмысления свободы,
самореализации и исторического потенциала личности
в теории анархизма: М. А. Бакунин и А. А. Боровой 324

Фёдоров А. Ю.
М. А. Бакунин и становление анархизма в Испании 359

Экхардт В.
Россия, Бакунин и Маркс. Некоторые спорные вопросы
в Первом Интернационале 382

Ямамото К.
М. А. Бакунин как «парадоксальный» теоретик желтой опасности . . .402

Woodcock G.
Poem for Michael Bakunin 410

Сведения об участниках 414

ПРЯМУХИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
2014 года
Человек из трех столетий
с. Прямухино, 12–13 июля 2014 г.

Формат 60x84/16. Усл. печ.л. 26,25. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Подписано в печать 02.03.2015 г. Тираж 200 экз. Зак. № №15338-02.
Типография «Футурис»: 109052, Москва, ул. Нижегородская, 50.
Тел.: +7 495 505-53-56